АЛЕКСЕЙ КУЛАКОВСКИЙ

Николай Коняев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей ®

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1541

(1341)

Николай Коняев

АЛЕКСЕЙ КУЛАКОВСКИЙ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2011

УДК 812.512.157.0(092)
ББК 83.3(2Рос=Як)6-8
К 64

Научный редактор издания
Анатолий Игнатьевич Чомчоев

Автор выражает искреннюю благодарность Михаилу Ефимовичу Николаеву, Константину Константиновичу Ильковскому, Людмиле Реасовне Кулаковской, Атосу Реасовичу Кулаковскому, Раисе Реасовне Кулаковской и Виктору Петровичу Ноговицину за помощь в создании этой книги.

В настоящем издании использованы фотографии из книги В. Ф. Степанова «Путь Ексекюляха» (Якутск: Октаэдр, 2002), Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера имени Е. Ярославского Министерства культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия), личного архива Л. Р. Кулаковской.

© Коняев Н. М., 2011
© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2011

ISBN 978-5-235-03465-5

— Послушайте, — говорил я, — но он великий поэт. И не только для якутов, вообще. Вы посмотрите на даты написания его поэм: 1907, 1909, 1912-й... уже в те годы разработать такой интонационный стих с таким богатством аллитераций, с такой гибкостью, яркостью, живописью...

— Да, но...

— Скажите, почему вы, якуты, его до сих пор скрывали от белого света? Почему нет его книг? Почему никто не знает его имени?

— Да, но...

Владимир Солоухин.
Продолжение времени

«БЫТЬ ТАМ, ГДЕ ТЯГОТИТ БОЛЕЕ...»
Поэт, мыслитель, пророк народа саха

Пытаюсь представить себе, сколько людей порадуются, узнав о выходе этой долгожданной книги в свет. Сколько будет читателей, которые, взволнованно взяв книгу в руки и внимательно изучив ее, поспешат поделиться с друзьями своими переживаниями, размышлениями и открытиями, а потом предложат всем эту новинку с рекомендациями для обязательного прочтения.

Для кого-то этот прекрасно изданный, глубокосодержательный том из любимой многими книжной серии «Жизнь замечательных людей» станет настольной книгой, а жизненный подвиг, неповторимая личность ее героя — поэта, мыслителя, пророка якута-саха Алексея Елисеевича Кулаковского — явится путеводной звездой, образцом для подражания, верным помощником в поиске смысла жизни.

Убежден в том, что эта книга обречена на успех. В этом великая заслуга известного российского писателя Н. М. Коняева, художественно освоившего весьма сложный исторический материал, положенный в основу жизнеописания выдающейся, многогранной личности «природного якута», как называл себя главный герой повествования А. Е. Кулаковский.

Из книги читатели узнают подробности жизненного пути основоположника национальной якутской культуры от рождения в сельской глубинке вплоть до его внезапной кончины во время командировки, проездом через Москву. Алексей Елисеевич умер вдалеке от родных мест и упокоился на Даниловском кладбище в столице России...

В центре книги — яркий, сильный человек, воплотивший в себе не только наиболее типические черты внешности, харак-

тера, поведения, традиционной культуры якута, но сам великий дух народа саха. Алексей Елисеевич Кулаковский смотрел на мир честными и мудрыми глазами своего народа, сквозь призму его национальных ценностей и исторических интересов. Свою судьбу он неразрывно связал с судьбой народа.

« Я должен быть там, где тяготит более...» — писал он в объяснительной записке по поводу постоянных разъездов по отдаленным и бедствующим уголкам родного края. И потому так велика неиссякаемая ответная любовь к нему родного народа и народов-братьев. Клеветники и завистники, преследовавшие А. Е. Кулаковского даже после его кончины, так и не поняли главного — что преследовали и клеветали тем самым на собственный народ, на его самобытный поэтический и пророческий дар, на мудрость,чистоту и силу духа народного, на испытанные в веках национальные культурные традиции.

Мне выпала великая честь, находясь на посту президента Республики Саха (Якутия), по возможности сделать все, чтобы вернуть народу честное имя ее великого сына — поэта, мыслителя и пророка Алексея Елисеевича Кулаковского. Теперь я уверен, что — навсегда.

Среди наград, которыми я был удостоен в своей долгой жизни, особую ценность для меня представляет Государственная премия имени А. Е. Кулаковского.

С радостью в сердце приветствую выход в свет этой замечательной книги и надеюсь,что у нее будет счастливая читательская судьба.

М. Е. Николаев,
первый президент
Республики Саха (Якутия)

ПАМЯТЬ ДОЛЖНА БЫТЬ ДЕЯТЕЛЬНОЙ

Это первая книга в славной серии «Жизнь замечательных людей», посвященная одному из самых выдающихся сыновей народа саха — Алексею Елисеевичу Кулаковскому.

Кулаковский — фигура эпическая.

Вспоминаю 70-е годы прошлого века... В моей родной Депутатской средней школе Усть-Янского района создавался краеведческий музей. Мы, члены туристического клуба «Горизонт», принимали в его создании самое активное участие. Одна из экспозиций называлась «Сеятели доброго, вечного...». Здесь были представлены материалы о жизни и творчестве А. Е. Кулаковского — зачинателя и классика якутской литературы, фольклориста и краеведа.

Мы читали стихи, поэмы нашего поэта в прекрасных переводах его замечательного русского поэта и писателя Владимира Алексеевича Солоухина. Мне запомнились стихи Ексекюляха, полные народного юмора, они удивили простотой и мудростью. До сих пор с грустной улыбкой вспоминаю «Песню старухи, которой исполнилось сто лет», стихотворение «Деревенская женщина». А поэма «Спор между умом и сердцем» заряжает энергией, желанием жить и творить:

Искать и метаться,
Пылко мечтать,
Падать, скитаться,
Снова вставать.
Птицей лететь,
Калекой брести,
Врагов нажить,

Друзей обрести —
Вот для чего
Стоит родиться!
А жизнь коротка — надобно торопиться.

И Кулаковский торопился. Жизненный путь его был короток. Но как много этот удивительный человек успел сделать!

Во многом он был первым. Создал первое произведение якутской письменной литературы «Заклинание Байаная», вместе с ученым-лингвистом С. А. Новгородовым составил якутский алфавит, стал первым якутом — исследователем родного фольклора и языка, историком и этнографом, первым переводчиком Лермонтова и Пушкина.

Именно труды А. Е. Кулаковского «Якутские пословицы и поговорки», «Материалы для изучения верований якутов», «Статьи и материалы по якутскому языку» были использованы ученым-этнографом Э. К. Пекарским при составлении трехтомного «Словаря якутского языка». Пекарский писал о талантливом и неутомимом первопроходце в национальной культуре Кулаковском: «Я радуюсь непомерно, что среди якутской интеллигенции находятся люди, которые занялись всесторонним изучением своего народа». В свою очередь, Кулаковский считал словарь Пекарского краеугольным камнем для создания письменной литературы и автора его называл «отцом якутской литературы». По праву этих двух исследователей и просветителей можно сравнить с великим Владимиром Далем.

Мы, конечно, их помним. Но наша память должна быть деятельной.

Мне и возглавляемому мною много лет коллективу якутских энергетиков, моей семье, особенно брату Дмитрию Ильковскому — депутату округа Петровский города Санкт-Петербурга, посчастливилось принимать непосредственное участие в воссоздании уникального трехтомного издания «Словаря якутского языка», приуроченного к 150-летию замечательного ученого Пекарского. К этому юбилею был также восстановлен памятник на его могиле в Санкт-Петербурге. Также были выполнены работы по благоустройству места захоронения другого выдающегося сына якутского народа, ученого-лингвиста С. А. Новгородова на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга.

Нынешний 2011 год, открывающий второе десятилетие XXI века, объявлен в нашей республике Годом духовности. Я и мои коллеги, народные депутаты Республики Саха (Якутия) Ольга Николаевна Федорова, Алексей Иннокентьевич Шеметов, Юрий Михайлович Николаев, а также Сергей Дмитрие-

вич Гуров, Геннадий Викторович Литвинцев, Геннадий Викторович Ульрих, Михаил Игоревич Мордвов наша большая семья Ильковских в трех поколениях, решили внести свой вклад в издание первой подробной биографии Кулаковского. Радостно видеть, что серия «Жизнь замечательных людей» пополнилась книгой Н. М. Коняева о якутском Просветителе и Человеке — Алексее Елисеевиче Кулаковском.

Якутяне гордятся своим великим сыном.

К. К. Ильковский,
народный депутат
Республики Саха (Якутия)

ПРОЛОГ

Называется нижний мир неизвестная даль... Нижний мир имеет свои особые солнце и луну, которые оба щербаты и дают плохой свет, подобный по цвету недоваренной мутной ухе (карасиной).

А. Е. Кулаковский

На этой развилке Российской империи одна дорога шла на Охотск и дальше в похожую на детскую сказку Русскую Америку, а другая заворачивала на Колыму с ее золотыми приисками, что станут десятилетия спустя концлагерями, от одних только названий которых стыла кровь в жилах и у бывалых людей.

Оймякон начал хиреть, когда, спрямляя пути российской истории, продали Аляску, и весь край превратился в едва ли не самый глухой угол империи...

И уже ни колымское золото, ни пушнина, которую многими десятками тысяч шкурок свозили сюда из Таскана и Сеймчана, Кысыл-Былыктаха и Ньара, Берелеха и Оротука, Тебюляха и Момы, не способны были расшевелить его...

Здесь, в Оймяконе, остался тогда только полюс холода, где разница между зимними и летними температурами не вмещается и в стоградусную шкалу...

Еще осталась здесь память об Алексее Елисеевиче Кулаковском, который, хотя и родился далеко отсюда, но называл этот край — с холодной синью рек, с холодными синими горами вдали, с холодным синим небом над ними — своей второй родиной.

Недалеко от Оймякона, в окрестностях Томтора, есть гора Эбэ, которую иногда называют горой Ексекюляха.

Рассказывают, что на эту гору забирался Алексей Елисеевич, когда приезжал сюда. Часами он сидел здесь, положив на колени тетрадку, и, глядя на юрты Томтора, на немыслимую даль, открывающуюся с вершины горы, что-то писал.

Иногда он читал свои записи вслух.

Косцы, что работали внизу на покосах, рассказывали, будто слышали во время косьбы пение Ексекюляха.

Этого не могло быть, многие версты разделяли Кулаковского и косцов, но Кулаковский не удивлялся; когда слышал рассказы, он знал, что человеческое слово тоже имеет свое иччи. И, сказанное, оно превращается в вещую птицу и летит по назначению, чтобы пересказать первоначальное слово... Превратившись в молодого жеребца, слово врывается в верхний мир, чтобы распространить по всем небесам сказанное человеком, ну а в нижний мир спускается в образе ярого пóроза...

Так было всегда.

Так было и в страшные 1920-е годы, когда от Амги до Аяна загорелась тайга и Гражданская война, запоздав на целые годы, докатилась и до берегов Охотского моря...

Последний раз Кулаковский, сопровождаемый лишь проводником И. А. Степановым, приезжал в Оймякон в 1925 году в качестве полномочного представителя ЯЦИК по переговорам о мирной самоликвидации повстанческих отрядов, находящихся в Оймяконском районе.

Благодаря авторитету и безграничной смелости Алексею Елисеевичу удалось уговорить повстанцев прекратить бессмысленное сопротивление и сложить оружие. Вернувшись в Якутск, А. Е. Кулаковский сделал доклад на президиуме ЯЦИК и представил список повстанцев, сложивших оружие. Все они постановлением президиума ЯЦИК от 28 сентября 1925 года были амнистированы...

А через год, летом 1926 года, косцы в Оймяконе снова услышали голос Ексекюляха...

Думали, что он приехал, но оказалось — это привезли газету, где было напечатано, что 6 июня 1926 года умер якутский поэт Кулаковский и его похоронили 10 июня 1926 года на Даниловском кладбище Москвы...

Человеческое слово имеет свое ***иччи***...

И, произнесенное, оно превращается в вещую птицу и летит, чтобы распространить по всем небесам сказанное человеком, и возвращается назад, пока не придет срок рассеяться над холодной синью рек, средь холодных синих гор, под холодным синим небом...

И еще не кончились 1920-е годы, когда приехали в Оймякон чекисты и расстреляли всех амнистированных по списку Кулаковского повстанцев, а тела их сожгли в сарае.

А вскоре было предано запрету и имя самого Алексея Елисеевича Кулаковского.

Часть первая

ЕКСЕКЮЛЯХ — СЫН ОРЛА

А. Е. Кулаковский обладал бесценным философским даром. Он не ставил перед собой цели создать законченную философскую систему, он, подобно мифологическому орлу Эрили, мог «взметнуться ввысь, в великую неба ширь... вечных небес достичь» и с предельных высот Млечного Пути «мир оглядеть, Вселенную всю и весь круг земной, взлелеявший род людской»...

М. Е. Николаев,
первый президент Республики
Саха (Якутия)

Глава первая

ПОД ЧЕЛЮСТЯМИ ОЛОНХОСУТА

...В тот день,
Когда я должен был открыть
Благословенно — светлую
Дверь милостивой
И ждущей меня
Старшей сестры Айыысыт —
Меня сотворили, говорят,
Для того,
Чтобы петь протяжно
На красочно-звонком миру.

А. Е. Кулаковский.
Певец[1]

Из сумерек древних преданий, из призрачного тумана времени, что клубится в истоках рождения новых этносов, начинается родословие Кулаковских[2].

Еще не было на земле якутов, когда их предок Омогой Баай услышал приглашение духа-хозяина долины Туймаада и отправился в дальний путь.

По богатым травостоем руслам рек, впадающих в Вилюй, а с устья Вилюя в долину реки Лены, где ныне стоит Якутск, перекочевала со скотом и работниками семья Омогоя.

Были тогда у Омогоя Баая сын и две дочери, одна из которых вышла замуж за Эллэя Боотура, работавшего на Омогоя.

Эллэй Боотур могучей рукой распахнул двери в новое время, и когда он при проведении впервые устроенного ысыаха[3] призвал божеств, Омогой Баай умер, уступая место новой истории.

От Эллэя Боотура и его жены, дочери Омогоя Баая, произошли многие якутские роды, включая и род Кулаковских...

1

Считается, что к роду Кулаковских принадлежал и шаман Кэрэкэн, отличавшийся необыкновенной пророческой силой[4].

Жил этот шаман в XVII веке, когда на берега Лены пришли

---

[1] Перевод С. А. Поделкова.

[2] Родословная Кулаковских подробно исследована в статье Г. В. Попова (Чолбон. 1990. № 7. С. 101—104).

[3] Ысыах — национальный праздник якутов — встреча лета, якутский Новый год. Проводится в конце июня ежегодно.

[4] *Ойунский П. А.* Из царства колониального рабства в царство свободы. НА РС(Я). Ф. 1081. Оп. 6. Д. 52. Л. 1—50.

русские землепроходцы, принесшие сюда помимо земледелия и других хозяйственных навыков еще и православие... «Самое ценное, — как скажет потом А. Е. Кулаковский, — что получила Якутия от России»...

Только малая часть жизни шаманов совершается в видимом обыкновенному человеку пространстве...

Весной, когда растает последний снег, появляются на почерневшей земле ийеэ кыыла (мать-звери)[1]. Это души шаманов, воплощенные в них, рыщут повсюду и вступают в драки друг с другом.

Как утверждают исследователи, если ссорятся малые шаманы, то животные их дерутся между собой целых три года, если средние, то четыре или пять, если самые главные — девять лет.

Впрочем, видят этих мать-зверей только колдуны, обыкновенные же люди их не замечают.

Сражаясь с врагами, якутские шаманы могут превращаться в ураганы или смерчи, которые всё крушат на своем пути, но чаще шаманы превращаются в птиц...

Предание рассказывает, как один шаман превратился в ястреба, чтобы посмотреть, как живет другой шаман, силой которого пугали его. Добравшись до маленькой старой юрты, где жил конкурент, шаман-ястреб опустился посреди двора на коновязь.

Сидя тут, он увидел, как вышел из юрты старик с белыми волосами, в опорках на босу ногу и, справив малую нужду, не взглянув даже на ястреба, сидящего на коновязи, скрылся в юрте.

Но не успела захлопнуться за ним дверь, как шаман-ястреб услышал громкий свист и клекот — сверху падала на него страшная птица с распластанными на полнеба крыльями.

Любопытного шамана спасло то, что он заметил небольшой просвет в оперении правого крыла птицы и пролетел сквозь крыло, так что гигантская хищница, не сумев затормозить падение, разбила вдребезги коновязь и вырыла во дворе ров длиной в десять саженей.

Страшный крик раздался тогда из юрты старого шамана...

Вацлав Леопольдович Серошевский, замечательный знаток Якутии, подтверждает, что ийеэ кыыла сильных и смелых шаманов пролетают с шумом и ревом, слабых — тихонько и крадучись... Иногда сходятся на бой ийеэ кыыла первоклассных силачей-шаманов и, сцепившись, лежат в протяжении не-

[1] Ийеэ кыыла (*як.*) — дух шамана в образе зверя.

скольких месяцев, даже лет, не в состоянии одолеть друг друга; тогда сами шаманы — собственники этих ийеэ кыыла — сильно болеют, пока один из них не умрет и не освободит другого.

Если шаманы равны между собой, то по истечении срока они мирятся, если же один одолеет другого, то последний умирает вместе со своим животным.

Шаман Кэрэкэн, принадлежавший к роду Кулаковских, был сподвижником легендарного Тыгына, и якутский автор Н. Е. Мординов подробно описал его в романе «Весенняя пора».

В подробностях изображена в романе и дьяволова собака, которая пожирала детей Веселовых.

Был тогда позван Кэрэкэн, и он долго камлал, пока не связал пасть дьяволовой собаки. Снова начал процветать и множиться род Веселовых.

А потом Кэрэкэн состарился и смертельно заболел.

Он приказал похоронить его на берегу реки под сосной, чьи ветви срослись ведьминными метлами, и завещал Веселовым бояться дьяволовой собаки, а если она снова окажется свободной, воскресить его.

Для этого бездетная женщина из дома Веселовых должна была прийти на его могилу и, расстелив под деревом пестрое покрывало из шкуры жеребенка, позвать защитника, подняв кубок с молочным питьем. Тогда душа шамана Кэрэкэна должна была пестрым пауком упасть в чашу и вернуться в мир.

Весной, когда начался ледоход, Кэрэкэн в последний раз взял бубен и начал прыгать с льдины на льдину, пока не скрылся в воде...[1]

---

[1] В рассказе самого А. Е. Кулаковского «Шаман Кэрэкэн» завещание шамана изложено несколько иначе.

«Однажды сыновья Кэрэкэна ставили на реке Амге иезу Престарелый Кэрэкэн, оборотившись вороном, сидел на коле иезы и вещал сыновьям человечьим языком следующее: "Прощайте, дети мои! Живите счастливо и будьте родоначальниками многих-многих людей! Мне пора на тот свет Сейчас я утону. Ищите мой труп не вниз по реке, а вверх. Предайте меня земле, как подобает. На том месте, где я буду погребен, вырастет дерево с ведьминым помелом (орук). В будущие времена, если какая-нибудь молодуха, не имеющая детей и желающая иметь таковых, постелит под этим деревом полосатую постель (обычная постель древних, сшитая из белых полос конской шкуры и черных полос коровьей шкуры), то я спущусь на постель в образе белого червячка; если молодуха съест червячка, то я рожусь опять!.."». Сказав это, старик нырнул и более не показывался на поверхности воды. Сыновья нашли его труп в 30 верстах вверх по течению. Погребли его тут же на горе Талги (Талгы). На его могиле действительно выросла лиственница с ведьминым помелом, но никто из женщин не решается иметь сыном такого страшного, как Кэрэкэн, шамана.

Вот тогда-то к Сидорке Веселову стала ласциться уродливая собака со связанными ногами и пастью, тот пожалел ее и освободил. Собака вильнула хвостом и умчалась в чащу.

И снова начал вымирать род Веселовых.

Долго призывал Кэрэкэн потомство воскресить его, и проходившие мимо дерева на могиле Кэрэкэна люди слышали удары бубна.

Но не нашлось в роду Веселовых подходящей бездетной женщины.

А потом ночью удар молнии сжег старую сосну, и душа шамана поднялась на небеса, освободив место другим шаманам...

Считается, что самые сильные и могущественные шаманы те, которые имеют своим звериным воплощением громадного быка-пороза, жеребца, орла, лося, черного медведя.

Зато ворон, как и волк, плохой ийеэ кыыла.

Ворон ненасытен, ему всё мало, сколько бы ни добывал для него шаман-человек, он клюет сердце шамана и рвет когтями его тело.

Ничего не известно о том, могли ли ийеэ кыыла якутских шаманов приобретать облик партийных секретарей и сотрудников НКВД, но читаешь отчеты о преследовании Алексея Елисеевича Кулаковского после его смерти — «В 1934 году на Первом Всесоюзном съезде писателей СССР крупнейший писатель Якутии Н. Е. Мординов разоблачил Кулаковского как буржуазного националиста, призывавшего к смертельной борьбе с русскими, возлагавшего надежду на японский империализм» — и кажется, что уродливая дьяволова собака, пасть которой развязал простоватый Сидорка Веселов, забежала в коридоры НКВД, и там теперь и шло основное сражение...

«В 1923 году на Аянском совещании у белогвардейского генерала Пепеляева было образовано Правительство Якутской области, которое должно было приступить к своей деятельности после захвата Пепеляевым города Якутска. В числе других, в состав этого правительства был включен Кулаковский, который в то время находился в Оймяконском районе»...

«Первым против якутской письменности выступил в 1921 году популярный якутский поэт и этнограф Кулаковский, напечатавший в № 1 журнала "Красный Север" статью, в которой дал критику недостатков новгородовской транскрипции

и предложил новый проект якутского алфавита, основанного на русском алфавите...

Выступление Кулаковского, представлявшего в своей литературной и общественно-политической деятельности якутское тойонатство, не встретило сочувствия трудового улусного населения, на 98% неграмотного на русском языке и потому не имевшего основания предпочитать русский алфавит, которым владела преимущественно кулацкая верхушка якутского населения».

«Товарищ Бордонский охарактеризовал Кулаковского как врага народа, буржуазного националиста с ориентацией на внешнюю империалистическую реакцию»...

Впрочем, тут мы забежали вперед...

Еще целые поколения отделяют шамана Кэрэкэна от преследований его великого правнука, начавшихся вскоре после его кончины...

2

Сама фамилия Кулаковских появляется в начале XVIII века. Ее принял прадед писателя, Петр Кулаковский, неоднократно избиравшийся князем II Жохсогонского наслега[1].

Петр Кулаковский был племянником великого шамана Омуочча Моттогуйаана и сыном богатыря Кулун сонноох Куладьыака.

Был этот Кулун сонноох Куладьыак настоящим богатырем и одевался, как поется в песне, в шубу, сшитую из шкур девяти жеребят. Помимо огромного роста и силы он отличался и необыкновенной дерзостью. Легенда утверждает, что однажды, во время ысыаха, организованного Кутуйах баем, Кулун сонноох Куладьыак прискакал на иноходце и, ни слова не говоря, стремительно подошел к Кутуйах баю, влепил ему пощечину и пошел назад к лошади. Люди Кутуйах бая хотели его задержать, но хозяин остановил их, говоря, что это Куладьыак и тягаться с ним чревато серьезными последствиями.

---

[1] Наслег — сельское общество, в котором числится один или несколько якутских родов. Каждая якутская волость (улус) разделена на наслеги, управляемые выборными старостами. Роды управляются старшинами. В каждом наслеге имеются еще наслежные писарь, десятник, капрал или сборщик податей и рассыльный (скороход). На наслежных собраниях или сходках все взрослые жители наслега имеют голос.

Сыном Кулун сонноох Куладьыака, ставшего в православии Кулаковским, и был прадед Алексея Елисеевича, князь II Жохсогонского наслега Петр Кулаковский.

А вот внук Кулун сонноох Куладьыака, Василий Петрович Кулаковский, родившийся в 1784 году, несмотря на богатство и знатность, был человеком скромным и тихим. В 1827 году он (уже во второй раз) женился на двадцатилетней Анне Сивцевой, которая отличалась необыкновенно твердым и решительным характером.

В 1846 году, после смерти мужа, Анна Николаевна (ей было тогда уже 39 лет) верхом на лошади проскакала за сутки 270 километров и успела передать в Якутске челобитную областному начальству, чтобы спасти наслег от несправедливого передела земли. И более полувека, став неофициальной старостой своего наслега, вела Анна Николаевна хозяйственные дела твердо, мудро и уверенно...

«При жизни матушка Анна даже птице не разрешала летать над наслегом, — говорили тогда, — ни один кумалан[1] не был обездолен, ни одна семья без присмотра и мудрой опеки не оставалась».

Столь же мудро и самоотверженно воспитывала Анна Николаевна и своих детей.

Старший сын ее Иван Васильевич Кулаковский, родившийся в 1832 году и прозванный за вспыльчивость «Кипятком», прослыл в молодости заядлым картежником.

— Сынок, что поделаешь! — вздохнула Анна Николаевна, когда он в третий раз проигрался в карты. — Отдаю последнее, что у меня есть.

После этого Иван Васильевич не только к картам, но и к водке не подходил — так было стыдно. Иван Васильевич впоследствии и воспитал своего внучатого племянника, единственного оставшегося в живых сына Кулаковского — Реаса.

Анна Николаевна Сивцева-Кулаковская занимает особое место в истории семьи Кулаковских еще и потому, что это ведь во многом благодаря ее энергии, уму, таланту и такту вышедшие из древних преданий, легенд и песен Кулаковские укореняются в реальной жизни, где феодальные отношения уже заменяются отношениями нового времени.

В семье Сивцевых все были грамотными, и Анна Николаевна понимала, что, не получив образования, ее дети и внуки не смогут достойно устроиться в жизни.

Как считает Людмила Реасовна Кулаковская, понимая необходимость овладения грамотой, Анна Николаевна жени-

---

[1] Кумалан (*як.*) — нищий.

ла своего второго сына Елисея на Анастасии Собакиной — внучке и дочери известных в Ботурусском улусе[1] своей грамотностью Алексея Дмитриевича и Николая Алексеевича Собакиных.

3

Поначалу семейная жизнь Елисея Кулаковского с женой была вполне счастливой и безоблачной.

Наверное, Анастасия Кулаковская была похожа на героиню «Песни столетней старухи» на вершине ее жизни — в счастливом замужестве...

Тогда
Сделалась я степенной и важной,
С подобранным животом, но высокой грудью.
Тогда
Сделались у меня круглыми щеки.
Тогда
Сделались у меня широкими бедра.
Тогда
Поставила я коновязь около нашего дома,
И была коновязь вся медью украшена.
Тогда
Весело горел огонь у нас в очаге.
Тогда
Стал наш дом полной чашей,
Тогда
Сделалась я хозяйкой стад,
Мычащих и рогатых.
Тогда
Сделалась я хозяйкой табунов,
Скачущих и гривастых...

В семье царили любовь и мир, и такое тепло и уют сумела принести в юрту мужа молодая жена, что радовались сердца у людей, видевших это благополучие:

Пешие у нас ночевали,
Ели и пили,
Конные нас не объезжали
И подолгу гостили.
Были мы как прорубь,
Что в глубоком озере прорубают,
Сколько ни черпай,
А вода в проруби не убывает[2].

---

[1] Улус (*як.*) — район.

[2] Перевод В. А. Солоухина.

Жизнь действительно была счастливой, росли дети — в 1864 году появилась дочь Матрена[1], а через год сын Иван[2], однако древний мир Якутии не сразу отпустил семью Кулаковских в новое время...

Однажды в юрте Кулаковских появился незваный гость — нечистоплотный и неприятный старик.

Анастасия не знала, что это был знаменитый эвенский шаман из Усть-Маи[3], и хотя и приветила гостя, но, видимо, не сумела скрыть брезгливости, и гость вскоре покинул юрту Кулаковских...

Но с того дня, как рассказывала впоследствии сама Анастасия Николаевна сыну Алексею, Елисей Васильевич не смог исполнять супружеские обязанности.

Через девять лет Елисей Васильевич и Анастасия Николаевна позвали своего родственника шамана Албакыына покамлать и помочь им зачать дитё.

Албакыын пришел, наполнив жилище Кулаковских музыкой бубна, вначале тихой и смутной, как шум приближающейся бури. Постепенно нарастала и крепла она, наполняя юрту резким карканьем поднятых бурей ворон и жалобным криком чаек. Удары по бубну становились всё чаще и сильнее, сливаясь в непрерывный, всё возрастающий гул, и уже не птичьи крики наполняли юрту, а вздохи допотопных чудовищ...

Три дня и три ночи не смолкала в юрте Кулаковских нечеловеческая, рвущаяся, кажется, из самой преисподней музыка, три дня и три ночи камлал Албакыын.

— Девять лет назад к вам приезжал великий эвенский шаман из Усть-Маи, — объяснил он. — Он не встретил у вас должного уважения и уехал сильно раздосадованный. Поэтому он и завязал детородный орган Елисея. Но я начинаю его развязывать. Через три года у вас родится сын. Перед зачатием тебе, Анастасия, приснится сон, будто Елисей дает тебе половину золотой монеты... Проглоти эту половинку и зачнешь...

Так и случилось.

Когда Елисей Васильевич первый раз предложил во сне Анастасии Николаевне половину золотого и она проглотила

---

[1] *Матрена Елисеевна Кулаковская-Охотина* (1864—1900) — в 1883 году вышла замуж за сына старосты III Жохсогонского наслега Прокопия Васильевича Охотина, который несколько раз избирался старостой III Жохсогонского наслега, выборным головой Ботурусского и Таттинского улусов.

[2] *Иван Елисеевич Кулаковский* (1865—1921) — известный певец-сказитель. Получив домашнее образование, он работал наслежным писарем, несколько сроков избирался старостой IV Жохсогонского наслега, был первым головой Таттинского улуса. Погиб во время Гражданской войны. В 1995 году вышел сборник его произведений.

[3] Селение на левом берегу реки Алдана, у впадения реки Маи.

ее, был зачат сын Алексей. Он родился 4 (16) марта 1877 года, спустя 12 лет после старшего брата Ивана.

А через год Елисей предложил во сне Анастасии вторую половину золотой монеты, и родился самый младший сын Кулаковских — Иродион.

4

Официальная версия утверждает, что рождение Алексея Елисеевича Кулаковского произошло 4 (16) марта 1877 года в местности Учай IV Жохсогонского наслега Ботурусского[1] улуса, где находится родовое кладбище Кулаковских.

Этой версии противоречит семейное предание, согласно которому Анастасия Николаевна уезжала рожать Алексея к своим родителям — Николаю Алексеевичу и Ирине Дмитриевне Собакиным в местность Харамаайы Тыарасинского наслега.

Причину поездки семейное предание объясняет тревогами за благополучные роды Анастасии Николаевны. Хотя Алексей был третьим ее ребенком, но слишком долгим оказался перерыв в родах, и поэтому мать предпочла рожать недалеко от фельдшерского пункта.

Мотивировка вроде бы обоснованная, но явно сдвинутая по времени.

Фельдшерский пункт находился тогда в 40 километрах от местности Харамаайы, а кроме того, не будем забывать, что дело происходило в якутской глубинке начала последней четверти XIX века, когда европейская медицина только начинала входить в быт якутов, и поэтому, скорее всего, родители будущего поэта рассчитывали не столько на медицинскую, сколько на церковную защиту ребенка, зачатого столь волшебным способом — Николаевская церковь находилась всего в 15 километрах от юрты-балагана Собакиных...

Надо сказать, что хотя крещение якутов началось еще в конце XVIII века, но подлинная христианизация края связана с именем святителя Иннокентия (Вениаминова) и приходится на вторую половину XIX века.

Святитель Иннокентий понял, что «якуты, несмотря на то, что в самих их улусных Управлениях дела производятся на русском языке и довольно многие читают сами русские молитвы, при настоящем положении обстоятельств никогда не пере-

[1] Ныне существует наслег с таким названием в Тааттинском улусе.

менят своего природного языка на русский», и сделал вывод о необходимости перевода священных и богослужебных книг на якутский язык. Уже 19 июля 1859 года в Троицком соборе Якутска святителем Иннокентием была отслужена первая литургия на якутском языке...

Святитель Иннокентий считал первоочередной задачей «христианизацию чувств, мыслей и представлений» якутов, и рождение Алексея Елисеевича Кулаковского как раз и было живым осуществлением этой подлинной христианизации.

В каком-то смысле можно говорить, что основоположник якутской литературы, первый якутский поэт, ученый-этнограф, лингвист, собиратель фольклора, общественный деятель, мыслитель и просветитель Алексей Елисеевич Кулаковский унаследовал не только родовые черты якутских патриархов и шаманов, но и христианский дух святителя Иннокентия.

Всего в 15 километрах от юрты-балагана Собакиных находилась Николаевская церковь. 9 апреля 1877 года священник Василий Попов и дьячок Филарет Попов крестили в этой церкви младенца, совершившего еще в чреве матери свое первое путешествие.

Имя ему нарекли Алексей. Восприемником при крещении был родной дядя мальчика, уроженец Тыарасинского наслега Петр Собакин.

Факт крещения подтверждает семейную версию о рождении Алексея Елисеевича Кулаковского в местечкеХарамаайы Тыарасинского наслега. Если бы Алексей родился в Учае, скорее всего его и окрестили бы в Ытык-Кельской Преображенской церкви, находящейся намного ближе к Учаю, чем Таттинский храм.

После крещения родители оставили маленького Алексея у деда и бабушки в Тыарасинском наслеге. Здесь он и воспитывался до девятилетнего возраста.

С чем было связано удаление ребенка из родительской семьи, мы не знаем.

Но очевидно, что материальная сторона играла тут не самую главную роль. Алексей был всего лишь третьим ребенком, и старшие брат и сестра (12 и 13 лет) вполне могли присматривать за младшим братом.

Скорее всего, дело связано с таинственными обстоятельствами его рождения. Передавая Алексея на воспитание дедушке и бабушке, удаляя его от себя, родители стремились перехитрить те темные силы, которые были вовлечены в процесс его рождения и могли каким-то образом претендовать на него.

5

В юрте деда и бабушки Собакиных, стоящей на берегу реки Таатты[1], маленького Алексея окружал такой же веками отстоявшийся якутский быт, как и в семье родителей.

Много времени воспитанию внука уделяла бабушка, Ирина Дмитриевна Собакина. Долгими зимними ночами рассказывала она внуку сказки.

Здесь услышал он впервые и олонхо...[2]

Известно, что в юрте Собакиных часто бывали и знаменитые олонхосуты[3] И. Винокуров-Табахыров, Н. Малгин, А. Татаринов и маленькому Алексею Кулаковскому посчастливилось слушать их.

«Я увлекаюсь одной поэзией, а следовательно и формой, в которой она облекается для своего выражения, то есть якутскими сказками и песнями, — писал он составителю «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарскому. — Будучи малолетним, я целые ночи просиживал "***под челюстями***" сказочника, слушая его сказки, легенды и остуоруй[4]».

---

[1] Юрта эта, хотя в советские годы и стоял тут скот, сохранилась до наших дней. Уцелела даже полка, на которой стояли у Собакиных иконы.

[2] Олонхо — самый крупный эпический жанр якутского фольклора. Главное содержание олонхо составляют героические подвиги богатырей в эпическую эпоху «распрей» и «битв». События эти развертываются в пространстве трех мифологических миров — Верхнего, Среднего и Нижнего.

По сюжетной теме олонхо можно разделить на три типовые группы:

а) олонхо с более ранними типами сюжетов о заселении Среднего мира потомками божеств айыы, от которых пошло племя ураанхай саха;

б) олонхо о родоначальниках племени, предназначенных божествами быть прародителями ураанхай саха. Герой совершает героический поход за невестой, которую добывает, побеждая соперников в богатырском единоборстве;

в) олонхо о защитниках племени с главным героем Ньургуном Боотуром или Мюльдю Бёгё.

[3] Олонхосут — мастер словесного искусства, обладающий свободной поэтической импровизацией, техникой горлового пения «кылысах», которая представляет собой уникальный феномен горлового пения якутов. Олонхосуты держат в своей памяти десятки тысяч стихотворных строк. Песни в олонхо представляют собой прямую речь персонажей и исполняются олонхосутом в том стиле, которого требует происхождение героя олонхо.

Таатта стала в конце XIX—XX веке своеобразной «школой» сказительства со своими традициями. Начало тааттинской эпической традиции положили легендарные олонхосуты Логуй, Кээмпэс, Килээмпир. Их традиции продолжили И. В. Винокуров-Табахыров, Н. Малгина, К. Г. Оросин.

[4] Сказки.

Из воспоминаний народных якутских писателей Д. К. Сивцева-Суоруна Омоллоона, П. А. Ойунского, В. С. Яковлева-Далана известно, что вечера для олонхосутов проводились как большие праздники и к моменту начала исполнения олонхо, окружающие спешили завершить домашние работы и рассаживались вокруг олонхосута, устроившегося на табуретке около камелька.

Вначале импровизатор без усталости говорил скороговорками, горловым пением вводил слушателей в единое с ним психологическое состояние.

И как будто распахивались стены юрты и слушатели «летели» по трем мирам олонхо. Используя различные тембры голоса, темпы, умело переходя от мужского голоса к женскому, талантливый олонхосут раскрывал древнюю историю народа, его веру, религию, мировоззрение.

Человек, воспитанный в атмосфере взаимопроникновения и взаимопонимания в мире олонхо, понимал и смысл жизни, осознавал себя и начинал думать не только о себе, но и о судьбе своего народа.

«Воспевающие красоту природы и жизни, якутские образы, воплощающие мечту и фантазию старинных людей, — пишет Г. У. Эргис, — воспитывали эстетические чувства народа, формировали характер людей»[1].

«Взгляните на якутскую семью, слушающую в долгую зимнюю ночь сказочника, — рассказывал сам Кулаковский. — Все — и стар, и млад скучились вокруг него, словно голодные дети вокруг матери. Тут и дряхлый дед, которому покой на наре дороже всего. Его ничто, кроме родной сказки, не заставило бы добровольно оторваться от теплой постели. Тут и отец семейства, мужчина зрелых лет с утилитарным мировоззрением, которого пустые забавы вроде "остуоруйа" более не интересуют и который после дневных работ сильно устал и желал бы предаться обычному отдыху. Здесь же сидит со своим шитьем забитая дрязгами и заботами дня хозяйка дома. Ей сон весьма нужен, так как встает раньше всех, ложится позже всех и устает больше всех. Тут сидят даже малыши, прекратившие свои обычные шалости и капризы, а также подростки, которым мало понятны слова поэзии, но которых сильно увлекла фабула и фантастичность сказки. Тут же бодрствует и случайный гость, которому завтра предстоит встать рано и пуститься в дальний путь... Слушают все с затаенным дыханием, сильно увлекаясь и стараясь не проронить ни одного слова... Каждый позабыл свои заботы, свое горе и унесся в волшебный, прекрасный мир

[1] *Эргис Г. У.* Очерки по якутскому фольклору. М., 1974. С. 208.

чарующих грез... А сам сказочник, как истинный поэт, увлекся больше всех, у него даже глаза закрыты, чтоб окончательно отрешиться от грешной земли с ее злободневными дрязгами и прозой; он закрыл пальцем отверстие одного уха, чтобы звонче раздавалось в мозгу собственное пение, под такт которого мерно покачивается его туловище. Он забыл про сон, про отдых, про всё на свете... В глазах слушателей сказочник совершенно преобразился: это не прежний знакомец Уйбаан, а какое-то сверхъестественное прекрасное существо, окруженное таинственным ореолом»...[1]

Л. Р. Кулаковская в «Научной биографии А. Е. Кулаковского» говорит, что ее дед с детских лет впитал в себя дух и мудрость народной поэзии, приобщился к вековым традициям и обычаям предков.

«Высокая духовная культура народа: верования, фольклор, народная мораль и педагогика, а также генетическая расположенность к творчеству — вот те истоки, генерировавшие зарождение якутской письменной литературы, письменной философии, и они являются определяющими», — пишет она.

6

Сам Кулаковский не раз подчеркивал, что детство его прошло «среди косных якутов... вне сферы влияния русского языка» и в детстве он «верил во всё то, чему верили окружающие».

Первые биографы поэта А. И. Софронов и Г. П. Башарин считали деда Кулаковского Николая Алексеевича Собакина «бедным, неграмотным якутом».

Разумеется, категоричность этого утверждения можно объяснить вполне оправданным в советские годы стремлением сделать Кулаковского, хотя бы по происхождению своему, более социально близким правящему классу, но есть документы, опровергающие это мнение.

Сохранилось прошение родовича Тыарасинского наслега Николая Собакина, поданное им в Якутский земский суд 14 августа 1863 года. Прошение — спор идет о сенокосных угодьях на месте спущенного озера! — составлено и написано, как утверждает Л. Р. Кулаковская, рукой самого Собакина и завершается словами: «...проситель Николай Собакин подписуюсь собственноручно»[2].

---

[1] *Кулаковский А. Е.* Научные труды. Якутск: Книжное издательство, 1979. С. 379—380.

[2] НА РС(Я) Ф. 180. Оп. 1. Д. 5487.

Как бы то ни было, но, когда пришло время, внука Алексея решено было учить, и в начале сентября 1886 года его повезли в Чурапчинскую школу.

Согласно семейному преданию Кулаковских, маленький Алексей проплакал всю дорогу до школы.

— Что ты плачешь? — утешали его. — Тебе же нравится учиться... Ты же любишь карандаши!

— Ну, ладно... — соглашался Алексей. — Вези-вези...

Но через несколько километров все начиналось сначала.

— Дедушка, зачем ты везешь любимого внука туда, где не протухло ни одно яйцо, где не пропал ни один молодец?[1]

Впрочем, как писал сам Алексей Елисеевич: «Нижний мир имеет свои особые солнце и луну, которые оба щербаты и дают плохой свет подобный цвету "недоваренной мутной ухи" из карасей...»

Говорил он это по поводу якутской мифологии, но применимы эти слова и к погруженному в мир якутских сказок и мифов детству самого Алексея Кулаковского.

Про учебу Алексея Елисеевича Кулаковского в Чурапчинской школе известно немного.

Преподавателями его были вначале Николай Кирикович Горловский, а под конец учебы — Александр Ильич Некрасов, одноклассниками — Илья Башарин, Михаил Дьячковский, Акакий Картузов, Михаил Оросин, Григорий Лысков, Петр Собакин, Александр Игнатьев... Со многими чурапчинскими соучениками А. Е. Кулаковскому не раз доведется встретиться на протяжении взрослой жизни.

Насколько хорошими были учителя, можно судить по тому, что, во-первых, им, несомненно, удалось пробудить в Кулаковском любовь к знаниям, а во-вторых, заложить в подростке достаточно прочный фундамент для возможности продолжения учебы. Поступая после Чурапчинской школы в училище в Якутске, Алексей Кулаковский легко выдержал вступительные экзамены.

7

В архиве писателя сохранилась тетрадь, в которой записано, «сколько верст сделал Ексекюлях в течение своей жизни».

Под номером первым идет запись: «Из Амги до Чурапчи... пять раз — 10 концов по сто верст».

---

[1] Пословица соответствует русской «Рискнем, где наша не пропадала!».

Вроде бы для человека, изъездившего всю Якутию вдоль и поперек, вспоминать о детских поездках на каникулы не солидно, но Алексей Елисеевич Кулаковский начал именно с этой записи, потому что как и большие, взрослые путешествия, эти школьные стоверстовые маршруты разделяли его жизнь...

После первого класса Кулаковский совершил свое первое путешествие — 60 верст от Чурапчи до Черкёха и 30 верст от Черкёха до Учая.

Егор Дмитриевич Кулаковский вспоминал, что, впервые увидев тогда в Учае незнакомого мальчика, он подумал: если будет драка, то он обязательно победит его. Правда, как потом выяснилось, сам Алексей Кулаковский, разглядывая Егора, подумал то же самое, только уже о своей победе.

Вглядываясь в детские и подростковые годы будущего писателя, легко обнаружить воистину судьбоносные рубежи и знаки, обусловливающие течение его жизни.

Посудите сами...

Дед увозит его на учебу в Чурапчу, устроив здесь на полный пансион, и всего через год умирает Ирина Дмитриевна, а еще через год и сам Николай Алексеевич.

Такое ощущение, что, завершив свою воспитательную миссию, дед и бабушка завершают свои дела в этой жизни и уходят из нее.

Роль бабушки и деда в жизни Алексея Елисеевича станет еще более очевидной, если мы вспомним, что между их смертями вместилась еще одна утрата в жизни Алексея Кулаковского...

25 ноября 1888 года учитель Чурапчинской народной школы Н. Горловский обратился к властям с просьбой сделать распоряжение о вызове для обучения трех пансионеров: Ильи Башарина, Алексея Кулаковского и Ивана Захарова, уехавших на короткий срок для свидания с родителями и не вернувшихся на учебу...

Причина задержки Алексея Кулаковского у родителей в IV Жохсогонском наслеге выяснилась через два месяца.

Видимо, в конце января 1889 года пришла пора Кулаковским возвращать половинки золотой монеты, которую проглотила мать. Сыновья ее Иродион и Алексей заболели оспой.

Но Алексей, выросший у бабушки и деда Собакиных и огражденный сказками и преданиями, выздоровел, а Иродион умер.

Рассказывают, что он, проживший всего девять лет, уже умел читать и писать, решать сложные арифметические задачи, а также имел — так написано на его надгробии! — рост взрослого человека и поднимал тяжести, которые тоже под силу только взрослому мужчине.

Иродион умер от оспы, и после его смерти в народе начали говорить, что «Бог слегка одарил Ивана, старшего сына Кулаковских, среднего сына Алексея Бог одарил щедрее, но больше всего даров досталось младшему Кулаковскому, ноша эта оказалась не под силу смертному, и Иродион умер, не выдержав тяжести своих талантов».

Талантов было отпущено предостаточно и Алексею Кулаковскому, но он остался жить. И как показала дальнейшая жизнь, жил он и за себя, и, кажется, за своего столь щедро одаренного брата, так много он успел сделать на благо своего народа.

Говорят,
Что я имел от Чынгыс-хана
Указание,
От Одун-хана
Повеление,
Чтобы своей
Мечтательно-нежной песней
Очищал души своих
Священно-близких друзей,
Когда они будут согнуты
Под тяжестью черных дум[1] —

скажет Алексей Кулаковский в стихотворении «Певец»...

Впрочем, об этом впереди...

В 1890 году тринадцати лет от роду Алексей Кулаковский с отличием окончил Чурапчинскую школу и уехал учиться в Якутск...

---

[1] Перевод С. А. Поделкова.

Глава вторая

НА ПОРОГЕ ПЕРЕМЕНЧИВОГО ВЕКА

... В этот переменчивый век
Я предрекаю лишь радость и славу
И хочу спеть тебе от души,
Моя подруга с ребенком!
Счастья, счастья желаю,
Высокое назначение вижу,
С лучшими русскими людьми
Будь равным по силе — другом;
С самым лучшим якутом
Не отстающим приятелем стань;
На тех, кто высокообразован,
Опираясь, расти,
С самыми отменными умницами —
Стань в один ряд!

А. Е. Кулаковский.
Благословение среднего поколения[1]

Под номером два в списке верст, пройденных Ексекюляхом Кулаковским «в течение жизни», помещена запись: «...из Амги до Якутска учиться... Восемь раз — 16 концов по 250 верст»...

С берегов Амги, этого окутанного преданиями и древними якутскими сказаниями притока Алдана, Кулаковский перебирается в Якутск — город, построенный русскими землепроходцами, в котором было сосредоточено управление огромным краем и из которого осуществлялось духовное просвещение Якутии.

По дороге в Якутск тринадцатилетний Алексей Кулаковский впервые увидел реку Лену...

1

Прошение инородца IV Жохсогонского наслега Ботурусского улуса Ивана Елисеевича Кулаковского о принятии его брата Алексея Кулаковского в учебное заведение духовного ведомства было подано преосвященнейшему Мелетию епископу Якутскому и Вилюйскому 7 августа 1890 года, а на следующий день в духовном училище состоялся экзамен.

Принимала его комиссия, возглавляемая ректором Якутской духовной семинарии архимандритом Иоанникием. Алексей Кулаковский экзамен сдал на «удовлетворительно», и его зачислили в первый класс Якутского духовного училища.

Здесь Кулаковский проучился всего год.

[1] Перевод С. А. Поделкова.

«При поведении отличном, оказал успехи: по священной истории — отличные, по русскому языку с церковнославянским — отличные, по арифметике — очень хорошие, по якутскому языку — отличные, по чистописанию — очень хорошие и по церковному пению — хорошие»[1].

К сожалению, хотя оценки и были весьма хороши, но на казенное содержание принимали только круглых отличников, и Алексею Кулаковскому в число пансионеров попасть не удалось.

Кулаковские же, как отмечает Башарин, справиться со столь дорогой оплатой обучения не могли, и 3 августа 1891 года отец Кулаковского подал в Якутскую духовную семинарию прошение об увольнении сына из училища. Отказ от дальнейшего обучения Елисей Васильевич мотивировал домашними обстоятельствами.

5 августа Алексей Кулаковский по «домашним обстоятельствам» был уволен из училища. Елисей Васильевич внес в кассу училища за учебу сына 40 рублей, а на оставшиеся 40 рублей написал расписку, и ему выдали документ об увольнении Алексея.

Оспаривая мнение Башарина, Л. Р. Кулаковская утверждает, что причиной, по которой Алексей оставил учебу в духовном училище, было разрешение, выхлопотанное ему Иваном Елисеевичем Кулаковским. Он долго обивал пороги различных учреждений, писал прошения и в результате добился-таки разрешения брату в случае успешной сдачи вступительных экзаменов учиться в реальном училище. Экзамены Алексей Кулаковский выдержал и — прямо посреди учебного года, минуя подготовительное отделение — стал учеником Якутского реального училища.

Так или иначе, но священником Алексей Кулаковский не стал...

И тем не менее, хотя и обошлась отцу учеба сына в духовном училище в целое стадо — на 80 рублей, которые были заплачены за годичное обучение Алексея, можно было приобрести восемь коров! — трата была не напрасной.

В духовном училище как самостоятельный предмет изучали якутский язык, и вот возникает интересный парадокс — выросший «под челюстями олонхосутов», «вне сферы влияния русского языка», А. Е. Кулаковский начал изучать родной язык, только оказавшись в духовном училище русскоязычного Якутска...)

Насколько важным было это для него, показала дальнейшая жизнь.

---

[1] Свидетельство № 203 воспитанника 1-го класса духовного училища А. Кулаковского.

2

«Будучи учеником, я сам жил с двумя товарищами в течение четырех лет в караульне Предтеченской церкви, имеющей три маленьких комнаты, в которых нас помещалось 14 человек, не считая постоянно приезжавших из улуса якутов, — вспоминал Кулаковский в 1916 году. — Постоянно играли в карты, пили водку, ссорились с площадной бранью, а иногда дрались. Когда наш хозяин трапезник бил, чем попало, свою пьяную жену, мы нередко выбегали на мороз в одной потной нижней рубашонке и дрогли. Наш дом был типичным жилищем якута-горожанина. Помимо всего этого якутенок дома ни от кого не слышит русского слова, потому русский язык дается ему с невероятными усилиями, так что на его изучение якутенок тратит столько труда и времени, сколько тратится им на изучение всех прочих предметов»[1].

Суровые условия жизни сказывались на результатах учебы. В первом классе вместе с Алексеем Кулаковским учились 19 детей. Семь из них остались на второй год, один переведен с зачетом.

Отсев поразительно большой. До пятого класса дошло всего четверо, и только троих перевели в шестой класс.

Строгой была в училище и дисциплина.

Из кондуитного журнала училища за 1894—1897 годы видно, что Кулаковский только раз пропустил урок без уважительной причины и всё равно вместе с двумя другими нарушителями подвергался одночасовому аресту.

Но любовь к знаниям пересиливала в Алексее и строгость дисциплины, и тяжелые условия быта. Вместе с однокашником Виктором Жуковским[2] он сдал на «отлично» годовые экзамены за первый класс, и его перевели во второй класс с наградой первой степени.

Преподавателями училища в то время работали едва ли не самые образованные в Якутске люди — выпускники Московского и Петербургского университетов. А. В. Кириллов преподавал математику, А. Г. Ушаков — русский язык и словесность, В. Ф. Котляр — историю, географию, немецкий язык,

---

[1] Статья «На якутов не угодишь». НА РС(Я). Ф. 1480. Оп. 1. Д. 16. Л. 1—5.

[2] Сын известного этнографа, политссыльного Василия Филипповича Трощанского, который десять лет провел на каторге и в 1886 году был отправлен на поселение в село Черкёх Ботурусского улуса Якутской области, где изучал якутский язык, занимался исследованием экономики, культуры, истории якутов. Женился на якутке, имел двух детей.

выпускник Академии художеств И. Ф. Аркуша — рисование и черчение.

У внучки Алексея Елисеевича — Людмилы Реасовны Кулаковской сохранилось довольно много школьных тетрадей деда, и когда рассматриваешь их, поражает ответственность, с которой относился Кулаковский к записи уроков и выполнению домашних заданий. Его учебные тетради похожи на произведения искусства.

Преподавали в училище также и Закон Божий, французский и латинский языки, географию, естественную историю (физика, химия), рисование. В число обязательных дисциплин входили и занятия гимнастикой.

Вот несколько выписок из дневника ученика Кулаковского за 1893 год:

«Выучить сугубую и просительную ектению... <...>

Даниил Галицкий и ливонские рыцари, об Иване Калите и его сыновьях... <...>

Дроби и сложение дробей... <...>

Андалузская низменность... <...>

Куликовская битва... <...>

Общий обзор средней Европы до Испании... <...>

Покорение Новгорода и свержение ига... <...>

Стих "Что ты спишь муж?"[1] <...>

Иван IV. Взятие Казани и Ливонские войны... <...>

Выучить республику Швейцария... <...>

Десятичные дроби... <...>

Покорение Сибири, Опричнина, эпоха казней... <...>

Русский язык — представить описание стального пера... <...>

Докончить республику Франция... <...>

Выучить все слова на "Б" по-французски... <...>

Выучить о скелете и рте до пищевода... <...>

Выучить об Алексее Михайловиче до Хивы... <...>

"Le chattnle renarl"... <...>

Выучить нервную систему до непроизвольных... <...>

Выучить Литургию верных». <...>

Когда читаешь эти записи в ученическом дневнике, понимаешь, что действительно Якутское реальное училище было тогда одним из лучших учебных заведений области. Оно давало основательную подготовку как по точным, так и по гуманитарным наукам.

---

[1] Очевидно, речь идет о стихотворении А. В. Кольцова «Что ты спишь мужичок?».

3

Сохранился конспект по античной литературе ученика второго класса Алексея Кулаковского. Здесь мы найдем цитаты из произведений Аристофана, Плавта, Теренция, Ювенала, Платона, сопровождаемые достаточно глубокими суждениями о них самого Кулаковского.

Интересно, что Алексей обращает внимание на начальные этапы литературного и общественного становления разбираемых им авторов, и тут удивляет не столько зрелость мысли пятнадцатилетнего Кулаковского, сколько умение его применить судьбы античных авторов к собственному жизненному пути, который еще только предстоит пройти.

«...Показательно, — анализируя записи Кулаковского, посвященные жизни и деятельности Платона, пишет профессор А. А. Бурцев, — его собственное неприятие террора и гражданской войны. Он обращает внимание на длительные странствия Платона с познавательными целями, и в этом отношении вспоминаются его многочисленные поездки по дальним улусам»[1].

Глубокие и зрелые мысли обнаруживаем мы и в других работах Кулаковского, написанных им в годы учебы в училище.

Алексей, как это видно по сохранившимся ученическим бумагам, сумел не просто достаточно глубоко освоить русский язык, но и воспринять русскую культуру как свою, родную...

Здесь можно вспомнить о сочинении Кулаковского «Вправе ли русские гордиться своим именем?» и работе, посвященной «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

«В “Истории Государства Российского” Карамзиным проведена та мысль, что государство до тех пор будет благоденствовать, пока будет в нем единодержавие, — писал в этом сочинении Алексей Кулаковский. — **Согласно с этой идеей “История Государства Российского” разделена на такие периоды, которые резко отличаются друг от друга образом правления и состоянием самой России в зависимости от образа правления... <...>**

“История Государства Российского” представляет собою одну из самых важных основ русского самосознания... Это не простой плод усилий кропотливого ученого, а — подвиг гражданина, глубоко любящего свое отечество. <...>

---

[1] *Бурцев А. А.* Наследие А. Кулаковского в контексте мировой литературы. Якутск, 2002. С. 7.

Третье достоинство "Истории" Карамзина — это чувство патриотизма, всюду проникающее всё повествование. Везде он отзывается с любовью к родине. Об этой любви он говорит, что мы должны любить свое отечество потому, что с его судьбой тесно связана наша собственная, и эту мысль он подробно развил в своем рассуждении — "О любви к отечеству".

Карамзин, будучи сам человек строго нравственный, всё рассматривал с нравственной точки зрения. Он говорит, что история должна принести пользу не только практическую, но и моральную. Потому он в своей "Истории" является как бы нравственным судьею веков». <...>

Анализ «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина свидетельствует не только о знании Алексеем Кулаковским первоисточника, но и об особом, личностном отношении к нему. Кулаковский не просто примеривает на себя жизненные пути великих людей прошлого, но пытается перевести их на якутскую почву и таким образом применить на практике.

Таков реферат «О роли книжников в Древней Руси», который, как справедливо отмечает Л. Р. Кулаковская, стал фундаментом дальнейшей духовной эволюции А. Е. Кулаковского.

«Следует отметить, — пишет она, — культурное развитие Руси за семь веков, начиная с XII века, века древних книжников, захватывая реалистов-классиков, в силу ускоренного развития младописьменного народа саха, было впитано и было представлено в свернутом виде в Якутии Кулаковским».

4

Но, разумеется, неверно было бы представлять Алексея Кулаковского в бытность его учеником Якутского реального училища этаким «зубрилой», всецело погруженным в учебу и книги...

Как пишет Людмила Реасовна Кулаковская, «архивные документы и воспоминания современников свидетельствуют, что жизнерадостному, веселому Алеше вне стен училища не были чужды и детские шалости и проказы. Недаром прозвище его в реальном училище было "Кулак", как производное от фамилии и от умения его постоять за себя, за слабых и младших. А о знаменитой драке в 1897 году семинаристов и реалистов, когда их разнимала рота солдат Якутского гарнизона, он косвенно упомянул в письме к В. Жуковскому».

Особое место среди написанных Кулаковским в училище рефератов и сочинений занимает работа, озаглавленная «Весенний ледоход реки Лены», в которой явно просматриваются недюжинные писательские способности Кулаковского и которая показывает, что жизнь его отнюдь не ограничивалась стенами училища...

«В начале октября Лена закрывается толстым льдом и надолго как бы прекращает свои сношения с внешним миром, сохраняя жизнь только в глубине.

Зимою вид Лены очень скучный. По ее бесконечному пространству, прерываемому только недолговечными островами, покрытыми снежной низкорослой ивой, черной полосой тянутся в нескольких направлениях скучные дорожки. (Лишь изредка проходит по этой дороге якут — "городчик" в национальной шапке, закутывающей и лоб, и подбородок; в рукавицах и обуви из лошадиной шкуры шерстью вверх; он ведет под уздцы своего сухого четырехтравого коня, запряженного в узенькую, низкую и длинную "нарту", и заунывно припевает, понурив голову, хотя ему и не горько.)

Но вот проходят восемь длинных месяцев, проходит масленица, которая бывает здесь при 20—30° холода, и Пасха. Наконец приходит давно желанный май месяц. Дни становятся длинные, солнце светит ярче и греет сильнее, птички поют веселее; снег начинает таять быстро, так что образуются лужи; белый мир пестреет от появившихся черных пятен. С окрестных возвышенностей сбегают в Лену многочисленные ручейки и образуют над льдом так называемые "наледи", которые с каждым днем становятся глубже. Через несколько дней эти наледи проедают шире трещины на льду, образовавшиеся от холода в начале зимы, и соединяются с речной водой. От прибавления воды лед, как менее плотный, всплывает, — и Лена пробуждается от восьмимесячного сна, — вскрывается.

Тогда-то выходит житель Якутска, главного города страны, подышать свежим воздухом, свежим оттого, что в это время дует с реки прохладный, сырой ветер, и поглядеть на великолепный вид вскрывающейся реки.

Вот что представляется его глазам. Всплывший лед, иногда в квадратную полверсты величиной, произведя какой-то неопределенный шум, увлекается быстро прибывающей водой и медленно плывет вниз. Во время пути он сталкивается с другими льдинами, разламывается по краям и, откачнувшись, опять плывет рядом с врагами. За ним проходят другие большие и

мелкие в различных положениях: лежа на боку, прямо или один на другом. На одной из таких льдин проплыло целое гумно, на другом воз сору, а рядом с третьим — бревно. Так проходит день, настает другой; воды за ночь прибавилось много, так что заметка, поставленная вчера, не видна.

Около третьего часа пронесся слух, что "материк" тронулся. (Нужно заметить, что описываемая часть реки есть боковая протока, отделенная от "материка" длинным наносным островом.) Действительно, скоро стали появляться более крупные льдины, вода стала быстро прибывать, так что потопляет луг, стоящий на сажень ниже города и на две выше русла реки. Набережная полна народом. В толпе-то и слышатся восклицания: "Смотрите, что чернеет вон — на том льду? Уж не человек ли?" — "Гляди, гляди, что за льдище — прямо с гору!" Между тем льдины становились чаще, ударялись одна о другую, причем более хрупкие ломались и часть превращалась в воду. Встречались льдины более крепкие и с причудливыми формами, за которыми как-то следишь и провожаешь далеко взором. Смотрящему в это время является какое-то чувство и он начинает фантазировать. Ему кажется, что ряд плывущих льдов как будто бежит нескончаемо длинной массой исполинских белых зверей куда-то на север и теряется из глаз в неведомой дали.

Но фантазер выходит из этого состояния, ибо лед, на который он глядел не мигая, остановился. Что же это значит? Это довольно редкий случай — вся масса льда остановилась. Это произошло вот каким образом: отдельная масса льда плыла, особенно плотно сомкнувшись и наполняя всю поверхность протоки; она подошла к более узкому месту, и отдельные льдины мешали друг другу пройти, почему масса остановилась. Сзади плыли другие льдины и, достигая этого места, опять останавливались; они ныряли в воду или лезли вверх, напираемые сзади; вода увеличивалась с верхней стороны и этим способствовала новым льдинам подняться еще выше. Получилось что-то вроде порога. Но чем вода сверху прибывала больше, тем больше снизу убывала. День клонился к вечеру. Лед от действия солнца и воды становился хрупче и, наконец, уступил тяжести воды — порог прорвался. Вода, тем временем вышедшая далеко из берегов, прорвавшись, помчалась вниз с утроенной силой...

Лед шел всю ночь и только на третий день заметно поредел, а к вечеру совсем река прочистилась и вместе с тем стала убывать вода.

В то время, когда лед совсем прочистился и вода не ушла из заливного луга, молодежь находит удовольствием кататься

ночью на лодке. И правда, как славно в тихую погоду кататься по ровной, блестящей поверхности почти стоячей воды, то плывя медленно, плавно, то вдруг, напрягши все силы, летишь на легкой лодке в даль, пока руки не онемеют от усталости»[1].

Достаточно провести небольшую редакционную правку и перед нами окажется весьма интересный, вполне достойный публикации очерк, из которого читатель узнает массу любопытных подробностей как о начале ледохода на Лене, так и о самой реке и об отношении к ней якутян.

Великолепен «городчик» в национальной шапке, который заунывно припевает, понурив голову, хотя ему и не горько; прекрасно описано взволнованное переживание зевак на набережной, наблюдающих начало движения «материка».

А как замечательно описано катание на лодке по затопленным заливным лугам, когда так «славно в тихую погоду кататься по ровной, блестящей поверхности почти стоячей воды, то плывя медленно, плавно, то вдруг, напрягши все силы, летишь на легкой лодке в даль, пока руки не онемеют от усталости»...

5

Сохранился альбом Кулаковского, предназначенный для записи стихотворений, который в работах об основоположнике якутской литературы именуется «Песенником».

Объем тетради составляет 45 страниц, и здесь можно найти произведения А. С. Пушкина: «Буря», «Клеветникам России», «Полтавский бой», «Пророк», монолог из «Бориса Годунова» и М. Ю. Лермонтова: «Ветка Палестины», «Спор», «Два великана», «Казачья колыбельная песня», стихи А. В. Кольцова: «Что ты спишь, мужичок?», «Песня пахаря», «Песня старика», «Разлука», «Песня разбойника» и басни И. А. Крылова: «Ворона и Лисица», «Мартышка и Очки», «Лисица и Виноград», «Чиж и Голубь», «Стрекоза и Муравей», произведения Н. А. Некрасова и Г. Р. Державина, В. А. Жуковского и И. С. Никитина, Я. П. Полонского и М. М. Хераскова, Н. Г. Цыганова и И. З. Сурикова.

«Песенник» похож на многочисленные альбомы стихов, которые имели тогда хождение в среде учащейся молодежи, но при этом существенно отличается от них внутренней выстроенностью.

---

[1] НА РС (Я). Ф. 1480. Оп. 1. Д. 4. Л. 1—17. Цит. по кн.: А. Е. Кулаковский о русском народе, его культуре / Отв. ред. В. Н. Иванов. Якутск: Институт гуманитарных исследований, 2002. С. 17—19.

И хотя некоторые стихи, включенные в «Песенник», кажутся слишком разнородными, они органично соединяются друг с другом, встраиваясь в жизнь человека, соединившего их не только на страницах учебной тетради, но и в собственном творчестве.

Из воспоминаний учеников Вилюйского училища известно, что Кулаковский читал на якутском языке переведенные им произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и А. В. Кольцова.

А в 1924 году, оплакивая трагическую гибель своего старшего брата Ивана Елисеевича Кулаковского, Алексей Елисеевич переведет стихотворение Николая Григорьевича Цыганова «Речка», входящее в состав «Песенника», составленного им три десятилетия назад...

Так случится, что строки русского поэта:

По полю, полю чистому,
По бархатным лужкам
Течет струится реченька
К безвестным бережкам.

Взойдет гроза, пройдет гроза —
Всегда светла она!
От боли лишь поморщится,
Не зная, что волна... —

вместят сердечную боль Алексея Елисеевича и, зазвучав по-якутски, станут шедевром якутской лирики.

И как тут не вспомнить мысль Алексея Кулаковского, сформулированную им в реферате «Характеристика романтизма по произведениям Жуковского» тогда же, когда и составлялся «Песенник»: «Хотя Жуковский больше переводил, чем писал оригинальные произведения, однако он был поэт в полном смысле слова, а не переводчик только потому, что он переводил поэзию. Переводчик... в стихах есть творец, так как, чтобы переводить стихи, необходимо самому перечувствовать все те чувства, которые волновали душу самого поэта...

Романтизм в русской литературе, введенный Жуковским, должен был принять тем более резкие черты, что собственное настроение Жуковского гармонировало с характером романтизма: романтизм отличался фантастичностью, чудесностью, и Жуковский имел богатую фантазию и мечтательный характер; романтизм носил характер элегический — и у Жуковского было грустное настроение, как у человека, не нашедшего личного счастья»...

6

По признанию самого Кулаковского, в училище больше всего увлекали его естественные и точные науки, и хотя увлечение это подтверждают сохранившиеся черновики достаточно оригинальных решений сложных задач и теорем по планиметрии[1], но всё же главным интересом писателя, уже в ученические годы, стало то, что потом назовут ***народоведением***...

Об этом самом главном для себя и думал девятнадцатилетний Алексей, когда в реферате «Главнейшие достоинства поэзии Пушкина» писал, что национальность поэзии Пушкина есть одно из главных достоинств ее.

«Пушкин, — утверждал Кулаковский, — обладал изумительной способностью понимать дух, положение, быт своей нации... Народность его преимущественно в языке, в котором выразились главные свойства русского ума и чувства. Вполне усвоив живую, народную речь, Пушкин с гениальным искусством применил ее к выражению самых разнообразных впечатлений, самых утонченных движений чувства».

Сказано это было о русском поэте, о русском языке, но, размышляя о русской и мировой литературе, Кулаковский всегда экстраполировал свои наблюдения на якутскую почву, и его слова о А. С. Пушкине являются, по сути, вполне продуманной программой построения будущей якутской литературы, как народоведения.

Мы уже говорили, что выросший под челюстями олонхосутов, «вне сферы влияния русского языка» Кулаковский начинает изучать якутский язык, только оказавшись в русскоязычном Якутске.

Возможно, определенную роль в этом увлечении сыграла книга И. А. Худякова «Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы», вышедшая в Иркутске в 1890 году, с которой как раз в середине последнего десятилетия XIX века и познакомился ученик Якутского реального училища Алексей Кулаковский.

Свои последние летние каникулы Алексей Кулаковский провел в 1896 году у родителей в местности Учай Ботурусского улуса.

19 июня он был в Таатте у брата Ивана Елисеевича.

Никаких подробностей последнего летнего отдыха Алексея Кулаковского не сохранилось, но судя по воспоминаниям лю-

---

[1] НА РС(Я). Ф. 1480. Оп. 1. Д. 2. Л. 1—19.

дей, знавших его, именно тогда с Кулаковским произошли разительные изменения.

«Он в корне изменился к окончанию учебы, — вспоминал народный сказитель, друг детства и юности Кулаковского Егор Дмитриевич Кулаковский. — Всё время занимался сочинением песен. Сложил песню о заводах и фабриках».

Так совпало, что в этом же 1896 году ссыльный поляк Вацлав Серошевский, проживший в Якутии 12 лет и собравший огромный материал о коренном населении, выпустил в Петербурге свой фундаментальный труд «Якуты».

Впервые многое о якутах узнали из этого труда не только петербургские читатели книги Вацлава Серошевского, но и сами якуты...

7

31 мая 1897 года в Якутском реальном училище состоялся первый выпуск.

Училище закончили пять человек: Г. Бушуев, Д. Гиммер, П. Терру, А. Кулаковский и В. Жуковский.

Из них только А. Е. Кулаковский и сын этнографа В. Ф. Трощанского В. В. Жуковский получили аттестат, допускающий к переводу в дополнительный класс.

Из них только Алексей Кулаковский был якутом.

Он вообще стал первым якутом, окончившим Якутское реальное училище...

Надо сказать, что в годы учебы в Якутском реальном училище у Алексея Кулаковского завязались знакомства, сохранившиеся на всю жизнь.

Таким было, например, его знакомство с Семеном Барашковым.

С. П. Барашков, два года проучившись в приготовительном классе, был переведен в первый класс, когда в училище поступил и Кулаковский.

С 20 марта 1893 года семнадцатилетний Барашков вынужден был оставить учебу, чтобы помогать отцу, занимавшемуся снабжением Успенского прииска Витимской системы.

Однако товарищеские отношения сохранились.

И когда полтора десятилетия спустя Кулаковский снова встретился с Барашковым, товарищеские отношения переросли в настоящую дружбу, которая оказалась чрезвычайно плодотворной для всей Якутии...

Глава третья

АЛГЫС — ЭТО БЛАГОСЛОВЕНИЕ

У старцев древних,
У сказителей мудрых,
У предков ушедших
Поговорка была такая:
Проклятье, как эхом,
отзывается кровью,
Благословение, как эхом,
отзывается любовью.

А. Е. Кулаковский.
Благословение
по-старинному[1]

«Носи с собой старца в заплечном мешке, чтоб пользоваться его советами»...

«У старших бери алгыс, а у молодых — дружбу»...

Эти пословицы Алексей Елисеевич Кулаковский запомнил с детства и всегда следовал им, хотя это не всегда приносило ему очевидную пользу.

31 мая 1897 года двадцатилетний Алексей Кулаковский получил аттестат об окончании Якутского реального училища. Начиная с этого дня и до января 1888 года, когда он приступил к работе помощником письмоводителя Ботурусской инородной управы, в его биографии образуется семимесячный перерыв. Не найдено никаких документов и свидетельств о занятиях Кулаковского, кроме составленного 25 сентября 1897 года прошения инородца II Хатылинского наслега Ботурусского улуса Степана Инокентьева, поданного старостам III и IV Жохсогонских наслегов.

Можно предположить, что Алексей Елисеевич Кулаковский, который более всего стремился получить образование, пытался изыскать в эти месяцы возможность для продолжения учебы, возможно, с этими попытками были связаны и его — «зимою два раза ездил в город» — поездки в Якутск.

Шансы на продолжение образования у Кулаковского были. Полученный в реальном училище аттестат предоставлял право на поступление в институт. Можно было — такие прецеденты имелись! — попробовать похлопотать об оплате обучения за счет казны.

---

[1] Перевод В. А. Солоухина.

Как явствует из письма В. В. Жуковскому, Кулаковский встречался в Якутске с одноклассником Григорием Бушуевым, расспрашивал о знакомых, и хотя возобновить отношения с бывшими товарищами по училищу не удалось, но попытки такие Кулаковским предпринимались...

«Зимою два раза ездил в город, — писал он В. В. Жуковскому, — причем в первый раз виделся с Гришей, который обещал показать твое письмо к нему, но во второй мой приезд не только не исполнил это обещание, но даже не счел нужным повидаться со мною, говоря посланнику моему, что будет мыться в бане. Этот незначительный сам по себе поступок его сильно меня огорчил, так что я чуть не расплакался... Я вообще туго и медленно сближаюсь с человеком, но зато нелегко разуверить меня в друге, о котором раз возымел хорошее мнение, на этом основании только я не хочу серьезно негодовать на Гришу...»

Впрочем, вполне возможно, что попытки более интересного устройства в жизни А. Е. Кулаковский предпринимал, ожидая подыскиваемого родителями места помощника письмоводителя, и составленное им в сентябре прошение Степана Инокентьева было как бы экзаменом на эту должность...

Попыткам сына продолжить образование родители не сочувствовали. Во-первых, и возможностей таких — все равно пришлось бы залезать в долги! — не было, а, во-вторых, и результат был не известен. Те редкие якуты, которым удалось получить высшее образование, как правило, уже не возвращались назад и, женившись в чужих краях, как бы переставали быть якутами, забывали язык и родню...

Как считает Г. П. Башарин, родители Кулаковского «счастье своего сына усматривали в трояком идеале».

«Алексей должен был: во-первых, стать улусным суруксутом-письмоводителем, во-вторых, жениться на богатой невесте и, в-третьих, иметь хозяйство, жить близко от стариков, содержать их, а в случае их смерти, говоря по-якутски, кинилэр унуохтарын тутуохтаах этэ, то есть должным образом похоронить.

Алексей Елисеевич, будучи человеком мягкого характера, любящим сыном, поддался влиянию традиции и был вынужден считаться с мнением родителей. Он испробовал указанные три пути обретения счастья»[1].

---

[1] Кулаковский: Сборник докладов к 85-летию со дня рождения А. Е. Кулаковского. Якутск: Книжное издательство, 1964. С. 14.

1

Восхождение к должности улусного суруксута-письмоводителя Алексей Кулаковский начал помощником письмоводителя В. В. Шестакова в Ботурусской инородной управе.

Жил тогда будущий основоположник якутской литературы в Чурапче, квартируя у Тимофея Михайловича Скрыбыкина.

В «Письме другу "Митяю"», написанном, вероятно, в начале января 1898 года, Кулаковский писал, что он не стремится «потуже набить карманы», а, взлетев «в гулко звенящую, сияющую высоту небес» и воссев на их «блистающей, светлой вершине», созерцает мир и размышляет о земле родимой, видимой им «ослепительно яркой звездой», «с первого дня творения» до «его последнего дня».

Но это в письме другу легко было взлетать и восседать на блистающих вершинах. В реальной жизни помощника улусного письмоводителя всё оказалось скучнее и мельче. Первые дела Кулаковского в этой должности никакого материала для размышлений о «земле родимой» как «ослепительно яркой звезде» не давали.

Прежде всего Кулаковскому поручено было составить список экономических магазинов и приписанных к этим магазинам жителей. Потом он подготавливал предписание Телейскому родовому управлению о вручении повестки Максимову о краже лошади у Великанецкого, а также составлял предписания Алданскому родовому управлению по поводу хранения дела о самовольно выкошенном Сергеем Микешевым сене...

Поначалу дел было немного, но постепенно нагрузка возрастала.

Из составленной Людмилой Реасовной Кулаковской хронологии видно, что уже к концу первого месяца службы практически вся бумажная работа в Ботурусской инородной управе легла на плечи молодого помощника письмоводителя...

24 января 1898 года А. Е. Кулаковским было написано девять разных документов Ботурусской инородной управы...

31 января 1898 года А. Е. Кулаковский подготовил тринадцать разных документов Ботурусской инородной управы...

Какими именно документами занимался Кулаковский, видно по списку дел за 3 февраля 1898 года. Он составил в этот день:

1. Ведомости:

а) О взыскании податей и повинностей с инородцев Ботурусского улуса за январь 1898 года.

б) О состоящей за инородцами Ботурусского улуса больничной недоимке за февраль 1898 года.

в) О состоящей в Ботурусском улусе хлебной недоимке.

2. Докладные Ботурусской инородной управы в Якутское окружное полицейское управление:

а) Об отсутствии беглых и беспаспортных лиц за январь месяц.

б) Об отсутствии дезертиров и иногородних лиц за январь месяц.

3. Ведомости в Якутское окружное полицейское управление:

а) О ценах, существовавших в течение минувшего января месяца на съестные припасы.

б) О справочных ценах, существовавших в течение минувшего января на рабочих людей, строительные инструменты и материалы.

в) О состоящих на причислении в Ботурусском улусе ссыльных, с подразделением их на категории, а также не имеющих статейных списков.

4. Подготовил реестр господину товарищу прокурора Якутского окружного суда 2-го участка Якутского округа об исполнении и неисполненных приговорах судебных мест за январь месяц.

Работы было много, но трудно назвать ее захватывающе-интересной для двадцатилетнего человека, в котором — вспомните о его переводах, о его рефератах! — уже проснулся литературный талант...

Удовлетворяло ли Кулаковского положение, в котором он оказался?

Нелепо и рассуждать об этом.

После чтения книг, после разговоров, приобщающих к высотам мировой культуры, после стремления перечувствовать всё, что волновало души великих русских поэтов, после счастливых попыток проникнуть в самую суть их творчества, после живого общения со сверстниками, после юношеских мечтаний о подвиге гражданина, любящего свое отечество, он ясно чувствовал, как засасывает его сонная якутская глубинка...

«На первых порах я сильно негодовал, видя канцелярские порядки... — как бы подводя итоги первого месяца своей работы в Ботурусской инородной управе, написал А. Е. Кулаковский своему товарищу по училищу В. В. Жуковскому. — Судопроизводство у нас оказывается в самом плачевном состоянии, о каком и вообразить трудно... жизнь при управе не слишком-то по нраву мне и хочу как-нибудь отделаться отсюда. Я пока

не наметил — какой образ жизни поведу, вероятнее всего позабуду всё вынесенное из училища, оставлю все "мечтания благородные"... буду строчителем в наслегах, буду писать и за и против давшему больший приз, лишь самому мягче, да теплее, да сытее было. Вообще итог должен будет сводиться к тому — как бы потуже набить карманы, как это замечается у весьма и весьма многих "пишущих якутов"...»

Поразительно, как много горечи скрыто в этих размышлениях молодого Кулаковского о судьбе «пишущих якутов». Еще поразительнее бесстрашное, реалистически-жесткое моделирование своей возможной — «вероятнее всего позабуду всё вынесенное из училища, оставлю все "мечтания благородные"» — судьбы...

Поводом для письма послужила смерть отца Жуковского, народовольца Василия Федоровича Трощанского, которая произошла в селении Черкёх Ботурусского улуса[1].

Разумеется, сам Кулаковский понимал, что письмо-сообщение товарищу по столь печальному поводу— не лучшее место для исповеди. Но это свидетельствует не о недостатке деликатности у автора, а об отчаянном одиночестве, в котором тот оказался в Чурапче.

Чем-то А. Е. Кулаковский был сейчас похож на описанного покойным Трощанским якута, у которого и жена, и престарелые родители, и скот, и собака, и кошка «живут впроголодь изо дня в день всю жизнь и только изредка насыщаются до отвалу; и можно с уверенностью сказать, что даже мыши в юрте живут голодом, так как поживиться у хозяина нечем».

Помощнику письмоводителя Ботурусской инородной управы Алексею Елисеевичу Кулаковскому не хватало не хлеба, а живого человеческого общения, но общение это было ему еще нужнее, чем хлеб.

2

В. Г. Короленко, отбывавший ссылку в Амге, недалеко от Чурапчи, писал, что мороз в 25 градусов кажется здесь настоящим веянием весны.

«Раз начавшись, это смягчение идет уже неуклонно. Дни быстро прибывают. Зима начинает отступать. Переходный промежуток занимает короткое время. Только по ночам духи зимы вокруг юрты мечутся и стонут... Лошади чувствуют это и

---

[1] Существует предание, что смерть В. Ф. Трощанского произошла близ речушки Таатта в урочище Тарагай в местечке Ыарга.

В. Ф. Трощанский — автор книги «Эволюция черной веры (шаманства) у якутов».

бегают вокруг двора с сумасшедшими глазами, распустив по ветру хвосты и длинные гривы...

Этот период, когда зима еще отстаивает свои права, в тех местах длится недолго, до начала апреля. В это время ветры всё меняются. То они дуют с океана суровым холодом, то начинаются сравнительные оттепели. Так среди резких перемен проходят две-три недели. Земля в это время тверда, как камень. Наконец под влиянием все прибывающего дня в воздухе чувствуется тепло. Снег как будто оживает: под ним начинают журчать ручьи, которые быстро несутся по твердой еще, как камень, земле. Наступает еще один парадокс: лето наступает среди зимы. Кругом лежит еще снег, но тепло совершенно по-летнему».

Именно в эту пору родители помощника письмоводителя Алексея Кулаковского приступили к реализации второй части своего мудрого плана — женитьбе сына на богатой невесте.

В один из таких дней, 19 апреля 1898 года, Алексей Кулаковский обвенчался с семнадцатилетней «толстушкой» — Анастасией Егоровной Оросиной, младшей дочерью известного в округе богача Егора Васильевича Оросина[1].

«У Оросина было две дочери: любимая дочь Анна и "кейге кыыс" (нелюбимая) Анастасия, — пишет Г. П. Башарин. — Родители Кулаковского, сознавая свою бедность и незнатное происхождение, сватали сыну Анастасию. Им, конечно, хотелось бы, чтобы Алексей женился на Анне, но они боялись большого за нее калыма».

Алексей Елисеевич спорить с родителями не стал.

Конечно, Анна Оросина была красивее, чем выбранная в невесты Анастасия, но ***что*** такое женская красота?

Если сравнить ее с молодой гусыней,
резвящейся в весеннем небе,
то, пожалуй, обидится и скажет:
«Вот еще,
сравнил меня с птицей,
набивающей желудок червяками да улитками».

Если сопоставить ее со стерхом,
что сверкает белым опереньем,
то, пожалуй, рассердится и скажет:
«Вот еще,
сравнил меня с белой птицей,
набивающей желудок лягушками да тварями».

---

[1] Его брат, Иван Васильевич Оросин, знаменит тем, что в бытность головой Ботурусского улуса, в 1881 году, привез политссыльного — народника Эдуарда Карловича Пекарского в Игидейский наслег, чтобы образованный ссыльный мог обучать местных детей грамоте. Эдуард Карлович Пекарский провел здесь 18 лет и составил Словарь якутского языка.

Если соотнести ее
с певчей синичкой, с маленькой хлопотуньей,
то, пожалуй, капризно скажет:
«Вот еще,
сравнил меня с глупой птичкой,
набивающей желудок комарами да мошками»...[1]

Кулаковского вполне устраивала «плосколицая и узкоглазая», нетребовательная Анастасия. И хотя не вспыхнуло между молодыми безумной любви, но установились хорошие отношения, чему способствовали добрый характер невесты, ее музыкальность и, конечно, надежда, что за Анастасию потребуют небольшой калым, а приданое будет богатое.

Только вот расчеты на невеликий калым не оправдались.

Егор Васильевич Оросин подтвердил свое умение собирать богатства. За нелюбимую дочь он заломил огромный — 800 рублей! — калым.

На эти деньги можно было купить 80 коров, и выплачивать образовавшиеся долги А. Е. Кулаковскому придется и после смерти жены. Более того, выплачивая калым, он попал в унизительную и весьма обременительную для него зависимость от тестя.

«...За пазухой Егора Васильевича Оросина жил четыре года. Платя калым за его дочь, я задолжался до 1500 руб. Чтобы уплатить этот долг, я сделался авантюристом и аферистом в тесной связи этих слов: служил письмоводителем два года, ездил в Оймякон подряд три года, строил больницу, ездил в Охотск исполнять телеграфные работы (состоял подрядчиком на 90 000 руб.), ездил на прииски, но возвратился, не дожидаясь вакансии, учил у одного богача двоих детей за 600 руб. в год, а теперь состою учителем Вилюйского городского трехклассного училища, кое-как удалось уплатить долги, но не все...»[2]

Поначалу Алексей Елисеевич не терял надежды на благородство тестя.

«По твоему совету я женился на богачке, — писал он В. В. Жуковскому, — вероятно, слыхивал о богачах Оросиных, — вот на дочери одного из них, Егора Васильевича, я и женился, руководствуясь расчетом. Хотя калым назначили почти не по силам мне (800 р.), но, я думаю, игра стоит свеч.

Венчался 19 апреля 1898 года, а жену повезу к себе в будущем году, тогда и свадьба будет. Жинка моя плосколицая, узко-

---

[1] А. Е. Кулаковский. Стихотворение «Красивая девушка». Перевод В. А. Солоухина.

[2] Рассказ А. Е. Кулаковского о своей жизни после окончания в 1887 году Якутского реального училища.

глазая, здоровенная толстушка, которая, вероятно, народит мне здоровенных же кулачат».

Увы...

Алексею предстояло пережить еще одно разочарование.

Назначив огромный калым, Егор Васильевич Оросин приданого за Анастасией не дал. Правда, чтобы не превратиться в посмешище, он вполне прилично одел дочь, но это было всё, что получил от него «расчетливый» Кулаковский.

Поистине поражаешься христианскому смирению Алексея Елисеевича, который, получив в жены нищую, немилую женщину, погрязший из-за нее в долгах, никогда не срывал на ней раздражения. Восемь лет совместной жизни, которые были им отпущены Богом, прожили супруги в мире и согласии.

17 ноября 1899 года в возрасте шестидесяти пяти лет, исповедовавшись у священника Чичимахской Николаевской церкви Иоанна Винокурова и причастившись Святых Даров, умер Елисей Васильевич Кулаковский от воспаления предстательной железы.

Исполняя последнюю часть триады об идеальных отношениях родителей и детей, Алексей Елисеевич Кулаковский должным образом, говоря по-якутски: кинилэр унуохтарын тутуохтаах этэ, похоронил отца на родовом кладбище в Учае.

3

После смерти отца Кулаковский продолжает работать помощником писаря Ботурусского улуса и живет в Чурапче, попрежнему квартируя у Тимофея Михайловича Скрыбыкина. Только наездами бывает он у жены в I Игидейском наслеге, раскинувшемся по берегам Баяги.

Дел у него с каждым днем становилось всё больше.

Судя по реестру, помощник письмоводителя Кулаковский вел документацию по вопросам землепользования и сбора налогов, занимался распределением сенокосных угодий и ссудами (сеном и хлебом) нуждающимся жителям, хлопотал о розыске пропавших лошадей и о борьбе с пьянством...

Кулаковский составлял бумаги об изготовлении классной доски для Абагинской школы и об отправке на Охотский тракт рабочих людей для постройки новых мостов...

Разбирал жалобу Алексея Амосова на Гаврилу Амосова, который тайно увел его работницу Ульяну Хордогосову, и выписывал удостоверение поселенцу II Хаяхсытского наслега Ивану Тимофеевичу на получение билета для проживания на золотых приисках Олекминской и Витимской систем...

Пытался предотвратить спуск жителями Жулейского наслега озера Чибили и брал расписку с Семена Попова, обязующую его не играть в карты...

Некоторые дела, которые приходилось разбирать Кулаковскому, больше смахивали на анекдот, как, например, дознание о краже четырех пачек чая у Егора Игнатьева. Постановлено было, «ввиду картежной игры, взыскать с домохозяина, в доме которого была картежная игра, и удовлетворить поселенца Егора Игнатьева четырьмя штуками кирпичного чая».

Еще более анекдотичен разбор жалоб Ивана Сунхарылова...

Еще в 1895 году Иван Сунхарылов пришел в родовое управление с жалобой на Егора Мордовского, но тогда староста Терасинского родового управления Иван Игнатьев предложил спорщикам помириться при условии, что Мордовский угостит Сунхарылова бутылкой водки, и оба согласились.

Теперь, три года спустя, Иван Сунхарылов принес жалобу на Николая Сунхарылова, который сказал: «Вы, Милостивый Государь (Иван), отстраняя меня от дележа рыбы, поступаете так же, как журавль не подпускает к найденному червячку других журавлей!»

Сравнение это оскорбило Ивана Сунхарылова, заявившего в управлении, «что он не журавль».

Возможно, Ивану Сунхарылову, как и в случае с Егором Мордовским хотелось вытребовать с Николая Сунхарылова бутылку водки, но на этот раз планы его не осуществились. Совместно со старостой Тыарасинского наслега В. Давыдовым Кулаковский так сформулировал решение: отказать просителю, поскольку родовое управление находит, что спрашивать свидетелей под присягой о подробностях перебранки неуместно и недостойно...

Что-то в работе помощника письмоводителя было смешным, многое, когда речь шла о нужде, преступлениях и неестественных смертях — страшным, но всё это тонуло в засасывающей повседневности.

«Чувствую, Жук, что я далеко недостаточно образован, — признавался Кулаковский в письме Жуковскому. — Где-то далеко, в глубине души, живет зародыш желания — самообразовать себя. Конечно, единственным источником или средством для этого послужило бы чтение. Но, к сожалению, книги очень трудно мне доставать, да и руководителя нет (который бы указывал — что читать). И в этом случае приходится ждать, пока я разбогатею, чтоб я мог покупать или выписывать книги. Да вот беда: прежде чем я разбогатею, зародыш-то желания угаснет.

Так вот, для примирения этих несуразностей я намереваюсь искать клад по углам всякого дома. Но положим, если это беспокоящее меня желание угаснет, то нечего и тревожиться...»

Скрашивало Кулаковскому пребывание в Чурапче, пожалуй, только знакомство с первым якутским дипломированным врачом, выпускником Московского университета П. Н. Сокольниковым, который тогда тоже работал в Ботурусском улусе.

У Сокольникова была хорошая библиотека, и Кулаковский мог здесь (сохранился список библиотеки П. Н. Сокольникова) познакомиться с работами Фридриха Ницше, Томаса Мальтуса, Карла Маркса.

Как пишет Кулаковская, ее дед уже в то время «пользовался уважением и любовью народа, как по своему доброжелательному характеру, так и всё больше проявляющимися разносторонними талантами певца и сказителя, непревзойденными достижениями в национальных спортивных играх».

Мало кто побеждал Алексея Елисеевича в борьбе хапсагай и соревнованиях по поднятию тяжестей. На сохранившихся фотографиях Алексея Елисеевича того времени мы видим широкоплечего молодого человека с прямым открытым взглядом...

Говоря о пребывании Кулаковского в Чурапче, надо упомянуть и о первых его «сочинениях» на якутском языке.

Отправляя 17 августа 1898 года в Восточно-Кангаласскую инородную управу объявление о пойманных в улусе лошадях для розыска их хозяев, А. Е. Кулаковский описал масти лошадей на якутском языке. То же самое сделал он и 4 октября 1898 года, когда разыскивали владельца коня, найденного жителем II Хатылынского[1] наслега Константином Мироновым.

Разумеется, эти якутские описания только в шутку можно назвать сочинениями, но так уж получалось у Алексея Елисеевича, что и эти попутные работы сливались в результате в единый, весьма важный для культуры Якутии труд.

В работе «Виды животного и растительного царств, известные якутам» Кулаковский приводит список главных лошадиных мастей, различаемых якутами:

Манган — совершенно белая;
Уут кэрэ — белая с желтоватым отливом;
Саһыл кэрэ — масти лисы;
Сырдык сур — светло-мышиный;

[1] Ныне существует наслег с таким названием в Чурапчинском улусе.

Сур — мышиный;
Хара сур — темно-мышиный;
Светло-серый;
Серый;
Темно-серый;
Темно-серый в яблоках;
Рыжий;
Игрений со светлой гривой;
Игрений с гривой;
Соловый;
Светло-рыжий;
Буланый;
Кирпично-буланый;
Темно-буланый;
Серо-буланый;
Чалый;
Сиэр — саврасый;
Чумэчи кугас — масти парафина;
Солонгдо кугас — масти колонка и т. д. ...

Многие из этих описаний, которые Д. Д. Савинов справедливо назвал «достоянием республики», были выработаны Кулаковским еще в бытность его помощником письмоводителя в Чурапче.

4

В принципе, если бы Алексей Елисеевич, как теперь говорят, не попал на деньги, угодив в кабалу к своему тестю, заработки позволяли бы ему вести вполне безбедную жизнь.

Вот несколько записей о его доходах.

19 июня 1898 года. Помощнику письмоводителя А. Е. Кулаковскому выделено добавочное жалованье в размере двух рублей по I Хаяхсытскому наслегу Ботурусского улуса за первую половину 1898 года.

10 июля 1898 года. Запись № 4052 в исходящем реестре БИУ по I Игидейскому родовому управлению о выдаче помощнику письмоводителя Алексею Кулаковскому 84 рублей 44 копеек.

Запись № 4053 по II Игидейскому родовому управлению о выдаче Алексею Кулаковскому шести рублей пяти копеек.

21 января 1899 года А. Е. Кулаковский получил полный расчет за 1898 год, в чем и подписался в квитанции. Дополнительно к уже полученным 92 рублям 49 копейкам он получил за работу 41 рубль четыре с половиной копейки от Жулейского родового управления, 80 рублей от Телейского, 25 рублей от старосты Николая Макарова.

Всего в 1898 году Кулаковскому было выдано 238 рублей 53 с половиной копейки. Для сравнения, наемный рабочий за год — от Покрова до Покрова! — получал в улусе от 30 до 40 рублей, женщины — от пяти до восьми рублей жалованья.

В 1899 году доходы Кулаковского возросли еще сильнее. Они составили 279 рублей 55 копеек.

И вот от этой вполне обеспеченной жизни Алексей Елисеевич вынужден был лезть «за пазуху» к тестю. В начале 1900 года Егор Васильевич Оросин вынудил его перейти с должности улусного на должность наслежного писаря.

Чтобы понять, ***что*** это значило для самого Кулаковского, можно вспомнить приговор общего собрания инородцев Ботурусского улуса, состоявшегося в 1900 году, в котором отмечалось, что ввиду ничтожного жалованья, выдаваемого к тому же не деньгами, а в виде мяса, масла, сена, «в наслежные писари поступают люди малограмотные и бедные, не находящие других занятий»[1].

«Таким образом, — говорит Л. Р. Кулаковская, — А. Е. Кулаковский — единственный во всем Ботурусском улусе выпускник реального училища, выходец из среднеобеспеченной семьи, зять богатого рода, попадает в категорию людей, "не находящих других занятий". Надо полагать, что образованному, интеллектуально развитому, знающему свои возможности молодому человеку 22—23 лет нелегко было осознавать такую уничижительную оценку своего занятия старейшинами улуса».

Некоторые исследователи отрицают, что Егор Васильевич Оросин мог быть прототипом героя стихотворения Кулаковского «Скупой богач». Они доказывают, будто богач, который в стихотворении Кулаковского заставляет семью питаться протухшей рыбой, сосновой заболонью и мясом дохлятины, совершенно не похож на просвещенного Е. В. Оросина.

Это, безусловно, верно, но верно и то, что гиперболизированный, практически лишенный реальных узнаваемых черт герой стихотворения[2] воплощает не столько черты самого

---

[1] НА РС(Я). Ф. 29. Оп. 2. Д. 2287. Л. 66 об.

[2] Как известно, «Скупой богач» известен в устной традиции в нескольких вариантах, из них непосредственно связанным с текстом А. Е. Кулаковского является аналогичное по названию произведение И. А. Кулаковского «Оонньуулаах Уйбаан». Как отмечает Н. В. Покатилова, существенным моментом, отличающим текст Кулаковского от предшествующей ему традиции, является виртуозная изощренность стиха, в котором, наряду с собственно метрическими формами, переплавлены стилистические и синтаксические элементы: это неожиданные семантические

Е. В. Оросина, сколько субъективное отношение к нему А. Е. Кулаковского. Последнему трудно было смириться с тем, что тесть требует с него так много денег, тем более что никакой нужды в этом у Оросина не было, капитал у него был не малым.

После смерти тестя Кулаковский сообщит Э. К. Пекарскому: «Егор Оросин умер, а его деньги не найдены, зарыто было более 60 000 р.»[1]. 60 тысяч рублей — это огромное по якутским меркам состояние, и вместо того, чтобы приумножаться и служить и семье, и всему якутскому народу, оно — это не могло не возмущать Кулаковского, который пожертвовал своей молодостью, чтобы на 800 рублей пополнить это состояние! — так и осталось зарытым в земле...

Ну а когда мы вспомним, что делал Е. В. Оросин с закрепощенным им зятем, то окажется, что это вполне может быть соотнесено с тем, что творит со своей семьей герой стихотворения.

Что чувствовал, что ощущал сам Алексей Елисеевич, оказавшись «за пазухой» у тестя, рассказано в его дневниковых записях, датированных началом 1901 года: «Во время покупки вин (для свадьбы[2]) в ренсковом погребе застали меня двое из любимейших мною учителей А. В. Кириллов и А. Г. Ушаков. Я показался в самом жалком невзрачном виде. В самом деле: раньше они знали меня как юношу, воспитанного средним учебным заведением, имеющего много хороших способностей и качеств; теперь же я выглядел типичнейшим якутом, как по костюму, так и по манерам; наружность моя изменилась к худшему: стан согнулся, походка стала вялой, харя обросла бакаами и бородой и страшно загорела от постоянных разъездов; выражение лица, раньше открытое и довольно симпатичное, теперь было тупое и пасмурное. Раньше я готовился к жизненному пути с надеждой и идеями, надеялся на свои силы. А теперь идеальные цели уступили место грубым и мрачным требо-

---

сближения слов, не совместимых с точки зрения традиции, что создает окказиональный эффект и даже служит своеобразным перебоем ритма, а также синтаксические инверсии фраз, не свойственные устной традиции... Цементирующим началом всех стилистических приемов в произведении становится авторская ирония. Авторское оценочное отношение к «герою» повествования выражается: а) в прямых обращениях от первого лица; б) в переоформлении косвенной речи; в) в ведении реплик диалогической речи, правда, в трансформированном виде, как не собственно-прямой речи.

[1] Письмо А. Е. Кулаковского Э. К. Пекарскому от 18 ноября 1912 года. Цит. по кн.: Кулаковский: Сборник докладов к 85-летию со дня рождения А. Е. Кулаковского. Якутск: Книжное издательство, 1964. С. 83.

[2] Для свадьбы А. Е. Кулаковский должен был купить 17 ведер водки, ведро наливки, 21 бутылку вина.

ваниям жизни, чары которой безвозвратно запутали меня, измяли, изуродовали и втянули в свою обычную колею, как и биллионы других несчастных. Все эти нравственные и психические изменения несомненно отразились и на моей физиономии...»

Месяцы, когда тесть засовывал зятя за пазуху, вынуждая его перейти с должности улусного на должность наслежного писаря, ознаменованы еще одним печальным событием: 7 марта 1900 года, будто бы отравившись сосновой заболонью и мясом дохлятины, умерла от «катара желудка» единственная его сестра — Матрена Елисеевна Кулаковская-Охотина.

Ей было всего 34 года.

Только брат Иван да еще мать и остались у Алексея Елисеевича от родительской семьи...

5

Птенец вороны — ворона, птенец орла — орел. Так говорит якутская пословица, и справедливость ее остается незыблемой, как бы причудливо ни изменялись жизненные обстоятельства.

Разумеется, описывая в дневнике свой согбенный стан, вялую походку, обросшее баками и бородой лицо, тупое и пасмурное выражение его, Кулаковский шаржировал свой портрет. Но, с другой стороны, жизнь «за пазухой» у тестя, бесконечные разъезды по наслегам (тесть заставлял его совмещать пять писарских должностей) не могли не наложить отпечатка на облик Алексея Елисеевича. Можно говорить, что в каком-то смысле он возвращался в униженное состояние, когда, еще до поступления в Чурапчинскую школу, жил «вне сферы влияния русского языка».

Другое дело, что теперь Алексей Елисеевич возвращался в глубинку якутской жизни вооруженным достаточно серьезными знаниями русской культуры и русской литературы...

В конце 1900 года А. Е. Кулаковский по случаю бессонницы отправился на Амгу и несколько недель жил в Учае у матери.

В Учае соседом Кулаковских был пятидесятилетний Анемподист Яковлевич Аввакумов, по прозвищу «Ыт сыыһа», певец-сказитель, занимавшийся охотничьим промыслом. От Анемподиста Яқовлевича Аввакумова и услышал Алексей Елисеевич поразившее его своей красотой заклинание хозяина леса, доброго и щедрого иччи Баай Байаная...

«Он (Байанай. — *Н. К.*), несомненно, дух леса со всем его содержимым, — скажет Алексей Елисеевич Кулаковский в сво-

ей работе «Материалы для изучения верования якутов». — Он живет в лесах, изобилующих всяким зверьем, потому если якуты рубят ближайший лес для жилья, то на это бесценное богатство он не обращает внимания, и поэтому не стоит утруждать его просьбой об уступке леса. Байанай на лес должен смотреть именно как на бесценок, ***ибо он сам создан фантазией народа, не понимающего ценности леса...»***[1]

Байанай, сообщает А. Е. Кулаковский, всегда является охотнику, будь то во сне или наяву, в образе великана преклонных лет, в дохе и вообще в костюме охотника. Он очень добрый и великодушный и часто выручает людей от голодной смерти, посылая в критическую минуту какую-нибудь добычу...

Поскольку считается, что Байанай является ярым курильщиком, охотники оставляют ему в дуплах деревьев завернутый в тряпку табак...

«Байанай прост характером, и ему нравится, когда охотник радуется его дарам. Поэтому, стараясь угодить доброму дедушке леса, охотники прикидываются чрезмерно обрадованными... Придя с кабаргой домой, охотник обязательно делает вид, что кабарга не пролезает в дверь, и изображает, будто тешет топором косяки, чтобы расширить проход...

Певцы обращаются к Байанаям с пением в стихотворной форме, речь свою аллитерируют и ради этой аллитерации наделяют каждого из Байанаев таким именно орудием, местом пребывания или зверем, у которых только названия аллитерируются с именем данного Байаная...»

Но всё это Алексей Елисеевич Кулаковский напишет годы спустя, а в ноябре 1900 года — охотники выходили на промысел после Дмитриева дня (8 ноября) — молодой наслежный писарь слушал пятидесятилетнего Анемподиста Яковлевича Аввакумова, певшего:

С трудником из красной лисицы,
С кисетом из черно-бурой лисицы,
С кнутом из сиводушки,
С игрушкой из лесной бурой лисицы,
Широкая натура,
Многообразный распорядитель,
Все имеющий богач,
Господин Дедушка! —

и всё в нем замирало от восторга...

---

[1] *Кулаковский А. Е.* Научные труды / Подг. к печати Н. В. Емельянов, П. А. Слепцов. Якутск: Книжное издательство, 1979. С. 32—33.

Разумеется, и раньше слышал Кулаковский, как поют охотники, собираясь на охоту, но высокая литературная красота этих заклинаний открылась ему только сейчас...

Ведь хотя и оказался Алексей Елисеевич, как в дошкольные годы, в якутской глубинке «вне сферы влияния русского языка», но слух его был очищен образованием, а душа разбужена русской культурой. Поэтому и слышал он и понимал то, что не слышал и не понимал раньше...

Благословенные дни мои настали.
Девять конских волос во всю длину класть,
Семи конских хвостовых волос распрямлением бросать,
Знаменательные дни наступили!.. —

писал Алексей Елисеевич, еще не сознавая, что не просто записывает песню Анемподиста Яковлевича Аввакумова, а создает новое литературное произведение.

Годы спустя Кулаковский скромно заметит, что его алгыс лучший из всех известных ему вариантов[1]. Однако эстетическая «завершенность», «сверхвариантная», как выразился исследователь, полнота выделяют текст Кулаковского из череды фольклорных записей, сделанных различными исследователями, превращают его в самостоятельное художественное произведение.

«Мы не должны рассматривать "Благословение Байаная" как простое переложение из жанра якутского фольклора, это действительно художественное произведение, созданное поэтом... — говорит Е. Е. Алексеев. — Бытовой алгыс Байаная, которым пользуются в народе, представляет собой только прошение охотника, он ждет для себя от духа только добычи. Кулаковским же создан художественный образ охотника, человека активного, обрисованы его жизнь, труд, характер, жизненные привычки, отношение к верованиям».

В справедливости этого суждения легко убедиться, сравнив «Благословение Байаная» с записью, сделанной С. А. Новгородовым в 1914 году в Ботурусском улусе, то есть примерно в то же время и в том же месте, где писал Кулаковский.

Разница поразительная!

Народная песня Анемподиста Яковлевича Аввакумова для А. Е. Кулаковского важна не сама по себе, а только как дверь, через которую входит поэт в сокровенный мир, составляющий духовную суть народной жизни, определяющий ее обычаи и поверья. Растворяясь в воздухе этого сокровенного мира, припадая к истокам родного языка, обретает Кулаковский поэтическую силу и пророческую прозорливость.

---

[1] *Кулаковский А. Е.* Научные труды. Якутск, 1979. С. 35.

По праву «Благословение Байаная»:

Семи волнистых гор хозяева,
Близко-близко будьте!
Род Сары-Нарасына,
Грозной кровавой девы потомство,
С бахромчатой одеждой,
С узорчатыми шубами,
Под травой шушукающие парни,
Под почвой шепчущиеся девки,
На меня глядя, улыбайтесь,
Оборачиваясь к тени своей, светлейте лицом... —

считается первым произведением якутской письменной литературы[1].

Символично, что создано оно как раз накануне XX века. Получается, что Алексей Елисеевич Кулаковский начинает с благословения не только свой творческий путь, но и всю якутскую литературу, основоположником которой он стал...

«В возникновении и становлении якутской литературы я отмечаю два значительных момента, — писал по этому поводу Е. П. Шестаков-Эрчимэн в книге «Вечно живой Ексекюлях». — Во-первых, наша литература родилась в одно время с новым веком, она возникла в начале самого быстрого, динамичного, противоречивого в своем историческом развитии XX века; во-вторых, именно алгыс, которому якутский народ придает особое значение, вдохновил тогда поэта и ученого Кулаковского на плодотворную творческую и исследовательскую работу.

Это замечательно. Якутская поговорка гласит: "Алгыс и плот сдвинет". Алгыс — благословение Ексекюлях Елексей с его глубинным значением, составленный из слов, побуждающих только на добрые чувства и мысли, несущий в души свет, возвышающий и сильный, продолжает и теперь работать. И потому литература, получившая такое благословение, будет работать не только на якутский народ, будут созданы поистине

[1] Некоторые исследователи отдают тут пальму первенства Афанасию Яковлевичу Уваровскому. Аргументы их выглядят бесспорными, поскольку А. Я. Уваровский по просьбе А. Ф. Милендорфа написал свои «Воспоминания» в 1845 году и в 1846 году доработал их совместно с создателем первого научного якутского алфавита Отто Бётлингкомом, и уже в 1851 году его «Воспоминания» были опубликованы.

Тем не менее, на наш взгляд, при всем несомненном литературном таланте А. Я. Уваровского, его «Воспоминания» и по материалу, и по отношению к нему остаются произведением, написанным русским человеком на якутском языке, и в качестве произведения, с которого началась якутская литература, рассматриваться не могут.

высокохудожественные произведения, которые с большим интересом будут читать другие народы, люди земли».

Как замечает Кулаковский в стихотворении «Благословение по-старинному»:

У старцев древних,
У сказителей мудрых,
У предков ушедших
Поговорка была такая:
Проклятье, как эхом,
отзывается кровью,
Благословение, как эхом,
отзывается любовью...

Рождение якутской литературы... Это знаменательное событие в жизни всех якутов совпало со знаменательным событием в жизни семьи Кулаковского.

12 ноября 1900 года у Алексея Елисеевича Кулаковского и его жены Анастасии Егоровны родился в Игидее первый ребенок, дочь Раиса. 17 ноября священник Василий Попов крестил ее в Ытык-Кёльской церкви.

Ну а по чиновничьей службе, как это видно из документов, Алексей Елисеевич занимается в последние дни ноября 1900 года делом жительницы Жулейского наслега Екатерины Пудовой, которую нашли замерзшей в местности Ары Тит.

6

Немногословны и очень конкретны дневниковые записи Алексея Елисеевича Кулаковского: «2 марта 1901 года. Приехал с Прокопием Охотиным с Алданского наслега. Охотин проигрался и обещал мне не играть в течение года. Принялся делать табуреты из осины...»

Но в Учае и в эти дневниковые записи, конкретностью своей напоминающие табурет, сделанный из осины, то и дело врываются отголоски забытых мифов, и по дневниковым записям начинает гулять эхо древних преданий.

«3 марта 1901 года. Моя мать вечером выходила на двор и, вошедши, сказала: "кус уйата ырааппыт". Это значит, что плеяды ушли далеко...»

Плеяды тут не просто группа из семи звезд в созвездии Тельца[1], это отголосок якутских мифов, согласно которым

[1] Невооруженным глазом можно различить в группе Плеяд (старинное русское название — Стожары или Волосожары) шесть звезд, и только человек с острым зрением различает седьмую звезду. На самом деле в скоплении содержится одна тысяча учтенных звезд, а общее число приближается к трем тысячам.

семь дней и ночей рубил шаман звезду, наводящую на Якутию холод, пока не расколол на семь звезд. Он и вообще бы прогнал холод, но любопытная баба высунулась посмотреть, и потому не осилил шаман до конца холодную звезду, только — месяца на два! — убавил морозов.

Похожий вариант легенды в «Материалах для изучения верования якутов» привел сам Алексей Елисеевич Кулаковский.

«О плеядах (Үргэл) существует следующая легенда, — писал он. — Шаман "Чачыгыр Таас Ойуун" однажды перед камланием сказал, что срубит закрепу (к небу) плеяд, и запретил всем взглядывать на небо и плеяды во время его действий. Стал камлать. Среди камланья весь заиндевел, значит, он рубит уже закрепу. Одна баба не смогла побороть своего любопытства и тайком выглянула в окошко хлева, в которое выбрасывают скотский кал. Она увидела, как с плеяд сыпались огненные искры. Чачыгыр Таас Ойуун сразу приостановил свои действия и заявил, что рубке плеяд помешал грешный смертный своим взором и что он из девяти плеяд убавил только две. С тех пор зима стала менее суровой».

Мы говорим об этом, чтобы подчеркнуть, что Алексей Елисеевич не случайно «услышал» «Благословение Байаная» именно в Учае. Он как бы растворялся в здешней местности, напитывался духом родной земли, улавливал тончайшие, не слышимые никому звуки, и душа его отзывалась на них...

«5 марта 1901 года. Занимался юридическими вопросами и литературой... Сегодня мать мне показала так называемый древесный "ньаассын", вошедший в пословицу по причине своей мягкости... Мать мне рассказала, что́ якутки в старину носили... Когда-нибудь я спрошу у матери, какие стежки были при шитье якутской одежды...»

Учитывая, что старостой в IV Жохсогонском[1] наслеге был выбран старший брат Иван, Алексей Елисеевич принимает резонное решение перебраться в Учай всей семьей.

«Уже полгода прошло с тех пор, как я забросил ведение сего дневника, — записывает он 3 сентября 1901 года. — Но между тем, как назло, этот период времени заключал в себе много фактов моей жизни, достойных записи в дневнике. Например, за это время я перевез свою жену в первый раз к себе домой...»

Однако пожить отдельно от тестя Кулаковскому не удалось и теперь.

В начале осени заболела теща, и Оросин потребовал, чтобы

[1] Ныне существует наслег с таким названием в Тааттинском улусе.

Кулаковский возвращался в Игидейский наслег. С 30 сентября 1901 года Кулаковские живут снова у Егора Васильевича.

Конечно, как это видно по дневниковой записи от 5 октября 1901 года, Алексей Елисеевич понимал весь трагизм положения тестя.

Старший сын Егора Васильевича Оросина, Иван-Вася, умер от чахотки. Сын Василий замерз пьяным. Иларион, служивший головой Ботурусского улуса, умер в Якутске от брюшного тифа. Младший сын Сергей был слаб здоровьем.

Теперь, 6 октября, скончалась от «воспаления желудка» жена...

10 октября после похорон тещи Алексей Елисеевич Кулаковский ездил проводить дознания о задохнувшемся в дыму мальчике, а когда вернулся, Егор Васильевич собрал всю родню в чулане и объявил, что желает исполнить волю покойной и разделить принадлежавшие ей деньги.

Дочерям Анне Егоровне Давыдовой и Анастасии Егоровне Кулаковской досталось по одной тысяче рублей. 250 рублей получил и Кулаковский.

Сложнее оказалось со свободой.

Егор Васильевич потребовал, чтобы Кулаковские жили с ним, и принудил Алексея Елисеевича вести его канцелярские дела.

Впрочем, удерживать Кулаковского «за пазухой» Егору Васильевичу было уже не под силу. Своим характером и способностями, а главное, исправной, добросовестной службой, направленной не на личное обогащение, а на служение обществу, Алексей Елисеевич Кулаковский завоевал серьезный авторитет в улусе.

29 ноября 1901 года общество IV Жохсогонского наслега, где служил старостой Иван Елисеевич Кулаковский, выбрало А. Е. Кулаковского своим доверенным по вопросу о разделении Ботурусского улуса.

Вместе с головой Ботурусского улуса Е. Д. Николаевым А. Е. Кулаковский написал тогда докладную, доказывающую, что мысль разделить улус «по системе двух рек Таатта и Амга нисколько не соответствует действительным условиям бытовой жизни ботурусцев, как желающих отделиться, так и остающихся при прежней управе». К докладной была приложена карта Ботурусского улуса, собственноручно начерченная Алексеем Елисеевичем.

Видимо, и докладная, и необычный наслежный писарь оказались замеченными в Якутске. Когда 22 декабря 1901 года А. Е. Кулаковский вместе с братом Иваном Елисеевичем Кулаковским, старостой IV Жохсогонского наслега, написал — «Общество составило приговор о переделе земель уже три года назад, но, тем не менее, фактически дележ не состоялся до сих пор. Причиной тому служит тот факт, что часть общества, владеющая лучшими покосами, препятствует дележу» — прошение о равномерном распределении земли, якутский губернатор начертал на нем: «Брат реалист — прекрасно учившийся, приглашен на совещание в феврале 1902 года».

К сожалению, на съезд, обсуждавший разработанную губернатором В. Скрипицыным инструкцию «О порядке уравнительного распределения в наслеге земель между общественниками в соответствии с податными и повинностными платежами», Кулаковский не попал.

«Съезд, созванный к 7 декабря, к сроку не состоялся, а прошел 7 февраля 1902 года, — записал он в дневнике. — Меня приглашал советник С. А. Климовский. Но приглашение получено 9 февраля, потому я не поехал. Чему рад и не рад в одно и то же время, — рад, потому что, во-первых, относительно финансов я избавлен от больших расходов, во-вторых, будучи участником съезда, я должен быть поставлен между двух огней новаторами и консерваторами (признаться, я обеих партий сильно трушу). Не рад потому, что, во-первых, лишен удовольствия побывать в городе, иметь дело с якутской и русской интеллигенцией, говорить, рассуждать и, вообще, иметь соприкосновение с ней, чего очень хотелось бы мне; во-вторых, предлагаемый г. Губернатором способ уравнения земель представляет жгучий и животрепещущий вопрос для настоящей и будущей жизни якутов по своей важности; интересно было бы знать мнения, доводы, взгляды по сему вопросу, ибо у меня много неразрешенных и неразъясненных мотивов относительно раздела семей. По-моему, принципиально инструкция г. Губернатора — вещь очень хорошая, гуманная; но в частностях встречается много неудобств, например, есть много факторов, которыми станут злоупотреблять богачи-кулаки для своих эксплуатаций...»

Влияние и известность Алексея Елисеевича Кулаковского, несомненно, росли — за свои заслуги он был избран почетным инородцем IV Жохсогонского наслега — вот только благосо-

стояние его, несмотря на полученное от тещи наследство, так и не улучшилось.

Подводя итоги 1901 года, Алексей Елисеевич записал в дневнике: «1 января 1902 года у меня было 30 штук рогатого скота и 25 штук конного. Писарством зарабатывал в год 250 рублей. Должен разным лицам... 550 рублей».

Продав имеющийся скот, Алексей Елисеевич, наверное, расплатился бы с долгом, но тогда у него ничего бы и не осталось кроме жалованья.

Этот первый год якутской литературы оказался печальным для Кулаковского и несчастным для его семьи. Следом за тещей умерла дочь Раиса — первый ребенок Кулаковских. Утешением для молодой семьи стало рождение 19 марта 1902 года дочери Ларисы. Как и Раису, ее крестили в Ытык-Кёльской церкви... А через год, весной 1903 года, Алексей Елисеевич Кулаковский — он уже носил звание почетного инородца! — все-таки перевез семью в Учай, и там, 12 мая 1903 года, родилась еще одна дочь — Сусанна.

Ну а летом, в июне 1903 года, за растрату казенных денег писарь Ботурусского улуса В. В. Шестаков, под руководством которого начинал Алексей Елисеевич Кулаковский свою чиновничью карьеру, был снят с работы.

19 сентября 1903 года на общем собрании родоначальников и доверенных наслегов Ботурусского улуса почетного инородца IV Жохсогонского наслега А. Е. Кулаковского выбрали письмоводителем Ботурусской инородной управы.

7

В начале августа 1904 года по приговору общего собрания инородцев Ботурусского улуса А. Е. Кулаковский вместе с А. П. Рязанским, М. С. Шоломовым был делегирован в Якутск на съезд инородцев восьми улусов.

Съезд проходил сразу после суда над участниками знаменитого «Протеста Романовки».

Этот инцидент произошел в Якутске 18 февраля 1904 года. Возмутившись распоряжением иркутского генерал-губернатора П. И. Кутайсова о наказаниях за «самовольные отлучки» из города, 56 ссыльных вооружились и, закрывшись в доме якута Романова, начали шантажировать власти, требуя отмены распоряжения.

Дом был оцеплен полицией, казаками и солдатами, и через две недели осады большевик Виктор Константинович Курна-

товский открыл стрельбу. Два солдата были убиты. В ответ открыли стрельбу и полицейские. Один из ссыльных оказался убит, двое ранены, остальные сдались.

10—13 августа Якутский окружной суд приговорил 55 участников восстания к двенадцати годам каторги[1].

Политические ссыльные играли тогда чрезвычайно важную роль в системе образования и, если угодно, в развитии культуры и самосознания якутов. И естественно, что, хотя в повестку якутского съезда инородцев восьми улусов были включены только вопросы хозяйствования и землепользования, делегаты первым делом начали обсуждать «Протест Романовки», а вызванные из Петербурга адвокаты «романовцев А. Зарудный и В. Беренштам давали подробные разъяснения о причине и цели протеста».

«Съезд состоял... из волостных старшин, а также более образованных якутов... — писал, вспоминая об этом съезде, адвокат В. Беренштам. — Заседание его было открыто в большом амбаре без окон, но с хорошими дверьми, окованными железными полосами... Стулья были поставлены только для стариков и для нас... Начался съезд чтением выдержек из газет о положении ссылки и приветственной речью к нам... Все указывали на то, как ссылка разоряет край, заставляет "оковывать двери" от уголовных, как тяжело и без того полуголодным якутам содержать неведомых пришельцев... Сами якуты произвели хорошее впечатление. Среди них пока очень мало интеллигенции. На весь народ десяток — не более. Высшее учебное заведение закончил один-единственный человек — доктор Сокольников... Но якуты живой, гостеприимный народ, интересующийся всем, что творится на белом свете...»[2]

Сохранилась фотография, запечатлевшая А. Е. Кулаковского, П. Н. Сокольникова, И. Г. Васильева, В. В. Никифорова с адвокатами А. Зарудным и В. Беренштамом на правом берегу Лены в 15 километрах от Якутска возле урасы Колесовой.

---

[1] После Манифеста 17 октября 1905 года все «романовцы» были освобождены, и в том числе убийца Курнатовский. В 1905—1906 годах он руководил вооруженным восстанием читинских рабочих, и в 1906 году был снова арестован и приговорен военным судом к смертной казни, замененной пожизненной каторгой, но вскоре бежал в Японию, а затем уехал в Австралию.

[1] *Беренштам В.* В тисках ссылки. Л.: Прибой, 1924. С. 110—111.

Разумеется, поддержав «хороших людей», политических ссыльных, участники съезда инородцев выразили полную лояльность властям. Они отправили поздравительную телеграмму царю, а кроме этого избрали делегацию «представителей из среды Якутского племени для принесения лично к стопам Их Императорских Величеств верноподданнического поздравления по поводу радостного события рождения Государя Наследника и глубокой скорби, которою преисполнены сердца всех верноподданных якутов по поводу переживаемого дорогой родиной столь тягостного состояния...».

Членами делегации были выбраны почетный гражданин Иван Гаврилович Васильев, бывший голова Дюпсинского улуса Василий Васильевич Никифоров, бывший голова Мегинского улуса Василий Яковлев Слепцов, инородец Намского улуса Василий Федорович Харитонов.

Кандидатами к ним избрали Алексея Елисеевича Кулаковского и инородца Восточно-Кангаласского улуса Ивана Герасимовича Соловьева.

То, что 27-летний Алексей Елисеевич Кулаковский попал в шестерку лучших людей Якутии, очень важно — ведь главную роль играла тут уже не чиновничья и общественная деятельность, а его творческая работа.

«В то время, когда еще никто из якутов не понял значения якутской художественной литературы, — скажет 4 декабря 1926 года на посвященном Кулаковскому вечере общества «Саха омук» А. И. Софронов, — Алексей Елисеевич Кулаковский первым открыл в нее дверь, написав стихотворение “Заклинание Байаная”»[1].

Не случайно и то, что, когда в январе 1905 года в клубе Общества приказчиков города Якутска поставили спектакль по тексту олонхо «Бэрт киһи Бэриэт Бэргэн», главную роль в этом спектакле исполнил Кулаковский.

В семье Кулаковского в 1905 году тоже произошло радостное событие.

17 мая Анастасия Егоровна родила сына. Назвали его Ясоном.

В день скорбного отлета
От солнечно-ясной земли
Ведь всего дороже будет
То,
Что, родившись на свет,

[1] НА РС(Я). Ф. 1480. Оп. 1. Д. 43. Л. 20.

Мы с золотыми друзьями,
Мы со стройными подружками
Развеселою толпою
Резвились счастливо и жили...
В день разлуки злой
С матерью-землей
Будем, правда, тосковать
О былых годах, когда вместе мы ходили...

Так писал Кулаковский в стихотворении «Вилюйский танец».

Глава четвертая

СОЮЗЫ И КЛУБЫ ЯКУТОВ

Если прямо перед нею сидеть
и два часа беспрерывно глядеть,
ни на палец не отодвигаясь,
никаких недостатков у нее не увидишь.

Если рядом сбоку сидеть
и шесть часов беспрерывно глядеть,
ни на четверть не отодвигаясь,
никаких недостатков у нее не увидишь.

Если рядом сзади сидеть
и десять часов беспрерывно глядеть,
ни на шаг не отодвигаясь,
никаких недостатков у нее не увидишь...

А. Е. Кулаковский. Красивая девушка[1]

Увязая в сибирских снегах, к новому, 1906 году революция добрела и до Якутска.

31 декабря на квартире частного поверенного окружного суда Василия Васильевича Никифорова[2], того самого, который еще в 1899 году организовал Сельскохозяйственное общество, состоялось совещание якутских интеллигентов. Теперь речь шла не просто о «Проекте основных начал о земских учреждениях в Якутской области», а об организации «Союза якутов». 4 января 1906 года в доме Жураковского по Набережной прошло собрание, на котором присутствовало около трехсот представителей местной знати, тойонов, интеллигентов, торговцев, служащих.

Собрание приняло программу, в которой были сформулированы цели и задачи «Союза якутов»:

1. «Союз якутов» имеет целью соединенными силами своих членов прочно установить свои гражданские и экономические права.

---

[1] Перевод В. А. Солоухина.

[2] *Василий Васильевич Никифоров-Кюлюмнюр* (1866—1928) — лидер якутской интеллигенции конца XIX — начала XX века, общественный деятель, писатель, публицист, ученый-краевед. Родился в 1866 году в Тебиковском наслеге Дюпсинского улуса. Получив юридическое образование, в начале 1890-х годов был назначен улусным головой Дюпсинского улуса. В 1894—1896 годах Василий Никифоров участвовал в знаменитой Сибиряковской экспедиции. Написал монографию «Семейный быт якутов». Принимал участие в организации научной библиотеки в Якутске. В 1927 году арестован органами ОГПУ, обвинен в антисоветизме. Умер 15 сентября 1928 года в заключении.

2. Для достижения этих целей союз обязан добиваться:

а) признания всех земель собственностью самих инородцев;

б) предоставления права якутам иметь своего представителя в Государственной думе;

в) скорейшего утверждения положения о земском самоуправлении;

г) немедленного уничтожения опеки полиции над инородцами и общественными учреждениями и прекращения всякого сношения с ними администрации.

3. Способами для достижения своих целей союз выставляет:

а) предъявление своих требований местной и высшей администрации;

б) отказ от платежа податей и повинностей.

Был избран ЦК «Союза якутов», в который вошли Петр Алексеевич Афанасьев, Иван Гаврилович Васильев, Иннокентий Степанович Говоров, Николай Андреевич Готовцев, Василий Васильевич Никифоров, Иван Иванович Аммосов, Петр Вонифатьевич Слепцов, Николай Николаевич Скрыбыкин, Илья Алексеевич Попов.

1

На следующий день, выполняя волю собрания, была послана телеграмма на имя председателя Совета министров графа С. Ю. Витте: «Союз инородцев якутов, не получая ответа на ходатайство своих представителей о допущении представителя от якутов в Государственную думу, постановил: требовать признания всех земель, находящихся во владении инородцев, а также находящихся в распоряжении казны, монастырей, церквей и отведенных ссыльным, собственностью якутов до скорейшего введения земского самоуправления в Якутской области, предоставления права избрания в Государственную думу представителя от якутов и передачи функций окружных полицейских управлений в заведование самих инородцев. До удовлетворения означенных требований союз приостанавливает платежи всех податей и повинностей. Доведя об изложенном до сведения Вашего Высокопревосходительства, комитет союза просит скорейшего удовлетворения означенных требований».

Телеграмма была подписана членами ЦК «Союза якутов».

Возможно, если бы эта телеграмма пришла в сентябрьские-октябрьские дни 1905 года, к ней отнеслись бы иначе, но сей-

час, когда правительственные войска уже подавили восстание в Москве и ликвидировали беспорядки в других городах России, требованием «Союза якутов» заинтересовался министр внутренних дел Петр Николаевич Дурново. Он категорически потребовал от якутского губернатора В. Н. Булатова арестовать и предать суду авторов телеграммы.

В начале февраля 1906 года газета «Якутские областные ведомости» напечатала объявление губернатора В. Н. Булатова «О незаконности "Союза якутов"». Организаторы были арестованы, а рядовые члены добровольно отказались от членства в союзе...

Алексей Елисеевич Кулаковский, хотя и находился в начале 1906 года в Якутске, от участия в революционной деятельности со своими хорошими знакомыми из «Союза якутов» удержался. Может, начинанию и сочувствовал, но в руководящие органы союза не входил, никаких писем не подписывал.

Отвлекла Алексея Елисеевича от революционных дел забрезжившая надежда освободиться от кабалы тестя Егора Васильевича Оросина.

Еще на I инородческом съезде, состоявшемся 19 октября 1905 года, Кулаковский познакомился с приехавшими на ярмарку купцом Николаем Осиповичем Кривошапкиным[1] и его племянником Семеном Петровичем Готовцевым — (Массака). По рекомендации своего друга Слепцова, работавшего писарем у Кривошапкина, он договорился на следующее лето поработать писарем родового управления Оймяконо-Борогонского наслега.

---

[1] *Николай Осипович Кривошапкин* — крупный торговец из Оймякона, поставлявший на якутский рынок большие партии пушнины, родился в Оймяконо-Борогонском наслеге Баягантайского улуса, на урочище Тарын Юрях в 1832 году.

Н. О. Кривошапкин был неграмотным и из-за этого испытывал большие трудности в ведении своих дел. Он всячески поддерживал народное образование. На постройку Мегино-Алданской школы он передал 150 рублей, Оймяконской школе — 350 рублей и т. д. Все юноши бедных родителей из Баягантайского улуса обучались на его средства. В 1913 году Н. О. Кривошапкин на нужды образования пожертвовал 20 тысяч рублей. На проценты от этой суммы он создал стипендиальный фонд для учебных заведений города Якутска.

Еще больше средств Н. О. Кривошапкин тратил на благотворительность. В 1894—1913 годах раздал бедным 69,1 тысячи, а в 1916—1919 годах — 408 тысяч рублей.

2

В те времена собраться в путешествие в Оймякон было непросто.

Нужны были лошади, способные осилить трудную дорогу, и стоили эти лошади около 50 рублей за каждую. Лодка для переправы через Лену обходилась в 20 рублей. А надо было еще нанимать проводника, запасать провиант и гостинцы.

Всё это требовало серьезных денег, и Кулаковский, движимый стремлением расплатиться с долгами, делает новые долги.

7 января, как видно по реестру нотариуса Федора Орлова, Кулаковский берет взаймы у торгового дома «М. Г. Васильев и Г. В. Никифоров» 150 рублей, а 2 марта занимает у уроженца Дюпсюнского улуса Н. К. Лазарева еще 200 рублей, обязуясь вернуть долг до 10 августа 1906 года.

29 января Алексей Елисеевич Кулаковский выправил в управе Ботурусского улуса удостоверение на совершение разного рода торговых, подрядных и других коммерческих актов и 24 марта заключил договор с торговым домом «Коковин и Басов» о доставке в Оймякон за 220 рублей десяти мест кирпичного чая.

Полицейское управление, проведав о намечающейся экспедиции, тоже решило «поддержать» начинающего предпринимателя. Тем более что недавно здесь ненароком обидели Алексея Елисеевича.

Дело было так... Областной исправник Валь, перепутав Алексея Елисеевича с братом Иваном Елисеевичем, опоздавшим на целый месяц с уплатой наслежных казенных сборов, привлек было к ответственности Алексея Елисеевича.

По другой версии путаница была преднамеренной и имела целью наказать Алексея Елисеевича за его несговорчивость.

Как бы то ни было, но проведав о предстоящей экспедиции, полицейское управление решило исправить неловкость.

Кулаковскому предложили доставить в Оймякон пять пудов семенной картошки. И не бесплатно! За доставку почти 100 килограммов груза полицейское управление посулило заплатить аж 25 рублей!

Алексей Елисеевич, разумеется, постарался отпереться от столь «выгодного» контракта. Он объяснил, что это его первая поездка, поклажи много, и он не уверен, что семена картофеля не испортятся в столь дальнем пути. Впрочем, без всякой оплаты в виде эксперимента он готов доставить в Оймякон пуд картошки.

Но отвертеться от «выгодного» контракта не удалось.

26 апреля Ивана Елисеевича Кулаковского заставили получить в полицейском управлении все пять пудов, чтобы передать брату, когда тот соберется ехать в Оймяконо-Борогонский наслег.

Дорога на Оймякон пролегала по высокому обрывистому берегу бурного Алдана до подножия Верхоянского хребта — хаотического нагромождения голых скал.

Кулаковский отправился в изнурительный путь в пору весенней распутицы. Преодолевая топкие, поросшие редким лесом болота, лошади выбивались из сил, а когда выбирались на твердую землю, быстро стирали копыта в усеянных острыми камнями горных ущельях. Порой приходилось останавливаться, ожидая, пока вода снова войдет в берега после вскрытия рек.

Сохранились воспоминания жителя села Томтор Оймяконского улуса Тимофея Гавриловича Винокурова, запомнившего первый приезд Кулаковского в Оймякон:

«К вечеру кто-то сказал, что со стороны Ючюгяя показался человек верхом на лошади.

Когда он подъехал — нам всем он не был знаком. Тут в окно выглянул старик Семен (Массака) и, хлопнув себя по коленям, воскликнул, обращаясь к старухе:

— О, приехал Алексей Кулаковский! Я с ним в городе познакомился. Очень образованный человек.

Гость, сняв шапку на улице, зашел с непокрытой головой и трижды осенил себя крестом (ближний путник обычно крестится один-два раза), после чего поздоровался за руку с хозяином и хозяйкой. Пожал руку каждому, кто находился в доме (а людей было довольно много). Рукопожатие его было неторопливым, спокойным. Затем он завел разговор с хозяином дома.

Говорил неторопливо, обстоятельно, смеялся негромко, в основном слегка улыбался. Красивое, светлое лицо...

Поражался, насколько далеко расположен Оймякон от Якутска.

— Дорога утомила своей дальностью. Да и сегодня долго добирался, — сказал он.

Ему пришлось в тот день преодолеть 50 верст, перевалить четыре хребта от одного поселения до другого...

Он, никого не чураясь, со всеми приветливо здоровался. Искренне интересовался жизнью собеседника, дотошно расспрашивал о его занятии...

Попутчики после удивлялись, что А. Кулаковский спал очень мало. Каждый день в пути, когда останавливались на ночлег, писал до полуночи. С собой всегда носил свечу.

При всей своей образованности, знатности он был очень скромным. В нем не было ни тени высокомерия или зазнайства, поэтому люди его очень уважали, хвалили, любили. Никогда не играл в карты, пил тоже совсем немного, да и то при необходимости...»

Почти два месяца Кулаковский жил у Николая Осиповича Кривошапкина, работал секретарем, приводил в порядок канцелярию Огонера — так уважительно называли Кривошапкина оймяконцы.

Усадьба Кривошапкина состояла из нескольких юрт и русских изб. Вдоль ограды были сделаны коновязи. Иногда здесь собирались десятки подвод, снаряжаемых разворотливым Николаем Осиповичем.

Помимо ведения делопроизводства, Кулаковский занимался и сортировкой пушнины.

С этой работой Алексей Елисеевич справлялся легко и каждый день усиленно занимался записями фольклора.

Людмила Реасовна Кулаковская рассказывает, что молодые женщины в Оймяконе даже сложили песню о молодом писаре:

Нос с горбинкой,
Сам кудрявый.
До чего же хорош
Писарь Кулаковский[1].

Кулаковский тронулся в обратный путь из Оймякона в конце июля, чтобы успеть добраться до осенних дождей, которые переполнят реки.

В Якутск он приехал в середине августа.

3

Вернувшись в Якутск, Кулаковский расплатился с долгами, написал отчет о доставке чая в Оймякон и уже собирался домой, когда члены Клуба якутов попросили его сыграть главную роль в пьесе «Манчары», которую Василий Васильевич Никифоров написал, пока сидел под арестом после разгона «Союза якутов».

[1] Перевод Л. Р. Кулаковской.

Алексей Елисеевич Кулаковский взялся играть роль знаменитого благородного разбойника прежде всего потому, что, уклонившись от участия в «Союзе якутов», он считал своим долгом как-то поддержать пострадавших единоплеменников — поучаствовать хотя бы в Клубе якутов.

Впрочем, были и другие соображения, заставившие его согласиться на участие в спектакле...

Давно занимался Кулаковский сбором легенд и преданий, воссоздающих легендарный образ «современника декабристов» — Василия Федорова-Слободчикова из Нерюктяйского наслега.

«В начале прошлого столетия жил в Нерюктяйском наслеге В.-Кангаласского улуса очень богатый якут, по прозванью "Чочо". Без всякой жалости и зазрения совести он выжимал с бедноты своего и соседних наслегов все, что возможно...

У Чочо был брат, оставивший вдову и единственного сына Василия.

Василий, прозванный за свежесть и румяность лица Манчары (ситник), был юноша живой и энергичный, восприимчивый и впечатлительный. От природы прямолинейный, он даже осмеливался порицать при людях жестокие и выжимательские поступки своего дяди Чочо...

Манчары жил вдвоем с матерью в 20 верстах от Чочо. Летом Манчары косил сено, как и всякий якут в его возрасте и положении. В остальное время года он работой не занимался...

Однажды в мае Манчары шел по тротуару Малобазарной улицы Якутска. Был немного под хмельком. Вдруг на углу перекрестка двух улиц он встречает разряженную молодуху, с которой имел амурные дела...

Манчары, быстрый в движениях и поступках, попытался поцеловать ее, но следом за женщиной шел ее муж, и женщина оттолкнула любовника, так что в руках Манчары остался ее головной убор.

Манчары со стыда и испугу — давай Бог ноги! Супруги подали на Манчары жалобу в "суд" ("судом" называют якуты всякого служащего человека и всякое казенное учреждение).

Манчары испугался и спрятался в лесу.

Потом настала осень с холодами, утренниками и темными ночами.

Манчары думал, думал и однажды поздней осенью в вечернее время отправился к дяде Чочо.

— Слушай, уважаемый дядя! Ты сам все слышал, все знаешь о горе, постигшем меня...

— Эх ты, глупая башка! — сказал Чочо. — Ты бы давным-давно прибежал ко мне за помощью и теперь жил бы себе припеваючи, по-прежнему на воле. Сам виноват, что столько времени прострадал. Завтра же отправимся в город к начальнику. Я с ним хорошо знаком...

Действительно, утром поехали в город.

Вошедши к "начальнику", Чочо сделал с чувством и достоинством глубокий поклон. Затем, выпрямившись, сказал:

— О великий доверенный Белого царя! Выслушай, что скажет тебе твой верноподданный: повинуясь твоему наказу, я привел к тебе обманом того, кто не знает греха перед Богом, кто попрал ногами законы солнца-царя, позабыл стыд перед людьми и светом и ослушался твоего приказа явиться и прятался целое лето в темном лесу как тать... Вот стоит он — Василий Манчары.

Пригодились и шкурки лисиц, которые привез Чочо. Он дал их в качестве взятки начальнику, чтобы тот строже судил Манчары».

В отличие от позднейших вариаций Кулаковский трактовал образ Манчары в реалистическом ключе, хотя в его записях и ощущается явное сопереживание этому легендарному герою.

Так он, видимо, и играл на сцене. Хотя актерской работой участие Кулаковского в спектакле не ограничилось.

По просьбе автора пьесы он сложил песню Манчары к Бэрт Маарыйа и сам же ее исполнил.

«Первое представление пьесы произвело очень большое впечатление на публику и показало, что якуты настолько сценический народ, что актеры, люди совершенно неподготовленные ранее к такого рода сценическим действиям, выполнили свои роли самым блестящим образом, — писал об этом спектакле А. И. Свирский. — Из участников наиболее отличились Мария Николаевна Ионова в роли матери Манчары, Алексей Елисеевич Кулаковский в роли Манчары, Екатерина Николаевна Аверинская в роли Матрены, Терентий Вонифатьевич Слепцов в роли князя Чочо»...

Сразу после спектакля Алексей Елисеевич уехал на родину.

4

Видимо, только теперь, совершив трудное и опасное путешествие в Оймякон, и получил Кулаковский возможность расплатиться с тестем...

Мы уже говорили, что в отличие от сыгранного им на якутской сцене Манчары, который любил «поволочиться за го-

родскими и улусными молодухами», Алексей Елисеевич вел себя более скромно и, как мы видели на примере его женитьбы, повышенной разборчивости по отношению к женской красоте тоже не проявлял.

Это не значит, что Кулаковский строил отношения с выбранной ему в жены Анастасией Егоровной по принципу: стерпится-слюбится, просто он всегда чувствовал, что внешностью красота женщины не ограничивается, а внутреннее со временем преображает внешнее...

И словно откликаясь на эти мысли супруга, некрасивая Настайя (так звали Анастасию Егоровну в семье) к своему двадцатипятилетию как-то удивительно похорошела...

И вот, казалось бы, расплатившись с долгами, и жить бы Кулаковским счастливо, но уже совсем немного жизни оставалось кроткой Настайе.

Возвратившись в 1906 году домой, Алексей Елисеевич Кулаковский не узнал жену. Она отворачивалась от поцелуев, отталкивала его.

На глазах сгорала Анастасия Егоровна в скоротечной, горловой чахотке...

Не подпускала к себе она и детей, возле ее постели стоял прутик, чтобы отгонять их.

Нет никаких свидетельств, что Кулаковский связывал героиню поэмы «Красивая девушка» с конкретными женщинами.

«Созданный в поэме А. Кулаковского идеал красоты и гармонии не только основан на традициях национального фольклора, но и связан с восходящей к классической русской литературе идеей "красоты, спасающей мир", — отмечал А. А. Бурцев. — Более того, нарисованный якутским поэтом идеал, оставаясь национальным, приобретает вневременной, универсальный характер...»[1]

И тем не менее, когда читаешь:

После этого у многих цветов весенних
Отобрали боги все самое лучшее
И присвоили только что сотворенной
Ослепительной девушке Айталын-Куо.
Вот, оказывается, как это было.
Оказалась девушка Айталын-Куо
Для земли блистающим украшеньем.
Оказалась девушка Айталын-Куо
Красной вышивкой на белой холстине. —

[1] *Бурцев А. А.* Наследие А. Кулаковского в контексте мировой литературы // Кулаковский А. Е. и время: Сборник научных статей/ АН РС(Я) Под ред. В. Н. Иванова. М.: Институт гуманитарных исследований, 2003. С. 425.

кажется, что эти строки написаны в память об Анастасии Егоровне.

19 ноября 1906 года она умерла.

Почти не осталось документов, по которым можно судить о недолгой жизни Анастасии Егоровны Кулаковской-Оросиной...

Кажется, только одно ее письмо и сохранилось.

Адресовано оно Христине Никифоровне Слепцовой, гражданской жене составителя словаря якутского языка Э. К. Пекарского. И просит Анастасия Егоровна в этом письме прислать ей высокие французские сапожки со шнуровкой и пуховую шаль...

5

В поэме «Красивая девушка» внешняя красота героини гармонично сочетается с ее «светлыми мыслями», «душой добрейшей» и «нравом кротким» и различные женские образы не просто соединяются, а как бы перетекают один в другой.

Ничего хорошего им не дали,
Ничем прекрасным не одарили.
Сотворим же, боги,
На радость людям
Существо прекраснейшее на свете,
О котором жили бы поговорки,
О котором сказки бы говорили...

Словно иллюстрация к «Красивой девушке» в семейном альбоме Людмилы Реасовны Кулаковской хранятся фотографии, на которых в национальной одежде — летней и зимней! — запечатлены две молодые якутки. Фотографии эти, хотя они и черно-белые, чем-то напоминают красную вышивку на белой холстине.

Одна из женщин, запечатленных здесь, — Анастасия Егоровна Кулаковская.

Другая — Евдокия Ивановна Лыскова.

Одна была первой женой Алексея Елисеевича Кулаковского.

Другой предстояло стать его второй женой.

Об Анастасии Егоровне Кулаковской мы почти ничего не знаем, кроме того, что была она дочерью богача Е. В. Оросина и отец ее основательно надул Кулаковского с приданым.

О Евдокии Ивановне известно больше. Она была дочерью якутского мещанина Ивана Степановича Лыскова. Он умер в

1893 году, когда дочери было восемь лет, и воспитывала девочку ее мать, Елена Семеновна.

Елена Семеновна — личность примечательная. Ее силы, воли и смелости вполне хватило бы на несколько мужчин.

Известно, что она подряжалась наравне с мужиками перевозить грузы, а однажды сумела засадить на три дня в тюрьму самого городского голову П. Юшманова...

Когда дочь выросла и стала невестой, Елена Семеновна оставила извоз и занялась мелкой торговлей на базаре.

Кроме того, как утверждают краеведы П. В. Попов и И. Д. Новгородов, она слыла знаменитой по всей Якутии знахаркой — Лыскачыахой.

Тем не менее дочку Елена Семеновна воспитывала в современном духе.

Судя по сохранившимся фотографиям, Евдокия росла вместе с женой крупного купца Н. А. Аверинского и детьми таких видных деятелей якутского движения, как Иван Гаврилович Васильев и Иннокентий Степанович Говоров.

Девочка получила хорошее образование, писала на якутском и русском языках, много читала, любила поэзию и играла в шахматы.

И Анастасия Егоровна, и Евдокия Ивановна были подругами и скорее всего родственницами[1], и тем не менее не может не удивлять быстрота, с которой Евдокия Ивановна заменила Анастасию Егоровну.

Действительно, только 23 ноября 1906 года похоронили Анастасию Егоровну в церковной ограде Чичимахской церкви, а уже 17 января 1907 года в Предтеченской церкви Якутска священник Михаил Охлопков обвенчал Алексея Елисеевича Кулаковского с 22-летней Евдокией Ивановной Лысковой.

Поручителями со стороны жениха были инородец I Хатылынского наслега, давно обосновавшийся в Якутске и занимающийся торговыми делами Никита Трифонович Захаров и бывший учитель Кулаковского в Чурапчинской школе, ставший канцелярским служителем, Александр Ильич Некрасов.

А со стороны невесты — инородец Сасыльского наслега Баягантайского улуса Иван Алексеевич Степанов[2] и инородец Сулгачинского наслега Ботурусского улуса Иван Неустроев.

---

[1] Сохранилась фотография Петра Оросина, подаренная Е. И. Лысковой. На фотографии — дарственная надпись: «Сестре Дуняше».

[2] В 1913 году Иван Алексеевич Степанов был избран головой Баягантайского улуса, а в 1925 году ездил с Кулаковским в составе мирной делегации в Оймякон.

Мать Евдокии Ивановны, Лыскачыаха, славилась не только провидческими и лекарскими способностями, но и своим хлебосольством.

Как отмечает Л. Р. Кулаковская, позднее Елена Семеновна Лыскова как могла материально поддерживала А. Е. Кулаковского и никогда не выказывала неудовольствия по поводу длительных отлучек зятя и его слишком скромных заработков.

«Можно предположить, — пишет Л. Р. Кулаковская, — что перед своей кончиной Настайа завещала мужу жениться на Дуняше. Она, будучи матерью двоих детей, не могла не думать об их судьбе».

Это бесспорно...

Труднее объяснить, почему похороненная в церковной ограде Чичимахской церкви — далеко не все удостаиваются такой чести! — Анастасия Егоровна была погребена без напутствия...

«За скоротечностью смерти...» — написано в церковной книге, однако горловая чахотка, хотя и скоротечна, но все-таки, в отличие, например, от разрыва сердца, оставляет время, необходимое для приготовления в последний путь, так что, очевидно, была и еще какая-то причина, заставившая Анастасию Егоровну отказаться от последней исповеди и причастия...

«При погребении совершили большой обряд, — пишет в своих воспоминаниях присутствовавший на похоронах инородец I Жохсогонского наслега К. А. Майданов. — <...> Мне показалось очень странным, что Алексей при том ни разу не перекрестился. Ведь он был тогда в числе образованных, известных людей.

Потому мы не сводили с него глаз...»

6

В промежутке между похоронами Анастасии Егоровны и женитьбой на Евдокии Лысковой Кулаковский написал стихотворение «Песня столетней старухи»...

Спящий, просыпайся!
Шевелящийся, приползай!
Ожидаемый, появись!
Завязавшийся, развяжись!
Остановившийся, шевельнись!
Соргу!
Уруй!
Туску!
Слава, счастье!

Тогда-то,
Разрывая все мышцы,
Разрывая всё внутри
В бедной матери моей,
Из чрева ускользая — убегая,
Из живота выползая — убегая,
Скатилась я на сено,
На сухую душистую траву...

Так начинается этот, один из лучших шедевров А. Е. Кулаковского.

Если в цикле «Портреты якутских женщин» Кулаковский создал целую галерею образов якуток, свидетельствующих о глубоком понимании им женской психологии, то в «Песне столетней старухи» ему удалось изобразить день за днем всю жизнь якутской женщины, начиная с колыбели...

В те дни
Родители звали меня
Красной девочкой...

Когда стала я рученьками, как крылышками, взмахивать,
Синичкой меня прозвали.

Когда стала я
Смеяться, как звонкий колокольчик,
Жаворонком меня прозвали...

Младенчество сменяется детством, детство — девичеством...

Потом
Стала я быстро тянуться вверх,
Стала стройная, словно камыш-трава,
Стала гибкая, словно вербы лоза.
Стали улусные красавцы
Безотрывно смотреть на меня,
Стали стройные парни
Повсюду ходить за мной,
Стали молодые удальцы
Откровенно восхищаться мной,

Стала догадываться я
Молода и стройна,
Что этим парням я зачем-то
Очень нужна.

А однажды
С наступлением новой весны
Догадалась впервые,
Что и мне эти парни,
Эти улусные красавцы,
Эти удальцы молодые,
Тоже зачем-то
Сладостно и тайно нужны.

В начале января 1907 года Алексей Елисеевич Кулаковский переехал жить в Якутск в дом тещи, находящийся около соляной лавки во дворе дома Гоголева. Переезд был ознаменован его участием 22 января в спектакле инородческого клуба. Кулаковский читал там и старые стихи, и только что написанную «Песню столетней старухи»:

А была я нежна,
Как только что раскрывающийся подснежник...

Оказалась для него я суженой,
Равной хозяйкой,
Верной женой,
Оказался и он моим суженым,
Равным хозяином,
Верным мужем...

Выступление Кулаковского прошло с успехом.

Тут надо вспомнить, что якуты в подавляющем большинстве были тогда неграмотными, и авторское чтение приобретало в этих условиях особое значение.

Кулаковский понимал это.

Он мастерски читал свои стихи. Как вспоминает очевидец, его сильный проникновенный голос оживлял каждое слово, и как бы и забывалось, что это только чтение. В голосе поэта грохотал гром, блистали молнии, стучали крупные капли дождя, свистел ветер...

Страшная картина старости, в которую перешла сияющая счастьем молодость, уродливой тенью металась по стенам клуба...

Космы мои седые взлохмачены,
Одежда моя грязна и растрепана,
Ресницы из красных век
Все повыпали,
Глаза среди красных век
Все повыплаканы[1].

Успех был очевидным, и вместе с тем сам Кулаковский не мог не заметить, что в образе Манчары его встречали здесь с бóльшим воодушевлением.

Об этом после своего выступления Алексей Елисеевич написал в письме председателю инородческого клуба.

«Желаю, чтобы клуб наш существовал долго, процветал и достигал своего предназначения, — говорится в этом письме. — Предложите Василию Васильевичу (Никифорову-Кю-

[1] Перевод В. А. Солоухина.

люмнюру) и другим способным членам вновь потрудиться над составлением чего-нибудь такого из якутского быта, которого можно было бы опять представить вниманию публики... мы рисовали серую, бессодержательную, малоизвестную жизнь якутскую, а публике нравится что-нибудь эффектное, бьющее в глаза, выдающееся из ряда обыкновенной жизненной колеи...»

Пожелание адресовано председателю инородческого клуба, но разве не относит его Алексей Елисеевич и к самому себе? Созданные в ближайшие годы вершинные произведения поэта «Дары реки» и «Сновидения шамана» — лучший ответ на этот вопрос.

7

Перебравшись в Якутск и сделавшись городским жителем, Кулаковский попытался заняться предпринимательством. Связи, которыми он обзавелся, и уровень образования вполне позволяли рассчитывать на успех и на этом поприще.

Возникали, разумеется, вопросы, связанные с инородческим происхождением Кулаковского[1], но проблема эта была вскоре решена.

23 февраля 1907 года Кулаковский получил доверенность от своего зятя инородца III Жохсогонского наслега П. В. Охотина[2] на заключение в течение трех лет как с частными лицами, так и с казной договоров и сделок. Аналогичная доверенность прилагалась сородцу Прокопию Охотину от якутов III Жохсогонского наслега.

И вот уже через две недели, 12 марта 1907 года, вооруженный документами, Кулаковский участвует в торгах по строительству зданий Якутской гражданской больницы.

Торги Алексей Елисеевич выиграл и 26 мая 1907 года заключил с Якутским областным управлением контракт на подряд по строительству трех деревянных зданий Якутской гражданской больницы: для врача, для хирургических больных и для сифилитиков.

---

[1] Проблемы эти носили не столько дискриминационный характер, сколько были обусловлены особенностями традиционного хозяйственного быта якутов. Подрядчик, заключая контракт, должен был внести под выдаваемую ему ссуду залог в виде недвижимого имущества или поручительство обладающих таким имуществом лиц. Далеко не все якуты, как, впрочем, и русские, могли сделать это.

[2] Прокопий Васильевич Охотин был женат на сестре А. Е. Кулаковского Матрене Елисеевне Охотиной-Кулаковской.

Всё было у новоявленного подрядчика Алексея Елисеевича: и обширные связи в чиновничьем мире Якутска, и образованность, и предпринимательский дух, но сам он записал пословицу — Уу хонор сиригэр уу хонор! — о воде, что задерживается там, где она и раньше задерживалась... И русскую пословицу, гласящую, что деньги идут к деньгам, вспомнил Алексей Елисеевич, когда, заключив контракт, увидел, что оборотных средств для занятий предпринимательством у него недостает.

29 мая 1907 года Кулаковский обратился к якутскому губернатору о выдаче ему если не всего задатка, то хотя бы половины или трети без залога. По закону он имел право получить треть подрядной суммы, но, как мы говорили, для получения суммы из задатков нужно было внести залог на такую же сумму.

28 мая 1907 года к прошению якутскому губернатору выдать задаток 500 рублей за постройку Якутской гражданской больницы Кулаковский приложил ручательную подписку купца Аверенского на 500 рублей и удостоверение о правоспособности последнего.

Однако этот залог не был принят и, вспоминая об успешном опыте, связанном с доставкой чая в Оймякон, 12 апреля 1907 года Кулаковский написал заявление якутскому окружному исправнику по поводу заключения контракта с ним на доставку ольско-колымского груза. Для этого ему пришлось заложить свое имущество —50 голов скота и лошадей и 1500 возов сена, — которым он поручался за сохранность казенных грузов.

В результате летом 1907 года Кулаковский снова везет картофель в Оймякон и проводит здесь лето, работая писарем в Оймяконо-Борогонском наслеге Баягантайского улуса.

И, как минувшим летом, результат поездки можно было считать вполне успешным в финансовом отношении, но тех денег, которых хватало расплатиться с долгами за калым, оказалось недостаточно, чтобы заткнуть дыры в принятом на себя строительстве больницы, которое в отсутствие Кулаковского, естественно, не продвигалось вперед.

Нет смысла рассказывать, где и как просчитался Алексей Елисеевич с подрядом на строительство больничных зданий, тем более что, увлекшись новым грандиозным проектом — строительством телеграфной линии на Охотск, он поспешил передать незавершенные работы другому подрядчику.

8 апреля 1909 года Кулаковский доверил Н. В. Винокурову достроить больничное здание и получить за него из казны деньги.

Н. В. Винокуров дом для сифилитиков достроил и 11 июня 1909 года получил 130 рублей, но от дальнейшего производства работ комиссия его отстранила. Не очень ясно почему, но в результате 23 августа 1910 года Винокуров подал иск о взыскании с Кулаковского 647 рублей 46 копеек.

Как Винокуров умудрился насчитать столько задолженности на Кулаковском, тоже не понятно, но судя по тому, что Кулаковский всячески уклонялся от участия в судебном споре — «Ответчик инородец А. Е. Кулаковский, долго скрывавшийся на Бодайбинских приисках, ныне возвратился в г. Якутск и вскоре намеревается выехать в Охотск, где опять будет уклоняться от явки в камеру Вашу, для дачи объяснений»... — юридическая правота была на стороне Винокурова.

Впрочем, тогда уже не один только Винокуров пытался стребовать с Кулаковского деньги, которых у того не было...

Глава пятая

ПЕРВЫЙ ПСЕВДОНИМ

Дотекла она
До бабушки океанихи,
До великой ледовитой воды,

У которой
Конца и края никто не знал,
Другого берега никто не видал,
Середины заледенелой никто не зрел,
Дна коснуться никто не смел...

А. Е. Кулаковский. Дары реки[1]

«Как будто 40-градусные морозы переместились из сферы климата в социальную жизнь и сковали ее, убили ее нежные ростки, заставили более устойчивое спрятаться, зарыться глубже в снег и ждать, томительно долго ждать великих дней, лучших времен.

Черные дни мучительной страды
Идут и идут один за другим.
Тьмы без просвета, гнет без пощады...

И трудно в нависшей над страной, над областью морозного тумана реакции разглядеть очертания вероятного будущего».

Так в номере за 10 августа 1908 года в передовой статье «Мертвые дни» писала газета «Якутская жизнь».

1

Любопытно сопоставить статью «Мертвые дни» с напечатанным в той же газете еще 1 мая 1908 года стихотворением Алексея Елисеевича Кулаковского «До рождения проклятый».

Начинается рассказ о ночи зачатия героя почти эпическим зачином:

В прошедшие времена,
В старые годы,
В давние дни,

Имеющий благие намерения,
Имеющий добрые мысли

[1] Перевод В. А. Солоухина.

С лицом светло-медным,
Серебряноволосый,
Мой почтенный родитель,

Имеющая жалостливое сердце,
Имеющая милостивую душу,
С лицом золотистым,
Серебряноволосая,
Почтенная родительница моя

Жили тогда вдвоем.

Возрастом они были молоды,
Здоровьем они были крепки,
Телом они были упруги,
В мышцах играла сила, —
Вот когда все это было[1].

Но постепенно, как это и случается в стихах Кулаковского, лиризм начинает размывать размеренное эпическое движение:

На девяти железных запорах,
На восьми деревянных засовах,
На семи дубовых задвижках
Черно-темная долгая ночь
Загнала их в дом,
Принудила лечь,
Заставила спать.

Пространство стихотворения, в котором всё еще присутствуют богини Иэйиэхсит и Айыысыт, постепенно наполняется страстными голосами любовников:

— Звонкоголосая милая пташечка,
Говорливая милая ласточка,
Мой трепещущий жавороночек,
У солнечного улуса
У верхних сил
Кого желаешь — мальчика или девочку? —
Сейчас проси...

— Ой, ой,
Господин мой, дружочек мой!
Ты отец,
Ты главный творец,
Главное слово будет пусть за тобой,
Артельщик мой дорогой,
Ой, ой!..

— Сладкая подружка моя,
Если ты мне доверяешь,
Я знаю,
Чего я желаю...

[1] Перевод В. А. Солоухина.

И далее начинается перебор вариантов.

Ребенок может стать силачом, красавцем, мудрецом, просто удачливым человеком, но все эти варианты отвергаются сговорчивой женой, потому что силач может оказаться убогим умом, красавец будет бегать за женщинами, мудрецу предстоит пережить горькое разочарование и падение, а удачливый в делах сын забудет родителей и уедет куда-нибудь в другую жизнь...

— Что ж,
Сверкающая ты моя,
Блистающая ты моя,
Разумница,
Больше уж я придумать ничего не могу.
Больше уж я ничего не скажу.

Тебе ведь его в себе растить...
Тебе, выходит, и судьбу выбирать.

— За доверие
Низкий поклон, большое спасибо.
Вот какого хочу я сына.

Ни сильного не хочу, ни могучего,
Ни чистого не хочу, ни красивого,
Ни умника не хочу, ни грамотея,
Ни удачника не хочу, ни богатея...

Прошу, чтобы только он был бы жив,
Не умер бы от хвори, подольше бы жил...

Пока он маленький,
Будем его ласкать.
А как он вырастет —
Будет нам помогать.
А когда последний час пробьет,
По-человечески он нас погребет...

Разумеется, проводить четкую параллель между лирическим героем и автором стихотворения неразумно, но очевидно и то, что, перебирая варианты судьбы героя, Кулаковский, по сути, перебирает проекты собственной жизни.

К своему тридцатилетию, когда, по словам «Якутской жизни», наступили «тьма без просвета, гнет без пощады», Алексей Елисеевич перебрал немало вариантов собственной жизни. Он познал славу силача, участвуя в различных соревнованиях в Якутске, Оймяконе и Чурапче. Вариант красавца, любимца женщин, если судить по воспоминаниям, тоже был испробован им...

Так или иначе, но реализовывался и вариант жизни мудреца-мыслителя...

Теперь в очередности, заданной стихотворением, видимо, пришла пора попробовать вариант удачливого в делах предпринимателя...

Правда, строительство зданий Якутской гражданской больницы не представляло Кулаковскому возможности развернуться, но тут и к счастью его, и к его же несчастью приспело другое строительство...

2

Сразу после продажи Аляски в 1867 году маятник освоения северо-восточных территорий Российской империи качнулся в другую сторону, изменяя сам вектор движения предприимчивых людей.

Уже не русские купцы и промышленники стремились проникнуть вглубь Американского континента, а американцы начинали проявлять всё возрастающий интерес к северо-востоку Евразийского континента.

Жертвами прежде всего становились коренные жители.

«Американцы высаживали бочку с водкой чукотским стойбищам и со шхун через бинокль следили за попойкой, пока хозяева не становились беспомощными, — отмечал историк В. П. Захаров. — Тогда контрабандисты спускали шлюпку, обходили яранги и забирали всё ценное».

Генеральный консул России в Сан-Франциско А. Э. Олоровский сообщал, что «американцы отбивают значительную часть пушнины и от Якутска. Захватив все морские промыслы в свои руки, обращаясь с ними как со своей собственностью, они уже много лет обогащаются в прямой ущерб местному населению и государству».

Кроме американцев проникали на российскую территорию, занимаясь скупкой пушнины, китайские купцы, а после Русско-японской войны на северо-востоке России усилилась и японская экспансия.

Эту опасность замечало центральное правительство России, замечали ее и чиновники на местах. В 1908 году газета «Якутская жизнь» опубликовала заявление якутского губернатора Ивана Ивановича Крафта, предупреждавшего, что «экономическое влияние грозит отторгнуть весь богатый край, прилегающий к рекам Колыме, Индигирке и Яне».

Чтобы хоть как-то предотвратить эту опасность, Главное управление почт и телеграфов Министерства внутренних дел решило продолжить телеграфную линию Иркутск — Якутск. Для прокладки линии выбрали маршрут по Якутско-Охотскому почтовому тракту и летом 1908 года провели все необходимые изыскательские работы.

«В предстоящем году необходимо устроить новую телеграфную линию от Якутска до Охотска, с открытием трех почтово-телеграфных и четырех контрольных отделений, — телеграфировал 23 декабря 1908 года губернатору И. И. Крафту начальник Главного управления почт и телеграфов Министерства внутренних дел Российской империи М. П. Севастьянов. — За ограниченностью кредита при постройке линии просеку возможно вырубить не шире десяти сажень, постройку домов желательно производить распоряжением Вашего Превосходительства. Благоволите в целях успешного завершения означенной важной постройки принять на себя труд по вызову подрядчиков и устройству соревнования для выяснения цен на выполнение работ по порубке просек, заготовке столбов, развозке материалов и постройке зданий. Начальнику Иркутского округа предложено предоставить Вам все нужные сведения относительно количества работ по выяснению цен. Прошу о результатах поставить меня в известность».

1025-верстовую телеграфную линию запланировали построить в 1909 году.

Производство работ возложили на начальника Иркутского почтово-телеграфного округа, надворного советника Роберта Юльевича Зонненбурга.

За пять месяцев инженеру Зонненбургу удалось решить многие организационные вопросы, чтобы приступить к строительству линии уже в марте 1909 года. Не дожидаясь летней навигации, Роберт Юльевич мобилизовал в складочных пунктах на Иркутско-Якутской линии имеющиеся запасы проводов, крюков и изоляторов и организовал их завоз по зимнему пути на трассу.

Вся трасса была разбита на три участка: правый берег Лены — река Алдан; река Алдан — Юдомо-Крестовская станция; Юдомо-Крестовская станция — Охотск. Строительство на каждом участке шло с двух концов во встречных направлениях.

Руководили строительством механики Якутской и Иркутской почтово-телеграфных контор Иннокентий Степанович Фомин, Сергей Евграфович Дудкин и Иннокентий Федорович Дмитриевич.

От Якутска до Охотска предстояло проложить более тысячи километров просеки, изготовить около 18 тысяч телеграфных столбов, пройти 15 воздушных переходов через реки Лена, Таатта, Амга, Алдан, Белая, Аллах-Юнь, Юдома, Урак, Охота.

Также надо было выстроить здания для Чурапчинского, Нижне-Амгинского, Алданского, Охотского почтово-теле-

графных отделений, Чернолесского, Аллах-Юнского, Юдомо-Крестовского, Юрьевского контрольных телеграфных отделений. В этих зданиях предусматривались квартиры для служащих. При каждом здании следовало построить амбары.

Якутско-Охотский телеграф стал первым крупным объектом на территории Якутии, в строительстве которого упор делался на местных жителей как крестьянских волостей, так и инородческих улусов. Поэтому среди подрядчиков инородческих обществ мы находим имена Ивана Гавриловича Сивцева и Иннокентия Степановича Говорова.

Взял свой подряд на строительстве Якутско-Охотского телеграфа и Алексей Елисеевич Кулаковский

3

Отец в стихотворении «До рождения проклятый» спрашивает у своей возлюбленной:

— Тогда, значит,
Моя монеточка золотистая,
Моя монеточка серебристая,
Моя копеечка сверкающая,
Вот такого сынка не желаешь ли?

Ум расчетливый,
Смекалка купеческая,
Встречи удачные,
Сделки выгодные,
Торговля большая,
Путешествия дальние,
Знакомства дельные,
Казна золотая...
Такого, пожалуй,
И я желаю.

Возлюбленная отвергла и это предложение, задав резонный вопрос: «А таких бедняков, как мы с тобой, вспомнит ли купец с золотой казной?» Самому Кулаковскому последовать мудрому совету героини стихотворения было труднее, хотя предупреждения, что не всё так гладко на пути промышленника и предпринимателя, были.

Совсем незадолго до публикации стихотворения «До рождения проклятый», в феврале 1908 года, поэт давал разъяснение по иску А. С. Слепцова — опекуна над имуществом и малолетними наследниками внезапно скончавшегося верхоянского

купца Н. Б. Васильева, у которого Алексей Елисеевич еще 10 августа 1903 года занимал 200 рублей.

В своем объяснении Кулаковский ответил, что давно уплатил долг, но расписку у Васильева не взял, так как тот был хороший знакомый и он, Кулаковский, был уверен, что Васильев расписку уничтожит сам.

Мирового судью объяснения Алексея Елисеевича не удовлетворили, и он постановил взыскать с того по расписке его от 10 августа 1903 года в пользу Н. Васильева 200 рублей с процентами, от шести процентов годовых с 10 августа 1905 года.

Случай весьма поучительный...

Простодушие и доверчивость Кулаковского в финансовых вопросах были унаследованы Алексеем Елисеевичем из канувшей в прошлое старины родовых отношений и оказывались не применимы в период бурного развития капитализма.

Интересно, что и в перечне необходимых для предпринимателя качеств, составленном отцом и упомянутом в стихотворении «До рождения проклятый», мы не видим хватки и жесткости — самых главных качеств, необходимых для ведения дел в новое время.

Однако если сам Кулаковский и не обладал этими качествами, то необходимость их на втором году своего предпринимательства начинал ощущать и даже по-своему пытался воспитать в себе эти способности...

Косвенное подтверждение этому — подпись, поставленная Кулаковским под публикацией стихотворения «До рождения проклятый».

Понятно, что псевдоним «Акула» сложен из букв имени и фамилии А. КУЛАковский, но, наверное, присутствовало в таком выборе и подсознательное стремление обрести качества, столь необходимые новой «акуле» капитализма, которой воображал себя Кулаковский, и которых в нем как раз и не было...[1]

Подобно настоящей «акуле предпринимательства», торопящейся выхватить наиболее жирные куски, не завершив строительства больничных зданий в Якутске, 6 марта 1909 года Кулаковский вместе Е. Д. Николаевым и М. С. Шоломовым подписывает контракт с Робертом Юльевичем Зонненбургом на развоз телеграфного груза от Охотска до Юдомо-Крестовской станции.

Поначалу всё складывалось просто отлично.

---

[1] Впервые А. Е. Кулаковский подписался псевдонимом Акула под вольным переводом отрывка поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон», опубликованного в газете «Якутская жизнь» 24 апреля 1908 года.

8 марта 1909 года А. Е. Кулаковский, Е. Д. Николаев и М. С. Шоломов заключили контракт с Г. В. Никифоровым о передаче ему груза на доставку, и 9 марта А. Е. Кулаковский получил 1905 рублей в задаток на доставку груза по контракту от 6 марта 1909 года.

Окрыленный первым успехом — таких денег он и в руках не держал! — Алексей Елисеевич подрядился доставить для телеграфных работ еще и рабочих и заключил контракт с Аммосовым, который должен был подобрать ему двух кузнецов и трех плотников. За это Аммосов получил 575 рублей, а сам Кулаковский от Зонненбурга — 700 рублей в задаток по заключенному контракту на доставку рабочих на станцию Аллахюнская.

И все бы и дальше шло так же успешно, если бы только заключением контрактов ограничивалось дело. Но строительство линии требовало не только подписания соответствующих бумаг, а еще и реального дела, которое надо было совершить в очень жесткие сроки, и вот тут и начались осложнения. Судя по опубликованным Л. Р. Кулаковской документам, коммерческое счастье изменяло подрядчику Алексею Елисеевичу.

Получив аванс от Кулаковского, сбежали с Охотского тракта жители Тааттинского улуса Т. Рудницкий, Дм. Урунский, К. Собакин, Г. Секюянов, В. Рахлеев...

Грузы не завозились или завозились с опозданием...

В деле по развозу телеграфного груза от Охотска до станции Юдомо-Крестовской по Охотско-Якутскому телеграфному пути вшита датированная 2 октября 1909 года копия акта о задержке постройки телеграфной линии вследствие недоставки подрядчиками материалов: «...Подрядчики по доставке грузов Николаев и Шоломов на линии отсутствуют и материалы развозить прекратили. Имеющийся налицо подрядчик Кулаковский от дальнейшей доставки материалов отказался, и нанять у кого-либо из жителей в городе Охотске лошадей не представляется возможным...»

Как считал первый биограф поэта А. И. Софронов, «механик телеграфной линии, рассчитывая на крупную взятку, обложил подрядчиков штрафом на 21 тысячу рублей, из них 7 тысяч рублей штрафа выпало на долю Алексея Елисеевича. Все заработанные им деньги ушли в уплату этого штрафа. Кроме того, ему пришлось продать всю свою живность, а впоследствии, когда он работал учителем, в течение пяти лет вычитали с него треть зарплаты на покрытие оставшегося штрафа»...

Насчет взятки, которую вымогал у Кулаковского механик, вопрос спорный.

Известно, что инженер Р. Ю. Зонненбург от начала до конца строительства контролировал работы на линии. Еще 27 мая он выехал из Якутска и 3 июня прибыл на Алданскую станцию. Строительство первого участка до Алдана завершилось 29 июня, и 6 июля Зонненбург выехал в Юдомский Крест.

То есть Р. Ю. Зонненбург достаточно плотно наблюдал за работами и в случае необходимости вмешивался в их ход, и едва ли механики решились бы, замедляя ход строительства, вымогать взятки, тем более что возникшие по вине неисправных подрядчиков проблемы им самим и приходилось решать, чтобы завершить устройство линии в срок. Кстати сказать, благодаря энергии Р. Ю. Зонненбурга и жесткой дисциплине, введенной им, работы на участке Юдомский Крест — Охотск были закончены с опережением на целый месяц, к 30 октября 1909 года.

Строительство за один сезон столь протяженной телеграфной линии, проходящей к тому же в безлюдной местности по лесам и горам, уже само по себе должно приравниваться к инженерному подвигу.

Стремительность производимых работ, масштаб их и большая протяженность в пространстве требовали предельно жесткого ритма поставок. И понятно, что выдержать этот ритм подрядчику, впервые взявшемуся за такое дело, было непросто.

Ну а Алексей Елисеевич Кулаковский, который и устроен-то был как большой поэт, просто не мог вписаться в жесткий ритм строительства.

В принципе можно проанализировать, в чем заключались предпринимательские ошибки Алексея Елисеевича. В своем знаменитом письме «Якутской интеллигенции», основной разговор о котором еще впереди, Кулаковский поместил своеобразный бизнес-план заготовки охотской рыбы, составленный им самим...

«Сделаем маленький расчет примерного промысла в Охотске рыбой на 100 только человек, — пишет он. — 40 японцев насолили 130 000 пудов, т. е. каждый японец ловил по 3 250 пудов рыбы. Мы же, чтобы не завраться и из осторожности, возьмем минимальную цифру по 500 пудов на человека, то есть в шесть с половиной раз меньше, чем японцы, хотя охотчане ло-

вили в лето каждый по 1000 и более пудов; будем считать, таким образом, что 100 человек наловят 50 000 пудов рыбы.

Расход:

1) Жалование 100 рабочих с 1-го апреля по 1-е октября по 100 р. = 10 000 р.

2) Их содержание (хлеб — морем 2 р. 30 к., масло из Якутска, мясо не нужно, рыба — даровая) по 10 р. в месяц за 6 месяцев — 60 р. = 6000 р.

3) Прогоны до Охотска по 10 р., обратно по 5 р. — 15 р. = 1500 р.

4) 10 неводов, которые могут пригодиться до трех лет, по 80 р. каждый = 800 р.

5) 5000 пудов соли по 40 к. пуд (германская соль — кулек в 3 пуда — 1 р. 20 к.) = 2000 р.

6) 3000 бочек вместимостью каждая в 10—12 пудов по 3 р. = 9000 р.

7) Провоз до Владивостока по 35 к. пуд, а за 50 000 пудов = 17 500 р.

8) Провоз до Читы, Иркутска или других больших городов 70 к. = 35 000 р.

9) Разные мелкие и непредвиденные расходы, жалования распорядителей и т. п. = 8200 р.

Итого: 90 000 р.

Не пугайтесь, однако, господа, что для выполнения этого предприятия нужны все приведенные 90 тыс. р., которых нам, конечно, взять неоткуда.

Нет: а) рабочих снабжаем маслом, оленями, немного хлебом и гоним с распорядителями в Охотск, обещав давать их семьям коров, сена, хлеба и прочее; все это мы можем найти у себя, б) Нужно всего 5000 бочек; из них недостающие 2000 бочек сделают сами рабочие, бондарь делает в день полторы бочки; предположим, что наши неумехи делают в день по полбочки; 100 неумех в день сделают 50 бочек; а 2000 бочек сделают в 40 дней (с 1-го мая по 10-е июня), в) Указанные в статье расходы в 3000 бочек можно выписать в кредит или просто на прокат из бондарного завода графа Кейзерлинга во Владивостоке, г) Провозные платы до Владивостока (17 500 р.) и далее (35 000 р.) платим после продажи рыбы; доверие владельцев парохода и паровозов приобретаем посредством заложения рыбы же (не целиком). Таким образом, на первых шагах нам нужно только иметь на покупку соли — 2000 р., неводов — 800 р. и на непредвиденные мелкие расходы — 2—3 тысячи рублей и дело можно оборудовать вовсю.

Во время самого улова рыбы в Охотске можно выручать порядочные деньги продажей икры японцам (до 3—2000 р.).

Доход:

Положенные 500 пудов улова на человека пусть не покажутся Вам преувеличением: важен не улов, а перетаскивание с невода на берег, соление и прочее. Охотчане часто вытаскивают, только раз закинув невод, до 20 000 штук зараз; а так как это вытаскивает восемь человек, то, следовательно, на одного человека приходится от 250 до 500 пудов. Неужели наш несчастный якут целое лето не накопит столько рыбы, сколько казак вытащит в один день, т. е. зараз! Я сам часто видывал в Охоте столько рыбы, что трудно пробраться на лодке сквозь нее. При благоприятных условиях наши парни должны наловить гораздо больше, чем положено.

В Чите, Иркутске и других центральных городах континента пуд морской рыбы стоит от трех до 4 р. 50 к., а на приисках — до 10 р. Мы, конечно, возьмем меньшую величину (3 р.), и тогда 50 000 пудов дадут 150 000 р., т. е. 60 000 р. чистого доходу»...

Не касаясь частностей этого «бизнес-плана»[1], надо отметить, что весь он выстроен на весьма зыбком фундаменте благих намерений и поэтических предположений. Вопросы реализации рыбы в Чите, Иркутске и других крупных городах, своевременной перевозки остаются вне его внимания.

Алексей Елисеевич считает расходы на соль, на бочки, на жалованье рабочим, а вот риски и потери, связанные с отгрузкой и транспортировкой продукции, не учитывает.

Очень трогательны его рассуждения о том, что если профессиональный бондарь делает в день полторы бочки, то 100 неумех должны в день сделать хотя бы 50 бочек. Профессиональность ведь определяется не только скоростью работы... Неумеха не сделает бочки ни за два, ни за три дня, ни за неделю, до тех пор, пока не станет «умехой» и не научится этому ремеслу...

Вглядываясь в составленный Кулаковским проект заготовки охотской рыбы, мы видим, что он расползается по любому пункту, начиная от снабжения рабочих — «снабжаем маслом, оленями, немного хлебом и гоним с распорядителями в Охотск, обещав давать их семьям коров, сена, хлеба и прочее;

---

[1] Если судить по книге «Жизнь отца» Реаса Кулаковского, план этот сам Алексей Елисеевич пытался воплотить в жизнь. Реас Алексеевич пишет, что однажды Алексей Елисеевич и его четверо товарищей, решившие ехать на рыбный промысел в Охотск, заехали в Оймякон к Н. О. Кривошапкину посоветоваться с ним насчет дальнейшего пути. Они сказали, что до верховьев реки Кухтуя поедут на лошадях, а дальше сплавятся на плоту до Охотского моря. Заготовки не удались, потому что выяснилось, что местность возле водораздела заболочена и непроходима для лошадей, да и река сильно обмелела для сплава на плотах...

все это мы можем найти у себя» — и кончая намерением оплатить перевоз до Владивостока и далее после продажи рыбы.

Можно с уверенностью сказать, что, если бы, получив шесть тысяч рублей, Кулаковский принялся за заготовку рыбы в Охотске, все эти шесть тысяч так и остались бы на неприветливом берегу Охоты. Как остались в болотах между Охотском и Юдомским Крестом надежды Кулаковского заработать денег для семьи и на продолжение своей учебы.

А вот разговор о взятке, про которую говорил А. И. Софронов, возможно, возникал...

Наверное, можно было дать взятку, чтобы снять или сократить произведенные начеты. Только начеты-то были сделаны за неисправность самого подрядчика Кулаковского...

4

Любопытно, что в самый напряженный период строительства телеграфной линии, как бы позабыв о своих подрядных проблемах, Алексей Елисеевич Кулаковский часть лета 1909 года провел в Качикатцах, работая над одной из лучших своих поэм «Дары реки».

Как замечает Людмила Реасовна Кулаковская: «На сегодня нет архивных документов о том, по какой надобности он ездил в Качикатцы в то время, когда был необычайно занят строительными и подрядными работами по перевозке грузов. Мы сегодня можем с некоторой долей уверенности утверждать, что в 1909 году Кулаковский был по делам строительства у С. П. Барашкова, занимавшегося перевозками грузов и строительного леса в прииски Бодайбо и приехавшего оттуда на некоторое время в Качикатцы».

В принципе версию эту следовало бы сразу отвергнуть, если бы дело касалось серьезного купца-подрядчика, однако Алексей Елисеевич прежде всего был поэтом и к своим подрядным обязанностям относился не то чтобы пренебрежительно, а, как и положено поэту, воспламеняясь по ходу дела другими идеями.

Так и случилось, когда, попав в Бодайбо по делам, связанным с подрядами Охотской линии (помимо развозки грузов он взялся еще и за строительство домов), Кулаковский встретил там своего одноклассника по реальному училищу Семена Петровича Барашкова.

Во время встречи Кулаковский так увлек Барашкова своим проектом преобразования сельского хозяйства Якутии, так разжег его и так разжегся сам, что они решили немедленно

ехать в Качикатцы, где — у Семена Петровича Барашкова всё было предельно конкретно! — можно было организовать опытное хозяйство.

Впрочем, это не так уж и существенно, где и как произошла такая счастливая для якутской литературы и такая несчастная для судьбы подрядов Алексея Елисеевича встреча с Барашковым.

Главное, что Кулаковский оказался в Качикатцах и здесь — есть все основания предполагать, что случилось это после посещения Ленских столбов — Алексея Елисеевича посетило вдохновение и он в самый напряженный момент строительства Охотской телеграфной линии занялся созданием шедевра якутской литературы, поэмы «Дары реки».

Русский поэт Владимир Солоухин вспоминал, что чем больше он вчитывался в поэму «Дары реки» Кулаковского, тем больше красот открывалось ему...

«Эти как бы повторы, но на самом деле вовсе и не повторы. Река Лена говорит, например, Ледовитому океану, в который она впадает:

Твое ледяное лицо
Девяносто веков заморожено,
Я его оттаять намерена.

Твое прозрачное горло
Семьдесят веков, как обледенело,
Отогреть его я намерена.

Твое замороженное сердце
С девятью ледяными перехватами
Взволновать я намерена...

Или река сообщает, что наделала по пути островов и отмелей, а то, что осталось от островов (от строительного, значит, материала), дарит океану:

Остатки земли
Черной водой в тебя вливаю,

Остатки песка
Желтой водой в тебя вливаю,

Остатки камней
Серой водой в тебя вливаю...

А когда Лена начала перечислять своих дочерей, свои притоки, называя их почтительно госпожами, то поэт умел двумятремя строчками дать яркий портрет той или иной реки:

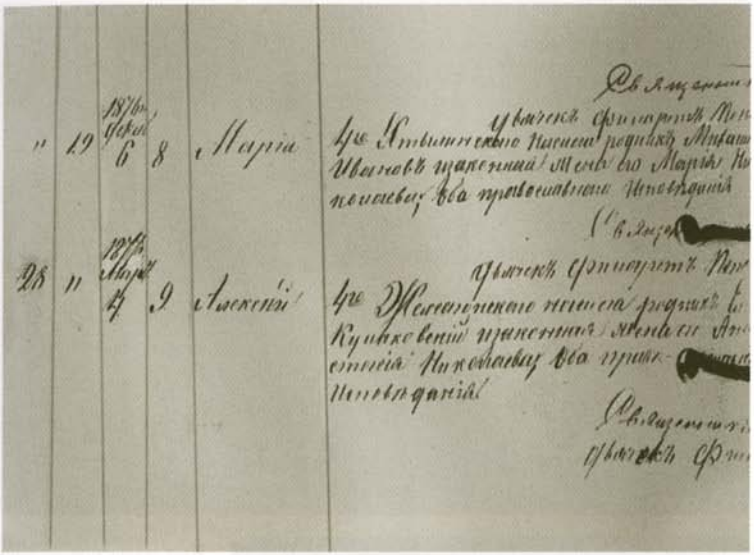
Алексей Елисеевич Кулаковский

Река Таатта,
давшая название родному улусу Кулаковского — Тааттинскому

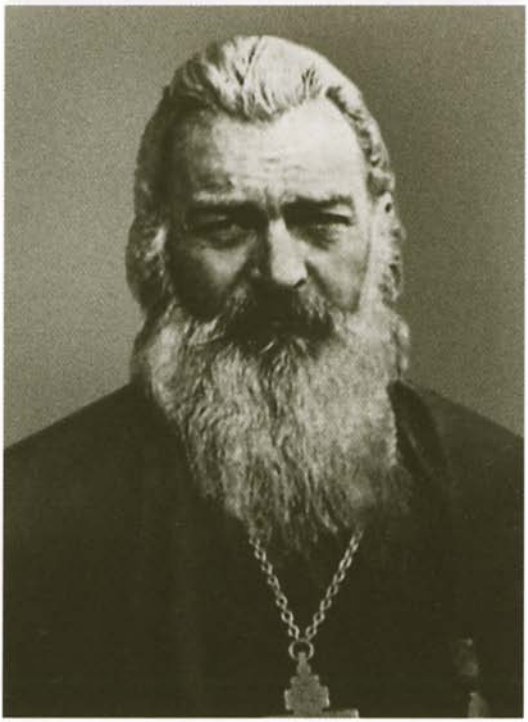
Щедрые дары
якутской земли

Остатки амбара Егора Кулаковского – Уот Хойостоона

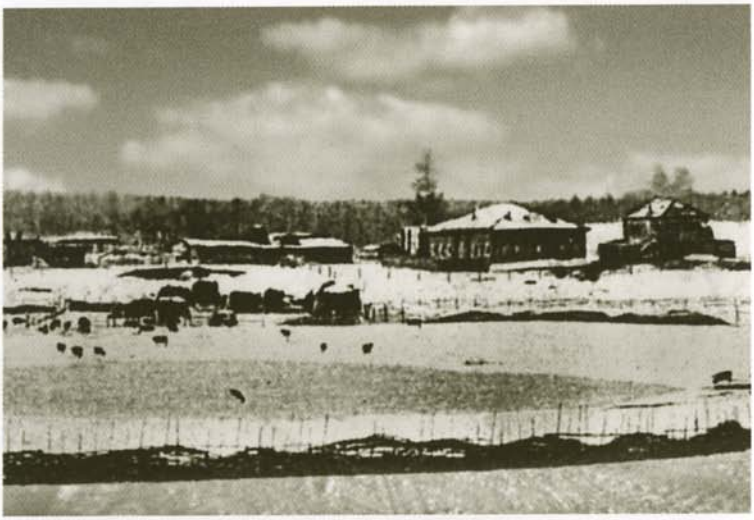
Внутреннее убранство якутской юрты



Запись о рождении Алексея Кулаковского в метрической книге Тааттинской Николаевской церкви



Священник Василий Попов, крестивший Алексея



Вид Чурапчи.
Большое здание –
школа,
где учился
Кулаковский

Учитель
Кулаковского
Николай Горловский

Вид на Якутск
с колокольни.
На втором плане –
духовное училище,
где учился
Кулаковский

Алексей
Кулаковский (слева)
с братом Иваном

Здание
Якутского
реального училища

Школьные
друзья Алексея —
Васильев и Бушуев

Ытык-Кёль
в начале XX века

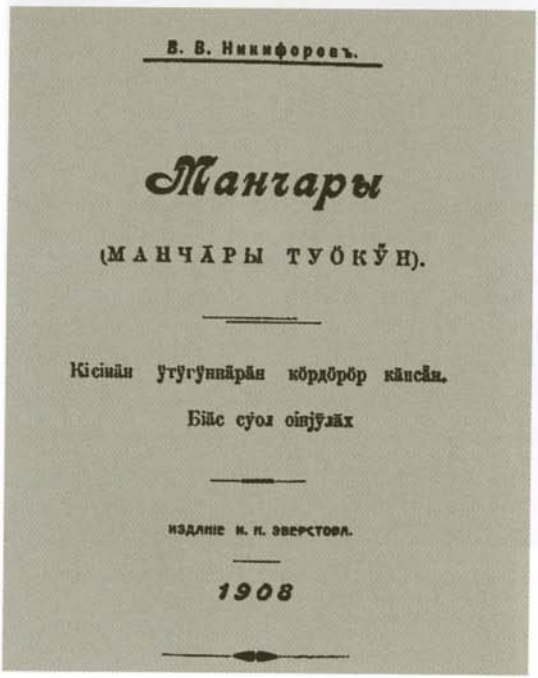
Первая жена
Кулаковского –
Анастасия Егоровна
Оросина

Собрание улусных голов. А. Е. Кулаковский сидит во втором ряду третий слева. *1904 г.*

Вторая жена Кулаковского Евдокия Ивановна Лыскова с сыном Алексеем

Кулаковский (стоит) с писарем Мегинского уезда В. Я. Слепцовым и И. Г. Васильевым

Оймяконский
богач
Николай
Кривошапкин



Пьеса
В. Никифорова
«Манчары»,
по которой был
поставлен
спектакль
«Разбойник
Манчары»
с участием
А. Е. Кулаковского

Участники спектакля «Разбойник Манчары» на сцене инородческого клуба Якутска.
1909 г.

Кулаковский (слева) с Д. Неустроевым и Т. Дягилевым

Шаман. *Картина И. В. Попова*

Участники инородческого съезда Якутской области. *1912 г.*

Газета «Якутская окраина»
с упоминанием об участии А. Е. Кулаковского в инородческом съезде

ЯКУТСКАЯ ОКРАИНА.

Газета политическая, общественная и литературная выходитъ въ Якутскѣ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздн.

№ 41 Четвергъ, 20 Сентября 1912 г №41

„ЯКУТСКАЯ ОКРАИНА„

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Съ инородческаго съѣзда.

Окончаніе *).

Жена Кулаковского Евдокия с подругами

А еще была
Со звенящим течением,
С холодным дыханьем
Резвая
Тырá — госпожа;

А еще была
С каменными боками,
Со скалистыми берегами
Дикая
Хандыга — госпожа,

А еще была
С лесистыми горами,
С многочисленными лосями
Прекрасная
Тандыга — госпожа .

А еще была
С медленным течением,
С привольным воздухом,
С широкими поймами,
С многими жителями на берегах
Кормилица
Амгу — госпожа.

Слова, близкие по значению, но разно звучащие, или, напротив, слова, близкие по созвучию, но разные по значению, дробятся в поэзии Кулаковского, разветвляются, множатся, колышутся, как многие травы единого луга или многие струи единого, сильного потока светлой реки».

5

Известно, что в списке Т. Попова, с которого С. Ф. Ксенофонтов и делал в 1916 году копию произведения Кулаковского «Дары реки Лены», в скобках на русском языке было отмечено: «Дары Лены. Подражание “Дарам Терека” Лермонтова». Т. Попов утверждал, что это примечание он переписал из рукописи самого автора в том же 1916 году. И хотя сведения эти подтверждаются прямой параллелью в названиях произведений и сходством сюжета — у Лермонтова стихотворение строится как разговор Терека с Каспием, а у Кулаковского — как разговор Лены с Северным Ледовитым океаном, но правильнее, разумеется, говорить, что поэма «Дары реки» лишь на первоначальном этапе своего написания была подражанием Лермонтову.

Стихотворение М. Ю. Лермонтова при всей его гениальности остается в рамках романтической поэзии, и сюжет о юной красавице-казачке, которую Терек принес в дар Каспию, ис-

черпывает этот шедевр. А вот в поэме «Дары реки» лермонтовский сюжет лишь частность, лишь эпизод, когда «заревевшая из белой мглы» бабушка-океан «заговорила словами тяжелыми, словно льдины»:

Если бы действительно пожелала ты
Одарить свою старую бабушку,
Освежить
Мое заиндевелое ледяное горло...

Тогда
Удалыми богатырями,
Отчаянными парнями,
К силе своей в придачу
Познавшими в жизни удачу,
Брюхо свое набив,
Ко мне бы ты притекла.

Тогда
На ангелов похожими,
Божественными, пригожими
Женщинами прекрасными
С их очами большими и ясными,
Дно свое устелив,
Ко мне бы ты притекла.

Сама же поэма шире этого эпизода, она включает в себя и размышления над вечными проблемами жизни на севере, она показывает и величественное противостояние жизни, которую воплощает в себе река Лена, и смерти, олицетворяемой в поэме океанихой-бабушкой.

Жестока и беспощадна расправа:
А саму тебя
На восемь месяцев —
Под глубокий снег,
Чтобы едва сочилась,
Чтобы слезой точилась,
Чтобы не видна была
Ты для всех.

А саму тебя
На девять месяцев —
В стужу и мрак
Под ледяную пургу,
Под густую шугу.
Да будет так!

Знаменитые Ленские столбы находятся сравнительно недалеко от того места, где одно за другим предстоит создать Алексею Елисеевичу Кулаковскому едва ли не самые главные свои произведения: «Дары реки», «Сновидение шамана», письмо «Якутской интеллигенции».

Даже если не знать, что знаменитый шаман Кэрэкэн, принадлежавший к роду Кулаковских, до отъезда на Таатту жил возле Ленских столбов, очевидно для человека, бывавшего тут, что здешние скалы каким-то образом связаны с созданными Алексеем Елисеевичем Кулаковским в Качикатцах шедеврами.

Не трудно допустить и то, что таинственные и зачастую жутковатые береговые «столбы», что сплошной стеной растянулись на десятки километров, могли вызвать мысль уподобить величественное течение Лены бурному потоку Терека.

Да и сами скалы, принимающие порой причудливые очертания лежащих на берегу людских тел, тоже при определенном настроении вызывают ассоциации с образами лермонтовского стихотворения.

Но связь, разумеется, глубиннее и, как мы увидим по поэме «Сновидение шамана», таинственнее. И никакой роли не играет тут, что сам Кулаковский, кажется, непосредственно о Ленских столбах ничего не писал, такое ощущение, что он читал эти скалы как знаки неведомых миров, складывая из них пророчества поразительной точности и глубины.

Где-то в причудливых и таинственных знаках, порождаемых нагромождением прибрежных скал, и рождается развернутый в поэме «Дары реки» рассказ о безысходности борьбы Добра со Злыми силами природы, бесперспективности торжества светлых начал над темными, бессолнечными силами...

Кстати сказать, эта проблематика поэмы «Дары реки» позволяет по-иному взглянуть и на стихотворение «Обездоленный еще до рождения», открывая в нем более глубокий сокровенный смысл.

Герои стихотворения «Обездоленный еще до рождения» живут на основе традиционной этической культуры.

Современного читателя, особенно живущего за пределами Якутии, удивляет, почему мать ребенка из всех возможных вариантов выбирает для него самый на первый взгляд незавидный. Но удивляться тут нечему. Как справедливо отметил Егор Винокуров, «мать, описываемая А. Е. Кулаковским, — типичный образ, созданный из тысяч прототипов».

Героиня стихотворения знает, что сыну предстоит жить в крайне суровых условиях и, чтобы пройти через жестокие испытания, он должен обладать не силой, не красотой, не мудростью, а прежде всего способностью к «выживаемости»... Без этой «выживаемости» не нужны ни сила, ни красота, ни мудрость.

Созданием поэтических шедевров творческая деятельность подрядчика А. Е. Кулаковского в 1909 году не ограничивалась. Тогда же с успехом сыграл он главные роли в пьесах «Разбойник Манчары» и «Женитьба» Н. В. Гоголя на сцене инородческого клуба в Якутске.

Жена А. И. Софронова Е. К. Гоголева вспоминала: «Однажды, мне тогда было лет 17—18, ко мне зашли подруги и сказали, что готовится к постановке "Женитьба" Гоголя в переводе на якутский язык. Начавшая было играть в ней, дочь Ивана Гавриловича Васильева, Саша, отказалась. Сказали, мол, что я могла бы сыграть. Посоветовали сходить, попробовать. Оказалось, в постановке принимают участие люди, очень известные и просвещенные... Тут я, испугавшись, наотрез отказалась. Сослалась на родителей, они-де не разрешат.

Вдруг, на следующий день, к отцу пожаловали на лошади, запряженной в тележку, В. В. Никифоров и А. Е. Кулаковский собственной персоной испрашивать разрешения у родителей "отпустить дочку сыграть в постановке" и меня уговорить. Мать с отцом говорят: "Пусть сама решает". Я же, под напором уговоров, согласилась».

6

К сожалению, дела, связанные с подрядными обязательствами, улаживались намного сложнее, чем подготовка спектаклей в инородческом клубе.

В конце 1909-го — начале 1910 года предпринимательская деятельность Алексея Елисеевича Кулаковского постепенно начинает перемещаться в пространство судебных присутствий...

Пробираться через бесчисленные расписки и доверенности, ходатайства и иски, обрушившиеся в 1910 году на Кулаковского, занятие крайне утомительное и безблагодатное. Кажется, что прямо на твоих глазах засасывает человека бумажное болото.

«Вновь найденные архивные документы позволяют в какой-то степени выстроить хронологию жизни и деятельности Кулаковского в 1910 году, — пишет Л. Р. Кулаковская. — Из них видно, что до 23 марта он завершает строительство гражданской больницы, занимается делами подряда по проведению телеграфной линии и оформляет документы Д. Д. Обутова и И. Слепцова для участия в торгах по получению подряда на строительство Чурапчинской больницы. Сам тоже подает заявление на участие в торгах, но не участвует в них».

Еще до этого, 21 января 1910 года, Кулаковский вынужден был взяться за ведение судебных процессов, возникающих с казной по доставке телеграфного груза от Охотска до Юдомо-

Крестовской станции по контрактам от 6 и 8 марта и по условию от 8 марта 1909 года, а уже в феврале начались судебные споры по строительству дома сифилитиков и забора для Якутской гражданской больницы.

Д. Д. Обутов и Т. С. Пирошков еще 11 февраля объявили комиссии о желании получить от подрядчика по устройству забора А. Е. Кулаковского окончательный расчет за проделанные работы. Собрав их расписки, А. Е. Кулаковский заявил 25 февраля 1910 года о согласии с расчетом по постройке здания для сифилитиков и устройства забора и попросил выдать ему 101 рубль 5 копеек, но уже буквально через пять месяцев Н. В. Винокуров подал иск на взыскание с Кулаковского 647 рублей 46 копеек. Сумма эта, по версии Винокурова, потребовалась на исправление брака, допущенного при строительстве Кулаковским.

Кулаковский отчаянно пытался выбраться из этой судебной трясины, но все его попытки приводили только к тому, что он увязал еще глубже. И как-то так получалось, что и близкие Кулаковскому люди, пытавшиеся помочь ему, тоже соскальзывали в долговую трясину.

Так случилось с тещей Кулаковского Еленой Семеновной Лысковой, которую оговорили летом 1910 года в растрате 502 пудов хлеба, отпущенного из казны инородцам Ботурусского улуса. Похоже было, что с таким предпринимателем, как ее зять, не помогали Лыскачыа и хваленые колдовские и предсказательские способности.

Имеется свидетельство, что 11 сентября 1910 года Кулаковский жил в доме тещи Е. С. Лысковой, расположенном на поперечной улочке, соединяющей Преображенскую и Правленскую улицы, во дворе дома Гоголева, но уже в сентябре 1910 года вместе с семьей уезжает за пределы Якутской области, в Бодайбо.

Ах, друзья мои,
Наконец-то засиял день,
Когда мне захотелось
В далеких землях найти удачу,
В чужих краях добыть себе счастья,
На приисках золотых
Судьбу свою поправить, —
Я смело взялся,
Отважно решился
Оставить дом свой родной,
С местами насиженными разлучиться
И двинуться в путь-дорогу... —

писал поэт в созданном на борту парохода по дороге на Витим стихотворении «Большая огнедышащая лодка».

«Легко разрезая кипящие струи сильной речной воды», гулко шлепая плицами, пароход медленно, но неутомимо поднимался вверх по Лене.

— Мэник тыһыынчатын тыал ыһар...[1] — говорила Евдокия Ивановна, глядя вниз на разбуженную воду. — Взятку, Алексей, однако, надо было давать...

— Мёккёуор иннигэр моһоок барар...[2] — вздыхая, ответил Кулаковский. — Утуо аат — суол баайдаа5ар ордук...[3]

7

Первое золото в долине реки Хомолхо открыли в июле 1846 года Петр Корнилов и Николай Окуловский, а к началу XX века в этом районе было заявлено уже почти 600 приисков.

Прокладывались дороги, соединявшие прииски с Бодайбинской резиденцией, которая выросла на берегу Витима, влившегося в русскую литературу под именем Угрюм-реки...

Золото торопило научно-технический прогресс.

Именно в Бодайбо, еще недавно называемом Дальней Тайгой, гораздо раньше, чем в Центральной России, появились первая электрическая железная дорога и первая высоковольтная электростанция, здесь впервые была применена паровая драга.

Сюда и привезла 8 октября 1910 года «большая огнедышащая лодка», принадлежавшая «Лено-Витимскому речному пароходству», М. Сибирякова, И. Базанова, Я. Немчинова, семью Кулаковских.

«Зиму 10—11 г. провел для изучения области на золотых приисках...» — заявит А. Е. Кулаковский в письме якутскому губернатору И. И. Крафту.

«Ездил на прииски, но возвратился, не дожидаясь вакансии... » — сообщит он в письме Э. К. Пекарскому

Известно, что поселились Кулаковские на Нежданинских приисках у Павла Калашникова, с которым Кулаковский учился в первых классах реального училища, но, кажется, это единственное, что известно более или менее определенно.

---

[1] Тысячу рублей у глупца разносит ветром.

[2] Из-за спора деньги летят.

[3] Доброе имя лучше богатства.

Трудно, очень трудно прослеживать путь одолеваемого судебными исками поэта.

Уже 10 марта 1911 года все учреждения от Чурапчи до Юрьевского получили телеграмму полицейского урядника Котлевского с просьбой указать местонахождение подрядчиков Д. Обутова, Е. Николаева, И. Михайлова, С. Дьячковского, Л. Фадеева, А. Кулаковского, Г. Сивцева.

13 марта из Бодайбо ушла ответная телеграмма в Якутск, что Кулаковский выбыл с приисков к месту приписки в Ботурусскую управу.

21 марта 1911 года датирована телеграмма областного управления начальнику округа с просьбой подтвердить, состоит ли подрядчиком исправления Якутско-Охотской линии инородец А. Е. Кулаковский, ходатайствующий о выдаче свидетельства на покупку пяти ведер спирта для рабочих.

Завершить необходимые исправления на линии, видимо, не удалось, потому что 11 мая 1911 года подрядчику А. Е. Кулаковскому под расписку была объявлена телеграмма начальника Иркутского почтово-телеграфного округа Р. Ю. Зонненбурга по поводу строительства зданий для учреждений. А. Е. Кулаковского обязывали к 20 мая дать расписку в желании или нежелании доканчивать работы.

5 апреля 1911 года истец Н. В. Винокуров, вознамерившийся истребовать с А. Е. Кулаковского 647 рублей 46 копеек, написал мировому судье 2-го участка заявление о том, что А. Е. Кулаковский скрывается в Бодайбо, на Надеждинском прииске, и Кулаковскому пришлось срочно увозить из Бодайбо семью. Калашников, у которого жили в Бодайбо на Надеждинском прииске Кулаковские, подарил ему на прощание фотографии. Надпись на фотографии датирована 3 апреля 1911 года.

На какое-то время он снова «теряется», потому что 24 апреля 1911 года Ботурусская инородная управа доносит начальнику Якутской почтово-телеграфной конторы, что А. Е. Кулаковский еще в первых числах октября 1910 года уехал с семейством в Бодайбо Иркутской губернии.

«По приезде из Бодайбо, — как пишет Л. Р. Кулаковская, — с конца апреля по октябрь 1911 года он (Кулаковский. — *Н. К.*) завершал работы на телеграфной линии, поэтому много времени находился на Охотском тракте».

Глава шестая

СНОВИДЕНИЯ НА ЛЕНСКИХ БЕРЕГАХ

Опираясь о верхний край
Величавого ясного неба,
Стал пытливо на землю смотреть,
Оседлав высокий хребет
Светозарного синего неба,
Стал сверху вниз взирать...
Серединная бело-пятнистая земля моя
Виднелась там, тая в ярком светлом мареве
Будто серебряная бляшка
На рогатой старинной шапке.

А. Е. Кулаковский.
Сновидение шамана[1]

Существует такая легенда...

Однажды Кулаковский услышал, что в соседнем аласе проживает старик, который знает много сказок. Кулаковский предупредил домашних, что вернется к вечеру, и отправился в путь. Он разыскал старика, но услышал от него о других сказочниках и решил, не откладывая, встретиться с ними.

Домой он вернулся через три года...

Разумеется, это просто легенда...

Никуда Кулаковский не исчезал бесследно на столь длительное время, но тем не менее знакомым Алексея Елисеевича и его близким иногда начинало казаться, что такое действительно случается с ним.

У него были какие-то особые отношения с пространством.

Совершая вполне мотивированные с рациональной точки зрения перемещения, Кулаковский порой исчезал вдруг из пространства бурно развивающегося капитализма и обнаруживался совершенно в другой малонаселенной местности, куда его затягивали древние предания Якутии.

«Вместе с Иваном Елисеевичем Кулаковским он добился в областной продовольственной комиссии выделения для жителей пострадавшего от жестокой засухи 1909 года[2] IV Жохсо-

[1] Перевод А. Шапошниковой.

[2] Об этой засухе А. Е. Кулаковский в 1912 году писал Э. К. Пекарскому: «Злобным ураганом пролетел голод 1909—1910 годов. Умерло от голода около 10 человек и до 100 000 голов скота, добрая половина которых приходится на Ботурусский улус»... Цит. по кн.: Кулаковский: Сборник докладов. С. 81.

гона по два пуда муки на каждого... — пишет Л. Р. Кулаковская. — Кроме этих фактов, до 8 июля 1910 года документов, касающихся жизни Кулаковского, не обнаружено. Исходя из чего, имеет под собой основание предположение о том, что в это время он, живя в Качикатцах у С. П. Барашкова, учил его детей...

Резонно предположить, что в это же время, в период с начала марта до конца июня 1910 года, была написана поэма "Сон шамана", поскольку, согласно архивным документам, А. Е. Кулаковский в 1910 году жил в Качикатцах только в это время».

Возможно, именно к весне 1910 года, когда создавалось «Сновидение шамана», и относится рассказ жителя Качикатцев А. Н. Протодьяконова, вспоминавшего, что «С. П. Барашков пригласил из города А. Е. Кулаковского для подготовки к учебе в городской школе своих детей, в том числе и меня.

Я запомнил А. Е. Кулаковского рослым, выше среднего роста, широкоплечим, чернобровым, светлоглазым человеком с жесткими усами, с довольно узким подбородком. Голос у него был красивый, звучный. Был силен, легок на ногу и проворен в движениях. Готовил он нас, пятерых детей, так же, как в школе, по предметам, по которым мы должны были сдавать экзамены осенью при поступлении в городскую школу: по русскому языку, математике, географии, истории. К нам, детям, относился очень хорошо, никогда не выходил из себя, не раздражался и объяснял исключительно доходчиво...

Насколько мне известно, он занимался еще изучением якутского языка...

Потому подолгу разговаривал со старцами наслега»...

1

Вот таким и был Алексей Елисеевич в Качикатцах, когда — от усадьбы Барашкова видно гору, где находилось жилье шамана Кэрэкэна — создавал свою поэму «Сновидение шамана», считающуюся вершиной его поэтического творчества.

Восьмилучевое из мглы
Величаво, яркое добела,
Вечное солнце, искрясь,
Восходило — и в этот миг

В облачении белом сел
В юрте в священном углу
Важный — мой дядя — великий шаман,
Старец, служитель добрых божеств.

Белый шаман начал камлать —
Бубен огромный, округлый взял
Бубен, как озеро — продолговат,
В нем крестовины гремучей жесть.
В бубен трижды ударил он,
Буйно понесся гул и гром,
Стал он протяжно петь,
Пением стал прорицать, предрекать,
Бурно голос взмывал, трепетал.
Бубен яростно грохотал, рокотал...[1]

Сколько раз повторялась эта картина в судьбе и творчестве Алексея Елисеевича Кулаковского!

Мы уже рассказывали, что само его рождение связано с камланием шамана Албакыына, снявшего заклятие эвенкийского шамана из Усть-Маи, наложенное на родителей Кулаковского.

Теперь шаман появляется, чтобы возвестить о своем пророческом видéнии, открывшемся ему, и снова — случайно ли? — А. Е. Кулаковский подчеркивает, что этот шаман его родственник.

Вот что стряслось
Прошедшей ночью со мной,
Покрытой глухой потаенной тьмой,
Полной смутных загадок, тревог...
Навострив волхованье свое,
Устремил колдовскую мощь,
Мне дающую смелый дар
Превращаться в птиц и зверей,
Властью дивного волшебства
Вмиг обернулся среди земли
Горбоносым
Грозным Эрили,
Гигантским орлом обернулся я...

Кажется, впервые появляется тут у Кулаковского и горбоносый Эрили.

Пока это то, во что превратился белый шаман, но как в предании о половинке золотой монеты, которую надо было проглотить матери Кулаковского, чтобы зачать сына, в этом превращении шамана в орла осуществляется и превращение самого поэта из аббревиатурной «Акулы» в сказочную птицу Ексекюлях[2], что среди других достоинств обладает и даром пророчества.

---

[1] Здесь и далее «Сновидение шамана» цитируется в переводе С. А. Поделкова.

[2] Как утверждает Е. Е. Алексеев, псевдоним Ексекюлях Елексей в переводе на русский язык обозначает «мифический двуглавый Орел Алексей».

«Сновидение шамана» — «темпераментная по накалу, планетарная по масштабам охватываемых стран и событий, динамичная по сюжету поэма, — пишет Е. Е. Алексеев. — Герой поэмы — белый шаман-провидец. Однако он — не обычный якутский шаман, он — философ, объясняющий развитие человеческого общества не сверхъестественными силами, а его внутренними законами развития, гуманист, разоблачающий ужасающие способы уничтожения человечества войною, страстный протестант против классового и национального гнетов заводчиками и фабрикантами рабочего люда и более развитыми и сильными народами слабых и менее развитых народов...

Шаман-философ за четыре года до Первой мировой войны предсказывал неизбежность бесчеловечной, страшно разрушительной всемирной войны, а за семь лет до великих потрясений в России — революцию. В комментарии к изданию поэмы Кулаковский писал: "Когда в 1910 г. писалась мною эта песня, то предполагалось, что всемирная война, так и русская революция разгорятся не ранее, чем через 20—25 лет. Великий голод и переселение на отдаленные окраины должны были случиться вслед за войной и революцией как естественные их последствия".

Якуты, как составная часть человеческого рода, не могут в этом всемирном потрясении оставаться островком. Мировой катаклизм непременно коснется судьбы малых окраинных народов. Поэтому шаман видит неминуемую гибель соплеменников, раздавленных многомиллионными голодными переселенцами. Естественно, что он мог бы призывать свой родной народ к истребительной беспощадной борьбе с ожидаемыми переселенцами. Но шаман ищет другой путь. Рассчитывая на значительный срок (20—25 лет), он советует сородичам "семьдесят семь их тайн" сопринять, чтобы "ею скормить Душу-Родительницу", "восемьдесят восемь" хитростей познать, чтобы "насытить ими Душу-Воздух", "девяносто девять наук" перенять, чтобы обогатить "Душу-Землю". В комментарии к поэме эту основную просветительскую идею Кулаковский выразил следующим образом: "Рассчитывая на такой сравнительно долгий срок, шаман советует соплеменникам успеть усвоить русское 'волшебство', т. е. культуру, чтобы стать равными с пришельцами в борьбе за существование".

Шаман говорит о трех душах. По представлению якутов, человеческая душа состояла из трех частей: Души-Родительницы, Души-Воздуха, Души-Земли.

После обогащения этих трех душ якутов русским "волшебством" (если немного домыслить) якутский шаман доброволь-

но уступает силе русской культуры, признав бессилие своего колдовства. Это великая жертва для шамана ради выживания своих соплеменников»[1].

К этому глубокому осмыслению поэмы можно добавить только, что, совершая камлание, герой поэмы расколдовывает и талант поэта. Страстный и взволнованный голос Кулаковского возвышается над скорбной песней шамана:

Неужели в лихой этот срок,
Когда свет наших мыслей смерк,
Когда разум наш заключен,
Кажется, в шестикратный обвив змеи,
Крошечное счастье саха
Могут отнять у него?
И обидно,
И горько так... —

начинает звучать в полную силу, уже одним только звучанием своим расколдовывая, в свою очередь, и весь якутский народ.

Что, дорогие мои,
Если такое случится все ж,
Если нам предстоит уйти
От счастья: жить и жить
На зеленой вечной земле
Не печально ли будет нам?

Неслучайно свою поэму Кулаковский завершает якутским алгысом:

Владыки всех девяти пречистых небес,
Возносим наших стенаний песнь,
Не отвергайте, я вас прошу!..

Семи блистающих мощных небес князья,
Смиренно раскаянье наше, — его
Сердечно, безгневно принять прошу!

Склонена голова перед вами моя,
Согнут стан мой прямой, низко кланяюсь я,
Ставлю я на колени себя,

На три солнечных тени божеств
Мой почтительный ляжет поклон!..

---

[1] *Алексеев Е. Е.* Мировоззрение А. Е. Кулаковского // Сборник «Кулаковский А. Е. и время». М., 2003. С. 118—120.

Определяющая судьбу, моя ворожба,
О преграды бедствий не расшибись,
О помехи зла не споткнись,
О, только не опрокинься! Удачу дай!
Тускуро!

Если не считать эпилога, написанного в 1924 году, когда многие пророчества поэмы «Сновидение шамана» стали историей, поэма была создана весной 1910 года.

Через два года, и тоже в Качикатцах, и тоже весной будет создано другое столь же программное произведение: письмо «Якутской интеллигенции»[1], в котором Кулаковский, уже окончательно утвердивший себя в качестве основоположника родившейся литературы, предстанет как самобытный и глубокий экономист, историк и философ.

Произведения эти при всей их несхожести объединяет общая идея — Кулаковский пытается заглянуть и заглядывает в будущее якутского народа на много десятилетий вперед.

И происходит это заглядывание не ради испытания, а тем более демонстрации необыкновенных способностей, не ради достижения каких-то личных выгод или поэтического эпатажа, а с целью предупреждения якутской интеллигенции от ошибочных шагов, которые она может совершить.

Кажется, впервые слово «Ексекюлях» становится тут синонимом слову «учитель»...

2

Мы уже говорили, что эти вершинные в своем творчестве годы (речь идет о 1910—1912 годах) Алексей Елисеевич Кулаковский большей частью живет в Качикатцах у Семена Петровича Барашкова.

Время от времени он уезжает на короткое время, порой отсутствует по нескольку месяцев, но снова и снова возвращается назад...

Как свидетельствует надпись на фотографии семьи Барашковых, датированная 5 декабря 1911 года, отношения Семена Петровича Барашкова с товарищем по реальному училищу были достаточно теплыми.

Семена Петровича восхищали необыкновенно широкие познания Кулаковского и его поэтический талант, но и в самом Барашкове имелось то, чего начисто был лишен Алексей Елисеевич.

---

[1] В письме «Якутской интеллигенции» впервые появляется псевдоним А. Е. Кулаковского — Ексекюлях Елексей.

Барашков имел предпринимательский дар, благодаря которому умел так расположить людей, так построить отношения с ними, что они начинали работать на него, не только не требуя вознаграждения, но еще и испытывая благодарность за позволение заниматься этой работой.

Семен Петрович Барашков сумел развить унаследованную от отца торговлю в Бодайбо, широко развернулся, обосновавшись в местности Титтээх.

Летом 1909 года позабывший о своих собственных подрядах, Кулаковский составил Барашкову проект образцового хозяйства и в свободное от сочинения поэмы «Дары лета» время помог заказать по каталогам необходимое оборудование.

Семен Петрович Барашков и Алексей Елисеевич Кулаковский как бы дополняли друг друга, удачно совмещая трезвый расчет с дерзкой мечтой, предельную осторожность с научной смелостью.

Так и в 1910 году Кулаковский помогал Барашкову, наблюдая за строительством пятикомнатного дома, большой юрты для работников, коровника, амбаров и других хозяйственных сооружений.

Барашков приобретал выбранную Кулаковским сельскохозяйственную технику: плуги, культиваторы, сеялки, жатки, молотилку, а в 1913 году привез в Качикатцы локомобиль.

Благодаря трудам Кулаковского Семену Петровичу Барашкову действительно удалось создать самое передовое, показательное фермерское хозяйство мясо-молочного и зернового направления. Впервые в Якутии на этой усадьбе появилось электричество. На электрической энергии работали пилорама, мельница и молотилка. Электрическое освещение Барашков провел и в коровник, и в юрту работников.

Хозяйство Барашков налаживал с размахом и если и жалел деньги, то только на оплату своего главного консультанта и управляющего, искренне полагая,что Алексей Елисеевич счастлив и тем, что может своими глазами наблюдать, как реализуются его самые смелые проекты возрождения и развития якутского хозяйства.

Впрочем жалованье Кулаковскому, обремененному достаточно большой семьей[1] и огромными долгами, Барашков все-таки платил. Правда, не за помощь в создании и управлении хозяйством, а за учительскую работу: Кулаковский обучал его детей.

Как известно из письма Кулаковского Э. К. Пекарскому, Алексей Елисеевич получал от Барашкова 600 рублей в год.

---

[1] Дети от первой жены жили у матери А. Е. Кулаковского в Тааттах.

Повторяем, что проектную и административную работу по налаживанию сверхпередового хозяйства Кулаковскому никто не оплачивал, а ведь в Качикатцах, как и в Бодайбо, научно-технический прогресс обгонял на многие годы даже районы Центральной России. Только в Бодайбо двигателем прогресса становилось золото, а здесь, в Качикатцах, — та созидательная и благомысленная любовь к родине, которая оказалась ценнее золота и которая сдружила Семена Петровича Барашкова с Алексеем Елисеевичем Кулаковским...

«Анализируя архивные документы, воспоминания современников, подтверждающих личное участие Кулаковского в создании хозяйства Барашкова, — пишет Л. Р. Кулаковская, — можно прийти к заключению, что в знаменитом хозяйстве С. П. Барашкова счастливо соединились ум, идеи, знания Кулаковского и предприимчивость, усердие, работоспособность, смелость и состоятельность С. П. Барашкова. Можно также предположить, что Кулаковский, как присуще ему было всегда, не на словах, а на деле решил осуществить свое давнее желание: в этом хозяйстве воплотить все свои замыслы по поднятию сельскохозяйственной, земледельческой, ремесленной, бытовой и т. п. культуры».

Создаваемое Барашковым хозяйство становилось, как это ни парадоксально, духовной опорой Кулаковского. Его наблюдения, размышления и прозрения получали тут зримое, материальное подтверждение и обретали ту полноту знания, которую и воплотит Алексей Елисеевич практически на уровне методических разработок в своем знаменитом письме «Якутской интеллигенции».

3

Как писал Дмитрий Саввинов в статье «Ексекюлях и проблемы природопользования», Кулаковский, по сути, выдвинул в этой работе идею системы природопользования, включающую землепользование, животноводство, рыболовство и охватывающую всё сельское хозяйство Якутии.

В своем письме Кулаковский обратил внимание на нерациональное использование земельных ресурсов, этого главного национального богатства якутов: «...неумелое наше отношение к земле более виновато, чем недостаток земель: можно было припеваючи жить на владеемых землях».

Для исправления сложившегося положения Кулаковский рекомендует отказаться от общего огораживания покосов, которое, покрывая большие площади и уменьшая емкость пастбищ, приводит к излишнему их вытаптыванию, а это приводит

не только к уменьшению биологической продуктивности пастбищ, но и, в конечном итоге, к полной их деградации. Сильно увлажненные участки превращаются в мелкокочковатые («ньалыар»), сухие — в совершенно голые почвы («добун-хонуу», «хара буор»), сухие торфянистые почвы — в пыль («кюргэл»).

Кулаковский обратил особое внимание на умелое использование закочкоренных лугов. Учитывая низкую производительность ручного труда, советовал в первую очередь провести расчистку луговых участков от мелких кочек, занимающих ограниченные площади. Для поддержки инициаторов проведения таких мелиораций и хозяйств, занимающихся этими работами, Кулаковский предлагал разработать механизмы поощрения и прежде всего удлинить срок пользования расчищенной землей.

Для начала XX века интересна идея Кулаковского об организации летнего нагула телят в междойное время на специальных пастбищах («кусочки хороших покосов»), отличающихся высокой биопродуктивностью и качественным составом травостоя.

Для резкого увеличения площади сенокосных угодий Кулаковский предлагал массовый спуск озер.

С целью нивелирования часто повторяющейся засухи в условиях Центральной Якутии ученый рекомендовал, где это возможно, соорудить мелкие плотины для удержания талых вод и накопления их в искусственных водохранилищах. Он писал, что имеется: «...настоятельная необходимость в устройстве системы плотин и шлюзов по таким рекам, как Танда, Баяга, Таатта, Соло и их многочисленным притокам».

В засушливые годы, в период острейшего недостатка кормов для крупного рогатого скота в качестве дополнительного корма местные жители часто используют камыш. Зная это, Кулаковский советовал «насадить камыш в озерах, ибо он хорошо прививается и неоценим в засухи».

Работая в хозяйстве Барашкова, Алексей Елисеевич окончательно осознал судьбоносную роль хлебных культур в Якутии. Семеном Петровичем были распаханы поля, с которых он получал в год по 500—600 пудов зерна (заметим, кстати, что поля эти до сих пор называются пашней Барашкова).

«Когда будем жить бок о бок с переселенцами, то единственным и надежным источником существования для якутов трех округов будет хлеб и вообще земледелие, — писал он в своем письме «Якутской интеллигенции». — Поэтому нужно сознательно и настойчиво стремиться к насаждению земле-

дельческой культуры, а не быть подгоняемым только голодом, как наблюдалось до сих пор».

Одним из основных факторов увеличения валового сбора зерновых Кулаковский считал существенное расширение их ассортимента, особенно за счет озимых хлебов, способных дать в суровых почвенно-климатических условиях Якутии стабильные высокие урожаи.

«Он мечтал о северном земледелии, — пишет Дмитрий Савинов, — основанном на механизации всех полевых работ, освобождающей крестьянина от ежедневного тяжелого физического труда».

Не остались в письме «Якутской интеллигенции» обойденными вниманием Кулаковского и зоотехнические мероприятия, улучшающие условия содержания скота и тем самым способствующие повышению молочно-мясной продуктивности.

Обобщая свои наблюдения, почерпнутые в многочисленных поездках, и опыт, выработанный в хозяйстве Барашкова, Кулаковский первейшей задачей животноводства считал улучшение породных качеств скота местной популяции, так как он «сильно измельчал и вырождается: он малорослый, хилый и малопродуктивный». Для этого он советовал скрещивать местную породу коров с привозными производителями, отличавшимися большой массой и способными дать потомство с высокой молочной продуктивностью. Действительно, завезенные Барашковым коровы давали в день более ведра молока, а быки весили до 50 пудов.

Кулаковский усиленно ратовал за всемерную поддержку коневодства — этой древней отрасли сельского хозяйства Севера. Он доказывал, что якутская лошадь приспособилась к условиям Севера, является лучшей и незаменимой в данном регионе. Поэтому он был против завоза лошадей «южных» пород, «хотя они рослы, резвы, сильны и красивы», но «требуют хорошего ухода, сопряженного с большими расходами».

Говорил Кулаковский и о пользе кобыльего молока, в особенности для приготовления кумыса. Он считал, что пить кумыс полезнее, чем чай, тем более что из-за большой дороговизны «в японском чае содержится всего 25% чайного материала», остальное — всевозможные примеси вплоть до «столярного клея, бычьей крови и сажи...».

4

Все эти годы человека, составляющего проект будущего счастливого устройства якутов, искали.

В начале 1912 года Кулаковского разыскивали уже не толь-

ко по иску Е. В. Винокурова. В марте по учреждениям от Чурапчи до Юрьевского была разослана телеграмма заведующего конторой Котлевского с поручением указать местонахождение А. Е. Кулаковского, подрядчика по постройке казенных зданий на Якутско-Охотской телеграфной линии.

И тем не менее Алексей Елисеевич, как и раньше, продолжает активно заниматься публичной общеякутской деятельностью, не сулящей ему никакой личной выгоды.

В середине января 1912 года вместе с Анемподистом Ивановичем Софроновым, Иваном Николаевичем Эверстовым, Константином Михайловичем Стручковым и Николаем Герасимовичем Соловьевым Алексей Елисеевич Кулаковский составил устав «Кружка любителей якутской литературы» и подал в Якутское областное присутствие по делам об обществах и союзах заявление о регистрации этого общества.

Кружок ставил своей задачей развитие литературы на якутском языке, но в регистрации его было отказано, так как областное присутствие нашло, что проектируемое общество имеет своей целью объединение инородческих элементов на почве исключительно национальных интересов, а это запрещено законом.

Отказ не смутил кружковцев.

А. Е. Кулаковский, В. В. Никифоров, А. И. Софронов начали готовить к печати журнал «Саха саната» («Голос якута»), первый номер которого выйдет в свет 1 сентября 1912 года.

«Якутский народ должен иметь свою письменность, тогда жизнь станет лучше, тогда он многое узнает, напишет о своих проблемах... <...> — было сказано в передовой редакционной статье. — Чтобы якуты имели такую возможность, мы распространяем свой журнал среди своих единомышленников. Во-первых, мы желаем, чтобы получило развитие образование и якуты стали грамотными. Это может быть достигнуто только тогда, когда будут открыты школы и наши дети, когда получат начальное образование здесь, в родных местах, отправятся в другие города получать высшее образование при общей нашей материальной помощи, называемой стипендией. Во-вторых, нам бы хотелось, чтобы в нашей жизни восторжествовал закон, тогда будет меньше обиженных и эксплуатируемых. В-третьих, мы, сколько хватит сил, постараемся объединить все знания и возможности, для того чтобы как-то облегчить жизнь людей, чтобы они жили как можно лучше. В-четвертых, мы будем стремиться, чтобы люди сами стали нравственнее. В-пятых, постараемся рассказать о предках якутов. Не забудем и развлекательные чтения на досуге».

Но это произойдет в сентябре, а весной 1912 года после переговоров с С. П. Барашковым, В. В. Никифоровым А. Е. Кулаковский выдвигает идею создания Общества якутских культуртрегеров, которое будет приобщать якутов к культуре, просвещать их, обучать грамоте.

От имени своих друзей и единомышленников Кулаковский обращается с воззванием, в котором говорит, что общество должно быть образовано с ведома и разрешения правительства, ибо всякое нелегальное общество не стойко и бессильно. Если общество не будет зарегистрировано «в ближайших степенях администрации, то идти настойчиво вплоть до Думы и Царя».

Цель общества — поднятие культуры.

«Способы, которыми достигается цель, должны быть не только теоретические, но и практические, активные, — писал Кулаковский в своем обращении. — Программа ближайших действий, говоря в хронологическом порядке, должна быть такова: 1) Обмен мнений по предложенным ныне вопросам. 2) Созыв съезда культуртрегеров и назначение каждым в отдельности времени созыва съезда. 3) Письменные сообщения адресовать г. Гавр. В. Никифорову. 4) На сходе должны быть выработаны детали действия сообща.

Съезд должен состояться без разрешения Начальства, так как невозможно добыть таковое.

Мы, со своей стороны, предлагаем следующее: собраться в Якутске 25 июня.

Что касается мер, которые мы могли бы принять для достижения намечаемой цели, то их — бесчисленное множество».

5

Неудачная попытка зарегистрировать «Кружок любителей якутской литературы»...

Попытка создать Общество якутских культуртрегеров...

Рождение сына Алексея...

15 февраля 1912 года после пяти лет супружеской жизни Евдокия Ивановна родила сына, и сразу же приехала теща с няней и увезла внука в Якутск...[1]

А еще была выпавшая на март попытка изучить эсперанто...

---

[1] В Якутске Алексея и окрестили 1 марта 1912 года. Восприемниками были потомственный почетный гражданин Петр Полиектович Батилевич и жена дворянина Евдокия Георгиевна Венцеславская. Священник — Николай Шагаев.

А еще доползли до Качикатцев в конце апреля слухи о страшном расстреле рабочих на Ленских приисках, расположенных в районе города Бодайбо...

Эти разнородные, хаотически нагромождающиеся одно на другое события в жизни Кулаковского объединяются тем, что именно они и предшествовали написанию в мае 1912 года письма «Якутской интеллигенции».

Большинство исследователей сходятся в мысли, что письмо «Якутской интеллигенции» написано Кулаковским в мае 1912 года в Качикатцах и фактически является «текстом несостоявшегося выступления» автора на юбилейном (празднование 300-летия династии Романовых) съезде инородцев Якутской области.

Этому утверждению противоречит, во-первых, чрезвычайно большой для выступления объем письма, а во-вторых, рассылка его (сохранилось несколько копий письма, сделанных рукой А. Е. Кулаковского) задолго до съезда.

Поэтому нам кажется, что если и предназначалось письмо «Якутской интеллигенции» для оглашения, то, конечно, не на юбилейном, посвященном празднованию 300-летия династии Романовых съезде, а на учредительном собрании якутских культуртрегеров, о котором хлопотал той весной А. Е. Кулаковский. И огласить должны были это письмо не в качестве выступления, а как некий манифест нового общества. И именно как проект манифеста и рассылалось письмо предполагаемым участникам съезда.

Тут надо обязательно сказать и об отправной точке создания письма.

Еще в 1908 году жителей Якутии взбудоражили слухи о проекте специальной комиссии во главе с вице-инспектором корпуса лесничих И. О. Маркграфом по изучению земельных ресурсов Якутии. В записке шла речь о переселении в Якутию двух миллионов крестьян из Центральной России.

На фоне столыпинской политики переселения крестьян в районы Сибири слухи эти казались правдоподобными, хотя и непонятно было, где возьмут и где будут расселять такое количество крестьян.

И вот в старых номерах (42—43) за 1910 год журнала «Сибирские вопросы» А. Е. Кулаковский прочитал информацию о докладе «О расселении якутов по Якутской области», сделанном Э. К. Пекарским на заседании Географического общества.

Как явствовало из этой информации, Э. К. Пекарский развил в своем выступлении мысль о принудительном переселении якутов на север. Это позволяло освободить удобные для земледелия территории для русских переселенцев и было «выгодным с точки зрения современной политики».

Об отношениях с Э. К. Пекарским самого Кулаковского известно только из письма, написанного последним 18 ноября 1912 года. Безусловно, они были знакомы, но при этом, судя по письму Кулаковского, Эдуард Карлович не выделял его из общей массы якутов и дружеских отношений между ними не было.

Но, с другой стороны, как мы уже говорили, гражданская жена Э. К. Пекарского Христина Никифоровна Слепцова была родственницей и дружила с первой женой Кулаковского Анастасией Егоровной. Благодаря Христине Никифоровне Кулаковский, вопреки реалиям, привык относиться к Пекарскому как к близкому, почти родному человеку. Возможно, этот диссонанс в отношениях и обусловил резкость его выпада против Э. К. Пекарского в письме «Якутской интеллигенции»...

Кулаковский спрашивал с него и за предложение переселить якутов из обжитых мест к Северному Ледовитому океану, и за брошенную — она умерла в больнице! — Христину Никифоровну.

«Поставить бы истого якута-патриота в Питере среди правящих сфер, разбирающих по косточкам якутские земли, сделав по волшебству его понимающим все слышанное! Что бы он стал чувствовать и что стал говорить?! Теперь ему хотя говорят и долбят, что земли, на которых жили до сих пор якуты, принадлежат казне, но он не в состоянии ни верить, ни воображать, ни переварить в мозгу это...

Да, там ходят про нас разные толки, теории и проекты. Например, один субъект, слывущий знатоком Якутской области, ее аборигенов и языка последних и кичащийся этим, высказал в качестве авторитета мысль, сумасбродную для нас, но целесообразную для слушателей его, — мысль, что якутский народ следует переселить на север к морю, а их родину заполнить переселенцами из России. Может быть, Вам проект этого господина покажется странным, но он господам нучаларам[1] показался тогда идеальным. Что же, они правы со своей точки зрения: земля переселенцам необходима; поселить их около

[1] Русским

моря — они не выдержат климата; а если переселить туда якутов, то последние, как акклиматизировавшиеся, не станут явно вымирать; тогда за чем же дело стало — гнать якутишек на север, да и все тут!..

Может быть, интересуетесь личностью того оратора, который так хорошо знает всю нашу подноготную и который сказал упомянутое слово на съезде ученых ("Сибирские вопросы").

Как назло, позабыл я его фамилию, но, когда опишу, узнаете живо.

Гостил он у нас долго: приехал молоденьким, вертлявеньким, поджареньким, а уехал стареньким, ехидненьким. Сотрапезничал он с нами десятки лет, похваливая наши "тар", "уерэ" и "бутугас". Хвалил он и любил и нашу девицу-красавицу (ныне покойницу), с которой он коротал долгие зимние вечера под музыку северной вьюги... Будучи молод и полон жизненных потребностей, он увлекался дикаркой и сильно обескураживался, когда она не понимала его мыслей и... желаний, а он — ее. Во-первых, поэтому, во-вторых, от нечего делать, он стал записывать лепет своей подруги и учить ее своему языку. Но, так как сам всецело подпал под ее обаятельную власть, то не смог ее научить своему языку, наоборот, сам научился от нее разговорному и любовному языку якутов, который сделал своим коньком и на котором сначала поехал в Питер, а теперь едет вверх — по пути славы и великих почестей.

Вот сей-то господин попал случайно раз
В среду мужей ученых,
Не испытавших севера ни игр суровых,
Ни Моря Льдистого проказ.
Чтоб показать умишка глубину,
Чтоб доказать патриотизма вышину,
Сказал герой такое слово,
Слыхать не приходилось мне какого:
"Якут-пигмей привычен к холоду морей,
Ему приятен край, где царствует Борей.
Зачем их нам не гнать в страну,
Какая им по сердцу и нутру!
А прежни пашни их и избы,
То, чем лежать им, гнить без пользы,
Да достаются детям нашим, как надел,
Чтоб уходя народ вздыхать об них не смел"...

* * *

И труженик смешон мне кропотливый сей:
Плоды[1] трудов своих кровавых,
Над чем кряхтел от юности своей,
Продать решил за миг един похвал неправых!

[1] Э. К. Пекарский составил якутско-русский словарь.

Частенько, хоть тайком порой ночной,
Скорбеть он будет думой и душой,
Но труд его погибнет так бесславно,
Ничей не радуя и взор;
А Эсперанто, Воляпюк, Липтэй вздохнут злорадно,
Заслужит же он лишь обиженных укор...

Не думайте ж, однако, друзья мои, что я настроен хорошо, что потому и пою, — нет, это — смех сквозь слезы, это — "пир во время чумы"».

Забегая вперед скажем, что Кулаковский попал тут впросак, как это зачастую случается с людьми, лишенными возможности постоянно следить за периодикой. Он не знал, что уже в следующем номере «Сибирских вопросов» (№ 44 за 1910 год) Э. К. Пекарский выступил с опровержением анонимной информации, назвав приписываемую ему мысль «чудовищной», и объяснил, что он на самом деле говорил об «историческом ходе естественного расселения якутов по области под влиянием разных экономических факторов».

Но тут мы забегаем вперед...

Старый номер «Сибирских вопросов» с информацией о докладе Э. К. Пекарского буквально воспламенил Кулаковского.

Всё сошлось...

Попытки привлечь якутов к выгодным подрядам, обернувшиеся в результате непрекращающимся судебным преследованием, и неудачная попытка зарегистрировать «Кружок любителей якутской литературы»... Попытка создать Общество якутских культуртрегеров и рождение сына Алексея... Создание основанного на бодайбинской торговле хозяйства Барашкова и расстрел рабочих в Бодайбо...

Всё сошлось, всё соединилось в страстных, исполненных печали и мудрости словах Ексекюляха Алексея...

«Вы, господа, может быть, подумаете, что я одержим какой-нибудь манией или мнительностью, высказывая мысль о возможности и даже неизбежности вымирания якутов, можете думать и так, но я глубоко убежден в критичности положения якутов в данное время...»

6

Кулаковский рассматривал вопрос о спасении якутского народа как этноса на фоне обозрения современной ему ситуации в мире, но — странное дело! — хотя и не совершается в

письме никакого камлания, но читаешь это письмо, написанное почти 100 лет назад, а кажется, что оно написано о нашем времени...

«Что будет, если Китай вздумает завладеть если не всей, то хоть Восточной Сибирью, лежащей с ним о бок? — задает вопрос 35-летний автор письма. — Я думаю, что из 400 миллионов людей в президенты попал мозговитый парень, который, думаю, не будет сидеть сложа руки в ожидании, пока наука изобретет дешевый способ химического питания или пока его народ не перемрет с голоду... По-моему, "реберный вопрос" существования для китайца поставлен в более острое положение: ему остается одно из двух — или добывать себе хлеб огнем и мечом у других народов, или умереть голодной смертью среди 200 себе подобных на одной квадратной версте. Что стоит Китайскому правительству обречь хотя бы на верную гибель 40—50 миллионов человеческой жизни (войска) при той заманчивой перспективе, что оно этим приобретет громаднейшие страны.

В случае войны наша бедная Россия, конечно, серьезного сопротивления не сможет оказать, ибо соседство Китая с театром военных действий даст громадное преимущество последнему...

Что касается культурных преимуществ России перед Китаем в отношении регулярности войск, в отношении крепостей, морских и воздушных флотов, вообще милитаризма, то все это — только вопросы времени: дайте только время Китаю устроить свои внутренние дела, и мы будем опять удивлены быстроте его прогресса, как удивились японцам после того, как они нас поколотили. Хотя, в сущности, понятна быстрота цивилизации нынешних народов: ведь прогресс передовых государств потому совершался медленно — веками и тысячелетиями, что тогда человечество, не имея уже спелых плодов науки и опытов, шло на ощупь, наугад, с оглядками и застоями... А современным "варварам" стоит только проснуться от вековечной летаргии и сознательно отнестись к своему положению в мире и им совершенно легко идти, хоть вскачь, по готовому уже колейному руслу цивилизации.

Лишь русские и мы — якуты — не можем проснуться от вековечного сна. Скрип заржавевшего механизма жизни российских народов слышен где-то далеко позади течений жизни других народов... Процент грамотных в России — этот вернейший знаменатель культурности данного государства — равен 8—9, тогда как он у прочих благоустроенных государств дохо-

дит до цифры 90—95. А у нас, якутов, грамотных гораздо меньше слепых и кривых. <...>

Итак, друзья мои, будущее якутов рисуется мне в самых мрачных красках.

Что же мы должны делать: сидеть на судне жизни, не имеющем ни руля, ни ветрил, и нестись по волнам житейского моря туда, куда нас выбросит и разобьет волна слепого случая, или же что-нибудь предпринять, бороться?

Неужели мы, вольные и здоровые, будем ждать житейскую бурю спокойно для того лишь, чтобы быть стертыми с лица земли первым ее порывом!

Нет и нет!!! Слишком горько, слишком обидно отказаться от права жить в ту эпоху человеческого существования, когда человек выступает полновластным хозяином природы и когда он начинает жить осмысленной, духовной и полной наслаждениями жизнью под сенью лучезарной поэзии, прекрасной эстетики и под защитой всесильной науки и логики!..

Даже утопающий — и тот уж хватается за соломинку.

Но что же нам делать, что предпринять?

Передаться Америке, Японии, Китаю? Нет — эти номера не проходят: те нас быстро задавят в борьбе за существование, а белоглазый, большеносый нуча, не говоря уже о даровании православной веры, гораздо ближе нам, милее и родственнее их; он такой же отсталый полудикарь, как и мы, наивный добряк, неспособный обижать нас (якут мог бы водить его за нос при одинаковом культурном уровне, как ему вздумается). Я говорю, конечно, о главной массе нучей, не принимая в расчет ничтожные исключения.

Перейти, что ли, согласно проекту Пекарского, на север? Нет — и этот номер плох: на севере нет земель, на которых мы могли бы существовать — мы там погибнем очень скоро и перейдем туда не по своей воле.

Единственным рациональным средством является наша культивизация и слияние с русскими — благо, что помесь с последними дает хорошие плоды. Культивизация была бы необходима и помимо указанных выше грозных признаков».

Культивизация — это основной операционный термин письма «Якутской интеллигенции»... Кулаковский включает в него, как отмечают исследователи, «мероприятия по комплексному развитию экономического благосостояния населения, в первую очередь через просвещение, а также с помощью привлечения передовых агрономических технологий, повышения уровня мелкотоварного производства, интенсификации экономических отношений». Этот комплекс мероприятий

планировался не только как способ выживания, но и полноценной жизни якутского народа при неблагоприятных внешних факторах начала XX века...

Письмо «Якутской интеллигенции» возникло, разумеется, не на пустом месте. Начиная с конца XIX века в Якутии предпринималось немало попыток определить пути развития якутского народа, найти место интеллигенции на этом пути.

Земские идеи, которые были восприняты от ссыльных народников, звучали и раньше, но, пожалуй, только в письме Кулаковского они начинают принимать характер программы, способной спасти народ.

7

Хотя Алексей Елисеевич Кулаковский и не злоупотребляет в письме «Якутской интеллигенции» художественностью, но, читая письмо, видишь и отвоеванные у тайги куски промерзшей земли, и дымные юрты, которые предстояло покинуть народу, чтобы уйти на север... Эти картины виде́ния рождаются из боли и отчаяния, которыми окрашены строки письма...

«Письмо "Якутской интеллигенции" Кулаковского являлось репрессированным документом, — пишет В. Н. Иванов. — Сданная в архив в середине 30-х годов XX в. рукопись письма оставалась никому не известной; она была случайно обнаружена в апреле 1942 года Г. П. Башариным, но он из-за осторожности предпочел тогда пользоваться предусмотрительно перепечатанным, машинописным текстом. Впервые о рукописи стали говорить с 1943 года, когда С. А. Бордонский оспаривал существование подлинника письма и писал, что речь может идти только о фальшивке, совершенной предположительно П. А. Ойунским. Однако тогда же Г. П. Башарину удалось убедить партийных чиновников в наличии подлинника, но широкая общественность была лишена доступа к нему, ибо на протяжении нескольких десятилетий его держали в сейфе руководства партийного архива. Несмотря на это, документ активно использовался для разжигания политических спекуляций, предпринятых под знаком навязанной общественности республики борьбы против буржуазного национализма»[1].

Впервые письмо «Якутской интеллигенции» увидело свет в 1990 году в журнале «Полярная звезда», то есть спустя почти

---

[1] *Кулаковский А.* Якутской интеллигенции. М.: Арт-Флекс, 2002. С. 36—37.

восемь десятилетий после его создания, но странно, прозвучало оно именно тогда, когда и возникла общественная, а не только научная, необходимость в нем.

«В этих бесконечных поисках открывается прежде всего созидательный характер его бесценных идей, — пишет первый президент Республики Саха (Якутия) Михаил Ефимович Николаев. — Оппоненты Кулаковского часто упрекали его за отсутствие классовой критики, яростного протеста против царизма или чего-нибудь еще. Ведь во все времена, в том числе и в начале XX века, недостатка в критике и в критиках не было. В то же время мы постоянно чувствуем дефицит созидательных идей. В отличие от своих недругов А. Е. Кулаковский был, выражаясь его же стихами из "Благословения по-старинному", "неисчерпаемой прорубью, немелеющим омутом" созидательных идей. Его идей хватило бы на три-четыре человеческие жизни.

Скажу откровенно, что такое понимание истинного содержания творчества и личности А. Е. Кулаковского помогало мне в повседневной работе на посту президента Республики Саха (Якутия). Это было время созидания, время положительного обновления всей нашей жизни. А. Е. Кулаковский в эти годы был незримым, но всегда активным участником всех преобразований.

Не числясь в революционерах, А. Е. Кулаковский предлагал идеи на первый взгляд прозаические, земные, самые насущные. Для достижения поставленных целей он не допускал никакого кровопролития, протестовал против любых войн — будь то гражданская или мировая война. Он хорошо представлял цену, которую придется заплатить немногочисленному народу саха, если призывать его к оружию. Мирные преобразования в условиях социального, межнационального и межконфессионального мира — вот условия осуществления его созидательных идей».

«В обстановке всеобщего брожения умов и кризиса мировой политики Кулаковский-философ предлагал идеи, работающие на благо людей — земные, самые насущные, — соглашается со своим предшественником второй президент Якутии В. А. Штыров. — Для достижения поставленных созидательных целей он предпочитал мир, труд и знание. Отсюда — его горячие призывы, особенно в письме "Якутской интеллигенции", к достижению образованности и овладению науками, в

целом — к поднятию уровня культурного развития народа. Он осуждал любое насилие, любые войны — будь то мировая или гражданская. Мирный путь преобразований в условиях социального и межнационального развития — вот условия осуществления его созидательных идей. Все эти мысли, мудрую личную позицию он черпал из глубин духа родного народа, из исторического опыта мудрости народной. Именно этим объясняются высокая нравственность его духа, высокая духовность его интеллекта, высочайшая личная ответственность...

Когда я перечитывал произведения А. Кулаковского "Сновидение шамана" и письмо "Якутской интеллигенции", меня приятно удивили его экономические воззрения. Лично я для себя открыл Кулаковского не только как великого писателя, ученого, общественного деятеля, но и как выдающегося экономиста, причем — экономиста-прогнозиста. Многое из того, что он предлагал в качестве возможных направлений развития родной Якутии, перекликается с днем нынешним».

Много ли мы найдем в мире писателей (и найдем ли вообще?!), чьи мнения, чьи воззрения были бы так востребованы, и так прочитаны, и так приняты главными руководителями страны, как произведения А. Е. Кулаковского в Якутии?

Я таких примеров не знаю...

И тем не менее в случае Алексея Елисеевича Кулаковского и президентов Республики Саха (Якутия) эти отношения естественны, потому что строятся они не на формальном почтении к основоположнику национальной литературы, а на ощущении необходимости его в современной жизни республики.

«Чтобы глубже разобраться во власти, тем более успешно в ней участвовать, ее возглавлять — быть "власть имущим", полезно чаще обращаться к делам и идеям своих предшественников, — пишет в своей книге «Сотворение будущего» Михаил Ефимович Николаев. — Вдохновляющим примером в философии политики и власти стал для меня, например, оригинальный и самобытный якутский мыслитель и политик, любимый всеми в Якутии и высоко ценимый в России художник якутского слова Алексей Елисеевич Кулаковский-Ексекюлях... К его творчеству я не раз обращался в своих выступлениях и книгах о нем и не перестаю восхищаться неисчерпаемым богатством его неповторимых по красоте идей»[1].

---

[1] *Николаев М.* Сотворение Будущего. Уроки жизни в большой политике: 20 лет спустя. М.: Издательство Российского государственного социального университета, 2010. С. 23.

Глава седьмая

НЕПЕРЕВОДИМЫЕ СЛОВА СУДЬБЫ

У кого хитрый ум —
Пусть тебя не загонит в угол;
Пусть тебя не одолеет тот,
У кого изменчивые, коварные мысли...
Владеющим искусной речью
Не поддавайся...

А. Е. Кулаковский.
Благословение среднего поколения[1]

«Простите, если выскажу свое мнение относительно одной частности в Вашем труде, — писал Кулаковский в письме составителю словаря якутского языка Э. К. Пекарскому. — Существует, как знаете, целый класс слов, обогащающих описательный оборот речи, хотя какое-нибудь одно из этих слов ужасно метко выражает собой не одно, а целый ряд понятий, хотя оно вполне доступно пониманию слушателя, но тем не менее оно не заслужило точной гражданственности, ибо выдумывается каждым говорящим во время речи заново. В русском, английском, французском, немецком, тунгусском языках таких слов нет (относительно других языков не знаю). Говорящий может сказать такое слово, которое раньше никто из якутов не слыхивал, но, тем не менее, оно в состоянии вызвать взрыв хохота у слушателей, следовательно, оно хорошо понимается якутами. Подобные слова не переводимы; раз я попробовал перевести одно такое слово ("боодонгнообут") и перевод состоял у меня из целой страницы полулиста. Количество таких слов должно быть невероятно много, так как из одного корня можно выдумывать нескончаемый ряд слов со своими, каждому слову присущими значениями и оттенками»...

Не возьмемся рассуждать, насколько справедливо сделанное А. Е. Кулаковским замечание, неизвестно, учел ли его Э. К. Пекарский в работе над последующими выпусками словаря...

Однако перечитываешь столетие спустя эти слова основоположника якутской литературы и возникает ощущение, что

[1] Перевод С. А. Поделкова.

сказаны они не только о тех непереводимых словах, которые надо или не надо включать в словарь, но и о знаках судьбы самого Кулаковского, которые исследователи его жизни стараются порой не замечать, но без которых трудно понять многие его поступки...

1

Когда человек следует своему предназначению, события его жизни при всей разнородности их и кажущейся случайности начинают выстраиваться в линию судьбы этого человека.

Три года жил Алексей Елисеевич Кулаковский в Качикатцах.

Порой, обуреваемый новыми планами, он уезжал, собираясь исправить прошлые ошибки и начать другую жизнь, но проходили недели, иногда месяцы — и он снова возвращался назад.

Одно произведение за другим создает он здесь, на берегу Лены.

«Дары реки»...

«Сновидение шамана»...

Письмо «Якутской интеллигенции»...

Но к лету 1912 года всё, что нужно было написать, было написано, и неведомые силы, что удерживали Кулаковского на усадьбе Барашкова, расположенной вблизи от скалы шамана Кэрэкэна, разжали свои объятия.

Отослав И. Н. Башарину, Г. Г. Андросову, С. С. Собакину, В. В. Никифорову, П. Н. Сокольникову свое письмо «Якутской интеллигенции», А. Е. Кулаковский едет в Якутск, чтобы посмотреть на подросшего сына, и там — такой долгожданный поворот дела! — с него начинают спадать долговые цепи.

24 июля 1912 года в мировом суде 2-го участка города Якутска состоялось заседание по разбору дела об иске инородца Н. В. Винокурова к инородцу А. Е. Кулаковскому о взыскании 647 рублей 46 копеек. А. Е. Кулаковский дал объяснение, и мировой судья определил: в иске Н. В. Винокурову отказать по бездоказанности иска.

Оставались еще претензии к Кулаковскому казны, но летом 1912 года казалось, что и тут появился просвет...

Ну а главное — забрезжила надежда получить место учителя в Вилюйском городском училище[1].

---

[1] По одним источникам Вилюйское городское училище проходит как трехклассное, по другим, как четырехклассное учебное заведение. Объясняются эти разночтения тем, что Вилюйское городское училище было преобразовано в четырехклассное только в 1912 году.

30 июля 1912 года Кулаковский подал прошение заместителю инспектора народных училищ Якутского округа Вл. Василевскому, и прошение это было принято благосклонно. Теперь срочно требовалось собрать необходимые справки.

Этим Кулаковский и занялся.

В начале августа он ездил в Таатту к матери, которая жила здесь с его детьми, оставшимися от первого брака, и 5 августа получил в управе Ботурусского улуса справку, что его не подозревают в деяниях против власти...

В Таатте Алексей Елисеевич Кулаковский написал «Благословение среднего поколения». Некоторые исследователи предполагают, что стихотворение это посвящено двоюродному брату Роману Федоровичу Кулаковскому, выпускнику реального училища и учительской семинарии, выбранному в июне 1912 года письмоводителем Ботурусского улуса.

Авторы предположения говорят, дескать, в 1912 году Роман Федорович Кулаковский женился на красавице Татьяне Федоровне Местниковой и это якобы и является реальным поводом «обращения к молодым в начале нового этапа их жизни».

Видимо, тут произошла путаница и речь идет о «Благословении по-старинному», которое будет написано А. Е. Кулаковским в 1916 году и которое, пожалуй, и подходит к свадьбе Романа Федоровича Кулаковского и красавицы Татьяны Федоровны Местниковой, но в стихотворении «Благословение среднего поколения» адресат другой, и указан он четко и прямо:

Я благословляю новорожденного,
Новую поросль мою.
В этот переменчивый век
Я предрекаю лишь радость и славу
И хочу спеть тебе от души,
Моя подруга с ребенком!

Несомненно, что речь тут идет о жене, Евдокии Ивановне Кулаковской, и сыне Алексее, которому исполнилось уже полгода.

Впрочем семейными отношениями содержание стихотворения не ограничивается и очень уместное отцовское пожелание:

С лучшими русскими людьми
Будь равным по силе — другом;
С самым лучшим якутом
Не отстающим приятелем стань;

На тех, кто высокообразован,
Опираясь, расти,
С самыми отменными умницами —
Стань в один ряд! —

словно вбирая в себя сокровенные мысли из письма «Якутской интеллигенции», расширяется, захватывает и тех единомышленников Кулаковского, к которым было обращено его письмо:

Для сородичей близких
В день гнета и унижения
Столпом могучим будь;
Народу многочисленному своему
В день несчастья, беды
Крепкой опорой будь;
Бедному народу
В трудный день
Широким заслоном стань.
О жизни народа подумай,
Долгое счастье якутам дай.
Будь ты благодетелем, защитой
Кумаланов-нищих — десяти улусов,
Стань отцом больных
и неимущих
Восьми улусов,
Явись матерью обездоленных
Семи улусов!

Кулаковский обращает свое благословение среднего поколения ко всем, кто готов воплотить в реальной жизни намеченные цели, кто может преодолеть безысходность борьбы добра над злыми силами природы и общества, кто способен обуздать торжество темных сил над светлыми началами...

Добрые небожители,
Пока ты не уйдешь
От первоначальной матери-земли,
Пусть оказывают тебе помощь,
Из солнечного улуса
Тебе, пока ты
Не ушел из мира сего.
Имя твое славное
В грядущие годы
По всей Сибири обширной,
По дальней ее дали
Среди потомков наших
Пусть легендой звучит,
В рассказах живет!

В соответствии с эстетическими идеалами саха Ексекюлях Алексей как бы вызывает из окружающих его людей высокое героическое начало, которое способно преобразить их, вызвать стремление к спасению народа и мира.

2

Все необходимые справки были собраны, и вот 24 августа 1912 года А. Е. Кулаковский получил место учителя математики и физики в Вилюйском городском училище.

Приставка «и. о.» появилась уже на заключительном этапе и объяснялась низким — он закончил только реальное училище! — образовательным цензом Кулаковского, хотя, возможно, появление этой приставки, от которой Алексею Елисеевичу не удастся избавиться за все вилюйские годы, и было обусловлено причинами совсем другого рода...

Мы не знаем, почему так и не состоялся съезд якутских культуртрегеров, для которого, как мы полагаем, готовил Кулаковский свой «манифест» — письмо «Якутской интеллигенции».

Возможно, не удалось получить необходимых разрешений, а может быть, инициаторам просто не хватило энергии, чтобы поднять такое дело, и они благоразумно решили не дробить национальные силы, ведь с 25 августа по 2 сентября 1912 года в Якутске, по инициативе В. В. Никифорова, должен был пройти съезд инородческих представителей для обсуждения вопроса об ознаменовании особым образом 300-летнего юбилея царствующего дома Романовых.

По-видимому, живущие в Якутске лидеры якутского национального движения посчитали, что письмо «Якутской интеллигенции» можно озвучить и на съезде, собираемом в честь юбилея царствующего дома, и никакого отдельного съезда якутских культуртрегеров не требуется. Во всяком случае, как показали дальнейшие события, эти деятели рассчитывали, что смогут решить на юбилейном съезде все наиболее важные для Якутии вопросы.

А. Е. Кулаковский был не только делегирован на съезд от Ботурусского улуса, но и избран его секретарем уже на самом съезде.

И вот незадача. Кулаковский поприсутствовал на съезде лишь в первый день и более на заседаниях не появлялся.

«Нельзя не признаться в том, что в работах съезда замечались некоторые предубеждение и отсутствие, так сказать, подъема духа к общественным вопросам, — не без раздражения писал в газете «Якутская окраина» от 20 сентября 1912 года В. В. Никифоров, укрывшийся под псевдонимом В. Васин. — И удивительнее всего, что в этом отношении препятствия и тормозы исходили с той стороны, с которой наименее всего

можно было ожидать этого. Так, например, А. Е. К. (Алексей Елисеевич Кулаковский. — *Н. К.*), человек вполне интеллигентный, о котором носились слухи, что он готовится сделать съезду обширный доклад, и от которого необходимо было ожидать наибольшего содействия успеху съезда, после первого же заседания отказался от возложенной на него обязанности и более ни разу не посетил съезд»...

Казалось бы, причина, по которой Кулаковский покинул заседание съезда, проста и очевидна. Подписанный К. К. Атласовым приказ о назначении его исполняющим обязанности учителя в Вилюйском городском училище Алексей Елисеевич получил, видимо, 25 августа, как раз в первый день работы инородческого съезда.

Чтобы преодолеть расстояние в 1400 километров, отделявшее Якутск от Вилюйска, требовалось время, и Кулаковский, как полагают некоторые исследователи, вместе с тремя представителями Вилюйского округа покинул съезд и последним пароходом уехал к месту новой работы. Поступить иначе он не мог, ибо в противном случае приступил бы к работе не 1 сентября, как было указано в приказе К. К. Атласова, а намного позднее, что для него, назначенного всего лишь исполняющим обязанности учителя, могло иметь неприятные последствия...

Однако в этой довольно стройной аргументации возникают прорехи, едва только от предположений переходишь к фактам.

Афанасий Павлов в статье «...И более ни разу не посещал съезд»[1] сообщил, что в 1912 году ввиду обмеления реки Вилюй последний пароход Глотовых ушел в Вилюйск 10 августа и должен был вернуться только к концу месяца. Поэтому всякие версии о том, что Кулаковский покинул съезд, чтобы успеть с семьей уехать пароходом, — отпадают.

Да и архивные материалы свидетельствуют, что А. Е. Кулаковский не спешил попадать в Вилюйск к началу учебного года. В начале октября заместитель инспектора училищ 2-го участка Василевский, получив телеграмму из Иркутска, запрашивающую, почему в Вилюйске до сих пор не приступил к работе вновь назначенный учитель, ответил: «Учитель Кулаковский выехал в Вилюйск 12 сентября, верхом».

---

[1] Илин. 2001. № 3—4.

Так что ничего бы не изменилось, если бы Кулаковский и не покидал столь скоропалительно съезд.

Отпадает и протестная мотивация поступка А. Е. Кулаковского, на которой настаивали первые его биографы. Во-первых, А. Е. Кулаковский всегда чуждался демонстративных поступков, а во-вторых, если бы он захотел протестовать, то не сидел бы первую половину заседания, когда обсуждались вопросы об ознаменовании 300-летия царствования дома Романовых и об избрании депутации для принесения лично их императорским величествам поздравлений.

Нет, интрига и драма первого дня заседания развивались для Алексея Елисеевича Кулаковского, на наш взгляд, по-другому сценарию.

Мы говорили, что отправной точкой для создания письма «Якутской интеллигенции», проникнутого предчувствием приближающихся катаклизмов, стало прозвучавшее в печати предложение переселить якутов в районы Крайнего Севера, чтобы освободить занятые ими территории для крестьян-переселенцев из Центральной России.

Кулаковский понимал, что это может привести к страшным, вплоть до исчезновения нации, последствиям. Недаром один из современных читателей отметил, что при чтении письма «возникает чувство обреченности, оно так и сквозит в его строках...».

Правда, читателю этому кажется, что, «причитая о вырождении народа саха», о «желтой» опасности, грозящей из Китая, о русских крестьянах-переселенцах, которых правительство поселит в Якутии, мастерски описывая ужасы, ожидающие народ саха, Кулаковский излишне нагнетал атмосферу безысходности и отчаяния.

Ну и совершенно неприемлемым для читателя было то, что Кулаковский оставляет единственный, как ему представляется, возможный путь спасения народа саха и этим путем оказывается «слияние с русскими». Это «слияние», а именно так читатель понимал идею «культивизации», представлялось ему нелепым и абсурдным.

В предшествовавшей главе мы говорили, как разумно и глубоко восприняли идеи письма «Якутской интеллигенции» президенты современной Республики Саха. Мнение читателя мы привели в качестве примера, что существует и другое отношение к идеям Кулаковского.

С еще большей неадекватностью воспринималось письмо «Якутской интеллигенции» в 1912 году.

Разумеется, если Кулаковский и опасался, что его не поймут, едва ли эти опасения остановили бы его. Вероятно, не остановили бы его и страх политического преследования, и боязнь попасть в «черный список», о котором тоже пишут некоторые исследователи.

Наверное, публичное оглашение письма могло привести к потере места, о получении которого Кулаковский узнал в день открытия съезда, но — подчеркнем это! — Кулаковский готов был рискнуть. Он ведь не сразу отказался от избрания его секретарем. Видимо, обдумывал ситуацию, готовился вступить в борьбу.

Однако, когда была озвучена информация, что правительство уже отказалось от идеи переселения крестьян в Якутскую область, поскольку климатические условия области не отвечают требованиям, предъявляемым для возделывания земледельческих культур, надобность в немедленном сражении — кстати сказать, оглашение письма «Якутской интеллигенции» заняло бы не менее трех часов! — отпала, Кулаковский понял, что ему не нужно рисковать местом учителя, которого он так долго добивался.

Тем более что охваченные верноподданнической эйфорией делегаты приняли совершенно бессодержательную повестку, которая вообще не предусматривала, как показалось Кулаковскому, обсуждения серьезных проблем якутской жизни...

Стоило ли тогда, как говорят якуты, менять жир на гнилую рыбу?

Письмо «Якутской интеллигенции» было написано и разослано друзьям, которых Алексей Елисеевич считал своими единомышленниками.

В письме Кулаковский прямо писал, что «говорящим о переменах не поверят — и им при агитациях придется серьезно считаться с фактом недоверия и традиционных понятий, ибо, как я говорю, мы — якуты одержимы роковой иллюзией самообмана — чего не пробовали, того не знаем».

Так и случилось...

Друзья-единомышленники восприняли лишь тревогу Алексея Елисеевича за судьбу якутского народа, а предлагаемые им пути выхода не воодушевили их.

Уместно будет заметить тут, что как раз в эти годы, когда Алексею Елисеевичу так и не удалось создать в Якутске Общество якутских культуртрегеров, Миней Израилевич Губельман, более известный в дальнейшем под псевдонимом Емельян

Ярославский, создал в Якутске кружок «Юный социал-демократ», через который прошли многие представители якутской учащейся молодежи.

Но это замечание попутное и мы еще вернемся к нему...

Наверное, если бы А. Е. Кулаковский объяснил Василию Васильевичу Никифорову, что он вынужден покинуть съезд, чтобы ехать в Вилюйск на работу, его отъезд не вызвал бы столь сильного гнева лидера якутской интеллигенции.

Но Кулаковский прятаться за приказ не стал.

Пока шел съезд, он продолжал оставаться в Якутске, собираясь в неблизкий путь.

Более того... Свое недовольство съездом Алексей Елисеевич выразил в «Чабыргахе»[1], написанном скорее всего еще в Якутске.

По поводу этого «Чабыргаха» А. Е. Кулаковского в сборнике «Ырыа-хоҫоон» 1946 года был сделан такой редакционный комментарий: «Написан в 1912 году. В нем в беспечно-шутливой форме мастерски затронуты наисерьезнейшие проблемы якутской жизни, как-то: угрожавшие тогда по проекту царского министра Столыпина переселение якутов на север, засуха и голодовки, суровый климат края, соседство с Ледовитым океаном. Автор оптимистически призывает встретить эти трудности жизни (трагедию народа), не отчаиваясь, бодро и весело, и со своей стороны благословляет на торжество радости, изобилия и счастья; характерно, что это дано в этом миниатюрном чабыргахе».

Не сказано было в комментарии только о том, что призыв бодро и весело встретить трагедию народа А. Е. Кулаковский адресовал участникам юбилейного съезда инородцев.

3

Наверное, ни о чем не мечтал Кулаковский так сильно, как о продолжении своей учебы. Чтобы изыскать возможности для этого, он пускался в сомнительные авантюры со строительными подрядами, готов был писать просительные послания...

И это не парадокс, а закономерность, что человек, столь сильно страдавший из-за невозможности продолжения систематического образования, так настойчиво и осмысленно стремится к занятиям педагогической работой.

---

[1] Жанр якутского фольклора, произведения которого построены на иносказательности, игре слов.

Учительство было призванием Алексея Елисеевича Кулаковского и в прямом, и в переносном смысле.

Сохранившиеся воспоминания рисуют его педагогом, который не только доступно и просто излагал учебный материал и вызывал в ребенке интерес к учебе, но и воспитывал ученика, пробуждал в детской душе любовь к родному языку, обычаям, укладу народной жизни.

Как пишет Л. Р. Кулаковская, Алексей Елисеевич «всегда очень тщательно готовился к урокам и относился к ним как к важнейшей форме процесса познания мира учащимися. От того, как дети познают мир, какие убеждения формируются у них, зависит весь строй их духовной жизни. Кулаковский считал, что ребенок мыслит образами. Потому основным методом ведения уроков у него было образное, осмысленное освоение окружающего мира посредством пробуждения воссоздающего воображения. Например, часто обращался к крылатым фразам типа "никогда не вернешь потерянного времени, никогда не исправишь сделанного зла", афоризмам "пифагоровы штаны во все стороны равны", пословицам и поговоркам, а также умело использовал собственные изречения типа "аччайбыта 'а', усґаабыта 'у', оппойбута 'о', экчэйбитэ 'э' "»[1].

Во внеурочное время Кулаковский ходил со своими учениками в походы, читал переведенные специально для них на якутский язык произведения Пушкина и Толстого, Тургенева и Лермонтова.

В Вилюйском училище Кулаковский преподавал физику, геометрию, русский язык, арифметику и даже рисование, но какой бы предмет ни вел, прежде всего он занимался образованием детей.

Вдумаемся в то, что такое вообще: образование...

Вроде бы очевидно, что учительскую работу нельзя оценить только качеством и уровнем знаний, которые получают ученики, особенно если оценка этой работы будет сведена к результатам сдачи учениками ЕГЭ.

И тем не менее только в последнее время начинает появляться осознание, что сами по себе знания имеют очень малое отношение к подлинному образованию, суть которого заложена в самом этом слове...

Образование — это об-ра-зо-ва-ни-е из учеников граждан своей родины, людей, способных своим трудом, своим служением продолжить историю своего народа.

---

[1] Растопырил ножки «а», удлинился «у», округлил рот «о», втянул живот «э».

Нет сомнения, что именно в таком об-ра-зо-ва-ни-и и заключалась суть педагогической работы Алексея Елисеевича Кулаковского.

Среди его учеников мы не найдем, говоря языком современных российских реалий, высокообразованных специалистов, поставляемых нашей страной в различные силиконовые и кремниевые долины США и Западной Европы. Зато мы обнаруживаем в списке учеников Кулаковского в Вилюйском училище имена Степана Максимовича Аржакова и Исидора Никифоровича Барахова — оба они станут председателями Совета народных комиссаров ЯАССР, оба очень много сделают для якутского народа. Зато среди учеников Кулаковского в Черкёхе мы увидим Дмитрия Коновича Сивцева (Суорун Омоллона) и Николая Егоровича Мординова (Аммы Аччыгыйа), которые станут народными писателями Якутии, внесшими огромный вклад в формирование самосознания якутского народа.

Безусловно, к этим воспитанникам Алексея Елисеевича Кулаковского с полным правом можно отнести слово «образование». Проходя у него курс обучения, они действительно обра-зо-вы-ва-лись как граждане, как достойные представители своего народа.

Однако неправильно было бы ограничивать педагогическую деятельность Кулаковского только непосредственными учениками его. Безусловно, учеников у Алексея Елисеевича было гораздо больше.

И в Вилюйском училище отношения педагог — учащийся, учитель — ученик связывали его не только с учениками училища, но и с таким молодым преподавателем, как Семен Андреевич Новгородов.

Алексей Елисеевич не жалел ни сил, ни времени на работу с ним, хотя недельная нагрузка выходила у него немалая — 24 урока в неделю, а кроме этого Кулаковский исполнял еще и обязанности школьного библиотекаря.

4

Кулаковский приехал в Вилюйск, когда ему исполнилось 35 лет, и здесь с ним случилось то, что и должно было рано или поздно случиться.

Его тетради, в которые он записывал народные сказки и песни, свои собственные стихи и поэмы, уже не способны были вмещать на своих страницах эту гигантскую массу материала.

Разумеется, — к концу 1912 года многие главные произведения А. Е. Кулаковского были уже написаны — в Якутии знали и ценили его.

Как его ценили, можно прочитать в воспоминаниях об успешной актерской игре Кулаковского, о впечатлении, произведенном письмом «Якутской интеллигенции», о чтении Кулаковским своих стихов.

Гораздо труднее понять, **в каком качестве** ценили Кулаковского его почитатели и поклонники, потому что этого не знали наверняка не только поклонники, этого не знал и сам Кулаковский...

В. Л. Серошевский, описавший современную А. Е. Кулаковскому Якутию, упоминает, что в Якутии были не только профессиональные олонхосуты, но и профессиональные певцы, сказители старинных преданий: «Чаще, чем хоровое, можно услышать у якутов драматизированное пение. Оно устраивается таким образом: группа певцов, собравшись вместе, договаривается исполнить какую-либо всем известную песню сообща. Один соглашается рассказывать то, что подлежит рассказу, а именно описание местности и хода действия; другой исполняет партию доброго героя-богатыря, третий — его противника, богатыря злого; иные берут на себя исполнение песен отца, матери, жен, любовниц, сестер, злых и добрых шаманов и духов, наконец, коня, который в якутском эпосе играет роль немалую. Таким образом поются по преимуществу о л о н х о — якутские эпические песни. Говорят, в старину они иначе не исполнялись. За недостатком певцов, один и тот же исполняет несколько партий. Я слыхал одну **о л о н х о**, исполненную четырьмя зараз певцами. Поют они, конечно, по очереди в последовательности рассказа. Этот способ петь былины куда красивее единоличного, но практикуется он все реже и реже, во-первых, потому, что знатоки и любители песен все более и более переводятся в Якутской области, а такое собирательное пение требует прежде всего прекрасного знания слов и мотива песни, а во-вторых, потому, что угощение группы певцов в продолжение даже одного вечера стоит довольно дорого на якутский тощий карман...

Привожу для примера несколько афоризмов певцов о певцах.

“У хорошего певца всегда в душе песня, — объяснял мне именно такой хороший певец. — Достаточно ему рот открыть, сейчас же летит она, непобедимо, в свет, наружу! Если не петь — мысли путаются, в груди томит... Хороший певец даже один поет. Оттого-то у него всё не клеится и он бывает несчастлив”.

"Нехорошо завидовать в песне. Если знаменитые певцы поют вместе, то стараются петь ровно, щадя друг друга. Песней можно убить... Певец настоящий, будучи побежден, умирает!"

"Не петь певцу нельзя, как нельзя шаману не шаманить. Шаман за свою силу платит здоровьем, мы за свою силу платим счастьем"...

Несмотря на все это, быть певцами среди якутов пожелали бы, наверное, многие. Кроме голоса, фантазии, художественного чутья, якутский певец должен обладать громадной памятью, так как ему приходится помнить сотни тысяч стихов. Обучение происходит таким образом: старый, опытный певец поет громко песню и заставляет тут же повторять за собою ученика, затем ученик многократно повторяет самостоятельно поэму, а учитель следит за ним и поправляет слова и напевы. Выучка одной олонхо стоит от тридцати копеек до рубля и больше. Я раз присутствовал при семейной сцене, вызванной страстью к песням: старуха мать упрекала юношу сына, что тот "последний безмен масла променял на песню"»...[1]

Алексей Елисеевич Кулаковский рождается из этой продолжающей жить в якутском быте фольклорной культуры, и на первых порах его произведения и он сам воспринимаются как часть этой культуры.

«Поэзия А. Е. Кулаковского впервые в якутской традиции складывается в целостную поэтическую систему, автономность которой определяется устойчивостью жанровой структуры, мифологической концептуальностью и, не в последнюю очередь, эстетической "завершенностью" стиха... — пишет Надежда Покатилова. — Во-первых, в известной мере расцвет творчества Кулаковского означает гиперболизацию (и в этом смысле "канонизацию") основных черт традиционного аллитерационного стихосложения, возведение их в определенный метрический принцип — аллитерационный по своей сути. Творчество Кулаковского предстает как небывалый расцвет именно аллитерационной поэзии, а в ней — аллитерационного стиха. Во-вторых, поэзия Кулаковского представляет собой литературную фазу в эволюции якутского аллитерационного стиха. Самобытность этой поэзии определяется тем, что это,

[1] *Серошевский В. Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. М., 1993. С. 572—573.

по существу, единственные в своем роде образцы литературного аллитерационного стихосложения. Тем самым в стихе Кулаковского почти с самого начала происходит заметный семантический (и синтаксически выраженный) сдвиг, связанный с особенностями создания литературного текста. В-третьих, в обозначенной нами перспективе "становления" литературного стиха суть вопроса заключается не столько в том, каким образом произошел переход от фольклорного текста к литературному в конкретном творчестве, сколько — в том, почему литературное преодоление традиционного стиха стало возможным в поэзии, впервые сложившейся как система».

Но это понимание придет столетие спустя, а в начале века ответа на вопрос, ***кто*** такой Кулаковский и ***что*** такое его стихи, не знал и сам Алексей Елисеевич.

Записывая сказки, пословицы и предания, сочиняя стихотворения и поэмы, он относился к своим занятиям как к служению, к которому он призван, которым ему нельзя не заниматься, как шаману нельзя не шаманить, но которое может и не предполагать материального вознаграждения.

Первые вилюйские месяцы стали для Кулаковского переломными в осмыслении и оценке собственных научных и художественных работ, в отношении к собственному творчеству.

Толчок к этому дала попавшаяся на глаза заметка в позапрошлогодних «Сибирских вопросах», в которой говорилось, что «2 марта за № 5942 Министерство народного образования внесло в Государственную думу проект об отпущении Э. К. Пекарскому десяти тысяч рублей на издание "Словаря якутского языка"»[1].

Об отношении Кулаковского к Пекарскому мы уже говорили, разбирая письмо «Якутской интеллигенции»... Нет сомнений, что якутский язык Алексей Елисеевич знал гораздо лучше Эдуарда Карловича, но это не он, а Пекарский, родившийся в семье обедневших польских дворян из Минской губернии, сумел превратить свои занятия якутским языком в весьма прибыльный для себя промысел[2].

Теперь, когда стало известно о десяти тысячах рублях, выделенных Э. К. Пекарскому, письмо Кулаковского буквально бурлит от плохо сдерживаемых страстей.

Начинается письмо почти эпическим зачином:

---

[1] Сибирские вопросы. 1910. № 14—15.

[2] Э. К. Пекарский с 1903 года получал за составление якутского словаря зарплату в Якутском статистическом управлении.

«Много воды утекло с тех пор, как покинули Вы нас, и много перемен произошло у нас!.. Никого из прежних стариков "политических" не осталось в области. Взамен их наслали какое-то безграмотное барахло; хоть и жаль нам прежних стариков, этих передовых борцов за справедливость, но делать нечего.

Ссыльно-переселенцы почти все вымерли. Духоборы ушли, скопцы держатся, появляются уже переселенцы.

Якуты численно растут, но органически вымирают. Эпидемий и "болезней культуры" стало больше. Алкоголизм усиливается.

Коневодство падает, рогатый скот мельчает, хлебопашество развивается, огородничество не прививается.

Умственный рост почти не заметен, кроме увеличения числа учащихся.

Весьма многое сделал в отношении поднятия культуры края последний из губернаторов, некий Крафт — человек замечательно энергичный и работоспособный, к тому же и умный. Конечно, как всякий смертный, он допускает ошибки и одним из мотивов его фиксированных действий является составление карьеры...

Сильно развилось у нас пьянство, ежегодно пьем до 155 000 ведер водки.

Физически якуты мельчают страшно: они теперь немногим рослее японцев, мышечная сила соответствует росту.

Якутск с внешней стороны растет: удлиняется и ширится; выстроены каменные: монополька, реальное училище, казначейство, библиотека и музей; выстроены: городская водокачка, пока недействующая, телефонная сеть, лесопильный, кирпичный и пивной заводы, дом трудолюбия, новая больница, которую строил я за 20 000 рублей, клуб приказчиков, телеграфная линия в Охотск и Вилюйск (пока до Нюрбы)...»

Перечислив все примечательные события, происшедшие в Якутии после отъезда Пекарского, Кулаковский рассказывает и о себе:

«За пазухой Егора Васильевича Оросина жил 4 года. Платя калым за его дочь, я задолжал до 1500 рублей. Чтобы уплатить этот долг, я сделался авантюристом и аферистом в тесном смысле этих слов: служил письмоводителем два года, ездил в Оймякон сподряд три года, строил больницу, ездил в Охотск исполнять телеграфные работы (состоял подрядчиком на 90 000 рублей), ездил на прииски, но возвратился, не дожидаясь вакансии, учил у одного богача двоих детей за 600 рублей в год,

а теперь состою учителем Вилюйского городского 3-х классного училища, кое-как удалось уплатить долги, но не все (осталось еще 3400 рублей)»...

Но это тоже только преамбула, далее идет главное, ради чего и пишется письмо...

«У меня обнаружилась одна черта натуры, которую не умею, т. е. не знаю — отнести ли к достоинствам, или к недостаткам; я увлекаюсь родной поэзией, а следовательно, и формой, в которой она облекается для своего выражения, т. е. якутскими сказками и песнями... — пишет А. Е. Кулаковский. — Будучи малолетком, я целые ночи просиживал "под челюстями" (якутское выражение) сказочника, слушая его сказки, легенды и "остуоруйа". Это увлечение мое, незаметно для самого, послужило причиной того, что я стал изучать родной язык. Поскольку я стал вникать в прошлое, в быт, а главное, в язык. Делал я маленькие заметки вновь услышанным словам и выражениям. Постепенно у меня накопилось порядочно беспорядочного материала»...

В письме Кулаковский дает перечень собранных им материалов: песен, пословиц, сказок, а также собственных сочинений и переводов, и просит Пекарского «войти в переговоры» и уладить печатание этих трудов: «Мне нужно, чтобы мои работы напечатались там и чтобы мне были представлены экземпляры. Могу просто продать. Я абсолютно не знаю прав и правил издания сочинений».

Вправе ли он обременить практически чужого человека такой просьбой, Кулаковского не волнует. И если бы эта просьба исходила от человека более или менее знакомого с литературно-издательской средой, можно было бы говорить о бесцеремонности и даже об определенной наглости просителя. Однако в случае Кулаковского это свидетельствует только о том, что он просто не различает пока, как когда-то не различал фольклорных текстов и собственных произведений, разницы между единым у них с Пекарским общим делом и частными интересами каждого: «Я обращаюсь именно к Вам по той простой причине, что надеюсь встретить в Вас сочувствие моему делу, однородному с тем, на которое Вы посвятили половину своей жизни. Я желаю печатать в виде брошюр собранные мною материалы и свои произведения на якутском языке. Не имею своих средств на печатание. Будучи бедняком (чего не утаю от Вас), я естественно желаю добиться некоторой материальной поддержки изданием своих трудов».

Вторая просьба, если позабыть о том, что различает и что не различает Алексей Елисеевич, выглядит еще рискованнее...

«Не примете ли меня к себе, чтобы я работал по изданию словаря под Вашим руководством? — спрашивает Кулаковский. — Если мы сообща кончим издание в два года, то Академия неужели не выдаст целиком назначенные Вам 10 000 рублей? Я думаю, что Ваш словарь надоел ужасно. Скорее бы отвязались. Честь составления словаря все равно не убавится. Могу к Вам явиться летом 1913 года».

Предложение это выглядит тем более оскорбительным, что соседствует с комплиментами, которыми перед этим буквально осыпал Кулаковский Пекарского: «У нас не было литературы, а Ваш словарь должен послужить краеугольным камнем для ее создания. <...> Прямой и практический смысл словаря понятен каждому. Вы воистину заслуживаете названия "отца якутской литературы"... <...> Без Вас не нашлось бы лица, у которого хватило бы дерзости принять на себя такой колоссальный труд, как Ваш Словарь...»

Письмо это сохранилось. В левом углу первого листа письма рукой Эдуарда Карловича помечено: «Отвечено 27/IV. 1913», но самого ответа не сохранилось, и мы так и не знаем, как ответил Пекарский на выпады и на претензии Кулаковского.

Наверное, ответил с холодной и отчасти презрительной шляхетской учтивостью академического специалиста. Говорить об издании и сотрудничестве, особенно в области раздела десяти тысяч рублей, он скорее всего не стал, но перечисленные материалы прислать разрешил.

Более того, известно, что приложенный Кулаковским отрывок из «Песни о громе» Пекарский таки использовал в своих публикациях. Использовал бы, должно быть, и другие материалы, если бы Кулаковский прислал их ему...

5

Мы приводим столь подробный разбор письма Кулаковского Пекарскому не только потому, что письмо это бесценный источник сведений о биографии Кулаковского, но еще и потому, что письмо очень ярко рисует его в момент совершавшегося в нем в 1912 году перелома.

Видно, как почти на ощупь, поминутно натыкаясь на острые углы, продвигается Кулаковский в незнакомых петербургских учено-литературных реалиях...

Разумеется, несмотря на усиленное самообразование, регулярного, систематического образования Алексею Елисеевичу не хватало.

Он много знал, но белые пятна в его образованности зачастую обесценивали приобретенные знания. И в научных рабо-

тах Кулаковский продвигался иногда как бы на ощупь, теряя немалые силы и время на то, что уже давно известно.

«Желая изучить родной язык в совершенстве, намереваюсь заняться изучением родственных, т. е. общетюркских языков, без чего невозможно знать как правила, так и исключения грамматики якутского языка, — пишет Кулаковский 19 января 1913 года Иннокентию Степановичу Говорову. — Поэтому прошу Вас, дядюшка, как якутолога и патриота... выпишите мне словарь тюркской группы урало-алтайских языков, или одолжить свой таковой словарь, или продать его. Затем не можете ли для меня достать алтайскую грамматику, т. е. грамматику алтайского языка?..»

Эта переписка с борогонским улусным писарем и присяжным поверенным по уголовным и гражданским делам Иннокентием Степановичем Говоровым позволяет в динамике проследить развитие научной мысли Кулаковского.

Наугад нащупывая пути, ведущие к искомой цели, исследователь не минует и боковых ответвлений. Заинтересовавшись проблемами фонетики, грамматики и транскрипции якутского языка, он занимается изучением стенографии и эсперанто...

Но как это часто бывает с талантливыми самоучками, пробираясь тупиковыми и боковыми тропинками, он вдруг начинал различать то, что не видели другие.

«Теперь 20 век, когда экономия труда и времени выдвигается на первейший план... — пишет А. Е. Кулаковский 9 февраля И. С. Говорову. — Раз нашли нужным составить совершенно новую транскрипцию для якутского языка, то уж нужно было преследовать стенографические идеи... пока мы, якуты, напишем 1000 слов, стенограф их напишет 25 000! Хоть бы наши составители приблизили нас к этому совершенствованию на $^{1}/_{10}$, а не удалили до $^{1}/_{25}$... Раз этого не умели или не понимали, то не нужно было отрывать от привычных письмен...»

Нетрудно заметить, что эти мысли из письма И. Говорову напрямую перекликаются со статьей «Новая транскрипция якутского языка», которую спустя десятилетие напишет Кулаковский.

Впрочем, о статье разговор впереди. Пока в 1913 году Алексей Елисеевич Кулаковский только познакомился с героем этой статьи Семеном Андреевичем Новгородовым, когда тот после завершения Якутского реального училища приехал работать в Вилюйское училище.

И хотя он, как и Кулаковский, был педагогом, но между ними сразу установились отношения учителя и ученика.

Впрочем, иначе и не могло быть.

Было Семену Новгородову тогда всего 20 лет, а Кулаковскому почти вдвое больше — 36 лет. Кроме того, Новгородов почитал Кулаковского как первого поэта Якутии и, оказавшись с ним в одном училище, ловил каждое его слово.

Наверное, не так уж и много было у Алексея Елисеевича таких же способных и отзывчивых к его идеям учеников, поэтому сил на Новгородова он не жалел и учительское дарование его раскрылось тут в полной силе.

Отчасти об этом свидетельствует сохранившаяся новгородовская тетрадь с записями 1913 года. В эту тетрадь ее двадцатилетний владелец списывал у Алексея Елисеевича стихи Ивана Елисеевича Кулаковского, а также произведения самого Ексекюляха: «Песня о голоде», «Песня суток», «Рассвет», «Предназначение покровительницы», «Сон шамана», «Совет», «Для чего родился», «Не знаю, что дальше луны», «Песнь шамана»...

Такое вот достаточно представительное избранное двух якутских поэтов собрано в тетради С. А. Новгородова[1].

Конечно, Новгородов был необыкновенно талантливым и столь же необыкновенно проницательным учеником. С жестокостью, свойственной выдающимся молодым людям, он не только учился у Кулаковского, но еще и прилежно изучал его, как диковинное насекомое.

Результатом этого изучения стало посвященное Кулаковскому стихотворение ученика:

Стремящийся
К высокочтимому
Образованию
С центральных земель,

Изгнанный
С фарватера
Лены реки,
Высшего образования...
Многих направлений
Лучших сторон
В основе своей
Жадно стягивающий
Семен сын Андрея
Жизнерадостному и веселому
Другу своему

[1] Часть этих текстов помещена в кн.: *Новгородов С. А.* Во имя просвещения родного народа. Якутск: Книжное издательство, 1991. С. 66—91.

Алексею Орлиному,
Считая достаточным знаком
Почитания глубокого
За ум его и советы,
Дарит свой небольшой
Но значительный труд[1].

«Принимая во внимание то, что летом этого же года он поступил в Петербургский университет, вполне закономерен вопрос: не Кулаковский ли посоветовал стать ему лингвистом? — пишет, комментируя эти стихи, Л. Р. Кулаковская. — Во всяком случае, как написал впоследствии сам Новгородов, поэт делился с ним своими мыслями о родном языке, его красоте и гибкости, о транскрипции якутского языка».

Мысль вполне справедливая.

Новгородов действительно уже летом 1913 года поступил в Петербурге на арабско-персидско-турецкое отделение Восточного факультета университета, а через год перешел на монголо-маньчжуро-турецкое.

Наверняка в откровенных беседах Ексекюлях Алексей поделился со своим двадцатилетним учеником планом проситься в помощники Пекарскому.

Никаких свидетельств и документов, подтверждающих, что такие разговоры были, нет, но есть факты биографии самого Новгородова, который занял-таки как раз то место, которое мечтал занять Кулаковский.

Безусловно, учеником он оказался способным...

Правда, и ему не сладко пришлось на службе у Эдуарда Карловича.

Несмотря на заступничество Никифорова, доказывавшего Пекарскому, что якутский народ ценит Новгородова и его труды[2], Эдуард Карлович категорически заявит, что имени Новгородова не будет на обложке словаря и, «продолжая теряться в догадках относительно моих (Новгородова. — *Н. К.*) заслуг перед якутским народом», пообещает поместить в выпускаемом томе словаря вкладную цветную полоску со словами: «Начиная с 99-го печ(атного) листа участие в обработке словаря принимал С. А. Новгородов».

Так как это не могло вполне удовлетворить Новгородова, то он заявил непременному секретарю РАН, что вынужден прекратить свою работу по составлению якутского словаря, если его фамилию не поместят на обложке.

---

[1] Перевод Л. Р. Кулаковской.

[2] *Новгородов С. А.* Во имя просвещения родного народа. Якутск: Книжное издательство, 1991. С. 153.

«Узнав об этом твердом решении, — пожалуется Новгородов непременному секретарю РАН С. Ф. Ольденбургу, — Э. К. Пекарский заявил мне 30 апреля с. г., что в 1-м выпуске II-го тома словаря не будет и полоски. Таким образом, я лишаюсь доказательств своей работы по составлению якутского словаря перед якутским народом вплоть до появления послесловия к словарю через 5—10 лет»[1].

Мнение о работе С. А. Новгородова самого Э. К. Пекарского тоже известно, оно изложено в его заявлении С. Ф. Ольденбургу:

«Сотрудник мой С. А. Новгородов не оправдал возлагавшихся мною и Академией надежд как на помощника по обработке составленного мною якутского словаря. Он занимался только по два часа и часто отлучается: поездка в Москву и болезнь. Больше двух часов не хочет заниматься. Мне остается пожалеть, что я потратил на Новгородова больше времени, чем следовало, полагая своей простотою, что мне удастся выработать из него продолжателя моих работ по "Словарю" и якутскому фольклору, ввиду чего я не скупился на всякие разъяснения относительно метода и технических проблем работы вплоть до указки его промахов по части русского языка и логического мышления»...[2]

Впрочем, излагая перипетии этого высоконаучного спора, мы отклонились в сторону от «изгнанного», по словам Новгородова, «с фарватера Лены реки, высшего образования» Алексея Елисеевича Кулаковского.

«Признаюсь, милый дяденька, что я того высокого мнения о родном языке, что если бы русский услыхал его, т. е. мнение это, то он хохотал бы от души, — писал он И. С. Говорову. — Да и якуты, обоготворяющие русский язык, тоже зло посмеялись бы над моим мнением... Да, якутский язык в своем первообразовании несравненно богаче, гибче и эластичнее всех европейских языков. В нем падежей 10, времен 5, наклонений, видов гораздо больше, чем в европейских языках... Вообразите, дяденька, что если ко всему этому потомство прибавит русские, иностранные, научные, технические термины и слова, то какой должен получиться язык!..»

Заметим попутно, что Кулаковский принадлежал к тем людям, слова которых не расходятся с делами. Проникнув в глубины якутского языка, очарованный его красотой, он немед-

[1] Там же. С. 160.
[2] Там же. С. 171.

ленно попытался сообщить о своем открытии другим, и на заседании педагогического совета Вилюйского высшего начального училища 10 ноября 1913 года предложил бесплатно учить детей в Вилюйском училище якутскому языку.

Однако совет училища, избравший Кулаковского членом попечительского совета, отказался от этого предложения, мотивируя отказ тем, что учащиеся и сами хорошо знают якутский язык.

6

По списку «О том, сколько верст сделал Ексекюлях в течение своей жизни», в вилюйское трехлетие, не считая поездок в Москву и Петербург, вместилось более десяти тысяч верст, пройденных по Якутии.

И бóльшая часть этих верст была пройдена в поисках новых слов, новых сказок, новых песен...

Кулаковский записывает олонхо знаменитых олонхосутов С. Н. Каратаева-Ырыа Дыгыйар, Мэнкэр Семена и других певцов. Иногда на фонографе, подаренном училищу[1] вилюйским торговцем Прокопием Поповым, но чаще, по старинке, на бумаге...

Он ездил на пароходе в Хочо для сбора этнографических и фольклорных материалов. Был в Хаданском наслеге Сунтарского улуса, гостил у талантливого певца и олонхосута Михаила Веселого.

Поддавшись на уговоры своего коллеги, учителя Н. И. Толоконского, пообещавшего способствовать изданию его трудов в Иркутске, Кулаковский почти год занимался переводом своих фольклорных материалов на русский язык и систематизацией их.

Мы уже говорили, что Пекарский не стал приглашать Кулаковского в Санкт-Петербург, но благодаря успеху книги В. Л. Серошевского «якутистика» переживала в начале XX века стремительный взлет и интерес к собранным А. Е. Кулаковским материалам усиливался с каждым днем.

«Мне хотелось бы поговорить об А. Е. Кулаковском, — писал 20 апреля 1914 года Н. Е. Афанасьеву В. М. Ионов. — У него богатый материал, но, говорят, он очень ревниво к нему относится, надеясь, что он дает ему возможность жить и учиться

---

[1] В некоторых публикациях говорится, что фонограф был подарен Прокопием Поповым Кулаковскому, но это не так. Во всяком случае, сам Алексей Елисеевич считал его собственностью училища, как и пластинки, записанные им в экспедициях. Ни одну из них он не увез из Вилюйска.

в Санкт-Петербурге... Я очень боюсь, что материалы Кулаковского так и сгниют у него, как сгнили материалы у Д. И. Слепцова»...

Опасения эти были напрасными.

Толоконский, проработавший с Кулаковским целый год в Вилюйском училище, не обманул его.

Уже в 1914 году в Иркутске, в типографии товарищества «М. П. Окунев и К°» вышла книга «Якутские пословицы, загадки, святочные гадания, обряды, поверия, легенды». Правда, на обложке ее стояло имя автора — Н. И. Толоконский.

Впрочем, внутри можно было найти ссылку и на А. Е. Кулаковского. Оказывается, материалы эти были собраны при его ближайшем участии.

Поэтому, наверное, когда секретарь Географического общества Н. Н. Грибановский предложил Кулаковскому стать корреспондентом общества и прислать для печати что-нибудь из своих работ, тот ответил отказом: «Состоять корреспондентом не могу по двум причинам: во-первых, не знаю условий, при которых мог бы состоять таковым; во-вторых, я лентяй, каких свет мало видел, а самолюбие будет сильно страдать, если я буду состоять корреспондентом только номинально... До сих пор я не обращал ни малейшего внимания на научную сторону ценности собираемых материалов и своих произведений; я, как маленький поэт, лишь увлекался красотами языка, потому писал и собирал только художественные произведения. Всякая попытка, хоть и своя, перевода песен на русский язык страшно оскорбляла мое эстетическое чувство. Помимо этого, считаю долгом чести уведомить, что большинство моих материалов напечатал на русском языке, в виде отдельной брошюры, бывший мой коллега, некий Толоконский, в Иркутске»...

А к Пекарскому Кулаковский ездил прямо в Петербург.

Приехав в столицу Российской империи, он оставил Пекарскому записку о встрече: «Уважаемый Эдуард Карлович! Оставьте швейцару записку — в какие часы Вас можно застать дома. Скоро уеду, потому спешу видеться. Остановился я по Невскому просп. “Сан-Рено” 90. Ваш Ал. Елис. Кулаковский».

Но Пекарский не принял его.

Во всяком случае, никаких сведений о встрече нет ни у пунктуального Эдуарда Карловича Пекарского, ни у Алексея Елисеевича Кулаковского, так много ожидавшего от этой встречи.

Скорее всего, составитель русско-якутского словаря не захотел встретиться с первым основоположником якутской литературы.

Ему это было не нужно...

7

По сравнению с прежними заработками Кулаковский получал в училище вполне приличное содержание.

Как это видно по отчету о личном составе служащих, содержание Кулаковского в 1912/13 учебном году составляло 960 рублей, а на следующий учебный год выросло до 1015 рублей.

Это было существенно, потому что, кроме содержания семьи, Алексею Елисеевичу приходилось выплачивать и долги, которых он не делал...

Эти долги гнались за Кулаковским, как гонятся за добычей волки.

Порой исчезали совсем, но только вздохнет облегченно преследуемая жертва, ан, нет! Никуда не исчезли они, еще ближе стали.

30 ноября 1912 года инспектор народных училищ 2-го района Якутской области получил прошение Строительного отделения Якутского областного управления о взыскании с учителя Кулаковского 908 рублей 54 копеек — убытка, нанесенного им казне вследствие неисправной доставки груза по линии Охотск—Якутск в бытность подрядчиком.

Инспектор народных училищ 2-го района потребовал от учителя Кулаковского дать объяснение по делу. Учитель в объяснительной записке доложил, что все работы выполнены, грузы завезены, и просил освободить его от напрасных претензий, а также ходатайствовать о выдаче ему казной по приведенному счету 4408 рублей.

Но отбиться не удалось.

28 февраля 1914 года инспектору народных училищ 2-го района Якутской области сообщено было о взыскании с учителя Вилюйского четырехклассного училища А. Е. Кулаковского 908 рублей 54 копеек.

Более того... К прежним претензиям добавились и новые.

Оймяконский купец Николай Осипович Кривошапкин, у которого летом 1906 года Кулаковский работал писарем в родовом управлении Оймяконо-Борогонского наслега, по ошибке — так считает Л. Р. Кулаковская! — потребовал вернуть 500 рублей, якобы взятых тем в долг в сентябре 1912 года в Якутске.

Летом 1913 года Кулаковский ездил в Таатту, где привел в порядок в Учае сенокосные угодья, вырыл систему канав и спустил озеро, чтобы улучшить орошение полей.

По окончании отпуска, во второй половине августа, Кулаковский с женой, сыном Алексеем и племянником Трифоном[1] на пароходе вернулся в Вилюйск, чтобы окончательно обосноваться там.

Поселились Кулаковские у Г. Потапова. Здесь в Вилюйске 26 марта[2] 1914 года и родился сын Реас.

26 марта православная церковь празднует собор Архангела Гавриила и память преподобного Малха Сирийского, память священномученика Иринея епископа Сирийского и преподобного Василия Нового...

Эти имена можно было выбрать сыну.

Почему Алексей Елисеевич не остановился на достаточно распространенных в Якутии именах Гавриила и Василия, а начал читать список имен двадцати шести мучеников готских, память которых тоже праздновала Церковь в этот день, понять непросто.

Мученики эти жили в IV веке и были сожжены в храме во время церковной службы. Готская царица Алла и ее дочь Дуклида собрали святые останки и бежали с ними в город Кизик, находившийся то ли в Малой Азии, то ли в нынешнем Крыму, где было тогда готское княжество.

Считается, что перед возвращением в Готию Алла отдала мощи мучеников на освящение местного храма...

Эти подробности о мучениках готских Алексею Елисеевичу мог сообщить совершавший крещение протоиерей Александр Винокуров, поскольку эти сведения были помещены в «Настольной книге священнослужителя».

И, пожалуй, эта частичная принадлежность мучеников готских Российской империи и отличала Вафусия, Верка, Арпила, Авив, Агна, Реаса, Игафракса, Искоа, Силы, Сигица, Сонирила, Суимвла, Ферма, Фила от величественного собора святых, имена которых можно было взять для сына.

Алексей Елисеевич выбрал имя Реас...

Как пишет Людмила Реасовна Кулаковская, он произнес при крещении ее отца: «Эрэйи аас, Реас»[3].

---

[1] Сын Ивана Елисеевича Кулаковского.

[2] По новому стилю — 8 апреля.

[3] Преодолевай все ненастья на своем пути, Реас.

Пожелание отца Реас Алексеевич Кулаковский исполнил.

Нелегкая жизнь была суждена ему. И было в этой жизни всё: и преследования властей, и нищета, и тюрьмы, но он прошел через все испытания и достойно пронес по жизни фамилию своего отца Алексея Елисеевича Кулаковского.

Зазнавшихся, побеждая, — смири,
Буйно-могучих приостанови,
Коварных, хитрых перехитри, пересиль!
Над маслом
Пусть вода не всплывает,
Над хорошим
Да не поднимается плохое, худое.
Над правдой
Пусть не поднимется ложь! —

писал тот в стихотворении «Благословение среднего поколения».

Часть вторая

ЕКСЕКЮЛЯХ — УЧИТЕЛЬ НАРОДА

...Многое из того, что писал Кулаковский век тому назад, можно воспринимать сегодня как руководство к действию.

Е. А. Борисов,
президент Республики
Саха (Якутия)

Глава первая

КРЕСТ КУЛАКОВСКОГО

Обитаемого среднего мира
И всего необъятного мира
Самой славной рекою став,
Потекла она важно и чинно,
Друзья мои,
Понеслась она привольно и сильно,
Братцы мои,
И не предвидя горя-беды,
Дотекла она
До бабуки-океанихи
До великой ледовитой воды,
У которой
Конца и края никто не знал,
Другого берега никто не видал,
Середины заледенелой никто не зрел,
Дна коснуться никто не смел...

А. Е. Кулаковский. Дары реки[1]

Причудливо выгибаясь в теснинах Приленского плато, то на северо-восток, то на юго-восток, то прямо на восток течет река Лена, но за Ленскими столбами, за Качикатцами, она поворачивает на север и, приняв в себя стремительную быстрину Алдана, огибая Верхоянский хребет, движется на северо-запад, чтобы, напившись за Сангарами тяжелыми, медно-железными водами Вилюя, течь уже строго на север.

Впадая в Лену, Вилюй и Алдан образуют большой водный крест.

Если мы скажем, что на этом кресте прошла вся жизнь основоположника якутской литературы Алексея Елисеевича Кулаковского — это не будет ни ошибкой, ни даже натяжкой.

1

В Вилюйске, хотя Кулаковский здесь даже дворовую землю купил, собираясь выстроить собственный дом, обосноваться ему не удалось...

Конечно, когда думаешь о неурядицах в жизни того или иного великого человека, всегда возникает искушение свалить вину за них на политический строй, на преследование реакци-

[1] Перевод С. А. Поделкова.

онными силами того светлого, того передового, что олицетворял собой этот человек.

И как часто мы забываем при этом, что конкретные люди, которые применяли какие-то санкции против нашего героя, даже и не догадывались, что он передовой, а тем более великий.

Сказанное как нельзя лучше подходит к истории увольнения Алексея Елисеевича Кулаковского из Вилюйского училища.

Некоторые исследователи связывают увольнение с тем, что начальство раздражали занятия Кулаковского языком и духовной культурой якутов и «большое уважение и авторитет Кулаковского в народе».

Но как видно из документов, связанных с увольнением, ни о занятиях Кулаковского языком и духовной культурой якутов, ни о «большом уважении» к нему со стороны народа инспектор якутских областных народных училищ Атласов[1] просто не знал и принимал решения исключительно на основании рапортов учителя-инспектора Вилюйского училища И. В. Попова, доносившего о том, что учитель Кулаковский пропускает занятия, а иногда и является на уроки в «похмельном виде».

Насколько обоснованными были обвинения Попова — вопрос другой. Кстати сказать, сам Атласов отнюдь не идеализировал директора Вилюйского училища, очень четко, как говорят теперь, отделял «мух от котлет».

«...Грубость, неотесанность, отдаленность от общественной жизни есть его личные качества, до службы не относящиеся, — писал Атласов в Иркутск. — Лично им оскорбленные имеют право искать с него судом, по закону... Я в Попове вижу аккуратного совершенно трезвого, настойчивого... службиста... исправного, как преподавателя, администратора, требовательного к сослуживцам так и знающего ведения канцелярии и бухгалтерии».

А конфликт между Кулаковским и Поповым разгорелся почти на пустом месте.

30 апреля 1914 года на заседании педагогического совета Вилюйского училища обсуждался вопрос о поведении ученика 1-го класса шестнадцатилетнего Т. Евсеева и десятилетней ученицы А. Кокшарской, затеявших между собой переписку.

Нетрудно понять, почему так остро отреагировали на эту завязку сюжета о вилюйских Ромео и Джульетте учителя-якуты.

---

[1] Бывший классный смотритель в годы учебы А. Е. Кулаковского в Якутском реальном училище.

Обычный проступок, который с точки зрения современной морали и проступком-то назвать трудно, в дореволюционной Якутии, где жениху с невестой и разговаривать было не принято, воспринимался тогда как посягательство на нормы народной морали.

Шестнадцатилетний Евсеев никак не реагировал на учительские увещевания, и поэтому поведение его, как решили учителя, должно было быть «порицаемо сугубо: помимо нарушения простых общежитейских правил нравственности, он роняет и чернит в глазах населения и самих учащихся престиж и авторитет училища».

Действительно, если бы этот случай получил огласку, реакция в наслежной глубинке могла оказаться непредсказуемой. Ведь, по сути, в глазах населения подрывался авторитет учебы вообще. Зачем учить детей, если они освобождаются в училище от морали, принятой народом, от обычаев, а значит, и от национальной памяти, если они становятся чужими своим родителям и своим братьям?

Можно было, конечно, случай с Евсеевым отнести к издержкам «культивизации», но результат этот был совершенно противоположным тому, к которому старался вести своих учеников, ***образовывая*** из них достойных сыновей своего народа, сам Кулаковский.

Другие учителя не сумели или не захотели так остро воспринять специфику якутской традиции, и при обсуждении поступка Евсеева мнения членов педагогического совета разделились. Четверо высказались за исключение великовозрастного первоклассника, двое — против.

При этом, как указывалось в докладной, поданной 12 мая 1914 года инспектору народных училищ 2-го района Якутской области Атласову, Попов оказывал давление и угрожал, «требуя отказа учителей от своего мнения».

Атласов в ответ указал Попову, что учеников за такие проступки действительно надо исключать из училища, тем более когда за исключение — четыре члена педагогического совета, за оставление только — два.

Впрочем, досталось и Кулаковскому как секретарю педсовета.

Атласов обратил внимание на разнобой дат. Особое мнение было датировано 30 апреля, докладная подана 12 мая, а сопровождающее письмо датировано 20 мая.

«Оттуда можно понять, что протокол подписывался только 20 мая, не ранее, — писал Атласов. — И как же могло случиться, что члены Совета, в количестве четырех, подали донесение в высшую инстанцию от 12 мая, т. е. до подписания протоко-

ла... Секретарь должен был знать, как особые мнения подаются, а не составлять своего "особого" постановления»...

Промашка тут со стороны Кулаковского имелась, тонкости чиновничьего делопроизводства никогда не были сильной стороной основоположника якутской литературы, и в глазах Атласова, как видно из характеристики, данной им Попову, этот недостаток перевешивал многие достоинства.

Касательно самой истории Ромео и Джульетты из Вилюйского городского училища, К. К. Атласов занял компромиссную позицию. Он утвердил строгий выговор ученику Евсееву, с предупреждением об исключении его из училища, но для Кулаковского история эта имела продолжение.

Хотя с февраля 1915 года он несколько раз отправлял прошение об утверждении его в должности учителя, но К. К. Атласов оставил эти письма без ответа. Приставку «и. о.» так и не сняли с Алексея Елисеевича, так и не стал он полноправным преподавателем.

Насколько унизительным для Кулаковского было это положение, видно из его прошения, поданного 25 мая 1915 года. «Вы впервые, назначая меня в Вилюйск, говорили, что я буду утвержден через два годика... — писал Кулаковский инспектору народных училищ К. К. Атласову. — Я был уверен, что служа дальше, я приближаюсь к времени утверждения, а оказалось, что я приближался ко времени, когда должен быть выкинутым за борт. В Вилюйске я считал себя постоянным жителем, даже купил себе дворовую землю за 40 рублей, ужился со всеми, даже Иван Васильевич перестал меня преследовать. Признаться, я обескуражен и мне очень тяжело... Странно, что неудачи преследуют меня весь мой век»...

Ответом на это прошение стал приказ № 11 инспектора народных училищ 2-го района Якутской области от 1 августа 1915 года.

Исполняющий должность учителя Вилюйского высшего начального училища Кулаковский увольнялся от исправления обязанностей учителя названного училища.

Взамен ему предложили место в Бодайбинской приисковой школе.

2

Два учебных года — 1915/16 и 1916/17 — Кулаковский работает в Бодайбо.

Свидетельств об этом периоде его жизни практически не осталось.

Сохранились только два письма Николаю Андреевичу Готовцеву, датированные 13 октября и 22 ноября 1916 года, из которых видно, что А. Е. Кулаковский остро нуждался в деньгах и болел, да еще воспоминания Д. В. Куприянова, который видел Кулаковского в устье речки Качинской, где собирались знаменитые силачи со всей Якутии. Д. В. Куприянов не запомнил, побеждал Кулаковский в схватках или нет, но запомнил, что вступал он в борьбу без страха.

Кулаковский, как утверждает Куприянов, принимал там участие в соревнованиях...

Еще известно, что, живя в Бодайбо, Кулаковский написал стихотворения «Плач по умершему мужу» и «Благословение по-старинному»...

Много говорится о пророчествах, содержащихся в поэме «Сновидение шамана»...

Таких пророчеств в «Плаче по умершему мужу» нет, но вслушиваешься в его слова и вдруг начинаешь различать, что это плач не только по умершему мужу, но и по всей уходящей эпохе...

То ли я в воде захлебываюсь — тону,
То ли я горю и задыхаюсь в дыму?

Или это в пропасть скатилась я?
Уж не в сам ли ад провалилась я?

Имеющий злой язык
Наговором не навредил ли нам?

Имеющий черную душу
Заклинанием не навредил ли нам?

Имеющий черный глаз
Не сглазил ли ненароком нас?

Или имеющий черные мысли
Всех духов хитростью обольстил?

Снова и снова повторяются обороты скорбного плача, но разве только от своей беды пытается заслониться героиня, разве не о той беде плачет она, что поднимается из темного мрака, чтобы обрушиться и на нее, и на ее детей, и на весь народ:

Как неотвратимо решение верхних сил,
Как неотразимо свершение преисподних сил,
Как ужасна немилость средних сил,
Как ужасен несчастья час...

И уже некому защитить и ее, и детей, и народ...

Как странно,
Что мой подвижный дружок
В глинистой тяжелой земле лежит.

Как странно,
Что мой теплый дружок
В глинистой холодной земле лежит.

Как странно,
Что мой ясноглазый дружок
В глинистой кромешной тьме лежит.

Стихотворение завершается авторской ремаркой: «Дальше продолжается плач, уже без причитаний, без связных слов», ремаркой, которая как бы и открывает страшное пространство революций и гражданской войны...

«Плач по умершему мужу» и «Благословение по-старинному» никак не связаны между собой, но они написаны в одно время и уже одно то, что написаны именно эти стихи, а не другие, встраивает их в единый сюжет...

Поддерживая общий сюжет, поэт начинает «Благословение по-старинному» зачином, который прямо перекликается с «Плачем по умершему мужу»:

Проклятье, как эхом, отзывается кровью.
Благословенье, как эхом, отзывается любовью.

И хотя дальше стихотворение входит в формы традиционного благословения, но привычные формулы не могут удержать тяжелую мощь авторского голоса, и благословение разносится во все концы якутской земли...

Поэтому
Не о зле, не о порче
Не накликая бед и напастей,
В день вашей радости...

Благословляю вас
Якутскими колдовскими словами,
Простирая руки над вами.

Призываю для вас
Безоблачное, чистое небо.
Вашу жизнь,
Как счастливую юрту,
Видите —
На высоком холме водружаю.

Вашу жизнь,
Как богатую юрту,
Видите —
На самой вершине
Сооружаю...

Н. В. Покатилова отмечала, что в стихах Кулаковского «фольклорный материал начинает активно вовлекаться зарождающейся литературой в поле "чужого", провоцируя появление качественно нового стилевого принципа повествования и, как следствие этого, отстраненного отношения к фольклорному тексту. Устная традиция предстает как один из самых влиятельных факторов, а ее жанровый состав — как один из источников, наряду с другими, в том числе — иноязычными, но самый подход к тексту и жанру определяется отношением к "чужому" тексту вообще».

В «Благословении по-старинному», как и в «Плаче по умершему мужу», фольклорный материал трансформируется в чистейшую лирику. Конечно, медитативное начало здесь ослаблено, лирический герой не бродит, как это принято в русской лирике, в глубоких раздумьях вдоль улиц шумных, а, попытавшись «самоопределиться», тут же возвращается в фольклорную форму:

Как стая вспугнутых куропаток,
Многочисленными ваши радости
Будут.

Как длинная таежная река,
Непросыхаемым ваше счастье
Будет.

Как бересты серединный слой
У высокой богатой юрты,
Долговечными ваши годы
Будут...

Но это уже совсем другие фольклорные формы, и воздействие их на читателя не совпадает с воздействием обычного заклинания:

От стрелы,
Выпущенной врагом из лука,
Не падайте.

От пули,
Выпущенной врагом из дула,
Не умирайте.

От острого ножа,
Когда набросятся с ним на вас,
Не погибайте.

И столь велик публицистический накал, столь высок авторский пафос, что финал стихотворения как бы отрывается от основного массива «Благословения по-старинному» и целиком переносится в будущее, в тяжелые годы предстоящих ис-

пытаний, превращается в прямое обращение Ексекюляха Алексея к своим современникам:

До будущих поколений
В преданиях вы дойдете.
До неведомых поколений
Воспоминаниями досягнете.

Пусть девушка
О вас песню споет,
Пусть юноша
Вас в легенде превознесет.

Отцом-матерью семи улусов,
Кормящими во время голода,
Будьте!

Отцом-матерью восьми улусов,
Лечащими во время болезней,
Будьте!

Отцом-матерью девяти улусов,
Защищающих во время напастей,
Будьте!

Конному ночлег предлагайте,
Пешего едой угощайте.

Невычерпываемой прорубью,
Немелеющим омутом
Будьте!

3

Последний предреволюционный год знаменателен в жизни Кулаковского. 26 сентября 1916 года три его друга-единомышленника: Василий Васильевич Никифоров, Семен Петрович Барашков и Василий Фомич Артамонов — подали якутскому губернатору прошение с просьбой разрешить им построить в Якутске дом-пансион для учащихся детей Восточно-Кангаласского улуса, поскольку большинство из них не имеют средств для получения дальнейшего образования в городе.

Для осуществления этого мероприятия они обязались внести следующие взносы: Никифоров вносил 20 тысяч рублей, а также двор, находящийся в талоозерной части города, Барашков и Артамонов — по пять тысяч рублей.

Сам Алексей Елисеевич, хотя он ввиду полного безденежья и не внес на строительство интерната никаких пожертвований, тем не менее по праву мог считаться душой и организатором этого предприятия.

Никифоров и Барашков — это персонажи его письма «Якутской интеллигенции». Это о них сказано в письме: «Они составляют... будущее здоровое ядро якутской народности; между ними встречаются, как я хорошо убедился в том, люди с благородным порывом замечательного патриотизма, ожидающие только всеобщего воззвания к культуре и просвещению и готовые попуститься тысячами из своих доходов ради блага родины».

Про В. Ф. Артамонова в письме «Якутской интеллигенции» А. Е. Кулаковский не писал, но Василий Фомич был соседом Кулаковского в Якутске. Его дом по Набережной и Глухому (Орлянскому) переулку соседствовал с домом тещи Кулаковского Елены Семеновны Лысковой. Был Артамонов активным участником «Союза якутов» и внес немалый вклад в просветительную и благотворительную деятельность[1].

Не рискуя ошибиться, можно предположить, что письмо «Якутской интеллигенции» сыграло достаточно большую роль в решении трех предпринимателей создать в Якутске школу-интернат.

И понятно, с каким воодушевлением отнесся к этому событию А. Е. Кулаковский. Пожалуй, впервые он увидел, как всходят посеянные им зерна.

И понятно, какую горечь почувствовал он, когда вместо следования примеру В. В. Никифорова, С. П. Барашкова, В. Ф. Артамонова состоятельная якутская интеллигенция сосредоточилась на ругани и насмешках в адрес благотворителей.

Эту горечь он выплеснул в написанной тогда статье «На якутов не угодишь».

«Как известно, в минувшем году три инородца В.-Кангаласского улуса задались благой целью основать в г. Якутске, единственном культурном центре огромного края, интернат для жительства улусных детей, обучающихся в учебных заведениях этого города...

До сих пор в Якутске, где сгруппированы все учебные заведения, кроме низших, не было сносного крова для огромного большинства обучающихся якутских детей. Якут, привезший в Якутск сына или дочь для обучения, оставляет его или ее на хлебах якуту же — безразлично — своего или другого улуса, лишь бы плата за содержание была невысокой и соответство-

[1] 14 декабря 1919 года В. Ф. Артамонов вместе с В. В. Никифоровым покинул Якутию, спасаясь от красного террора. 15 февраля 1923 года он умер в Харбине.

вала его средствам. При этом ради дешевизны содержания игнорируются родителями все другие неудобства квартиры и условия жизни. Дешево же принимают в нахлебники только мелкие торговцы, рабочие, извозчики, служащие, словом, все те, которые живут не на широкую ногу и тратят на свое содержание минимальную сумму. Эти люди своих дворов не имеют и живут в наемных комнатах или невзрачных домиках, нанимаемых за дешевку. У всех почти якутов мелкого пошиба жизнь течет по одинаковой колее. В занимаемых квартирах живут крайне стесненно, как сельди в бочке, в самых антигигиенических условиях. По 5—6 человек занимают одну общую комнату, играющую и роль столовой, и спальни, и места картежной игры, и занятий детей...»

Рисуя незавидное положение привезенных в Якутск для учебы детей, Кулаковский вспоминает и свои ученические годы, когда он, будучи учеником, сам жил с двумя товарищами в течение четырех лет в караульне Предтеченской церкви, имеющей три маленькие комнаты, в которых помещалось 14 человек, не считая постоянно приезжавших из улуса якутов.

Теперь благодаря Никифорову, С. П. Барашкову, Артамонову удалось создать совершенно другие условия. И что же?!

«И вот, как я бывал сам свидетелем, на инициаторов посыпались весьма обидные и незаслуженные обвинения, от которых даже уши вянут и становится стыдно за самих обвиняющих сородцев. Например, некоторые якуты говорят: "Э, слишком они разбогатели, и некуда им стало девать деньги — вот и швыряют их куда попало". Иные говорят: "Что же, деньги наживались ими легко, потому им их и не жалко". Третьи толкуют: "Видно, им богатства одного мало, так захотелось медалей и почестей"... Но более хитрые и умные завистники пускают более тонкий софистический аргумент: они обвиняют инициаторов-жертвователей в эгоизме, в узости их патриотизма, говоря, что они позаботились лишь для своего улуса, а не для всей якутской нации. Но и этот аргумент не выдерживает никакой критики. Невозможно же требовать только от трех лиц, из которых один имеет капитал всего в один миллион р., а двое имеют только по 150—200 тысяч рублей капиталу, чтобы они открыли пансион, обслуживающий всю область... Наивные якуты некангалассного улуса говорят, что у них нет таких богачей, которые открыли пансион для кангаласцев. Но, если в их улусах не найдется таких богачей, почему не найдется

тридцать или триста менее богатых людей. Наконец, почему не собрать требуемую для оборудования пансиона сумму с народа? Ведь пришлось бы не более рубля-двух на душу. Если одному улусу покажется тяжело, то почему не открывать по одному пансиону на каждые два-три бедных и малолюдных улуса? Говорят, что народ беден, что ему будет не под силу собрать по рублю на душу или работника. Это — старые бабьи хныканья, давно известный и изъездившийся конек, на котором любили выезжать косные люди, не любящие всякие новшества. Небось, когда драли розгами якута в старину, он умудрялся платить ясаку по девять соболей с каждого лука, т. е. промышленника, и когда заставлял малолюдный тогда Якутский округ возить ежегодно от Якутска до Охотска по 50—60 тысяч пудов грузу, принадлежащего Русско-Американской Компании, он плакал, кряхтел, а все-таки находил в себе силы возить этот груз в течение 80 лет. Небось, во времена винной монополии народ находил источники пропивать по 500 000 р. в год, а теперь проигрывает в карты гораздо большую сумму денег. <...>

...Помимо прямо своей цели, открытие пансиона богатыми якутами на свой счет имеет огромный и глубокий смысл в другом отношении: оно служит яркой иллюстрацией пробуждения народа от вековечного застоя к сознательной духовной жизни и служит доказательством того, что патриотическое чувство заговорило и в самих богачах тойонах, на которых до недавнего времени интеллигенция смотрела как на какого-то выродка рода человеческого, не понимающего гуманных стремлений и культурных потребностей и преследующего исключительную цель наживы... Надо радоваться этому, надо стараться поддерживать во всех — и в богатых»...

К сожалению, статья «На якутов не угодишь» не была опубликована...

Как ни важна была поднятая в ней тема, но в 1917 году совсем другие события заслонили ее...

4

О революции, произошедшей в России, 2 марта объявил в Клубе приказчиков Миней Израилевич Губельман, более известный в дальнейшем под псевдонимом Емельян Ярославский.

Это был демагог экстра-класса.

— Какие-то объявились, говорят, большаки али лешаки, что хотят, чтобы скорее закончилась война? — спросили однажды у него.

— А как ты думаешь? Лучше было бы, если бы война закончилась? — спросил Миней Израилевич.

— Да зачем она, война-то, вона земли да лесов сколько!

— А хорошо бы в деревне не было богатеев и чтобы земля и скот всем трудящимся — по справедливости?

— Да куда бы уж лучше!

— И чтобы народное управление было, а не чиновники измывались над народом?

— Конечно! — согласился крестьянин.

— Так ты самый большевик и есть! — сказал Миней Израилевич Губельман. — Ты же согласен с нами по всем основным вопросам...

Миней Израилевич отбывал в Якутске ссылку и на досуге организовал здесь, как мы уже говорили, кружок «Юный социал-демократ», через который прошли многие представители якутской учащейся молодежи.

«Первые же дни марта 1917 года показали, какое огромное значение имела эта работа, — вспоминал потом Миней Израилевич, — мы в первые же дни революции 1917 года услышали программные марксистские речи на якутском языке, мы сумели прямо издать листовки на якутском языке, мы получили первый основной кадр якутов, будущих большевиков, ленинцев, марксистов».

Действительно...

4 марта ссыльные, находившиеся в Якутске, организовали Комитет общественной безопасности (КОБ), состоявший из большевиков, меньшевиков, эсдеков, эсеров. На следующий день якутский вице-губернатор Дмитрий Орестович Тизенгаузен, которого запугали угрозами расправиться с его семьей, телеграфировал в Иркутский окружной центр о сложении полномочий и передаче власти.

6 марта было «избрано» Областное временное правительство. Областным комиссаром-управляющим Якутской области стал экс-депутат IV Госдумы, административно ссыльный Григорий Иванович Петровский.

26 марта открылся Первый свободный съезд якутов и крестьян Якутской области, который рассмотрел вопросы подготовки к выборам в Учредительное собрание и попытался выработать положения о земском самоуправлении. Рассматривалось на съезде положение об инородцах, а также вопросы всеобщего народного образования и уравнения земельных наделов, но все тонуло в митинговом шуме, в высокопарной демагогии.

Поняли это делегаты, когда, вернувшись на места, попытались наладить работу. Выборы новых органов власти происходили болезненно, деятельность выбранных органов осуществлялась с трудом.

Еще шел съезд, когда член Верхоянского окружного КОБ Григорий Охлопков поставил вопрос об антирусском настроении населения Булуна, Кюсюра и Жиганского улуса во главе с Д. И. Слепцовым и Н. Д. Белоусовым.

Спор там разгорелся о самом принципе, по которому следовало проводить местные выборы. Если бы КОБ избирался, как предлагал Охлопков, по корпоративному принципу, в нем оказалось бы девять русских и один якут; если бы выборы были устроены от числа жителей, как предлагал Д. И. Слепцов, в КОБе оказалось бы семь якутов и трое русских.

Неразбериху усиливало наступление лета.

23 мая, как только очистилась ото льда Лена, ссыльная верхушка во главе с Г. И. Петровским, М. И Губельманом и Г. К. Орджоникидзе погрузилась на пароход и покинула опостылевший Якутск.

Максим Кирович Аммосов и другие молодые выпускники кружка «Юный социал-демократ» Минея Израилевича Губельмана без опытного наставника дрогнули, и власть перешла в руки ссыльнопоселенца, правого эсера Василия Николаевича Соловьева.

Ему и пришлось разбираться с письмом, поступившим на имя уехавшего в Петроград Г. И. Петровского.

Двадцать пять русских граждан Булуна жаловались на председателя комитета Д. И. Слепцова. Ему припомнили и то, что после разгона «Союза якутов» он был помилован по личной телеграмме государыни, и то, что он подделал список комитетчиков-якутов. Его обвиняли, что созданный им комитет, состоящий из большинства полуграмотных инородцев, вмешивается в церковные дела и требует ревизии Булунского отделения Якутского благотворительного общества. Заканчивалось письмо призывом защитить русских и некоторых якутов, которым стало опасно жить в Булуне.

4 июля 1917 года председатель Верхоянского КОБ И. Попов сообщил областному комиссару В. Н. Соловьеву, что делегаты схода Верхоянского и Эльгетского улусов разделились на две равные противоборствующие группы, он не может совладать с ситуацией и просит поскорее назначить в Верхоянский округ комиссара.

Через две недели с аналогичной просьбой обратился к В. Н. Соловьеву председатель Булунского КОБа Д. И. Слеп-

цов. Правда, он просил подобрать кандидатуру комиссара Булунского улуса «из подгородних якутов, так как ему ближе будет соприкосновение и введение новых начал среди темной некультурной массы».

Поиски В. Н. Соловьевым грамотного якута, который мог бы как-то влиять на умонастроения русских и якутов Верхоянского, Жиганского, Эльгетского улусов, жителей села Булун и Верхоянска, совпали с появлением в Якутске Алексея Елисеевича Кулаковского, который после окончания учебного года приехал из Бодайбо прямо в революцию...

5

Как справедливо отмечает Л. Кулаковская, ее дед — «единственный из известных якутских интеллигентов, не вступил в ряды ни социал-демократов, ни социал-революционеров, ни федералистов, тем более большевиков».

Надо сказать, что к революции сорокалетний Кулаковский отнесся весьма сдержанно. Никаких связанных с ней иллюзий он не испытывал. Во всяком случае, не осталось текстов, свидетельствующих об испытанном им революционном восторге, не осталось и воспоминаний, свидетельствующих хоть о каком-то подъеме его духа.

«А. Е. Кулаковский глубоко изучил истории человечества, в том числе и историю Великой французской буржуазно-демократической революции, — пишет Л. Р. Кулаковская. — В юности восхищавшийся якобинским террором, как дети восхищаются опасностями и разного рода страшилками, в зрелом возрасте резко изменил свое отношение к террору. Прочитанные им работы Минье и Гейцера по истории Французской революции перечеркнули взлелеянный с молодости образ революции, как великую борьбу “за правое дело”, как процесса, основанного на насильственном свержении “отживших” форм жизни. Внимательно вчитываясь в труды Трачевского, Виноградова, Ковалевского, Лависа и Рамбо и других, он понял, что власть, захваченная насильственным путем, недолговечна, что страшнейшей трагедией для человечества является социальное ускорение, т. е. насильственное изменение мира. Ведь революции на то и революции, что не предполагают эволюционного, естественного развития, а приводят к непредсказуемым, скачкообразным процессам».

Наверное, можно и так объяснить осторожное отношение к революции Алексея Елисеевича Кулаковского. Хотя, конечно, трудно представить, что превращающийся в орла герой его по-

эмы, который заклекотал «каменным нёбом», который раздвинул пространство пятнистой грудью литого металла, который посеял медными крыльями бури, обрел свое всевидение и всеведание в результате чтения трудов Огюста Минье, Эрнеста Лависса или Альфреда Рамбо.

«Свобода» — все чаще, упрямей твердят,
«Революция» — вот неимущие чего ждут,
«Республика» — всюду кричат, и эти слова
Приветствием стали для них.

Речей этих смысл
Недоступен мне, сознаюсь,
Не могу разобраться в них —
Вот какая беда,
Неясен смысл, как говор гусей, —
Вот какая напасть.
Не понял еще призывов я —
Вот что меня тяготит...

Эти слова героя поэмы «Сновидение шамана» о возможном исходе революции были произнесены еще в 1910 году.

Белым пухом всюду поразлетясь,
Бедные люди труда,
Бедствующие всегда,
Безмерно обиженные, они,
Бесстрашно объединяясь,
Борются за правоту...
Но я —
Не знаю, как обернется еще
Непримиримая эта вражда...

По сюжету, после этих слов герой поэмы погружается в дремоту, из которой он будет разбужен «незнакомым испугом», когда бешеного Илбиса дочь, безумная Кустуктай, оседлав перистое облако, «обкаркивая небеса», «ознобно вопя, визжа», начнет зазывать войну «злобной пляской своей».

Если соотнести это погружение в дремоту с реальным временем, то выпадет как раз якутское лето 1917 года, когда большевистская верхушка отбыла из Якутска в столицу и Якутск на время как бы погрузился в дремоту.

Откровенная аполитичность Кулаковского вполне соответствовала этой дремоте.

Эсер В. Н. Соловьев мотивировал свой выбор кандидата комиссара Булунского улуса еще и тем, что Кулаковский владеет языком местных жителей и хорошо знаком «с условиями жизни населения северного района».

В телеграмме, посланной в Петроград в МВД Временного правительства, Соловьев сообщил: «Считаясь необходимос-

тью присутствия Булуне настоящее время Комиссара и пользуясь случаем возможного проезда только пароходе отправляющемся Булун последним рейсом я назначил впредь утверждения Правительством особого комиссара правах окружного заведования указанной частью Верхоянского округа возложив исполнение обязанностей на учителя высшего начального училища Алексея Кулаковского происходящего инородцев хорошо знакомого условиями жизни населения северного района области. Представляя изложенном усмотрению прошу утверждения Кулаковского должности Булунского Окружного Комиссара последующем телеграфировать».

Как и при назначении в Вилюйское училище пять лет назад, А. Е. Кулаковский назначался комиссаром Булунского округа с приставкой «и. о.».

«Назначается, впредь до утверждения Временным правительством, гражданин Алексей Елисеевич Кулаковский и. о. окружного комиссара Временного правительства в селение Булун Верхоянского округа», — было сказано в приказе № 83, подписанном В. Н. Соловьевым 8 августа 1917 года.

6

После впадения Вилюя ширина Лены, даже там, где нет островов, достигает десяти километров.

Чем севернее течет Лена, тем больше на ней островов и русло ее продолжает расширяться, доходя кое-где уже до 20—30 километров.

Вместе с берегами меняется и растительность. Постепенно появляются карликовые березы, а еще севернее их сменяют низкие и корявые деревья, что сбиваются небольшими кучками по склонам холмов.

Это изломанные пургой и штормовыми ветрами лиственницы...

Считается, что поселок Булун основали бежавшие на Север от эпидемии оспы жители Жиганска, однако место оказалось удобным не только для укрытия от эпидемии, но и для промысла — вокруг удобные для ловли рыбы пески. Селение сразу стало расти, ибо в нем пересеклись торговые дороги на Оленек, Анабар и Хатангу с дорогами на Яну и Индигирку, позволявшие снабжать товарами громадный район побережья Ледовитого океана...[1]

---

[1] В Булуне жил и знаменитый купец Яков Санников, «открывший» в поисках пушнины и мамонтовой кости таинственную Землю Санникова, которая в дальнейшем то исчезала, то снова появлялась на картах.

Здесь и остановился в 1917 году последний пароход из Якутска, на котором прибыл в Верхоянский округ комиссар Временного правительства Кулаковский.

Вот и «заплыл» Алексей Елисеевич в свое стихотворение, где:

По краям — снега,
В середине — лед,
Сверху — пурга,
Снизу — волна,
Ширь, глубина,
Ветер ревет.

До этой-то ледовитой хозяйки
Дотекла наша Лена-река,
Уткнулась ей за пазуху,
Зашуршала льдинами,
Забурлила, загомонила,
Заговорила издалека...

Здесь комиссару Временного правительства Верхоянского округа А. Е. Кулаковскому предстояло повторить слова героини своего стихотворения...

— Твое ледяное лицо
Девяносто веков заморожено,
Я его оттаять намерена.

Твое прозрачное горло
Семьдесят веков, как обледенело,
Отогреть его я намерена.

Твое замороженное сердце
С девятью ледяными перехватами
Взволновать я намерена...

Правда, воплотить эти слова нужно было в конкретные дела...

Перед отъездом из Якутска В. Н. Соловьев вручил инструкцию и. о. окружного комиссара Временного правительства Верхоянского округа А. Е. Кулаковскому:

«1. На Вас возлагается надзор за исполнением всех законов учреждениями и лицами, виновных в уклонении привлекать к ответственности;

2. Если КОБ уклонится от выполнения требований и законов, изданных Временным Правительством, Вы можете распустить его и предложить населению избрать новый состав;

3. Постановления КОБ, не отвечающие законам Временного Правительства, могут Вами опротестовываться и передаваться на новое его обсуждение;

4. Милиция находится в Вашем подчинении;

5. Вашей задачей должно быть устранение беззастенчивой эксплуатации населения;

6. Вы не должны допускать азартных карточных игр;

7. Обязаны привлекать к ответственности как спиртогонов, так и продавцов спиртных напитков;

8. Вы должны при посредстве милиции оказывать всяческое содействие Правительственным учреждениям;

9. Вы являетесь во вверенном Вам районе Верхоянского округа высшим представителем Временного правительства;

10. Ваша обязанность создать органы местного управления, соответствующие установленным Временным правительством».

Стоит запомнить пункты этого документа, ибо обозначено всё, что требовали от Кулаковского в новой должности...

7

Алексей Елисеевич Кулаковский стал высшим представителем Временного правительства на гигантской — почти миллион квадратных верст — территории, которую занимают сейчас Булунский, Усть-Янский, Аллаиховский, Момский, Жиганский, Абыйский, Верхоянский улусы.

С севера владения Кулаковского граничили с Ледовитым океаном, с запада — с Вилюйским округом, с юга — с Якутским, с северо-востока — с Колымским, с северо-запада — с Туруханским краем, Енисейской губернией.

Кроме Лены по территории округа текли реки Яна и Индигирка, не считая их притоков...

Восемь месяцев в крае стояла зима, на полтора месяца наступала полярная ночь, когда весь край погружался в кромешный мрак.

Средствами сообщения служила летом река Лена, а зимой — Якутско-Верхоянский тракт, по которому с ноября по апрель два раза в месяц ходила почта из Якутска.

Это, так сказать, установочные данные, о которых надобно помнить, размышляя о работе Кулаковского в качестве администратора гигантского по своей территории Заполярного округа.

Символично, что один из первых документов, подготовленных им, датированный 28 августа 1917 года список лиц, пострадавших от прилива Ледовитого океана в устье реки Яны, а через два дня он сообщает в рапорте, что намеревается по первой дороге поехать в Усть-Янск, Казачье, Абый, Аллаиху и Ожогинск.

«На первых порах, — пишет Л. Р. Кулаковская, — он попытался заняться только своими прямыми должностными обязанностями, о которых напоминает Жиганскому КОБ, обеспокоенный их отказом охранять казенные склады: "...моя личная обязанность заключается лишь в том, чтобы следить за законностью действий местных органов"».

В соответствии с этими обязанностями он провел сходы Жиганского, Усть-Янского улусов, собрание жителей села Булун. Организовал КОБы и продовольственные комитеты, милицию во всех улусах и наладил их работу, проводил ревизию дел местных органов власти на предмет их соответствия законам, ранее принятым решениям, опротестовывал постановления КОБ, не отвечающие законам Временного правительства, следил за действиями местных и пришлых купцов и работодателей для устранения эксплуатации населения. Для этого ознакомился с экономическим положением огромного региона.

Посчитав убыток каждого жителя Усть-Янского улуса, нанесенный наводнением у устьев Яны и набегами диких оленей, Кулаковский написал ходатайство комиссару Временного правительства Соловьеву о возмещении убытков пострадавшим.

Сделал анализ цен по Верхоянскому округу на пушнину за 1915—1917 годы для ведения предметного разговора с перекупщиками... Боролся против хищнического истребления пушных зверей, особенно с пришлыми рыбопромышленниками, истребляющими песцов в летнее время. Постарался выполнить и свои должностные обязанности по искоренению азартных карточных игр и привлечению к ответственности спиртогонов и продавцов спиртного. Поставил вопрос перед Соловьевым об укомплектовании Булунского фельдшерского пункта.

Особенности Севера таковы, что упустишь время — не сможешь доставить продовольствие и припасы голодающим людям, так как это можно произвести только по санному пути, да и то, когда не дует пурга. Поэтому, видя бездеятельность местных органов управления, сам взялся за их работу: заключал контракты на перевозку грузов из Булуна до села Казачье и на содержание обывательских станций, занимался отправкой казенных грузов в Верхоянск, Абый, Усть-Яну, Аллаиху, Русское Устье. Организовал ремонт Булунской школы, следил за ценами на товары и охотничьи припасы, возобновил работу тракторов. Лично контролировал переброску и расход продовольствия и охотничьих припасов по округу. Кроме того, много времени отнимали обращения жителей трех улусов по разным вопросам, выполнение поручений областного комиссара. Для выполнения работ по перевозке грузов Кулаковскому надо было искать подрядчиков, потому он в декабре отправился из Бу-

луна через Жиганск на Усть-Яну. По пути знакомился с экономическим состоянием как улусов, так и отдельных жителей, устанавливал станции и заключал подряды на содержание станций и на перевозку грузов.

Разумеется, эффективно управлять таким огромным округом одному человеку, без достаточного штата помощников, было невозможно.

Кулаковский с самого начала говорил, что в округ необходимо прислать еще одного комиссара, который бы находился в Верхоянске.

Об этом он пишет в донесении от 1 ноября 1917 года: «Ныне еду в Булун, где производится сход Жиганского улуса, имеющий длиться до 20-х чисел декабря. В начале января имею ехать в Усть-Янск, где будет сход Усть-Янского улуса. 24 января имею быть в Аллаихе, оттуда поеду на Русское Устье, а потом поеду в Абый. Следовательно, раньше марта не имею возможности попасть в Верхоянск»...

В странствиях по заполярной тундре, в текущих заботах как-то и прошло незамеченным событие, произошедшее в конце октября в Петрограде.

Впрочем, ненамного активнее реагировали на Октябрьский переворот и в самом Якутске.

Только 29 октября 1917 года на правлении культурно-просветительского общества «Саха аймах» была принята резолюция, осуждающая большевиков, и лишь 20 ноября, когда советская власть уже установилась в Иркутске, на объединенном заседании Якутского комитета общественной безопасности (ЯКОБ), городской думы и Совета военных и крестьянских депутатов приняли решение не признавать правительство советской России и образовать Комитет охраны революции во главе с областным комиссаром В. Н. Соловьевым.

Большевики, контролировавшие Якутский Совет рабочих депутатов, провели тогда постановление о снятии Соловьева с поста областного комиссара как «недостойно проявившего себя», но это не нарушило спокойствия в городе.

18—24 декабря 1917 года в Якутске прошло первое Чрезвычайное земское собрание гласных Якутского уезда. Была избрана новая уездная управа во главе с А. Д. Широких. Членами ее стали Р. И. Оросин, М. Ф. Слепцов, Н. Е. Афанасьев.

Собрание высказалось за непризнание советской власти и созыв Учредительного собрания...

Глава вторая

ЯКУТСКОЕ БЕЗДОРОЖЬЕ РЕВОЛЮЦИИ

Сам не пойму,
Почему виденья войны,
Предчувствия бедствий сжали меня,

Право не разберусь,
Почему же мои
Предзнаменования рвут на части меня.
Почему, не пойму,
Зашлась от боли душа,
Зловещим прозреньем разум объят...

А. Е. Кулаковский.
Сновидение шамана[1]

«Отвечаю на 332 №. Вследствие обещания господина Областного Комиссара я был уверен, что в Верхоянск будет назначен второй комиссар Временного Правительства.

Потому я распределил время так, что в течение декабря, января и первой половины февраля должен быть в Булуне, Усть-Янске, Аллаихе, Русском Устье, Абые, о чем жители уже оповещены повестками.

К тому же Верхоянский Комитет почему-то нашел нужным искать подрядчиков по доставке казенных грузов чрез мое посредство, вместо того, чтоб самому открыть торги в городе Верхоянске, согласно поручения начальства. Отказаться мне от этого дела нельзя, ибо необходимо дорожить временем. До половины января я занят поисками подрядчиков», — писал комиссар Верхоянского округа А. Е. Кулаковский Верхоянскому КОБ 12 декабря 1917 года.

«Ссылка Комиссара (Кулаковского) на то, что Комитет нашел нужным искать подрядчиков через его посредство, неправильна: Комитет перевел только деньги на передвижение грузов в его адрес, не зная, куда их отправить, и вольно ему было лично искать подрядчиков»... — доносили в ответ сотрудники Верхоянского КОБ якутскому областному комиссару в докладной от 27 декабря 1917 года.

Это всего два касающихся А. Е. Кулаковского документа из множества, что гуляли по Верхоянско-Булунскому и Якутско-Колымскому трактам зимой 1917/18 года.

[1] Перевод С. А. Поделкова.

1

Надо сказать, что в Якутском Заполярье у Кулаковского начинается самый загадочный период его жизни.

Обстоятельно проанализировав документы, связанные с работой Кулаковского в качестве комиссара Временного правительства, его биограф Г. П. Башарин пришел к таким выводам:

«Во-первых, Кулаковский стал комиссаром Верхоянского округа не по своей воле, не по выбору, а по приказу областного комиссара Соловьева. В августе 1917 г. он сразу не смог отказаться от исполнения этого приказа и выехал в село Булун. В дальнейшем, в течение 19 месяцев, Алексей Елисеевич, всячески уклоняясь от исполнения обязанностей комиссара, даже не принял дел по управлению Верхоянским округом.

Во-вторых, 11 марта 1919 г. Кулаковский за развал работы, за бездействие, за отказ принять дела управления Верхоянским округом был снят с должности комиссара тем же контрреволюционным областным комиссаром Соловьевым.

В-третьих, 21 марта 1918 г. Областное земское собрание заочно избрало Кулаковского уполномоченным земства по Верхоянскому уезду. Алексей Елисеевич не работал и по линии земства. В письме от 30 января 1919 г. он отказался от должности уполномоченного земства по Верхоянскому уезду, признавая себя частным лицом.

В-четвертых, 31 марта 1919 г. Областная земская управа за бездействие и за отказ сняла Кулаковского с должности уполномоченного земства, при этом лишила его трехмесячного жалованья.

В-пятых, с августа 1917-го по март 1919 г., т. е. на протяжении всего периода пребывания в должностях комиссара и земского уполномоченного, Алексей Елисеевич не сделал ни печатных, ни устных выступлений, в которых бы отражалось его положительное отношение к эсеровско-колчаковской власти. Даже самые резкие критики до сих пор не могли найти ни одного документа о публичных устных и печатных выступлениях, которые бы охарактеризовали Алексея Елисеевича как сознательного и активного сторонника этой власти[1]. Тот факт, что Кулаковский, будучи комиссаром и уполномоченным зем-

[1] Это не совсем верно. 20 марта 1918 года А. Е. Кулаковский подписал «Приветствие Якутскому Областному Совету», в котором говорилось, что «мы, улусные делегаты Верхоянского округа, Якутской области в бывшем своем окружном съезде, состоявшемся в 1918 г. 19 марта, обсудив вопрос “О большевизме и Якутском Областном Совете”, считаем большевиков за неверных сынов своей Родины, как в России, так и Сибири, которые своими насильственными действиями и неправильной деятельностью привели Родину к самому крайнему упадку».

ства, бездействовал, а под конец отказался от своих должностей, скорее можно объяснить таким же его отрицательным отношением к эсеровско-колчаковской власти, каким было его отношение к царско-тойонскому режиму».

Понятно, что всё это говорилось в те советские времена, когда сотрудничество Кулаковского с Временным правительством и белогвардейскими властями становилось непреодолимой преградой на его пути к читателю, но, в принципе, аргументируя свою точку зрения, Г. П. Башарин как бы и не отступал от фактов, подтвержденных архивными документами.

Действительно, из доклада уполномоченного Якутского областного земства по Колымскому уезду Леонида Синявина от 24 мая 1918 года мы узнаём, что уже 5 апреля 1918 года Кулаковский отбыл из Верхоянска в Усть-Янск, чтобы оттуда попасть в Булун. Таким образом, в «столице» уезда он пробыл всего два месяца, и для Верхоянского КОБа отъезд его был подобен катастрофе.

Верхоянские кобовцы желали руководить уездом, но никаких навыков в этой работе не имели и крайне нуждались в руководителе, который бы непосредственно отдавал им указания и которого они могли бы легко водить за нос.

Кулаковского это, разумеется, не устраивало.

Соглашаясь занять должность комиссара Временного правительства, он, в полном соответствии с порученной ему инструкцией, считал, что будет выступать лишь контролером, который только в случае крайней необходимости станет вмешиваться в работу местной власти и прекращать ее полномочия.

Члены Верхоянского КОБа пытались переложить ответственность за свои возможные ошибки на Кулаковского, а он считал, что его ответственность в том и заключается, чтобы сделать всех местных руководителей ответственными перед народом.

И тут коса нашла на камень. С. Т. Новгородов во время работы съезда прямо обвинил Кулаковского, что «он только ссылается на декреты и никаких руководящих указаний не дает. Что же действительно не дурно получать в месяц по 450 р. и разъезжать по округу на готовых жирных оленях... Эта должность совершенно лишняя: или он должен быть управляющим округом и нести ответственность за весь округ, или совершенно упразднить...».

Более того...

Когда Алексей Елисеевич решил все-таки уехать, члены Верхоянского КОБа даже предприняли попытку силой заставить его возвратиться в Верхоянск.

«Верхоянская казачья команда посылала за ним особого нарочного на Булун 1 мая, — отметил в своем докладе Леонид Синявин. — Но нарочный со второй или третьей станции вернулся обратно: ехать дальше было нельзя, снег совершенно сошел, и содержатели станции сняли своих оленей».

Всё это подтверждает выводы Башарина, но необходимо тут сделать существенное уточнение. Если Кулаковский и не проявлял необходимой активности или вообще бездействовал, то объяснялось это не столько «его отрицательным отношением к эсеровско-колчаковской власти», сколько всеобщей неразберихой, в которой организовать что-либо было просто невозможно.

Известно, например, что в те годы в Верхоянском уезде началось повальное воровство скота. Распространению этой беды способствовали слухи, будто согласно декрету новых властей всякий, зарезавший чужой скот, не несет ответственности перед законом. Говорили, что в случае задержания вор имеет право выплатить хозяину только стоимость употребленного мяса.

В принципе, если вспомнить о продотрядах, что лютовали в те годы в деревнях Центральной России, распространившиеся в Верхоянском уезде слухи были не такими уж и фантастичными, только ***что*** мог сделать для прекращения этого разорения Кулаковский?

Да, он распорядился усилить охрану города...

Да, он приказал усилить ночные рейды милиционеров...

Да, он распространил объявление о преступности подобных слухов...

Но что это могло переменить?

Л. Р. Кулаковской удалось выявить 114 документов, отражающих жизнь и деятельность А. Е. Кулаковского в 1918 году, и из этих документов видно, что он все-таки предпринимал некоторые попытки наладить деятельность Верхоянского КОБа, осуществив переформирование его.

Сохранились три черновых варианта письма якутскому областному комиссару от 29 января 1918 года, где Кулаковский пишет, что считает незаконными бывший и новый составы КОБ, представленные только делегатами Верхоянска и Верхоянского улуса, что в комитете должны быть и делегаты других улусов и селений.

«С другой стороны, чувствуется здесь настоятельная необходимость в органе, который управлял бы всем Верхоянским

округом, — пишет А. Е. Кулаковский. — Все дела, бывшие ранее под заведованием окружного полицейского управления (Исправника, его помощника и двух заседателей), должны подлежать ведению окружного органа. Никакой орган одного улуса не был бы в состоянии заведовать этими делами».

В этом письме Кулаковский просил разрешить провести съезд делегатов Верхоянского округа, на котором можно будет определить права, обязанности и функции будущего окружного комитета. Кулаковский просил также выслать копию с устава Якутского окружного КОБа и ходатайствовал о выделении денежных средств, необходимых для содержания будущего органа...

Однако и эти выборы, что провел Кулаковский в Верхоянске, не могли принципиально улучшить ситуацию в Заполярье.

5 апреля 1918 года, категорически отказавшись принять на себя руководящую роль в Комитете общественной безопасности, он выбыл из Верхоянска в Усть-Янск.

В записях о поездках в первой половине 1918 года Кулаковский отметил: «Булун — Верхоянск — Усть-Яна — Булун — на оленях — 2300 верст. Из Булуна Верхоянск и обратно — на оленях — 1800 верст».

Что представляли собой эти дороги, он рассказал в письме, написанном летом 1918 года. «На восточной половине округа есть пути, которым присвоены, за неимением подходящих терминов, громкие названия “трактов”, — писал тогда Кулаковский. — Но тракты эти во сто крат хуже проселочных дорог, так как колея от нарт и следы оленей ежедневно заметаются пургой, расстояния между станками огромнейшие — от 80 до 270 верст. Езда же по западной половине округа и по всему побережью сопряжена с опасностью для жизни: путнику приходится ездить без компаса, без звездного неба, в непроглядную трехмесячную ночь, во время безостановочной пурги, сваливающей с ног пешехода и мешающей разглядеть оленей на расстоянии одной сажени... Ехать приходится исключительно по цельному снегу, ехать наугад, по тундре...»

2

Когда мы говорили о письме «Якутской интеллигенции», написанном Кулаковским в 1912 году, мы упоминали, что возникло оно не на пустом месте, что еще с конца XIX века предпринималось немало попыток определить пути развития якутского народа, найти место интеллигенции на этом пути.

«Сейчас наступило время говорить в полный голос о народниках, об их героических деяниях и идейном влиянии на

местное население, на конкретных лиц в местах невольного их пребывания, — пишет Е. Алексеев. — Сотни народников, являющиеся передовой интеллектуальной силой русского общества и сосланные в якутскую ссылку (57 проц. из них были люди с высшим образованием), сделали много добра, сеяли передовую русскую мысль, культуру, открывали свои школы, занимались научным изучением края, населения, их хозяйства. Молодые, одаренные от природы якуты Кулаковский, Софронов, Неустроев, Николаев, Ксенофонтовы, Никифоров, Новгородов, Егасов, Оросины, Слепцовы, Ефимовы, Борисовы и другие впитывали их идеи и мысли, дружили со многими из них».

Воспринятые от ссыльных народников[1] земские идеи звучали в письмах и статьях Е. Д. Николаева и В. В. Никифорова, но только после Февральской революции, после отъезда большевиков из Якутска появилась возможность наполнить этими идеями властные решения. Теперь уже не в теориях, а в реальной жизни надо было определять пути развития якутского народа, искать место интеллигенции на этом пути.

После Октябрьского переворота, ареста Временного правительства и срыва созыва Учредительного собрания в Якутске, в целях защиты демократических завоеваний Февральской революции, был создан Комитет охраны революции во главе с областным комиссаром В. Н. Соловьевым, а в целях организации местного самоуправления — Областная земская управа.

Возглавил ее Василий Васильевич Никифоров, тот самый, в пьесе которого Алексей Елисеевич Кулаковский сыграл главную роль в 1906 году.

В ответ на требование НКВД РСФСР о смещении Соловьева с поста областного комиссара и назначении на эту должность К. Е. Андреевича 22 февраля 1918 года был образован областной Совет, объявивший об отделении Якутии от советской России.

Местная организация РСДРП устроила в ответ политическую стачку, выдвинувшую требования передать власть Совдепу.

Чтобы избежать беспорядков, областной Совет 28 марта арестовал всех членов исполкома Совдепа. Большевики ушли в подполье. Скоро за открытую большевистскую агитацию был арестован и Максим Аммосов.

---

[1] «Никого из прежних стариков "политических" не осталось в области, — писал в свое время А. Е. Кулаковский Э. К. Пекарскому. — Взамен их наслали какое-то безграмотное барахло; хоть и жаль нам прежних стариков, этих передовых борцов за справедливость, но делать нечего».

21 марта 1918 года Областное земское собрание заочно пятнадцатью голосами против четырех избрало Кулаковского уполномоченным земства по Верхоянскому уезду.

Кулаковский получил персональное приглашение сыграть в новой якутской пьесе Никифорова.

Однако Алексей Елисеевич от участия в пьесе уклонился.

«Можно задать вопрос, а не продолжал ли Кулаковский работать комиссаром "Областного совета" в селе Булун? — патетически спрашивал Г. П. Башарин, и сам же отвечал себе: — Нет, не продолжал. Уже летом 1918 года на Булуне начал работать М. Калугин в качестве комиссара низовья реки Лены. 10 ноября того же года он представил областному комиссару Соловьеву обширный доклад об экономическом и политическом положении севера Якутии. В этом докладе Калугин обвинил Кулаковского в бездействии с самого начала его назначения, то есть с августа 1917 года, в уклонении от исполнения своих обязанностей, приказов и распоряжений "Областного совета". Говоря о развале работы, он пишет: "...а уполномоченный якутского губернского земства г. Кулаковский, который должен бы был устроить это дело, продолжает делать никому не нужные поездки по колымским и якутским (округам), уклоняясь таким образом от своих обязанностей и возложив их на других"».

Впрочем, были и другие причины, обусловившие исчезновение Кулаковского еще из пролога «земской» пьесы...

28 мая 1918 года из Иркутска выступил экспедиционный отряд под командованием Апполинария Сигизмундовича Рыдзинского, костяк которого составляла польская рота. В Качуге поляки погрузились на пароходы и баржи и продолжили свой путь к Якутску по реке. 23 июня отряд прибыл в Витим, откуда командир направил в Якутск ультиматум. Соловьев и Никифоров отказались подчиниться, и 1 июля 1918 года Якутск был взят штурмом[1].

Рыдзинский провел в городе ряд расстрелов и наложил контрибуцию на население в размере полутора миллионов рублей.

3

Не трудно представить, что чувствовал, как ощущал себя Алексей Елисеевич Кулаковский летом 1918 года.

Стоял полярный день. Солнце не заходило ни днем ни ночью.

---

[1] Любопытно, что в обозе отряда А. С. Рыдзинского прибыл в Якутск и Платон Слепцов (Платон Ойуунский).

Шла летняя путина. Темно-синие омули толпились с громоздящимися, как молодые бычки, многопудовыми тайменями.

Все было как в поэме А. Е. Кулаковского:

Икромечущих
В тихих заводях убаюкивая,
Молоками брызжущих
В глубоких омутах приголубливая.

Новорожденных мальков
В теплых водах воспитывая,

Бока их окрашивая
В серебристый цвет,
Брюшка разукрашивая
В золотистый цвет,

В чешую одевая,
Быстротой наделяя,
От истоков реки до устья реки
Собрала я их несметные косяки.

Подтянула сюда лавинами
И к тебе, словно войско, двинула.

Но 6 июля 1918 года из Якутска вышел пароход «Лена» с вооруженным отрядом на борту. Перед возглавлявшими отряд комиссарами П. П. Кочневым и А. Акуловским была поставлена задача: установить в Булуне советскую власть и собрать с жителей контрибуцию.

Так комиссары и поступили.

Приехав в Булун, они арестовали милицию и местную власть, реквизировали продовольственные товары и конфисковали у местных жителей более десяти тысяч песцовых шкур, не считая другого личного имущества булунцев.

По злой иронии нашествие отряда П. П. Кочнева совпало с другим страшным бедствием. Со 2 по 14 июля Верхоянский улус постигло беспримерное по размерам наводнение, буквально опустошившее и улус, и город Верхоянск, жители которого едва успели уйти в горы. Но имущество — склады продуктов, масса скота — погибло, а дома и юрты были снесены или испорчены...

Происходящее как-то поразительно точно напоминало картину, нарисованную Кулаковским в «Дарах реки»:

А бабушка начала поднимать валы,
А бабушка заревела из белой мглы,
Девять дней и девять ночей
Бушевала, бурлила и бесновалась,
Льдами гремела, пургой бросалась,
Лязгала,

Грохотала и скрежетала,
На десятый день
Успокоилась мало-мало,
На дочь свою подняла грозные очи,
Заговорила словами,
Тяжелыми, словно льдины:

— Видишь мои седины?
Со времени сотворения мира
Держу я нерушимую клятву
Бороться
Против светло-белого солнца
Да против ничтожных двуногих существ.
Тем велика я
И тем известна.

Как явствует из показаний комиссара-большевика Акуловского, в Булуне они не нашли уполномоченного земства по Верхоянскому уезду Кулаковского.

«По приезде моем в с. Булун комиссара Винокурова и Верхоянского Окружного комиссара Кулаковского в Булуне я не застал, — показывал Акуловский на допросе. — Кулаковский скрылся, а Винокуров находился на песках... Делопроизводство комиссара Кулаковского мною было принято от письмоводителя Д. И. Слепцова, ныне живущего в Якутске»...

4

Куда скрылся Кулаковский, догадаться нетрудно, если вспомнить, что наводнение началось за четыре дня до выхода из Якутска парохода «Лена» и Алексей Елисеевич Кулаковский о падении Якутска и готовящемся походе на Булун знать не мог, а вот о наводнении уже был наслышан.

Из сохранившихся документов явствует, что Кулаковский летом 1918 года «имел у себя 40 000 р. наличных денег. Можно было г. Кулаковскому, спасшему более 10 000 руб. денег, жить на Омолое[1] до установления санного пути и заботиться подряжением грузов, и вовремя придвинул груз, и может быть спас свой округ от голодовки».

Видимо, узнав о наводнении, Алексей Елисеевич взял десять тысяч рублей из имевшихся в наличии 40 тысяч рублей и отправился в пострадавшие районы[2]. Как именно организовывал он помощь, мы не знаем, но что-то Кулаковский, оче-

[1] Река на севере Якутии, текущая вдоль хребта Куляр и впадающая двумя протоками в губу Борхая моря Лаптевых.

[2] Если бы А. Е. Кулаковский бежал от большевиков, он, очевидно, попытался бы спасти от разграбления все казенные деньги и не стал бы ограничиваться спасением только четвертой части их.

видно, сумел сделать, если все-таки «спас свой округ от голодовки».

Спасая других, Кулаковский спасся и сам от большевистской расправы.

Все-таки он был самым главным представителем антибольшевистского Якутского областного совета, объявившего о своей независимости, и расстрелять его могли, так сказать, по должности...

Еще одно доказательство тому, что Кулаковский покинул Булун, не зная ничего о приближающейся на пароходе «Лена» опасности, мы находим в письме М. Калугина от 26 октября 1918 года, в котором тот пишет Кулаковскому: «Что касается Ваших рукописей, то таковых я совершенно не видел и не знаю, где они находились, но насколько я слышал, они также отправлены в Якутск».

Рукописи свои Алексей Елисеевич считал самым главным своим имуществом и конечно же, если бы бежал от красных, обязательно захватил бы их с собой.

Но он не бежал, просто выезжал в район, пострадавший от наводнения, и естественно, что не стал подвергать рукописи ненужному риску...

Власть поляков-большевиков продержалась в Якутске чуть больше месяца.

23 июля в Омске было создано Временное Сибирское правительство и власть Совдепа пала в Сибири от Урала до Дальнего Востока.

Наводить порядки в Якутии отправили поручика Михаила Ильича Гордеева. 5 августа он предъявил ультиматум Якутского Совдепа и 31 августа 1918 года власть в Якутске снова вернулась к Василию Николаевичу Соловьеву, ставшему теперь управляющим Якутской области Временного Сибирского правительства.

Около трехсот активистов советского движения были заключены в тюрьму. Многих из них (в том числе и вилюйского ученика Кулаковского Исидора Никифоровича Барахова) вывезли в Иркутск, многих — расстреляли.

По всей области создавались инородческие управы во главе с улусными головами в улусах и князьками в наслегах. В Якутске создали Якутский национальный комитет. Во главе его встал старый знакомый Кулаковского — председатель Якутской областной земской управы Василий Васильевич Никифоров.

Сама собой пала советская власть и на Булуне.

Почему Кулаковский сразу не вернулся к месту службы, объясняется достаточно просто. Долго не было никаких известий о произошедших переменах, какое-то время требовалось на сборы в дорогу и завершение дел, связанных с помощью пострадавшим от наводнения, и, наконец, на обратном пути Алексей Елисеевич Кулаковский... заблудился.

«Во всех документах самого Кулаковского и "разоблачающих" его бездеятельность в августе и сентябре, — пишет Л. Р. Кулаковская, — нет никаких ссылок на его многодневное блуждание по тундре и в горах, что он, после длительной голодовки, чудом остался в живых, благодаря умелому лечению и ухаживанию нашедших его около Налган-Быя эвенков.

Они же доставили его бесплатно сперва 50 верст до Хара-Улаха, затем 60 верст до океана на пяти оленях. Далее на двух ветках по океану 80 верст его вез Гавриил Начаан. У Христофора Стручкова А. Е. Кулаковский жил 15 дней, и он же доставил 50 верст до реки Омолоя».

Возможно, именно об этой дороге и вспоминал Алексей Елисеевич Кулаковский, когда рассказывал о своих странствиях Николаю Чисхану.

«Я не раз слышал увлекательные рассказы Кулаковского о его странствованиях по безлюдным местам, — пишет он. — Одно время он проживал недалеко от устья Лены, возле Ледовитого океана. Осенью из селения Булун решил отправиться в дальнее путешествие по тундре. Дороги он не знал и взял проводником знающего эти места человека — храброго, необычайно выносливого, как говорится, "с тремя остриями, четырьмя гранями".

Шли они много дней, продукты кончились. А до конца пути было еще далеко. Усталые и голодные, они по вечерам стали собирать олений мох — ягель, заваривали его в котелке и так ужинали.

Однажды у подножья небольшой голой сопки набрели на покинутый эвенами шалаш. Возле него нашли оленьи нарты. Содрали с них ремни и положили в котелок. Сварили как следует и съели. По расчету проводника, где-то в этих местах кочевали эвены.

Утром отправились в путь в надежде встретить их. Шли целый день, а вечером снова сварили олений мох. Эвенов они так и не обнаружили. У подножья сопки снова наткнулись на небольшой шалаш и брошенные оленьи нарты.

Стали шарить, искать чего-нибудь съедобного. Но нарты были уже кем-то дочиста ободраны. И вдруг они поняли, что, проблуждав целый день по тундре, по голым сопкам, вернулись к месту своего предыдущего ночлега.

От досады и горя они едва не лишились рассудка. С нарт содрали остатки кожаных веревочек, смешали их с мхом, сварили.

А рано утром снова побрели по тундре. Шли долго и к вечеру вернулись на то же самое место. На этот раз они без сил рухнули на голый мох и заснули. На другое утро снова двинулись в путь, а к вечеру, обессиленные, отчаявшиеся, опять вернулись к тому же месту.

"Нет, себе я не враг. Завтра встречь солнца пойдем. Возвращаемся домой!" — заявил проводник.

Что было делать! Алексей Елисеевич отправил с товарищем по несчастью записку своим знакомым. В ней было сказано, что он отпустил проводника, блуждавшего с ним по тундре, и, что бы ни произошло, пусть с этого человека не взыскивают.

Утром они двинулись в разные стороны. Кулаковский шел мучительно долго. Закатилось солнце, настала ночь, а он все продолжал путь, понимая, что если заснет, то больше уже не встанет. И все шел и полз вперед вдоль подножья невысокой горной цепи. Ночь миновала... "Спотыкаюсь, падаю. Решил передохнуть, сел на камень. И вдруг... Может, это мираж?.. Глазам своим не верю. Едут верхом на оленях. Приблизились. Да, это были эвены-охотники!»[1]

5

Людмила Реасовна Кулаковская считает, что в ее деде была сильно развита якутская привычка не придавать значения экстремальным ситуациям в пути.

«Видимо, потому, — говорит она, — такой опытный путник, как Кулаковский, вообще счел зазорным заблудиться и, считая, что это только его проблемы, предпочел в своих докладных об этом не информировать».

Надо сказать, что поначалу и ближайшие сподвижники Кулаковского по руководству Верхоянским уездом спокойно отнеслись к дорожному происшествию и никакого осуждения по поводу «пропажи» Кулаковского не высказывали.

Это потом, когда была назначена комиссия подпоручика Н. П. Шерлаимова, бывшие сподвижники начали «топить» Алексея Елисеевича и комиссар низовья реки Лены М. Калугин обвинил Кулаковского в бездействии с самого начала его

[1] *Чисхан Н.* На земле Ючюгея. М.: Современник, 1987. С. 45—46.

назначения, то есть с августа 1917 года, в уклонении от исполнения своих обязанностей, приказов и распоряжений областного Совета.

Говоря о развале работы, он писал, что «уполномоченный якутского губернского земства г. Кулаковский, который должен бы был устроить это дело, продолжает делать никому не нужные поездки по колымским и якутским округам, уклоняясь таким образом от своих обязанностей и возложив их на других».

Разгневавшись на Кулаковского, М. Калугин сваливает на него даже вину за наводнение, опустошившее Верхоянский уезд. Главной причиной прекращения рыбного промысла в селе Казачьем он называет не наводнение, а «переполох населения, произведенный в Усть-Янском улусе бежавшим от большевистского движения с Булуна комиссаром Кулаковским, который, прибыв в Казачье, не только не принял никаких мер к успокоению населения, но своим бегством и сообщениями о происходивших событиях в Якутске через других настолько перепугал население, что оно, побросав свои обычные работы, невода и сети, также вынуждено было бежать».

Между прочим, эту клевету на Алексея Елисеевича Кулаковского использовал и как бы даже развил Башарин. Руководствовался он при этом, разумеется, наилучшими намерениями — необходимо было защитить Кулаковского от обвинений в сотрудничестве с Временным правительством.

Башарин прямо написал, что «весь период пребывания в должностях комиссара и уполномоченного земства Алексей Елисеевич использовал на научно-исследовательские цели, на сбор этнографических и исторических сведений о населении севера, на изучение фольклора, диалектов якутского языка, на сбор сведений об усвоенных якутами русских слов. Этим объясняется то, что с августа 1917 г. по июль 1919 г. Кулаковский путешествовал по разным населенным пунктам Верхоянского и Колымского округов».

Воистину, замощенная благими намерениями дорога не меняет с годами своего направления.

Кулаковский никогда не относился к порученной работе как к некоей синекуре. Он мог совершать ошибки, не всегда умел соразмерить свои силы, но он всегда честно относился к делу, которое брался исполнить. Приняв на себя ответственность за Верхоянский уезд, Кулаковский просто не мог забыть про нее и заняться собственными литературными трудами.

Доказывать это нет нужды.

Достаточно просто перечесть предисловие к сборнику «Якутские пословицы и поговорки», чтобы понять это.

«Разъезжая по разным делам в течение 25 лет по всей Якутии, я записывал слышанные пословицы во всех уездах и улусах ее, — писал Кулаковский в этом предисловии[1]. — ***К своим записям я прибавил 20 пословиц из Верхоянского сборника Худякова*** и из записок баягантайцев Н. Д. Неустроева и Ф. С. Андросова, предоставленных в распоряжение Литературно-переводческой комиссии при Якутском Наркомпросздраве, выбрал 50 пословиц и поговорок из 350, так как остальные 300 оказались записанными уже мною. Таким образом, у меня накопилось около 960 пословиц и поговорок и около 110 вариантов к ним. Материал этот я сдал в Совет Якутской Письменности, который и задался целью издать его на свои средства.

Касательно отбора поговорок мне приходится сознаваться, что я не записывал тех из них, которые казались мне менее значительными и бесцветными по своей конструкции.

При собирании пословиц и поговорок меня поразил один факт, именно: все записанное мною распространено по всей Якутии замечательно равномерно, ***исключая только Колымска, Усть-Янска и Жиганска, где язык поэзии забыт***».

Обратите внимание на выделенные нами утверждения Кулаковского...

Информация, что именно верхоянский раздел сборника Кулаковский решил дополнить записями Худякова, говорит о многом.

Как рассказывал он в этом же предисловии, у него был свой метод сбора пословиц.

«Желая проверить толкование пословиц и в надежде услыхать какую-нибудь новую пословицу, я читаю какому-нибудь семейству свои прежние записи. Во время чтения возбуждается интерес в слушателях и кем-нибудь по ассоциации идей припоминается какая-нибудь пословица. То же происходит со вторым, с третьим... А я из вновь услышанных отбираю новое для меня».

Метод хороший, но трудоемкий, отнимающий немало времени, и воспользоваться им во время работы комиссару Верхоянского округа не всегда получалось.

Поэтому, наверное, и не удалось Алексею Елисеевичу расслышать ***язык поэзии*** ни в Жиганске, ни в Усть-Янске...

6

Зима с трескучими морозами длится в Верхоянске почти восемь месяцев, а на полтора месяца наступает полярная ночь.

В этот погруженный в кромешный мрак округ и приехал в

---

[1] *Кулаковский А. Е.* Научные труды. Якутск: Книжное издательство, 1979. С. 102—106.

начале декабря 1918 года помощник областного комиссара подпоручик Н. П. Шерлаимов.

Человек это был, по убеждению одних, молодой, чистый, горячий. Другие считают его демагогом и хапугой. Судить, кто прав, по недостатку фактов трудно, но сохранились тексты выступлений и рапортов самого Шерлаимова, и они тоже дают какое-то представление об этом человеке...

«Наша прекрасная Сибирь сбросила иго разбоя большевизма, но она разорена и долг каждого из нас приложить труд свой в строительстве новой государственной жизни! — говорил Н. П. Шерлаимов. — Помните: нет страны более чудесной, чем наша холодная, родная Сибирь!»[1]

От Шерлаимова и узнали в заполярной Якутии, что Временное всероссийское правительство во главе с эсером Николаем Дмитриевичем Авксентьевым распущено и теперь главный человек в России — верховный правитель Александр Васильевич Колчак.

Дрожащим от волнения голосом подпоручик зачитал телеграмму, которую отправили Колчаку из Якутска: «Мы нижеподписавшиеся гласные Якутского областного земского собрания II созыва даем торжественное обещание быть верными и неизменно преданными Российскому государству, как своему Отечеству, не щадя жизни своей, не увлекаясь ни родством, ни дружбой, ни враждой, ни корыстью и памятуя единственно о возрождении и преуспеянии государства России. Обещаем повиноваться Российскому правительству, возглавляемому Верховным правителем, впредь до установления образа правления свободно выраженной волей народа!»

Под телеграммой стояли подписи В. В. Никифорова, В. Н. Соловьева, П. К. Антонова, В. М. Диваева, Г. В. Ксенофонтова, М. Ф. Слепцова и др.

Подпоручик Шерлаимов со всей ответственностью отнесся к порученному ему делу. Увиденное в Верхоянске потрясло его...

Здешняя больница вообще не работала.

— Все выздоровели, — заявил фельдшер Аргунов.

— Как это удалось вам достичь таких поразительных медицинских успехов?! — удивился Шерлаимов.

— А куда деваться, если все равно никаких лекарств нет!

Впрочем, лучше всего о своих впечатлениях от Верхоянска рассказал сам Шерлаимов.

---

[1] Якутский областной вестник. 1919. 21 февраля. № 39.

«Когда я приехал в Верхоянск в начале декабря 1918 года, то узнал, что там всем уездом управляет "Комитет Общественной Безопасности"... — писал он в своем отчете. — Организован и выбран Комитет в дни революции, причем выбирал не весь уезд Верхоянска: не было представителей с. Абый, Усть-Янска, Казачьего, Русского Устья, Булуна. В выборах принимали участие жители Верхоянска и прилегающих к нему населенных мест. "Комитет Общественной Безопасности" носил еще одно название — "Охраны революции". Вот этот "Комитет Общественной Безопасности", как его называют в Верхоянске, проявил себя далеко не блестяще как в общественной земской работе, так и в политической жизни.

Комитет, между прочим, упразднил почтового начальника Верхоянска как политически ненадежного человека, принял на себя функцию почтового отделения. Была организована почтовая комиссия. С. Семенов, начальник почтового отделения, корреспонденцию сдал, а деньги — около 20 000 р. — удержал у себя, не доверяя "комитетчикам", что вполне оправдалось позднее.

"Почтовая комиссия" не приняла ни одного почтового отправления и не отправила. Существовала она семь месяцев. В это время начальник почтового отделения С. Семенов был лишен пайка и жалованья, хотели выселить и с квартиры, но раздумали.

"Комитет Общественной Безопасности" у купца Калинкина реквизировал товар, — продал его, но отчетность и распределение товаров сомнительно — больше "руководствовались" "кумовством" и "знакомством". Остатки товара (табак, папиросы, гильзы) хранятся и сейчас в казенном магазине.

Осенью 1918 года Комитет услышал, что идут большевики из Якутска, решил признать советскую власть, принять комиссарство, смягчая советские приходы на местах. В Якутск был послан Аммосов. Но приехав в Якутск, Аммосов рассыпался в признании Временного правительства: большевики в это время были ликвидированы в Якутской области. В то же время, оставшийся член Комитета, начальник милиции Верхоянского уезда, Васильев, вел агитацию, склонял казаков в Красную Армию. Ранее то же делал и Аммосов, — перед своим отъездом в Якутск к большевикам.

Комитет в Верхоянске настолько всех нервировал и запугал, что все, кто мог, увозили свое имущество в уезд, боясь грабежа, именуемого "конфискацией".

Настроение у всех было крайне подавленное. В июле 1918 года — к тому же было небывалое наводнение, разорившее громадную часть Верхоянского уезда — все низкие места были затоплены. Были залиты водой и амбары с хлебом, и все припа-

сы сгнили, так как "Комитет Общественной Безопасности" не принял никаких мер к спасению и просушке затопленного казенного имущества. Амбары были затоплены в июле, а Комитет удосужился открыть их только в августе, когда мука загнила, появились уже черви.

Полагаю, что Комитет Общественной Безопасности подлежит привлечению в судебном порядке за небрежное, преступное хранение казенного имущества. Подлежит он законной ответственности и за "утопление" денег в сумме 25 855 р. 89 коп. Из показаний ясно, что денег в лодке, в момент падения в воду Новгородова и Слепцова, — не было.

Растерянность, разрозненность в Верхоянске меня очень поразила. Я был в нем в начале декабря 1918 года. Это был какой-то необычайный город, или, вернее, кладбище, где нет никаких желаний и стремлений. Мной был распущен "Комитет Общественной Безопасности" и назначена временная Верхоянская комиссия для принятия дел, имущества и отчетности от Комитета Общественной Безопасности, — для приведения в наличность всего и передачи управляющему уездом, когда он прибудет в Верхоянск.

Временная комиссия должна будет сделать всю тяжелую, черновую работу по проверке имущества, что она выполнила вполне хорошо и быстро. Председатель Гр. П. Охлопков, члены Ив. Н. Горохов, казак Третьяков и фельдшер Аргунов. Теперь в комиссии: Охлопков, Горохов, С. Семенов (нач. почт.), Третьяков (мной временно назначен начальником Верхоянской милиции). Фельдшер Аргунов просил освободить его от членов комиссии, что я и сделал.

Эта комиссия выяснила, что если начальником почтового отделения С. Семеновым были бы выданы имеющиеся у него на руках 20 000 р., то и эти деньги "утонули" бы с одинаковым успехом, как и бывшие в кассе Комитета 25 855 руб. 89 коп. Теперь С. Семеновым 20 000 руб. разосланы по назначению. С. Семенов восстановлен в правах, которых его лишил "Комитет Общественной Безопасности".

Второе дело по продовольствию. Я получил данные, что груз — около 7000 пудов, предназначенный для Верхоянского уезда и С.-Колымского, лежит на Булуне. Денег в Верхоянске нет — в кассе минус, все утоплено. Я просил Вас сообщить земству, чтобы оно выслало необходимые для перевозки 20 000 руб.; если же нет денег у земства, то разрешить мне сделать заем у местных купцов от имени казны под залог доставленного хлеба»[1].

---

[1] ГАИО. Ф. 609. Оп. 1. Д. 55. Л. 1—11. Печатается по публикации П. Конкина в журнале «Илин» (2001, № 3—4).

Распустив Комитет общественной безопасности и создав Временную верхоянскую общественную комиссию для принятия дел, имущества и отчетности от ликвидированного комитета, подпоручик Шерлаимов уехал в Средне-Колымск.

По расчетам Шерлаимова комиссар Кулаковский, прибыв в Верхоянск, должен был принять от комиссии все дела по управлению округом и приступить к исполнению своих обязанностей.

Кулаковский в Верхоянск приехал уже после отъезда поручика Шерлаимова в Средне-Колымск. Приехал он из Якутска, где хлопотал об установлении трех новых станций по Усть-Янскому тракту, открытии до устья Оленька зимнего тракта, о принятии на счет земства Булуно-Кюсюрского перевоза, а также о строительстве на Кюсюре двух складов для продовольствия, привозимых восточным улусам; об открытии в Аллаихе одноклассного училища.

Он добился в Якутске выделения 300 рублей для приобретения одежды для караула и 20 тысяч рублей на удовлетворение содержателей станций Верхоянского уезда.

Хлопотал Кулаковский и о возмещении ему расходов, которые понес он осенью 1918 года, и попросил разрешения на покупку для собственных нужд муки, мануфактуры, мыла, табака и сахара. К рапорту он приложил смету своих расходов, из которой видно, что за время службы в Верхоянском уезде не получал никакой зарплаты.

Л. Р. Кулаковская, изучив документы, относящиеся к времени пребывания деда в Якутске, пришла к выводу, что Алексею Елисеевичу хотелось «самому понять суть происходящих в то время политических событий в России и Якутии», «разобраться в полномочиях и функциях органов государственной власти в Якутии: Областного Совета и Земской управы».

«Отсутствие директивных и руководящих документов по управлению огромным округом в течение 10 месяцев, фактически с времени избрания его земским уполномоченным, свидетельство бездеятельности, нежизнеспособности, кратковременности данных органов власти. О чем деликатно подметил в своем рапорте Кулаковский, вынужденный работать на своих должностях, как он считал нужным, и “где тяготит более”, как писал Управляющему Верхоянским уездом».

Добиться какой-либо определенности не удалось.

Да и невозможно было сделать это в той общественно-политической ситуации, что сложилась в Сибири вообще и в Якутии в частности во времена верховного правления Александра Васильевича Колчака, поскольку никакой определенности тогда просто не существовало.

Три дня созданная Шерлаимовым комиссия пыталась принудить комиссара и земского уполномоченного Кулаковского «принять дела округа».

Но Алексей Елисеевич и на этот раз отказался принимать дела. 18 января 1919 года он уехал в Абый, а оттуда — в Якутск.

7

Интрига, связанная с отрешением Алексея Елисеевича Кулаковского от должности комиссара по Верхоянскому округу и уполномоченного земства по тому же округу, достаточно проста и бесхитростна.

Вероятно, Кулаковский смирился бы с тем, что задача его не только в контроле местных начальников, но и в непосредственном руководстве краем. Сделать это было тем легче, что Кулаковский и так с первых дней своего комиссарства занимался практической работой. Оказание помощи селениям Верхоянского улуса, пострадавшим от летнего наводнения, — достаточно яркий пример этой работы.

Однако теперь он уже совершенно точно понял это, ему предстояло не руководить, а только делать вид, что руководит, поскольку никакой реальной помощи область населению округа оказать не могла.

29 января 1919 года уполномоченный земства по Верхоянскому округу Кулаковский доложил в Якутске о состоянии Колымского тракта и внес предложения по экономии средств на его содержание, сообщив о необходимости своевременной выплаты служащим задолженности по зарплате. Подчеркнул, что такие задержки «сильно дискредитируют в глазах населения репутацию земства».

На следующий день Кулаковский написал письмо на имя помощника областного комиссара подпоручика Н. П. Шерлаимова, заявляя, что не считает себя уполномоченным земства и 1 июля вовсе оставит службу. В этом же письме Алексей Елисеевич просил Шерлаимова учредить в Верхоянске «постоянный орган управления за счет казны и сдать ему все дела и имущества казенные и земские».

Через полторы недели, 11 марта 1919 года, появился приказ № 45 областного комиссара В. Н. Соловьева. Алексей Елисеевич Кулаковский снимался с должности комиссара за бездействие[1], а на его место назначался В. Т. Гончарук, окружной

[1] В журнале Третьего чрезвычайного якутского областного земского собрания помещены результаты голосования по поводу увольнения А. Е. Кулаковского за бездеятельность. Голосовали: семь — «за» и семь — «воздержались».

агент «Холбоса»[1]. «Временное исполнение обязанностей управляющего Верхоянским уездом, впредь до прибытия Гончарука, было возложено на председателя временной Верхоянской уездной комиссии Григория Петровича Охлопкова».

Нужно учесть, что В. Т. Гончарук уже назначался на должность комиссара заполярной Якутии.

Назначение это было сделано еще 23 мая 1918 года покидавшим Якутск Г. И. Петровским, однако согласно телеграмме Д. М. Щепкина, товарища министра внутренних дел, фактически возглавлявшего тогда МВД, выяснилось, что В. Т. Гончарук числился осведомителем, и его кандидатуру пришлось заменить на Кулаковского.

Теперь в 1919 году от Временного правительства не осталось следов даже в отдаленных районах Сибири, и с мнением товарища бывшего министра внутренних дел бывшего правительства можно было уже не считаться.

31 марта 1919 года на заседании Областной земской управы было принято постановление: «Внести в земское собрание доклад о создавшемся положении в связи с заявлением уполномоченного Кулаковского об оставлении им своей обязанности и с выражением согласия управляющего Гончарука о временном совмещении обязанностей уполномоченного впредь до новых выборов».

Возможно, бывший агент охранки, успевший к тому же поработать окружным агентом «Холбоса», и сумел бы более успешно, нежели Кулаковский, организовать жизнь заполярной Якутии...

Но не так уж много и оставалось времени до того часа, когда в ночь с 14 на 15 декабря 1919 года военный гарнизон, распропагандированный большевиками, совершит переворот в Якутске...

В. Н. Соловьев и В. В. Никифоров будут арестованы, и что мог сделать за этот срок В. Т. Гончарук, что мог изменить, тоже неясно...

Осталась только переписка управляющего Верхоянским уездом В. Т. Гончарука с Якутской земской управой о выдаче бывшему земскому уполномоченному Кулаковскому жалованья. Обсудив эту переписку на заседании 26 августа 1919 года, Якутская земская управа постановила «в выдаче заштатного содержания Кулаковскому отказать».

---

[1] Якутский областной союз кооперативов.

Глава третья

УЧИТЕЛЬ НА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Обхватило железом нас
Обручами тремя,
Ужасно окован наш
Угасающий ум
Неужели в тяжкий момент
Отчаянная беда
Обрушится прямо на нас,
Обречет на несчастье всех?
Неужели в лихой этот срок,
Когда свет наших мыслей смерк,
Когда разум наш заключен,
Кажется, в шестикратный обвив змеи,
Крошечное счастье саха
Могут отнять у него?

А. Е. Кулаковский.
Сновидение шамана

Осенью 1919 года всё переменилось на Восточном фронте.

Колчаковские армии откатились из Предуралья в Сибирь, и в тылу их заполыхали восстания.

Ну а когда из Северного океана поднялся бык зимы:

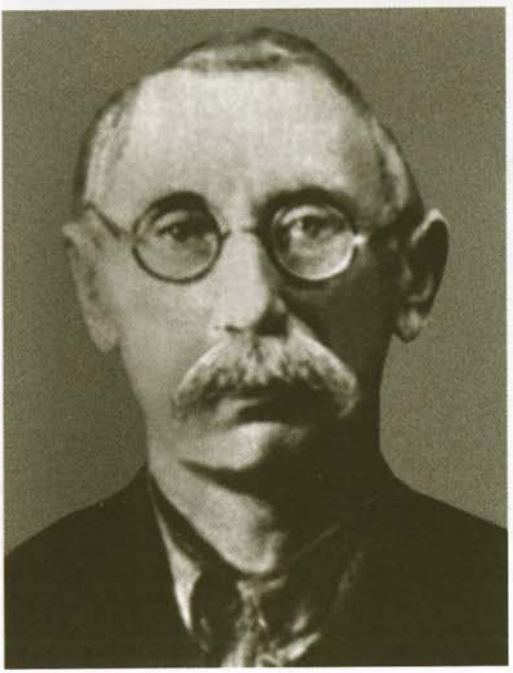
С дыханьем из ледяного тумана,
С носом из ледяной глыбы,
С ресницами из ледяных сосулек,
С глазами, как замерзающие проруби,
С гривой из ледяной щетины,
С двумя
Длинными ледяными горами,
С ледяным хребтом,
Горбом,
Поднимающимся над горами,
С вырывающимися из пасти
Клубами синего ледяного огня... —

несущий с собой голод и холод, заполыхало и в далекой Якутии.

В ночь на 15 декабря распропагандированные солдаты во главе с фронтовиком Н. А. Романченко освободили из городской тюрьмы Якутска большевиков С. М. Аржакова, Х. А. Гладунова, В. Д. Котенко, Л. Л. Даниш, а потом подожгли здание купца Аверинского. Прибывшие на пожар областной комиссар В. Н. Соловьев, начальник гарнизона Каменский, городской голова П. А. Юшманов, председатель областной управы В. В. Никифоров, Г. В. Ксенофонтов и другие земские и областные руководители были арестованы.

А. Е. Кулаковский с женой Евдокией Ивановной и сыном Алешей.
1915 г.

Э. К. Пекарский,
составитель первого
словаря
якутского языка

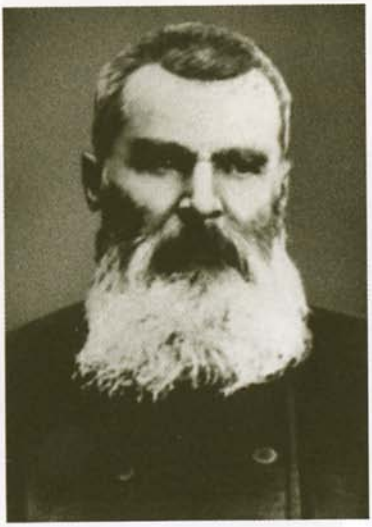


С. А. Новгородов,
создатель
якутского алфавита

П. Х. Староватов,
известный краевед
и педагог

Семья Георгия Потапова – друга Кулаковского

В. М. Ионов

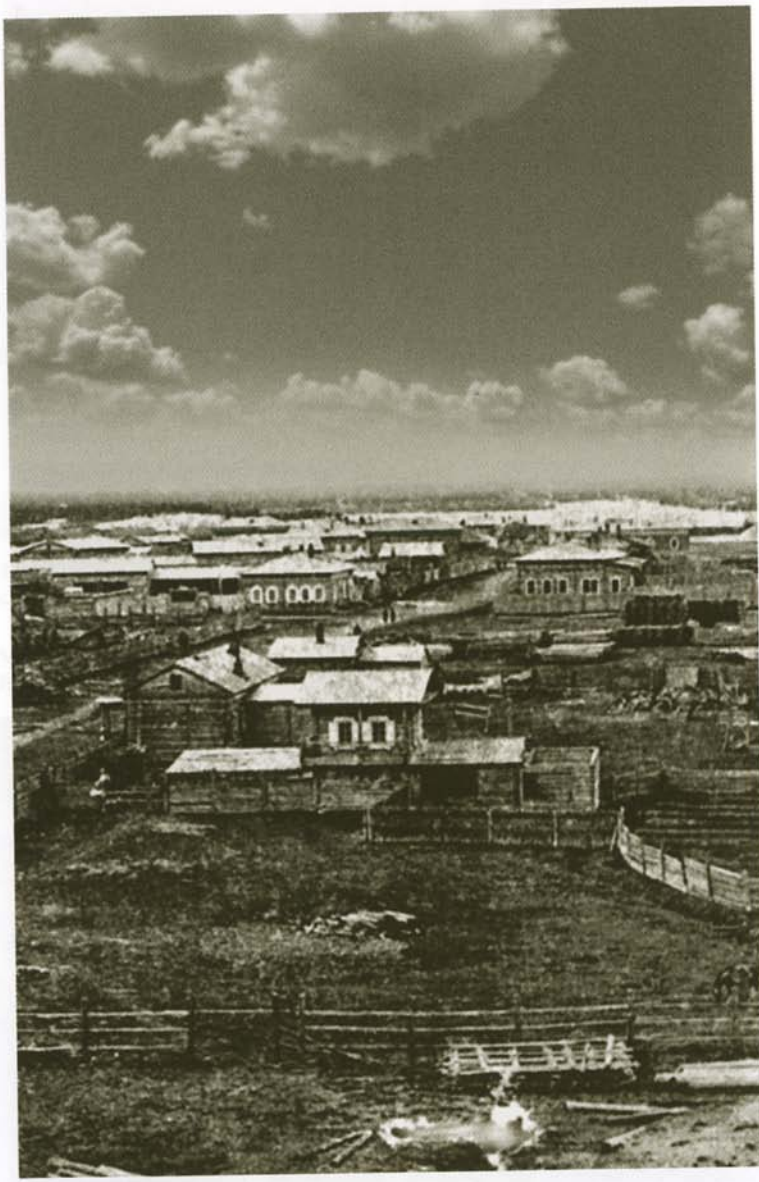


Книга А. Е. Кулаковского
«Якутские
пословицы и поговорки»

Кулаковский (первый слева во втором ряду)
с интеллигенцией города Вилюйска. *1914 г.*

Ученики и преподаватели высшего начального и приходского училищ
Вилюйска. Кулаковский – первый слева на переднем плане

Дети
А. Е. Кулаковского:
1. Лариса
2. Ясон
3. Алексей
4. Реас
5. Раиса

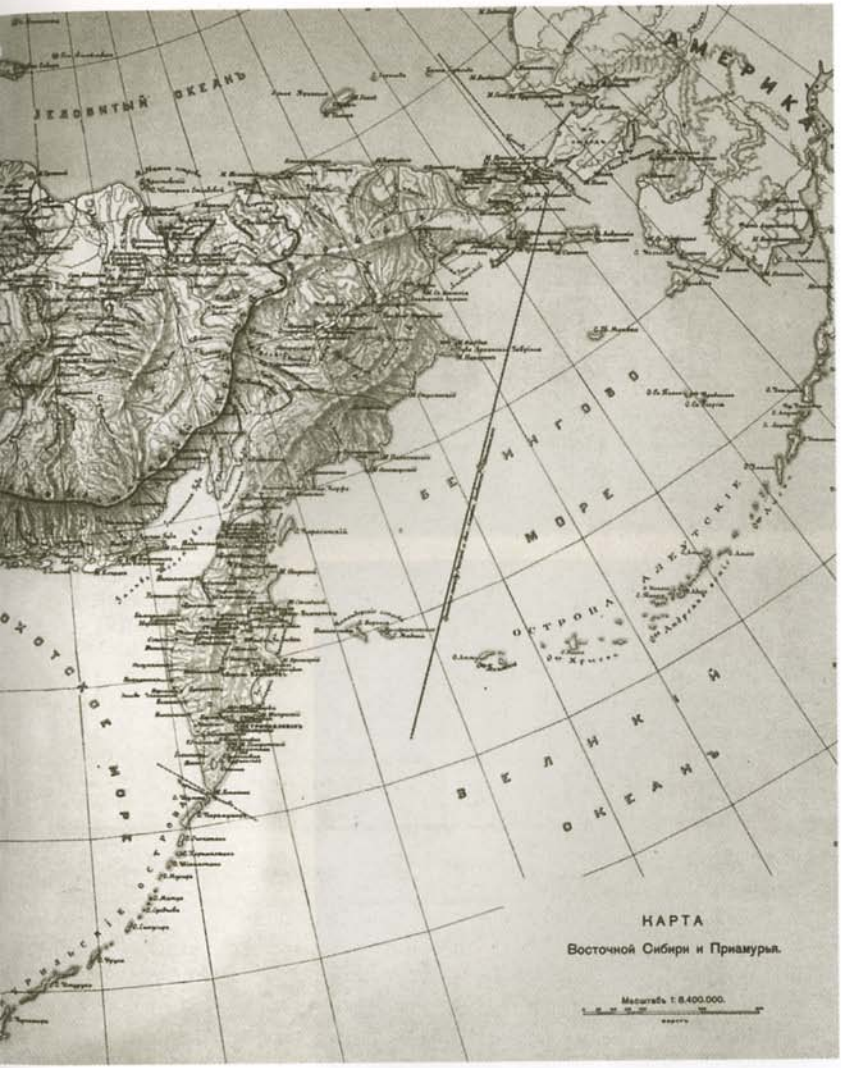


Вид города Вилюйска.
На переднем плане – усадьба П. Н. Попова, где жила семья Кулаковских

Кулаковский
с другом
Федором Сивцевым

Евдокия Ивановна
Кулаковская
с подругой
Евдокией Обуховой

Карта Восточной Сибири в начале XX века


ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАНЪ
АМЕРИКА
БЕРИНГОВО
МОРЕ
ОСТРОВА
ТИХІЙ
ОКЕАНЪ
ОХОТСКОЕ МОРЕ
КАРТА
Восточной Сибири и Приамурья.
Масштабъ 1:8.400.000.

Белогвардейцы
из отряда
Пепеляева

Писатель
Николай
Заболоцкий,
вместе
с Кулаковским
участвовавший
в переговорах
с повстанцами

Члены
Якутского ревкома.
1920 г.

Кулаковский
с сыном Ясоном
и племянником
Романом,
секретарем
Якутского ЦИКа

Кулаковский с членами комиссии
по переводу русской классики на якутский язык. *1923 г.*

С представителями якутской интеллигенции. *1924 г.*

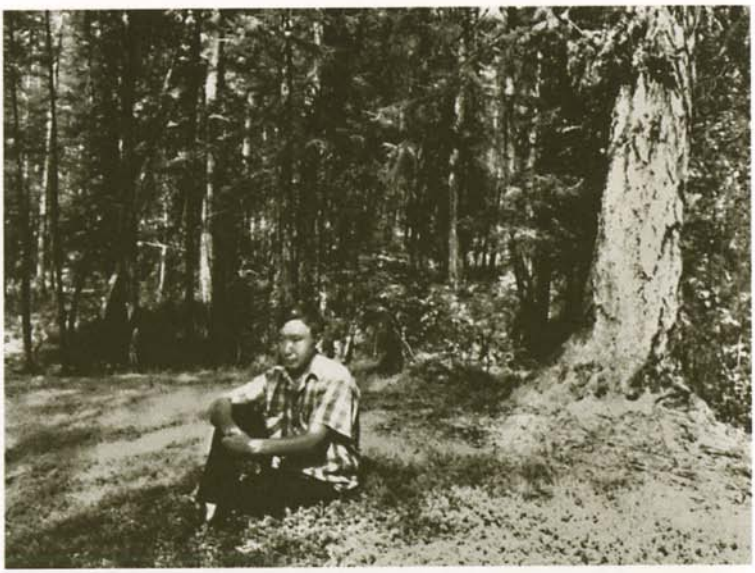
А. И. Софронов

П. А. Ойунский

Якутские интеллигенты на заимке у К. Д. Спиридонова (А. Е. Кулаковский выделен кружком). *1925 г.*

М. К. Аммосов

Сын Кулаковского Реас (вверху справа) среди студентов Якутского педагогического института



Внук Кулаковского Алексей Реасович
на любимом месте деда, у ручья Хороонноох

М. Е. Николаев, Н. М. Коняев, К. К. Ильковский

Памятник А. Е. Кулаковскому в Якутске.
Художественное литье, бронза, гранит.
Скульптор А. А. Романов

«Без всякого сопротивления к 6-ти часам утра город был в наших руках. Переворот прошел совершенно незаметно для населения Обыватели утром 15 декабря проснулись при Советской власти, заснув вечером при колчаковщине», — вспоминал о декабрьском перевороте вилюйский ученик А Е. Кулаковского С. М Аржаков[1]

С ледяным носом, с глазами, словно морозные проруби, бык зимы побежал по Якутии, заслоняя солнце своим туловищем, «с морозом в подмышках, с утренниками в пахах, с вьюком из болезней, с тороками из простуды»...

Вся власть перешла к Якутскому военно-революционному штабу Красной армии[2] во главе с Х. А. Гладуновым.

Всего в Якутске арестовали в те дни около ста человек.

Вот и пришлось поломать головы победителям — не думано было у царских властей о революции, не рассчитана была якутская тюрьма на такое число арестантов.

В заботах о тесноте тюремной и встретили якутские большевики Афанасия-ломоноса с его морозами

«Пришел Афанасий-ломонос — береги щеки и нос», — гласит русская народная пословица, а по якутскому преданию считается, что на этот день у якутского быка зимы ломается один рог.

Треск сломанного рога слился с выстрелами расстрельных команд.

19 февраля 1920 года в Якутске был создан ревтрибунал в составе Б М Чижика, С. Д. Короткова, П. П. Богуша, Л. Л. Даниша, М В Мегежегского-Ксенофонтова, и в этот же день расстреляли по приговору трибунала первую партию из тринадцати человек

Это были:

управляющий Якутской областью Василий Николаевич Соловьев...

городской голова, купец Павел Андреевич Юшманов...

член областного Совета П. П. Филиппов...

член ЦК охраны Якутска, купец Николай Иванович Кондаков...

уполномоченный командующего войсками по Якутии Иркутского военного округа, капитан Владимир Каменский...

товарищ прокурора, член ЦК охраны Якутска Василий Головаченко...

начальник тюрьмы, капитан Василий Иванович Сыроватский...

---

[1] Борьба за установление и упрочение Советской власти в Якутии Ч 1 Кн 2 Якутск Книжное издательство, 1958 С 53

[2] В состав ВРШКА вошли Ф Я Лебедев, М Пшенников, А Киркум, Т Винокуров, Л Тверской, Медницкий, П Качалов и В Котенко

вилюйский купец Н. И. Корякин...
поручики Валериан Муравейский и Сергей Расторгуев...
прапорщики Шутов и Евгений Сухонин...
полицейский Вильконецкий...

1

В Верхоянске советская власть установилась 1 января 1920 года путем, как отмечают историки, получения пакета с приказом штаба Красной армии от 19 декабря о свержении Колчака.

По образу и подобию Якутска новые власти сами назначили себя и действовать тоже стали по образу и подобию центра округа.

С 12 по 15 марта в Верхоянске прошла серия землетрясений, которые сопровождались сильным подземным гулом...

Где в это время находился Алексей Елисеевич Кулаковский, сказать трудно...

Известно, что в первой половине августа 1919 года он приезжал в Якутск, хлопотал о выплате просроченного жалованья и назначении его учителем в одноклассное училище в Абые[1], которое уже два года не работало за отсутствием учителя. Об этом свидетельствует поданное Алексеем Елисеевичем в учебный отдел Якутского областного земства 11 августа 1919 года заявление.

С жалованьем Кулаковскому не повезло.

В журнале Якутской областной земской управы за 26 августа 1919 года сказано, что бывшему земскому уполномоченному А. Кулаковскому отказано в выдаче заштатного содержания.

Зато вопрос о назначении Кулаковского в Абыйское одноклассное училище решили положительно. Школа эта уже два года не работала за отсутствием учителя, и желающих занять вакансию до сих пор не находилось.

Странное дело... Среди опубликованных Л. Р. Кулаковской документов, связанных с жизнью деда, мы не находим заявлений А. Е. Кулаковского с просьбой назначить его комиссаром Временного правительства в Верхоянский улус или уполномоченным Временного якутского областного народного управления.

---

[1] Абый расположен в лесотундре на Колымской низменности. Район граничит с Аллаиховским, Среднеколымским, Верхнеколымским, Момским и Усть-Янским улусами.

Зато о месте в Вилюйском училище А. Е. Кулаковский хлопотал, зато назначения учителем в одноклассное училище в Абые он добивался... И делал это, заметим попутно, после того, как фактически возглавлял, будучи комиссаром Временного правительства, огромную территорию Верхоянского улуса.

Однако и тут возникли проволочки...

Ушел уже последний пароход на Булун, а Кулаковский все ждал решения насчет одноклассного училища в Абые, и вот, когда подвернулась счастливая оказия — в Булун уходил катер! — Кулаковский не стал медлить, на последнем катере вернулся в Заполярье.

Считается, что с сентября 1919 года по июль 1920 года, дожидаясь назначения учителем, он жил на севере, занимался сбором этнографических и фольклорных материалов в селе Казачье и Булуне.

С этим утверждением можно согласиться с той небольшой поправкой, что начиная с декабря 1919 года и ожидание учительской должности, и сбор этнографических и фольклорных материалов Алексею Елисеевичу приходилось совмещать с ожиданием ареста, от которого Кулаковский по мере сил пытался скрыться.

Насколько основательными были опасения Алексея Елисеевича, говорит тот факт, что 14 апреля 1920 года его фамилия — «Кулаковский. Преступление по должности. Кулгахосохская станция. В непорядках на ней. Верхоянск» — была опубликована в списке амнистированных Якутской губернской комиссией по применению амнистии за 1920 год.

«Хотя не проставлены инициалы и в то время А. Е. Кулаковский не занимал никаких должностей, — говорит Л. Р. Кулаковская, — можно сделать предположение, что вероятнее всего речь идет именно о нем. Во-первых, с такой фамилией до сегодняшнего дня не известен ни один человек, занимавший в то время должности в Верхоянском округе».

Насколько серьезным было положение Алексея Елисеевича, мы поймем, если вспомним, что всего два месяца отделяли его амнистию от расстрельного приговора В. Н. Соловьеву.

Обвинение А. Е. Кулаковского, как стало известно сейчас, исходило от В. Т. Гончарука, который более других был заинтересован переложить ответственность на Кулаковского, и сделать ему это было тем легче, что сам он действительно не успел еще толком войти в курс дел[1].

---

[1] В. Т. Гончарук обвинил Кулаковского в неудовлетворительной работе на Кулгахосохской станции.

Видимо, с опасениями ареста связано и то, что Алексей Елисеевич так и не приступил к работе в Абые. Осенью 1919 года он так и не дождался утверждения его в должности учителя, а зимой, после большевистского переворота в декабре, какое-то время просто страшновато было напоминать о себе хлопотами.

2

Жизнь Кулаковского в эти месяцы, как свидетельствуют воспоминания, всё больше напоминала страницы рассказов Джека Лондона.

Однажды он сплавлялся на плоту...

Плот ударило течением о скалы и разбило. Кулаковский и его попутчики ухватились за дерево, нависшее над водой... Радость по поводу спасения скоро утихла. Мокрые, они сидели на дереве, с которого невозможно было выбраться на берег, а внизу несся ледяной поток.

И тут Алексей Елисеевич начал пересказывать роман Вальтера Скотта «Айвенго».

Попутчик, который и оставил эти воспоминания, вначале слушал рассказ с интересом, но по мере того, как холод пробирался в самое нутро, начал злиться. Он думал, что рассказчик устроился более удобно, и злился на него.

Дерево в результате рухнуло в воду и его вместе с несчастными путниками прибило к берегу. И только тут и увидел попутчик, что у Кулаковского, как и у него, все тело посинело от стужи.

«Тогда я понял, — вспоминает он, — как же все-таки люди отличаются. Одни, как я, приходят в уныние, а другие, как Кулаковский, сохраняют присутствие духа в самых отчаянных ситуациях».

Вспоминая о своих дорогах в 1919 и 1920 годах, Кулаковский записал:

«35) В Якутск и обратно (1919) — пароход — 4000 верст;
36) Из Амги в Кырынас и обратно — на оленях — 540 верст;
37) В Якутск — пароход — 2000 верст;
38) 1919 г. в Булун — катер — 2000 верст;
39) В Казачье — на оленях — 600 верст;
40) В Дьойуолаах и Булун — на оленях — 1000 верст;
41) В Казачье и обратно — на оленях — 1200 верст;
42) В Якутск — на пароходе — 2000 верст»...

Надо сказать, что соотносить поездки, приведенные в тетради Кулаковского, с реальными событиями его биографии не простое дело.

Алексей Елисеевич редко проставлял против поездок даты, иногда он вставлял километраж не в ту графу, которая соответствует виду транспорта... Вот и тут, к примеру, под пунктом 35 километраж дороги в Якутск и обратно вставлен в графу «пароход», хотя очевидно, что речь идет о поездке в Якутск зимой 1918/19 года... А вот пункт 36... Указывая дорогу из Амги в Кырынас и обратно, Кулаковский забывает указать дорогу из Якутска в Амгу и обратно...

Однако эти неточности и упущения свидетельствуют скорее не о забывчивости или невнимательности Алексея Елисеевича, а об особом отношении его к пройденным им дорогам.

Дороги составляли чрезвычайно существенную часть его жизни, но сам по себе километраж ничего не значил.

Существенным было наполнение дороги, соединение ее с духовным путем...

3

И тем не менее учителем в это время Кулаковский уже работал.

Только не в Абые, а в 27 километрах от города Покровска, на берегу Лены, где были созданы им поэмы «Дары реки» и «Сновидение шамана», где написал он свое письмо «Якутской интеллигенции»...

Да-да! Те самые Качикатцы, которые укрывали его в 1910—1911 годах, укрыли его и теперь...

Многое, многое изменилось в Качикатцах за десять лет.

Друг Алексея Елисеевича Кулаковского Семен Петрович Барашков довел до совершенства образцовое хозяйство, которое они налаживали вдвоем. Все эти прекрасные дома, электростанция, мельница, фермы, школа были теперь уже не его собственностью — всё это Семен Петрович, избегая конфискации и расстрела, добровольно передал советской власти...

Многое изменилось и в Качикатской школе...

Брат здешнего учителя А. П. Протодьяконова — З. П. Протодьяконов стал председателем ревкома Восточно-Кангаласского улуса, и А. П. Протодьяконов пошел в заместители к нему. Для Кулаковского освободилось место учителя[1].

Возможно, это братья Протодьяконовы порадели опальному основоположнику якутской литературы, во всяком случае, о своей амнистии он узнал накануне публикации списка и в тот

[1] Официально Кулаковский был направлен в Качикатскую школу Восточно-Кангаласской волости только 2 сентября 1920 года приказом № 73 отдела народного просвещения.

же день, еще 13 апреля, раскрыл свое местопребывание, попросив выдать ему продуктовую карточку.

Происходили и другие благоприятные для судьбы бывшего комиссара Временного правительства Кулаковского события.

Одно из них произошло вдалеке от Якутии.

3 марта 1920 года уполномоченным Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома по созданию Якутской парторганизации и уполномоченным Сибревкома по организации советской власти в Якутии назначили 23-летнего Максима Кировича Аммосова, и он, не теряя времени, приступил к формированию своей команды из земляков, высланных из Якутии.

8 марта в иркутской гостинице «Grand hotel» Максим Кирович Аммосов назвал имена своих ближайших помощников: П. А. Ойунский, И. Н. Барахов, А. Ф. Попов, И. П. Редников, С. В. Васильев, Д. С. Жиркова, К. Е. Андреевич, К. П. Атласов, А. Л. Бахсыров, Л. И. Гройсман, С. Н. Ершов, Г. С. Ефимов, Г. В. Ксенофонтов, Д. Ф. Клингоф, Г. Г. Колесов, М. М. Константинов, А. Д. Метельшин, А. И. Мордвов, Н. Е. Олейников, В. С. и А. С. Синеглазовы, Д. И. Титов, А. Ф. Черенков...

В этом списке были и непосредственные ученики Кулаковского, и те, кто учился на его произведениях, кому его стихи и поэмы помогли полюбить якутский язык и якутские обычаи и обряды.

Это очень важно.

Все они, как и их вождь Максим Кирович, были по партийному духу интернационалистами, все носили кожанки и нагаганы, но при этом не забывали, что они якуты...

Решение Омского Сибревкома от 20 апреля 1920 года, согласно которому Якутская область реорганизовывалась в особый район Иркутской губернии, снижение статуса Якутской области было воспринято окружением Максима Кировича Аммосова как прямое ущемление прав якутов, и в этом противостоянии Сибревкому они еще сильнее объединились между собой.

4 июня 1920 года Максим Кирович Аммосов прибыл со своей командой на пароходе «Революционный» в Якутск.

Уже на следующий день он распустил Временный ревком Якутской области и объявил о создании Якутского районного ревкома Иркутской губернии.

Председателем ревкома Максим Кирович назначил себя, членами — Харитона Гладунова и Платона Алексеевича Слепцова (Ойунского). Кроме того, П. А. Слепцов возглавил отдел советского управления райревкома, а С. М. Аржаков — информационно-инструкторский подотдел.

Алексей Елисеевич Кулаковский почувствовал изменение своего статуса еще до прибытия в Якутск команды Максима Кировича Аммосова.

Кулаковский давно уже был известным и почитаемым в Якутии человеком, но хотя его знали и в Якутске, и в наслежной глубинке, известность эта и уважение, которое вызывало его творчество, никаких последствий для устройства им собственных дел не имело.

Кулаковский — автор поэм «Дары реки» и «Сновидение шамана» и Кулаковский — подрядчик; Кулаковский — автор письма «Якутской интеллигенции» и Кулаковский — учитель, изгнанный из Вилюйского училища; Кулаковский — собиратель якутских пословиц и поговорок и Кулаковский — комиссар Временного правительства... Эти Кулаковские существовали как бы отдельно друг от друга и не совмещались в единый и цельный образ Ексекюляха...

Весной 1920 года Алексею Елисеевичу показалось, что это положение начинает меняться. Помогло ему почувствовать перемены несчастье, обрушившееся на его старшего брата Ивана Елисеевича Кулаковского.

20 марта 1920 года в Тааттинском улусе была организована коммунистическая ячейка. Не теряя времени, она сразу взялась за практическую работу. Через пять дней по списку, составленному сторожем Тааттинской школы Е. И. Сунхарыловым, арестовали 18 человек, через неделю еще 14 человек и среди них трех местных священников и бывшего голову Тааттинского улуса, 56-летнего народного певца Ивана Елисеевича Кулаковского — Оонньуулаах Уйбаана.

Опыт тааттинских коммунистов был одобрен на проходившей в Чурапче конференции ревкомов и бедноты десяти волостей. Решено было арестовать в Тааттинском улусе еще 57 человек.

Алексей Елисеевич Кулаковский обратился с письмом к своему вилюйскому ученику Исидору Никифоровичу Барахову, и 16 мая 1920 года по решению губчека Иван Елисеевич Кулаковский был освобожден из-под стражи. Разыгравшийся в тюрьме ревматизм скрючил его, он мог теперь передвигаться только с помощью табуретки, но остался жив и вернулся в свой алас.

14 августа 1920 года А. Е. Кулаковский по приказу № 53 отдела народного образования Якутского губревкома назначается заведующим художественно-литературной секцией подотдела исследования Якутской губернии.

Он продолжает работать учителем[1], но при этом согласно мандату занимается и сбором материалов по изучению древних верований якутов. Впервые Алексею Елисеевичу начинают платить деньги за то, чем он бесплатно занимался всю свою жизнь.

Более того. Отношение в Якутске к Кулаковскому было настолько хорошим, что ему помогли даже в его споре из-за десяти песцов, отнятых у него В. Т. Гончаруком в Верхоянске и попавших в число реквизированных песцов «Акционерного общества на Севере».

Якутский губревком на своем заседании 29 сентября 1920 года рассмотрел заявление Кулаковского и предложил «Холбосу», в случае документального установления принадлежности десяти песцов Кулаковскому, уплатить их стоимость согласно существующим расценкам.

Разумеется, освобождение из тюрьмы невиновного брата, возвращение десяти песцовых шкурок, назначение скромной (он получал за свои занятия фольклористикой половину учительского жалованья) оплаты за нелегкий и необходимый всему якутскому народу труд[2] трудно назвать благодеяниями, но ведь раньше в жизни Алексея Елисеевича и этого не было. В ответ он с головой уходит в работу.

Будучи председателем школьного совета, он занимается множеством административных дел: хлопочет о трудовых карточках для учителей и работников школы, об отправке книг для чтения в Качикатскую школу и дезинфекции фельдшерского пункта против тифа, занимается множеством посторонних, но крайне необходимых для работы школы дел.

В принципе, если отвлечься от того, что произойдет в ближайшие месяцы, можно было бы сказать, что для Кулаковского-учителя в сентябре 1920 года наступило звездное время.

Действительно, он работал в хорошей, выстроенной по его советам Семеном Петровичем Барашковым школе, учил детей, а его бывшие ученики, ставшие большими начальниками, всячески помогали ему в этом благородном деле...

---

[1] 2 сентября 1920 года за подписью заведующего отделом народного образования Астраханцева вышел приказ ОНО Якутского губревкома о назначении А Кулаковского с 1 августа по 25-му разряду в Качикатско-Барашковскую школу 1-й ступени Восточно-Кангаласской волости. Вместе с ним получил назначение в эту школу учитель Петр Иванович Петров.

[2] Учительское жалованье А Е. Кулаковского в 1920 году составляло 25 рублей.

4

Увы... Нарисованная нами идиллическая картинка только походит на правду. Стать этой идиллии реальностью мешало то обстоятельство, что, хотя в новом правительстве Якутии были ученики Алексея Елисеевича Кулаковского, но все они — Максим Аммосов, Исидор Барахов, Платон Ойунский, Александр Попов, Степан Васильев, Иван Редников, Дора Жиркова, Раиса Цугель — были еще и учениками Минея Израилевича Губельмана, все прошли через подпольный марксистский кружок. И никакая любовь к якутскому языку, никакое уважение народных традиций не могли смягчить их отлитых из интернационального чугуна душ.

«Самые вредные головки думаем пустить в расход или выслать из области, последнее средство не вполне достигнет цели. Укажите, как поступить в данном случае», — телеграфировал в Сибревком через две недели после прибытия в Якутск Максим Кирович Аммосов, а уже 14 августа 1920 года, в тот самый день, когда А. Е. Кулаковский был назначен заведующим художественно-литературной секцией подотдела исследований, Максим Кирович отправил в Сиббюро другую телеграмму, где сообщал о раскрытии контрреволюционной организации и об арестах заговорщиков.

Оказывается, организовав культурно-просветительное общество «Саха аймах», заговорщики перевели на якутский язык строевой устав и начали вербовать сторонников. Целью своей они поставили формирование с помощью Японии самостоятельного — Якутская область — якутам! — государства.

И хотя сам Максим Кирович провозгласил «эпоху не слов, а дел», но и его напугало «расследование». Главным обвинительным документом был проект, касающийся устройства государственной власти в Якутии, который «заговорщики» составляли по долгу службы и по прямому поручению Якутского районного ревкома Иркутской губернии.

В результате уроженец Тааттинского улуса Роман Иванович Оросин и выходец из Борогонского улуса, видный общественный деятель, старинный знакомый Кулаковского, Василий Васильевич Никифоров, как организаторы заговора, были осуждены, но не расстреляны, а всего лишь отправлены в ссылку.

Попав в Иркутск, Никифоров и Оросин добились, чтобы вопрос об «оросинском заговоре» был рассмотрен на заседании Сиббюро ЦК РКП(б).

25 октября 1920 года Сиббюро ЦК РКП(б) заслушало «якутский вопрос». Обвинение с Никифорова и Оросина было снято, оба они устроились на работу в Сибнац при Сиббюро.

Тем не менее это не помешало Максиму Кировичу, выступая на 1-м якутском уездном съезде волостных сельских и наслежных ревкомов, сказать, что контрреволюционная организация существовала. «По улусам производился сбор оружия, вербовка сторонников. Целью организации было достижение национальной независимости якутов, вплоть до организации самостоятельного государства... Достижение цели мыслилось через свержение советской власти. Коммунистов считали своими заклятыми врагами. Свержение же советской власти предполагалось произвести посредством японских сил. Из документов явствует, что организация чисто японской ориентации. Через порт Аян направлен агент в Японию. С нескрываемой радостью ждут появления японцев со стороны Охотска или Бодайбо (через Читу). В связи с этим, нами распущено национальное культурное общество "Саха Аймах", под флагом которого производилась эта работа».

Между прочим, на заседании Сиббюро ЦК РКП(б), где рассматривался вопрос об «оросинском заговоре», присутствовал и Миней Израилевич Губельман.

То ли он дал своему ученику мудрый совет, то ли Максим Кирович сам догадался сделать это, но указания из инструктивного письма Сиббюро ЦК РКП(б), поступившего в Якутский губком, он выдал за свои идеи и, позабыв о прежних публичных заявлениях, начал говорить, дескать, общество «Саха аймах» не нужно уничтожать. Хотя там и свили себе гнездо контрреволюционеры, объединение это вполне может сотрудничать с Наробразом при условии массового вступления партийцев в «Саха аймах» и занятии ими ключевых постов, а также изменении устава общества.

«Такой подход, — пишет Егор Антонов, — сделал М. К. Аммосова популярным не только среди прогрессивных деятелей, но и широких кругов населения. Так, беспартийный интеллигент И. Н. Прядезников подчеркивал: "...я от многих якутов, бедных и богатых, простых и грамотных, местных и приезжих из различных концов области, слышал и слышу только одно: 'Максим Аммосов справедлив', 'Максим Аммосов жалеет свой народ', 'Максим Аммосов якутов не выдаст, защитит' "...»

Возможности для защиты у Максима Кировича были.

Еще 11 сентября 1920 года была создана Якутская губчека по борьбе с контрреволюцией и саботажем, которую возглавил первый муж Веры Синеглазовой (сотрудница М. К. Аммосова) Иосиф Борисович Альперович.

Уже в ноябре 1920 года чекисты раскрыли «Олёкминский заговор», но останавливаться на этом не собирались...

5

Между тем Алексей Елисеевич Кулаковский приближался к своему 44-летию...

У него была большая семья.

Кроме жены и престарелой матери, пятеро детей. Двое — Лариса и Иасон — от первого брака, и трое — Алексей, Реас, Раиса — от второго.

Семья много значила для Алексея Елисеевича, она определяла движение его жизни. Большинство предприятий Кулаковского так или иначе было связано с семьей, с необходимостью содержать ее. Только вот пожить с семьей, порадоваться, наблюдая, как растут дети, ему не удавалось.

Небольшая передышка наступила в Вилюйске, где Алексей Елисеевич уже и землю купил, чтобы строить дом, но его уволили из училища, пришлось бросать насиженное место и перебираться в Бодайбо.

А потом были Булун и Верхоянск, неустроенная, кочевая жизнь в Заполярье. С семьей Кулаковский встречался только на Новый, 1919 год, и дальше снова неопределенность, преследования, скитания...

И вот теперь, в конце 1920 года, на родине Кулаковского, в Черкёхской школе образовалось место учителя.

Кажется, жизнь приобретала наконец счастливую полноту. Всё теперь было у Кулаковского: семья, учительство, возможность заниматься научной работой, уважение властей, любовь народа...

В декабре 1920 года Кулаковский оформил переход в Черкёхскую школу и попрощался с Качикатцами, как три столетия назад, переезжая на берега Таатты, попрощался с Качикатцами его далекий предок шаман Кэрэкэн.

Безусловно, Качикатцы — мистическое место в жизни Алексея Елисеевича.

Здесь он укрывался от преследования, здесь им написаны лучшие его поэмы и письмо «Якутской интеллигенции».

Теперь, перед отъездом из Качикатц, он тоже берется за письмо бывшему ученику и бывшему коллеге Семену Андреевичу Новгородову.

Мы рассказывали об отношениях «учитель—ученик» между Кулаковским и Новгородовым, начавшихся еще в Вилюйском училище.

Теперь эти отношения вступили в заключительную фазу.

Надо сказать, что за минувшие с той поры годы Семен Новгородов разительно изменился.

В 1913 году он поступил в Петербургский университет на арабско-персидско-турецкое отделение восточного факультета и уже в декабре того же года участвовал в работе Всероссийского съезда народных учителей, выступив с докладом «Краткие сведения об якутах, их школы и их право на образование», в котором поднял важные вопросы создания якутской национальной школы, а через год перешел на монголо-маньчжуро-турецкое отделение.

Февральскую революцию Новгородов встретил в Якутске, где учительствовал. Он опубликовал тогда на страницах «Якутских ведомостей» статью «Основные задачи якутской интеллигенции» и активно участвовал во многих съездах, так что после Февральской революции был избран членом исполкома бюро Комитета общественной безопасности Якутска.

Политическую карьеру Новгородов использовал для продвижения в жизнь научных наработок. На первом свободном съезде крестьян-якутов в марте 1917 года представил делегатам свой вариант якутского алфавита и поставил вопрос об издании первого якутского букваря.

Букварь был составлен народником Всеволодом Михайловичем Ионовым, хорошо известным большинству делегатов. Всеволод Михайлович пользовался в Якутии исключительным уважением. Многие якуты, желая подготовить своих детей в якутское реальное училище и женскую гимназию, отдавали их в «школу Ионова».

Семен Андреевич знал создателя букваря еще по Якутску, когда вовсю пользовался его библиотекой, а встретившись в Петербурге, сумел расположить настолько, что Ионов — он навсегда уезжал в Киев! — передал ему рукопись и разрешил пользоваться ею по своему усмотрению.

Съезд поддержал предложение о букваре, и летом 1917 года Новгородов переработал рукопись Ионова в новый букварь «*Сахалыы сурук-бичик*», который печатался на новом якутском алфавите, созданном Новгородовым на базе международной фонетической транскрипции.

Устроив дела с букварем, Новгородов продолжил учебу в Петербурге и в Якутск вернулся только в сентябре 1919 года, чтобы активно включиться здесь в работу якутского культурно-просветительного общества «Саха аймах», сначала в качестве его председателя, затем в качестве руководителя переводческой секции и заведующего курсами якутской грамоты.

Свержение колчаковщины и восстановление советской власти в Якутии могло обернуться катастрофой для Новгородова, но он не растерялся. Как вспоминал Степан Максимович Аржаков, конвоировавший его в тюрьму, Новгородов успел

объяснить ему по дороге, что он уже изменил свои взгляды, что он советский человек, коммунист и большевик.

Действительно, Новгородов приветствовал декларацией советскую власть. «Мы, представители якутской трудовой интеллигенции, настоящей своей декларацией изъявляем свое признание существующей с 15 сего декабря советской власти... — говорилось там. — Мы мыслим новую советскую власть как коалицию всех живых сил страны против контрреволюции».

Вскоре он перевел на якутский язык Марсельезу и Интернационал и автоматически превратился если не в главного писателя Якутии — куда было Кулаковского деть, да и Платон Слепцов (Ойунский) не оставлял за советским строительством литературной работы! — то по крайней мере в главного здешнего лингвиста-языковеда.

При Максиме Кировиче Аммосове Новгородов становится руководителем подотдела по научному исследованию Якутской губернии, заведует его лингвистической секцией, председательствует в комиссии по составлению учебников на якутском языке.

При этом главные хлопоты Новгородова были связаны с введением нового алфавита. Так как это дело тормозилось отсутствием в Якутии необходимых шрифтов, Новгородов собрался в конце 1920 года в Читу, надеясь найти там необходимое типографское оборудование.

С предстоящей поездкой Новгородова и связано письмо Кулаковского от 4 декабря 1920 года.

6

Надо сказать, что было в отношении Алексея Елисеевича к своим талантливым ученикам то, что в Евангелии называется отсутствием лести. Эти слова Иисус Христос употребил по отношению к тем жителям Иерусалима, которые напряженно ожидают пророков. При явлении их они отвергают соображения личной выгоды и общественной пользы, желая лишь убедиться в подлинности посланцев Бога.

Это же отсутствие лести появлялось и в Кулаковском по отношению к ученикам, от которых он ждал особых свершений на благо народа.

«Я с удовольствием принял тот слух, что ты едешь в Читу, — пишет он Семену Новгородову в 1920 году из Качикатц. — Но, вместе с тем, во мне воскресла опаска, что ты упрочишь азбуку свою с ее недостатками. Я надеялся, что ты, позанявшись с детьми в школе, сам увидишь на деле эти недостатки, но ты не

дожил до этого желательного момента и уезжаешь в ослепленном состоянии.

Ты принимаешь на себя громадную нравственную обузу, навязывая дорогой для твоего сердца родине невольную непроизводительную работу. И это тем паче обидно, что ты идешь наперекор своему основному принципу — быть полезным якутам»...

Суровое начало...

Суровое обвинение...

Суровый разговор...

Но мог ли он быть иным, если в угоду собственным научным амбициям, прямо на твоих глазах твой ученик стремился, как считал Кулаковский, помешать превратить якутов не только в говорящий на своем языке народ, но и читающий, но и пишущий на нем.

Разговоры Кулаковского с Новгородовым по поводу алфавита начались еще в Вилюйском училище, но сейчас к воплощению идей Новгородова в жизнь подключилась вся мощь государственного аппарата. Букварь, напечатанный по новгородовской транскрипции, буквально навязывался учителям, и Кулаковский не смог промолчать по этому поводу.

«Все кангаласские учителя ругают "Сурук-бичик" больше из-за отсутствия знаков препинания. Абсурд отсутствия знаков каждому бросается в глаза, кроме тебя. Это именно абсурд, а не что-либо иное. Если теперь ты, пользуясь моментом, установишь письменность без знаков препинания, то этим самым подготовишь ее гибель!..» — пишет он.

Подобно учителю в школе, собрав все хладнокровие, Кулаковский приводит бесспорные, как ему кажется, аргументы...

«Я думаю, что если бы пришлось фиксировать на бумаге чириканье птичек, и то пришлось бы делать знаки вроде многоточий... — пишет он. — В сущности, что такое знаки препинания? По-моему, это те же буквы, но немые, и они иногда красноречивее обыкновенных букв. По-русски я легко читаю, когда читаемое написано со знаками препинания, хотя бы с частыми сокращениями, полусловами. Если бы человек говорил без передышки, ударений, без восклицаний и вопросов, без больших и малых пауз — тогда только возможно отсутствие знаков препинания...

Ты говоришь, что конец предложения узнается местонахождением сказуемого в конце предложения. Но это вовсе не так: Мин сарсын барыам ыалга эрдэттэн аппын айаahыы таарыйа — сказуемое здесь барыам... Как прочитаешь коротенькое "Кун хаан буолла"? Что тут сказано в переводе на русский язык? "Настал мой последний час" или "солнце стало крова-

вым"? Этого нельзя определить по написанному. Если же я поставлю тире (—), то станет ясным, что настал последний час: "Кун — хаан буолла"...»

Однако отсутствие знаков препинания не единственный и, пожалуй, даже не самый главный, по мнению Кулаковского, недостаток предлагаемого Новгородовым алфавита.

«Об иностранных буквах в международной транскрипции выскажу также свои взгляды, хотя ты их не примешь во внимание, — говорит он. — Пусть лингвисты нашли много недостатков в русских буквах. Предположим, отбраковали треть всех букв. Из этого выводится простое заключение, что эту треть нам не следует перенимать. Но остальные $^2/_3$ чем же виновны? Не потому ли, что ими пользуется русский народ, ставимый лингвистами на низкой ступени развития? Чем лучше r, s, m, n, p, c русских р, с, м, в, п, ч? Если одинаковы, то почему нам следует давать предпочтение незнакомым буквам пред знакомыми?..

Если ученые согласились между собою установить международную транскрипцию, то это очень целесообразно и полезно для них. Но из этого не следует, чтобы все народы писали по этому способу. Ведь у многих есть свои письмена, и они не согласятся по общему. Если бы заставить всех писать по одной азбуке, то это было бы очень хорошо, но если согласными окажемся только мы, якуты? Какая же польза от этого нам? Между тем для усвоения иностранных букв, а в особенности быстрого чтения по ним, требуются года. Ты, вероятно, людей меряешь на свой аршин и думаешь, что привыкнуть легко. Нет, брат, не так!..

Пока я не встречал никого, кто бы читал бегло "Сурук-бичик". Из сказанного явствует, что якутам гораздо целесообразнее иметь письмо, схожее уже со знакомой русской азбукой, очищенной от дефектов и снабженной специальными буквами, выражающими звуки, присущие якутской речи. Для последних звуков можно брать из международных букв, и то в том только случае, когда начертания их просты. Ты знаешь арифметику: вычисли, сколько времени, труда и сопряженного с этим расхода потребуется для того, чтобы научить одного учащегося читать по международной транскрипции и притом бегло — в один год; а ведь учащихся не одни, а десятки тысяч, и времени не год, а сотни лет...

Если бы у тебя был более широкий размах дерзости или смелости, то ты мог бы ввести письмо, очень близкое к стенографическим знакам. Этим бы ты увековечил свое имя пред потомством навсегда, принес бы якутам невыразимо огромную пользу и дал бы добрый пример другим народам. В самом

деле, раз уже изобретен способ быстрого писания, в 10—20 раз быстрейшего обыкновенного, то почему нам не перенять его! Если теперь, при введении письмен не ввести стенографических знаков, то после нам не дорасти до них. Я изучал стенографию и был восхищен ее основной идеей. В ней буквы суть простые элементы наших букв... Гласные буквы почти не пишутся: они включаются в саму предыдущую согласную или видны из местонахождения ее... Все буквы можно выучить в 1—2 часа»...

Письмо весьма объемисто.

Пункт за пунктом, шаг за шагом Алексей Елисеевич Кулаковский подводит своего адресата к неутешительному выводу, что «азбука производит такое впечатление, что будто ее составитель стремится лишь к тому, чтобы лишь встать подальше от русских букв и знаков, хотя бы даже в ущерб делу. Почто такая односторонность и предубежденность?..».

Разумеется, Алексей Елисеевич слишком опытный педагог, слишком хорошо знает Новгородова, чтобы рассчитывать на его немедленное прозрение.

«Словом, ты прекрасно понимаешь как умница то, что я хочу тебе сказать в сих торопливых и бессвязных словах; твой проклятый фанатизм восторжествует над твоим умом и логикой и не даст зрело обдумать мои предложения»... — пишет он.

Ответ ученика не заставил себя ждать. Хотя Семен Андреевич Новгородов и собирался в неблизкий путь, он сразу (20 декабря) откликнулся на послание Кулаковского.

«Дорогой Алеха!

Пользуюсь первым случаем, чтобы ответить на твое длинное послание, полученное мною в Бестяхе.

1. Напрасно ты упрекаешь меня в ослеплении международной транскрипцией только в теоретическом смысле: ведь я также записывал по ней с детства.

2. Напрасно ты упрекаешь какого-то ученого в уничтожении знаков препинания: основатель международной транскрипции проф. Пасси в Париже признает и употребляет для западноевропейских языков точки. Что же касается языков урало-алтайских, то литературная практика в течение столетий... (неразборчиво) показала ненужность знаков препинания во всех этих языках. Наше языкознание, немного выпирая за рамки алтайских языков, всецело укладывается в рамки урало-алтайских...

Вместо того чтобы возражать отдельными примерами, выхваченными наудачу, я рекомендую тебе проанализировать

каждое предложение в сказке (олонхо), записанной В. И. Васильевым и напечатанной в изданиях Академии наук под редакцией Э. К. Пекарского на 196 страницах; эта запись достойна удивления в отношении верности якутскому синтаксису и превосходит все другие образцы якутской народной литературы, напечатанные самим Пекарским и многими другими. При анализе сам увидишь, что буквально везде точки и запятые совпадают с окончательными, неокончательными глагольными формами»...

Начальственный апломб и высоконаучная язвительность украшают ответы Новгородова, тем не менее реальных возражений на претензии, высказанные Кулаковским, в этих ответах нет.

Действительно, что кроме фанатизма, который по предсказанию Алексея Елисеевича «восторжествует над твоим умом и логикой и не даст зрело обдумать мои предложения», можно обнаружить в аргументе Новгородова, дескать, в сказке (олонхо), записанной В. И. Васильевым и напечатанной в изданиях Академии наук под редакцией Э. К. Пекарского, «буквально везде точки и запятые совпадают с окончательными, неокончательными глагольными формами»?

Новгородов объясняет фразу, приведенную Кулаковским, состоянием мечтательности, в котором находится ее автор? Но неужели он полагает, что все деловые якуты начнут изъясняться строками из олонхо, опубликованного Э. К. Пекарским?

Еще более трогателен ответ на вопрос об иностранных буквах в международной транскрипции.

«По данному вопросу комиссия губревкома, — отвечает Новгородов, — горячо дебатировала и склонилась на сторону проф. Пасси. Можешь справиться у любого из оставшихся в г. Якутске о буквах (правильнее о графемах)».

Ответ, достойный человека новой советской эпохи.

Мог бы, конечно, Семен Андреевич и в губчека отправить Алексея Елисеевича Кулаковского за справками, но нужно было сохранять «спокойный тон» в ответе. Ведь Новгородов планировал напечатать эту переписку в отделе научной хроники журнала Якутского губернского отдела наробраза и таким образом и изобразить вид дискуссии.

«Итак, ты видишь, что я зрело обдумал все твои предложения. Давая свои возражения, я только информировал или делал фактические поправки, избегая полемики в чистом виде; этим можешь объяснить спокойный тон в этом “моем ответе”.

Прошу сохранить его, я сохраню твою критику. Оба документа по моем возвращении из командировки могут быть напечатаны в отделе научной хроники журнала Якутского губернского отдела наробраза...

Жму крепко твою руку, твой Сэмэн».

7

Отметим тут, что столь фанатичная вера Новгородова в систему профессора Пасси объясняется не только его научной убежденностью, но и политической чуткостью.

В 1920-е годы проект замены кириллицы на латиницу вынашивался с одобрения В. И. Ленина в наркомате товарища А. В. Луначарского не только для языков народов России, не имевших своей традиционной письменности, вернее не столько для них, сколько для самого русского языка. При всей нелепости этой идеи была в ней и железная ленинская логика. Да, на некоторое время возникли бы проблемы с резким снижением грамотности, зато десятилетие спустя появились бы поколения новых россиян, которые уже не в состоянии были бы воспринять тысячелетнюю русскую культуру во всей ее полноте, и в результате достаточно быстро удалось бы изгладить из культурной памяти народа его духовные корни.

Впрочем, В. И. Ленин свою «кремлевскую мечтательность» всегда совмещал с жестким, прагматическим расчетом. Осуществить переход на латиницу всей России сразу было не реально, и латинизацию решили начать с национальных меньшинств.

Новгородов с этими латинскими буквами для якутского языка был не столько новатором, пробивающим свое открытие, сколько исполнителем директивных указаний.

14 января 1930 года, на заседании Наркомата просвещения открыто будет объявлено, что кириллица является «орудием самодержавия» и «переход в ближайшее время русских на единый интернациональный алфавит на латинской основе неизбежен».

Но это всё еще было впереди...

В 1920 году в Якутии только Новгородов, обладающий и связями в Москве, и тонким политическим чутьем, мог почувствовать, в каком направлении выгодно и прибыльно должна развиваться его «фанатичная» научная мысль. В 1920 году только Алексей Елисеевич Кулаковский, действительно обладающий феноменальным и непостижимым для логического анализа ***всеведением***, мог почувствовать опасность, подстерегающую еще не окрепшую якутскую письменность...

Исчерпав свои логические аргументы, Кулаковский переходит в своем письме на более удобный поэтический язык и завершает свое послание Новгородову стихотворением:

Пусть японцы не угрожают,
Семеновцы не отвлекут,
Красные в стыд не вводят,
Белые не обидят...
В политику не вмешивайся,
В партиях время не трать,
В коммуны не объединяйся,
Белым не подражай...

Стихотворение это, хотя и не связано никак с научной критикой новгородовского алфавита, но оно отнюдь не случайная добавка к письму, оно включено в общую архитектуру послания...

Перечитывая советы С. А. Новгородову: не вмешиваться в политику и не тратить время в партиях — только удивляешься, насколько точно понимал Кулаковский то, что и сейчас еще многим не до конца понятно.

Воистину, это потрясающе мудрый совет, который способен дать своему ученику Учитель.

Глава четвертая

ЭКЗАМЕН ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

Дух этих слов,
Обретая силу,
Пусть покоряет умы якутов.

Мощь моего
Прогремевшего голоса,
Становясь живой и таинственной силой,
Пусть проникает сквозь поры кожи,
До души, до сердца, людей тревожа.

А. Е. Кулаковский.
Старинная якутская клятва[1]

В отношения «учитель—ученик» с С. Н. Новгородовым, С. М. Аржаковым, И. Н. Бараховым А. Е. Кулаковский вступил в 1913—1914 годах.

Если принять во внимание, что образовательный цикл после начальной школы как раз и составляет шесть-семь лет, то экзамены на аттестат зрелости этих учеников Алексея Елисеевича приходятся именно на 1920—1921 годы[2].

22-летний Исидор Никифорович Барахов в мае 1920 года уже помог своему учителю, откликнувшись на его просьбу об освобождении арестованного брата, Ивана Елисеевича Кулаковского.

Выдержал Барахов экзамен на аттестат зрелости и в конфликте Новгородова с Кулаковским...

1

Мы уже говорили, что Новгородову не было никакого резона ссориться с основоположником якутской литературы Кулаковским.

---

[1] Перевод В. А. Солоухина.

[2] Проделывая подобную операцию с учениками Кулаковского по Черкёхской школе Д. К. Сивцевым (Суорун Омоллоном) и Н. Е. Мординовым, мы попадаем в 1930-е годы и уходим за пределы земной жизни Алексея Елисеевича Кулаковского, но оказывается, что это не освобождает его учеников от экзамена. Д. К. Сивцев, как известно, оказался в лагере, а Н. Е. Мординов, чтобы избежать этой скорбной участи, говорил тогда про своего учителя, что будто бы он писал «воинственные контрреволюционные гимны националистов» (Новая Сибирь. 1935. № 1. С. 77).

Сдержанность его ответа отчасти этим и объясняется.

Более того, как достаточно опытный политик, Новгородов открыл Кулаковскому мирный и весьма почетный выход из сложившейся ситуации. Он предложил напечатать оба письма в отделе научной хроники журнала Якутского губернского отдела наробраза...

Но Алексей Елисеевич не повёлся, как говорят сейчас, на это предложение...

Получив письмо Новгородова и убедившись, что его аргументы отвергнуты без обсуждения, он написал письмо своему ученику, одному из самых влиятельных тогда членов губревкома, Исидору Никифоровичу Барахову. Вместе с письмом он послал ему свою статью «Новая транскрипция якутского языка»[1].

«Новгородов по каким-то причинам совершенно отбросил буквы русского алфавита и заменил их частью латинскими, частью выдуманными буквами, в результате получилась азбука, совершенно незнакомая для всякого якута. Понятно, для изучения такой азбуки приходится затрачивать много времени и труда всякому, кто примется за это дело. В особенности трудно приобретение навыка к беглому чтению по этой азбуке, требующего практики годами.

Если бы были введены все подходящие русские буквы, то устранились бы $^3/_4$ указанных затруднений. Спрашивается, для чего же нам, якутам, добровольно навязывать себе излишний, непроизводительный и колоссальный в общей сложности труд для изучения незнакомых букв, для приобретения навыка беглого чтения по ним, тогда как нам возможно было бы свободно воспользоваться буквами общегосударственного русского языка, который нам приходится изучать совершенно независимо от якутской грамоты?!.. Если бы нам вовсе не приходилось изучать русской азбуки, тогда, пожалуй, целесообразно было бы вводить азбуку вроде новгородовской, но раз мы все равно изучаем русские буквы и раз входим сами в состав русского государства, то создавать для себя бесцельный труд — это чистейший абсурд.

Однако чем же руководствуется и какую цель преследует Новгородов, не останавливающийся перед таким очевидным абсурдом? На этот вопрос Новгородов дает совершенно не

[1] Частично мы привели эту статью, рассказывая об отношениях А. Е. Кулаковского с С. А. Новгородовым в Вилюйском училище в седьмой главе этой книги.

удовлетворяющий ответ. Он говорит: "Во-первых, нужно примкнуть к международной транскрипции, во-вторых, русский алфавит имеет много недостатков, т. е. неправильностей". Но оба эти аргумента нисколько не удовлетворительны.

Международная транскрипция обслуживает нужды лишь самих лингвистов при их научных работах, что же касается общей массы якутского племени, то ей в данный момент международная транскрипция никакой пользы не принесет, ибо якуты не знают языков тех народов, литература которых будет писаться по ней.

Нам нужна лишь своя азбука, а не международная транскрипция. Потому попускаться нам из-за международной транскрипции знакомыми русскими буквами не имеет смысла.

Второй аргумент Новгородова — наличность дефектов в русском алфавите — отпадает сам собою, если мы извлечем из него для якутского только те буквы, которые правильно передают обусловленные ими звуки якутской речи. Это вполне возможно, так как на деле оказывается, что как раз почти все те буквы русского алфавита, которые нам нужны и которые Новгородов желает заменить латинскими буквами, вполне правильны в лингвистическом отношении.

Если же мы заимствуем из русского языка две-три неправильных буквы, то мы можем применить их к своим потребностям (например, буквы О, Е, Ё). Ведь соответствие буквы произношению заключается не в самом начертании, а в той условности, в силу которой мы данную букву будем читать так или этак. Как мы условимся произносить данную букву, так она и будет произноситься; так поступали и первые изобретатели письменности...

Словом, новгородовская транскрипция не годится для якутов как по принципу, так и по своим недостаткам, и если она будет введена в нашу письменность, то этим самым создается для нынешних и будущих поколений громадное неисчислимое зло, которое можно пресечь в корне только ныне открытым протестом.

Чтобы устранить эту грядущую беду, следует якутской интеллигенции ныне же приступить к немедленному составлению целесообразной азбуки для якутов.

Я со своей стороны предлагаю два пути: или создать новую азбуку на стенографических началах, или принять бетлингковскую со следующими изменениями и дополнениями»...[1]

---

[1] *Кулаковский А. Е.* Научные труды. С. 311—314.

Барахов, хотя и знал о связях Новгородова в Москве, не испугался возможных последствий и распорядился напечатать статью своего учителя в первом номере за 1921 год партийного журнала «Красный север».

Случилось то, чего и опасался Новгородов.

Кулаковский не удовольствовался «научной дискуссией», спрятанной в толщину мало кому доступного журнала, а открыто, со страниц влиятельного партийного органа выступил против его детища и не остановился на этом. 14 января 1921 года он сделал доклад о международной транскрипции на собрании подотдела по исследованию Якутской губернии. Результатом обсуждения доклада стала совместная телеграмма подотдела и Географического общества, отправленная Новгородову, с требованием приостановить литье шрифта до санкции международного съезда лингвистов и Академии наук.

О ярости, которую испытывал Новгородов после выступления Кулаковского, свидетельствует его письмо, отправленное в редакцию «Красного севера» из Петрограда:

«В сознании того, что если я оставлю без ответа статью тов. Кулаковского, помещенную в № 1 уважаемого мною органа за 1921 год, может получиться ущерб в советском строительстве Якутской губернии в области просвещения народных масс учением о коммунизме, прошу редакцию не отказать напечатать прилагаемые при сем мои "фактические поправки" в ближайшем № редактируемого вами журнала. По техническим соображениям можете разбить поправки на два номера: сначала первые четыре, а потом последние три.

1921 г. 3 августа.

С совершенным почтением С. Новгородов».

К письму была приложена статья, озаглавленная «Излишняя тревога», написанная в развязном и очень оскорбительном для Алексея Елисеевича Кулаковского тоне.

«Получив копию с приведенной статьи лишь в начале июля 1921 года, имею возможность сделать попытку к оправданию себя в семи смертных грехах, в коих я оказался по уверениям некоего т. Д. Кулаковского (см. стр. 27 названного органа Якутского губревкома) или моего уважаемого коллеги А. Е. Кулаковского (см. оглавление на обложке того же органа).

Если столь беспощадным критиком международной транскрипции в применении к якутскому языку является многоуважаемый А. Е., то появление статьи можно объяснить ничем иным, как отчаянием ее автора вследствие предстоящего про-

вала собственной транскрипции, проект коей созрел в голове А. Е. уже более десятка лет тому назад, но по непонятным обстоятельствам остался висеть в воздухе, наряду с другими красивыми его фантазиями.

Если бы статья не была помещена на страницах столь почтенного и официального органа, как "Красный север", то едва ли я удосужился бы писать ответ: и без него последователи "ныне господствующей новой транскрипции" (стр. 24) разобрали бы, где особенно старался т. Кулаковский сгустить краски, прибегая порою даже к передержкам.

Недостаток времени и желания не позволяет мне специально полемизировать с "Д". Кулаковским. Поэтому я ограничусь лишь фактическими поправками»...

Далее Новгородов в своей обычной манере дискуссии с Кулаковским опровергать его, уходя от сути поставленного вопроса, легко и как бы убедительно «разбивает», а на самом деле только изображает, что «разбивает» Кулаковского.

Вникать в эту полемику нет нужды, поскольку аргументы «излишней тревоги» во многом повторяют уже приведенный нами ответ Новгородова на письмо Кулаковского.

Интереснее другое...

Статья «Новая транскрипция якутского языка» появилась в «Красном севере» в начале января 1921 года, а Новгородов пишет ответ на нее только 3 августа 1921 года. Он, правда, объясняет, что получил копию статьи лишь в начале июля 1921 года, но тут возникает вопрос о телеграмме, которая была послана Новгородову в Якутск в середине января 1921 года.

Даже если копию статьи Новгородов получил спустя шесть месяцев после публикации — а поверить в это очень трудно! — все равно он знал о том шуме, который поднялся против его алфавита в Якутии, и наверняка какие-то меры принимал...

Весной 1921 года Новгородов устраивается к Пекарскому, помогая ему в работе над словарем... Это, так сказать, страховочный вариант.

Но, очевидно, предпринимались Новгородовым и другие меры политико-карательного плана. Случайно ли, что свои возражения на статью он пошлет в «Красный север» в августе 1921 года, когда в Якутии снова начнет разгораться Гражданская война.

Именно в контексте происходящих тогда в Якутии событий и следует читать слова Семена Андреевича, что, дескать, если он не ответит сейчас на статью тов. Кулаковского, то «может получиться ущерб в советском строительстве Якутской губернии в области просвещения народных масс учением о коммунизме...».

2

Понять, как осуществлялось почти шаманское ***всеведение*** Кулаковского, невозможно, фиксируются только некоторые его свойства. Так, например, определенно можно утверждать, что использовать свое ***всеведение*** на пользу самому себе или своим близким Кулаковский не мог.

Об этом свидетельствуют события его жизни в 1921 году...

В документах Якутского отделения Русского географического общества сохранился листок, где А. Е. Кулаковский написал: «Якутские пословицы. Автор Алексей Елисеев Кулаковский. Его адрес: Покровское село. Бестях. Ивану Маркову Попову для Кулаковского. Сноситься через учителя Якутской 4-х классной школы Елпидифора Михайловича Егасова».

Видимо, Кулаковский написал эту записку в ноябре—декабре 1920 года, когда еще не планировал перебраться в Черкёхскую школу, где жила вся его многочисленная семья...

Ничего особенного в записке нет, но всего через несколько недель, 21 февраля 1921 года, упомянутый в записке Егасов будет расстрелян за то, что — так было опубликовано в газете! — знал о антисоветском заговоре и не предупредил.

Вместе с ним, как крупный кулак, был расстрелян и другой старинный товарищ Кулаковского Семен Петрович Барашков...

Исследователи считают, что в февральский заговор, спровоцированный Якутской губернской чека, С. П. Барашков попал случайно, приехав по делам хозяйства, где он был теперь только управляющим, в Якутск.

«4 февраля я приехал сюда в город по делам продкома, коммунотдела, здравоохранения, наробраза, совнархоза и губревкома... — показал С. П. Барашков на допросе. — 5 числа между прочим у Андреевича сидел с 9 часов до 2 часов с половиною дня. А от 4 до 5-ти часов того же дня сидел у агронома Слепцова по делу учета моего имущества земотделом.

6 числа все время был дома. Причем утром в этот день имел возможность передать завнаробразу Егасову бумаги касательно школьного дела. В коммунотделе состою агентом по инструктированию летней разверстки дров в количестве 30 тысяч сажен. В коммунотделе исходатайствовал себе помощника по разверстке дров. Завздравотделу представил отчетность о лечебнице. В Совнархозе состою подрядчиком по доставке 500 тысяч пудов дубильных веществ для скорняжной мастерской.

А также представил доклад о сооружении Ботомского железного рудника. В Губревкоме предполагал сделать доклад по

заготовке и сплаву дров. И также должен был в Ревком представить ходатайство Качикатского общества о восстановлении моих гражданских прав»...

Барашкова, как считают исследователи, арестовали за компанию, целью же чекистов были члены культурно-просветительного общества «Саха аймах».

В принципе эта версия совпадает с версией, изложенной самими чекистами в газете «Ленский коммунар» за 15 февраля 1921 года:

«Товарищи! В ночь с 5 на 6 февраля кучкой заговорщиков с Ефимовым, Бурнашевым, Желобцовым, Юшковым и др. во главе должен был быть совершен переворот. Но они не рассчитали. Неминуемое кровавое столкновение Губернской ЧК было предотвращено. Главари арестованы и за содеянное понесут заслуженную кару. Председатель Якутской Ревтройки — Иван Редников».

Противоречия возникают, когда знакомишься с другими документами.

Например, член президиума Якутского обкома РКП(б) и предсовнаркома ЯАССР Исидор Никифорович Барахов допускал, что «февральский (1921) заговор в Якутске был выдуман».

«До сих пор нет ничего, что досконально доказывало бы существование этого заговора, — писал И. Н. Барахов в заявлении от 22 марта 1923 года в Сиббюро ЦК РКП. — Но он тоже существовал в слепоте и чрезмерной революционности местных работников».

Понятно, что «слепоты и чрезмерной революционности» якутским чекистам было не занимать. Так, А. С. Синеглазов сделал применение пыток к задержанным обычным делом. В губподвале или губподрале — так называлось холодное подземелье под зданием губчека — применялись не только шомпола и нагайки, но и «прогулки» арестованных босыми, в одном нижнем белье по морозу в минус 40 градусов...

При таких «приемах» совсем нетрудно было сфабриковать показательное дело. В газете «Ленский коммунар» опубликован список расстрелянных 22 февраля 1921 года за Никольской церковью Якутска заговорщиков:

«Сего 22 февраля за участие в контрреволюционном заговоре по распоряжению Ревтройки расстреляны:

1. Егасов Е. М. — коммунист, знал о заговоре и не предупредил.

2. Явловский В. — помощник начальника городской милиции.

3. Барашков Семен — крупный кулак.
4. Васильев Иван — начальник и организатор отряда из якутов, интеллигент, правая рука Барашкова.
5. Слепцов Тарах.
6. Дьяконов Феодосий — спекулянт.
7. Шестаков Иван — старый полицейский.
8. Елисеев Павел Иванович.
9. Семенов Иннокентий — учитель.
10. Сивцев Егор — начальник контрреволюционного отряда в 40 человек.

Губревтройка».

Старый полицейский, студент-второкурсник (Тарах Афанасьевич Слепцов), спекулянт, два учителя... Безусловно, Семен Петрович Барашков был тут самой крупной фигурой и, безусловно, учитывая, что оба учителя тоже были из Качикатской школы, центр организации смещался в Качикатцы. И, наверное, не будет ошибкой предположить, что если бы Алексей Елисеевич Кулаковский не переехал в Черкёх, то и он мог оказаться в рядах качикатских «заговорщиков».

«Где-то на далеком севере сбился с пути один путник и наехал на одну незнакомую юрту, — писал Кулаковский в завершенной в Качикатцах книге «Материалы для изучения верования якутов». — По всем признакам юрта принадлежала богачу, о чем свидетельствовали размер ее и присутствие построек и загона для многочисленного скота. К удивлению путника, снег перед юртой и вокруг коновязи не был расчищен, только шла тропинка до амбара и до отхожего места. Сноп искр выходил из домовой трубы, и ледяные окна светились. Путник входит в юрту, а входя, втыкает в сугроб снега у дверей огромный охотничий нож (бытыйа) с длинным древком. В доме оказалась кое-какая мебель и три иконы. Обитали в нем только две молодые и красивые женщины. Помолившись, по обычаю, иконам, путник поклонился хозяйкам, но те не ответили на поклон. Посидев, он стал предлагать обычные вопросы — что видели? как поживаете? Но хозяйки не ответили, а только перешептывались между собой. Он молча стал ждать ужина, так как уехать ему, голодному и заблудившемуся, было невозможно в темную холодную ночь. Сварили очень много мяса. Одна из женщин пришивала к торбасам исполинских размеров подошвы. Когда мясо сварилось, хозяйки отложили кому-то очень много мяса в огромной деревянной миске, а сами стали ужинать, не приглашая голодного гостя, вопреки самым не-

преложным обычаям якутов. Нечего делать, путник внес из своей провизии и поужинал. Когда пришла пора лечь спать, женщины легли, запершись в чулане, а путник расположился на средней наре, предварительно пустив коня своего на подножный корм. Ему не спалось: он инстинктивно чувствовал что-то неладное и очень боялся. Здесь все было как-то неестественно: и малонаселенность такой обширной усадьбы, и поведение хозяек, и отсутствие скота и дорог, и огромный размер торбасов»[1]...

Такое ощущение, что в этом жутковатом рассказе о дэриэтинньике Кулаковский, кажется, воспроизвел свои впечатления от поездок по Якутии, объятой Гражданской войной, когда революционные дэриэтинньики, в которых странно и страшно смешались человеческие свойства и свойства абааһы, превращали человеческие жизни в материал для строительства новой жизни...

Герою рассказа Кулаковского удается победить безжалостного дэриэтинньика.

Когда дэриэтинньик волок его на улицу, герой увидел свой воткнутый в сугроб охотничий нож и, изловчившись, схватил его и всунул в бок чудовища, которое побежало «большими прыжками прямо на север, оставляя следы водянистой крови симэһиннээх хаан».

Но чтобы одолеть революционных дэриэтинньиков, требовалось, конечно, совсем другое оружие...

3

Чтобы добраться до Черкёха из Якутска, надобно вначале переправиться через Лену, а потом, минуя поселки Тюнгюлю, Джабыл, Мугулай, Чурапчу, Кыйы, двигаться по так называемому Охотскому тракту на родину Кулаковского.

223 километра отделяют Черкёх от Якутска...

В начале XIX века здесь, кроме родового управления и юрты старушки Чекех — так выглядел тогда центр III Жохсогонского наслега Ботурусского улуса, — ничего не было.

Но в 1856 году над речкой Тааттой, на пригорке у опушки леса построили Ойунусовскую часовню, которую освятил святитель Иннокентий (Вениаминов), и село начало расти. Второе рождение его было связано с выделением в 1912 году из Ботурусского улуса самостоятельного Тааттинского улуса с центром в Черкёхе. Тогда здесь поднялись здания улусной управы, двухклассного училища, аптеки и новый пятиглавый собор.

---

[1] *Кулаковский А. Е.* Научные труды. С. 51—52.

В посемейном списке служащих школ Якутского уезда приводится состав семьи учителя Тааттинской школы А. Е. Кулаковского:

Алексей Елисеевич Кулаковский — 44 года,
жена его Евдокия Ивановна — 36 лет,
его мать Анастасия Николаевна — 83 года,
дочь Лариса —18 лет,
воспитанница Анна Егоровна — 17 лет,
сын Иасон — 14 лет,
сын Алексей — 9 лет,
сын Реас — 7 лет,
дочь Раиса — 3 года.

Квартировали Кулаковские в Черкёхе в доме у Федоровых.

Как пишет Л. Р. Кулаковская, позже хозяин дома Федоров был обвинен в том, что у него жил Кулаковский, и по распоряжению командира особого отряда К. Сокольникова расстрелян.

Но это потом... А весной 1921 года в Тааттинской школе работали друзья и единомышленники Алексея Елисеевича Кулаковского — известные в Якутии учителя Василий Иванович Софронов и Петр Васильевич Афанасьев, первый профессиональный художник Якутии Иван Васильевич Попов, автор книги для чтения на якутском языке, одна из первых учительниц-якуток Вера Дмитриевна Давыдова, поэт, ставший позднее активным участником повстанческого движения, Петр Иванович Оросин. Кулаковский сумел объединить усилия этих ярких и неординарных педагогов на благо общего дела.

Среди учеников, прошедших Черкёхскую школу, Амма Аччыгыйа (Николай Мординов) и Дмитрий Кононович Суорун Омоллон (Сивцев), ставшие народными писателями Якутии и внесшие огромный вклад в формирование самосознания якутского народа. Они с благодарностью и большой теплотой вспоминали о своей учебе у Кулаковского.

Поразительно, но ***образование*** этих великих сыновей якутского народа осуществлялось Алексеем Елисеевичем Кулаковским, когда начинала разгораться вокруг новая Гражданская война.

И разве только их пытался тогда образовать Алексей Елисеевич?

Выступая на майском митинге 1921 года, он говорил: «В старину люди жили в темноте и невежестве. Не знали ни огня, ни домашних животных. Затем постепенно народ начал присматриваться ко всему окружающему и стал делать один за другим все новые и новые открытия. Ко всему начал привыкать, все начинал находить на свои собственные нужды, необходимые для хозяйства. Затем народ постепенно стал развиваться и на-

конец дошел до ***образования. Образование не произошло от буквы, а от постепенного развития народа...*** (выделено мной. — *Н. К.*). Теперь ***образование*** открыто для всех. Всякий может по своему желанию поступать, где желает. Призываю всех товарищей всеми силами стремиться к ***образованию*** и просвещению!»

Мысль необыкновенно глубокая...

Образование может произойти только от постепенного развития народа...

И если бы не гремели вокруг призывы: сойтись под знамя большевизма и рабочей партии, строго карать богатых, быстрее организовать коммуны и не верить духовенству, если бы задумались участники митинга революционных хамначчитов[1] о других путях достижения народного счастья, может быть, они и сумели бы вступить на путь подлинного ***образования,*** которое одно только и могло привести к счастливой жизни. Однако среди злобы и ожесточения слова Кулаковского оказались неуслышанными.

Насколько остро стоял тогда в Якутии вопрос о классовом расслоении, показывают документы беспартийной конференции десяти волостей, проходившей примерно в то же время в соседней с Черкёхом Чурапче. Участники конференции потребовали изолировать всех кулаков и тойонов. Местом такой изоляции конференция определила алданские свинцовые рудники.

Составлены были и списки лиц, подлежащих изоляции. Согласно им, в Борогонской волости подлежало изоляции 79 человек, в Мегинской — 29, в Дюпсинской — 22, в Баягантайской — 11, в Майской — 4, в Ботурусской — 7, в Тааттинской — 57, в Амгинской — 5 человек.

По мере сил Кулаковский пытался утишить страсти и старался не поддаваться попыткам вовлечь его в братоубийственное противостояние.

4

Лето 1921 года Алексей Елисеевич Кулаковский провел в Оймяконе, занимаясь сбором материалов, связанных с его работой в подотделе по изучению края.

Сохранилось письмо уполномоченного Г. А. Попова от 11 ноября 1920 года, вводящее нас в курс проблематики этой работы: «А. Е. Кулаковскому. Согласно ваших требований, вместе с сим, сделано предложение ГОНО о снабжении Вас просимыми материалами. Что касается спирта и фонда опла-

[1] Батраков.

ты при собирании научных материалов, то это возможно в 1922 году в общем сметном порядке. Написал в Таатгский Волревком о содействии Вам и освобождении от повинностей. На днях все служащие ГОНО будут снабжаться мануфактурой, и я постараюсь снабдить и сотрудников подотдела Исследований. Сообщайте ежемесячно о своих работах, присылайте материалы. Было бы крайне желательно иметь материалы о Манчары, Омоллоне и др. Сообщите, где сотрудник И. В. Попов и что он делает. Жду его отчетов, материалов и картин. В каком положении Ваш труд "Пословицы и поговорки якутов"? На днях будет решен вопрос об издании особого научного сборника подотдела Исследований, куда войдет Ваш труд по верованию якутов. В случае каких-либо препятствий, прошу руководствоваться моими объявлениями в официальной части "Ленского коммунара" за месяц сентябрь-октябрь с. г.».

К началу учебного года Кулаковский приехал из Оймякона в Таатту и сразу отправился в Якутск, чтобы сдать готовый материал.

Он был в Якутске, когда 29 сентября 1921 года вышло постановление № 108 губревкома, которое определило виды изоляции тойонов и кулаков по четырем категориям. Принудительными работами теперь следовало наказать даже нетрудоспособных. Проводилось это постановление в жизнь самыми жесткими методами.

За три дня до выхода постановления был издан приказ об уничтожении всех бандитов и их приспешников, взятии в заложники их семей и конфискации имущества.

В ответ начало формироваться сопротивление.

Из Нелькана в Центральную Якутию двинулся отряд корнета В. А. Коробейникова, а в Охотске высадился из Приморья десант войскового старшины, есаула В. Бочкарева, снаряженного главой дальневосточного правительства Спиридоном Денисовичем Меркуловым. Есаул захватил Охотск и, чтобы «освободить братьев якутов от ига пришельцев», послал отряды в арктические районы Якутии.

1 октября 1921 года Алексей Елисеевич Кулаковский подписал у начальника ГПУ С. М. Аржакова (своего бывшего ученика) открытый лист № 2092 и пропуск к тому же номеру сроком до 1 октября 1922 года и вернулся в Черкёх.

Похоже, что коллег-учителей Алексей Елисеевич в Черкёхе уже не застал...

Существуют достаточно противоречивые сведения об «исходе» учителей Черкёхской школы. С одной стороны, есть те-

леграмма об отсутствии учителей в Тааттинской школе, которую вридпредтаатволревкома Огоюкин отправил в губнаробраз еще 2 октября 1921-го, а с другой — многие исследователи связывают учительский «исход» с образованием 8 ноября 1921 года Тааттинской комячейки и Ботурусского особого конно-ударного отряда губчека К. Сокольникова.

С 4 ноября 1921 года в заречных улусах (Мегинская, Баягантайская, Дюпсинская, Борогонская, Тааттинская, Ботурусская, 1-я и 2-я Амгинские, Восточно-Кангаласская волости) было введено военное положение.

В Таатту приехал тогда 22-летний Аржаков. Приехал в должности уполномоченного Якутского губревкома и губчека, начальника особого отдела при сводном отряде Красной армии.

Приехал он наводить порядки — в заречных улусах было введено военное положение и начались аресты — но так получилось, что еще он приехал, чтобы держать экзамен у своего же учителя.

«По отношению же реквизиции, конфискации, до дня моего приезда в Таатту ни одного не было, — телеграфировал С. М. Аржаков 26 ноября П. Ойунскому. — Всего из Татволости направлено арестованных в Амгу (Слободу) 14 женщин на основании приказа командующего 5-ой армией. Это всё жены бежавших к белым. Из мужчин отправлено 15. Против каждого имеется особо веский материал. Все эти лица были задержаны еще до моего прибытия сюда начагентуры Петуховым... Большое недоумение среди населения осталось только арестом жен бежавших и родственников. Арест произведен правильно»...

Как мы уже писали, одним из тех, кого арестовали и отправили в Амгинскую Слободу, был 57-летний старший брат А. Е. Кулаковского, уважаемый и почитаемый народный певец И. Е. Кулаковский — Оонньуулаах Уйбаан, бывший голова Тааттинского улуса.

Мы уже говорили, что из-за ревматизма, разыгравшегося после первой отсидки, он мог передвигаться только с помощью табуретки, и какую опасность он представлял для большевиков, не понятно, но не зря ведь постановление № 108 губревкома рекомендовало подвергать принудительным работам и нетрудоспособных.

Чтобы спасти брата, А. Е. Кулаковский ездил в Баягу: встретиться с начальником ГПУ С. М. Аржаковым.

— Быһаарсан баран ыытыахтара...[1] — заверил тот своего учителя.

Разрубленный саблей труп Ивана Елисеевича Кулаковского обнаружился через несколько недель стоящим в сугробе возле дороги около Амгинской Слободы.

Сразу уточним, что события Гражданской войны в Якутии не имели столь массового характера, как в Центральной России или на Украине. Здесь не сшибались многотысячные армии, боевые действия ограничивались столкновениями нескольких сотен человек с одной и с другой стороны. И репрессии 1920-х годов тоже были не столь масштабными... Арестовывались и расстреливались не тысячи, а всего лишь десятки человек...

Я говорю это к тому, что едва ли можно оправдать Аржакова неосведомленностью или невозможностью разобраться в происходящем.

В 1922 году он возглавлял местное ГПУ и, в принципе, если бы захотел, мог бы выяснить, почему арестован Иван Елисеевич Кулаковский, и конечно же его полномочий хватало, чтобы не доводить дело до казни — Иван Елисеевич был уже достаточно пожилым, едва передвигающимся человеком.

5

Смерти приглянулась тогда семья Кулаковских...

2 января 1922 года умерла мать, 84-летняя Анастасия Николаевна Кулаковская.

Потом привезли в Черкёх тело Ивана Алексеевича. Какая-то шекспировская драматургия присутствует в этом педагогическом сюжете, разворачивающемся на Гражданской войне.

Момент встречи Алексея Елисеевича со старшим братом запомнил его ученик — народный писатель Дмитрий Конович Сивцев (Суорун Омоллон).

«Около школы, внезапно увидев на санях труп и оторопев от неожиданности, с возгласом: “Что это?!” Алексей Елисеевич кинулся к саням, развернул и увидел брата».

С беспощадно реалистической точностью рисует народный писатель драму, которую переживает Алексей Елисеевич Кулаковский в это мгновение.

Если бы Кулаковский разразился гневным монологом, если бы он обличал с присущей ему страстностью убийц брата и их главного руководителя Аржакова, это было бы, может быть, и ярче, но в этом уже не было бы учителя Алексея Елисеевича Кулаковского...

---

[1] Разберутся, потом обязательно отпустят...

Неловкий, полузадушенный вопрос: «Что это?» — относится не к останкам брата...

Не требовалось и ***всеведения*** Кулаковского, чтобы отгадать, чей труп привезли на санях к школе.

Кулаковский совершенно точно знает, кто это.

Но он спрашивает: «Что это?» — потому что не понимает, что происходит, не понимает, почему творится этот страшный обман, и творит его — его ученик, которому совершенно незачем было делать это...

Тело Ивана Елисеевича Кулаковского разморозили в проруби, разрубленные места склеили растопленным воском и похоронили в местности Амыдай.

Склеить веру в свои силы после этой трагедии Алексею Елисеевичу Кулаковскому было труднее.

Пусть умру,
Не увидев больше солнца,

Пусть живу,
Не увидев больше счастья.

Пусть брожу,
Позабыв о спокойной жизни, —

напишет он в эти дни...

Перед очагом, огнем священным,
На шкуре старого жеребца,

На коленях стоя и сгорбив спину,
На пятках сидя, крючком согнувшись,

Костями предков на аранчасах[1]
Страшной клятвой клянусь сейчас я.
Ужасный зарок принимаю,
Жуткое проклятие на себя навлекаю.

Пусть эта клятва
Проникает к людям
В мозги,
Под каменные макушки[2],

Стихотворение написано Алексеем Елисеевичем Кулаковским в 1921 году. Кажется, вся мистическая сила «Материалов для изучения верований якутов», которые собирал Кулаковский, воплотилась в этом страшном тексте...

---

[1] Высокий помост, на котором в старину хоронили покойников.

[2] Перевод В. А. Солоухина.

Если я откажусь
От своих твердых слов,

Если я отрекусь
От своих клятвенных слов,

Если я растопчу
Свои дорогие слова,

Если в грязь обращу
Свои золотые слова,

Пусть племена небожителей
Отвернутся все от меня,
Пусть сердобольная покровительница
Не любит больше меня.

Дух — хозяин глухих лесов —
Богатейший Барылах-Тойон
Пусть не дарит мне драгоценных мехов.

Дух — хозяин водных пучин —
Синий-синий Боллах-Тойон
Пусть не шлет мне серебряных рыб.

Дух — хозяйка самой земли —
Добрейшая Аан-Алахчын-хотун
Пусть лишит меня всех даров.

Дух огня,
Жги меня!..

В стихотворении не указываются причины, вызвавшие произнесение этой страшной клятвы; резонно предположить, что именно события второй половины 1921 года и подтолкнули Кулаковского к созданию этого стихотворения.

Такую же версию высказывает Л. Р. Кулаковская.

«Стихотворение написано перед самым началом гражданской войны в Якутии, вызванной уничтожением интеллигенции и самого прогрессивного, трудолюбивого слоя общества, — пишет Л. Р. Кулаковская. — Потому, можно предположить наличие в нем конкретного адресата в лице отступившихся от своей клятвы верности служения народному благу, вместо земли крестьянам и фабрики рабочим, развязавшим кровавый террор против собственного народа».

Пусть глаза мои высосут черви,
Пусть язык мой звучный —
Высохнет в крючок и присохнет к нёбу,
Пусть костоеда в меня вселится.

Пусть дети мои умирают,
Внуки не выживают,
Род прекратится...

Тело мое тяжелое земля не примет,
Душу мою легкую воздух не примет,
Душу мою живую небо не примет,
И станет она злым духом.
Да будет так!

Подобно реке Лене, поднимающей в бурю песок со своей глубины, поэзия Кулаковского поднимает такие мистические пласты народного сознания, что стихотворение его не завершается с окончанием текста, оно продолжается — и продолжает его сама жизнь...

6

Можно только гадать, какая именно причина заставила Алексея Елисеевича Кулаковского укрыться после убийства брата в урочище — распадке Назара.

Здесь в самом начале века услышал А. Е. Кулаковский от соседа Анемподиста Яковлевича Аввакумова поразившее его своей красотой заклинание хозяина леса, доброго и щедрого иччи «Баай Байаная»...

Здесь записал он:

Благословенные дни мои настали.
Девять конских волос во всю длину класть,
Семи конских хвостовых волос распрямлением бросать,
Знаменательные дни наступили!
Господин дедушка, всеимеющий богач!
Хоть бы ты меня, приняв артельщиком к себе,
Тем принес бы мне пользу.
Ведь бывало, что если я скажу «дедушка»!
Ты как будто отвечал: «А!»
Если что было принесено для меня, того не меняй... —

строки стихотворения, от которого повела отсчет письменная якутская литература.

Теперь, 22 года спустя, в год, когда в огне Гражданской войны рождалась автономная республика Якутия, Алексей Елисеевич снова оказался в местности, где родители его провели свою молодость, где мать вынашивала его, где на родовом кладбище упокоились и его предки, и его братья...

Хмурые, как повстанцы, стояли в распадке высокие сосны, а земля в лесу была покрыта иголками лиственниц, и казалось, будто она запеклась кровью.

Без сомнения, события, связанные с антисоветским восстанием в Якутском уезде и борьбой за власть в самом Якутске, не могли не волновать Кулаковского.

Тем не менее в начале 1922 года власть и в Тааттинском улусе, и в Чурапче находилась в руках повстанцев и ВЯОНУ (Временное якутское областное народное управление), а от них для Кулаковского никакой опасности исходить не могло.

Так что беспокоила Алексея Елисеевича скорее не та реальная опасность, которая угрожала непосредственно ему, страшнее было осознавать, что вчерашние ученики, вершащие сейчас судьбы людей, ничего не могут сделать для их спасения...

Страшное ощущение безумия происходящего мешалось в душе поэта с горем утраты, и не было никакого выхода из этого состояния...

22 апреля 1922 года на торжественном заседании президиума Якутского губбюро РКП(б) было объявлено о создании Якутской Автономной Социалистической Советской Республики...

В связи с провозглашением республики 1 мая был обнародован манифест, согласно которому амнистии подлежали все участники вооруженных столкновений 1921—1922 годов, все, обвинявшиеся в антисоветских выступлениях, включая и «национальную интеллигенцию»...

Созданное повстанцами ВЯОНУ провело тогда в Таатте чрезвычайный съезд...

Алексей Елисеевич слушал эти новости, глядя на покрытое льдом озеро...

Снег вокруг уже растаял, кое-где зазеленела трава, и белеющее посреди алласа озеро было похоже на затянутый бельмом глаз...

Кулаковский кивал...

Надо было ехать, надо было попробовать договориться. Не зря ведь говорят, что не надо истощать последних сил своих слезами — остатки средств к существованию всегда с тобой...

7

Имеются точные сведения, что хотя Кулаковский и не присутствовал ни на учредительном, ни на чрезвычайном съездах ВЯОНУ, но именно он доставил протоколы этих съездов командующему войсками Якутской области и Северного края Карлу Карловичу Некунде (Байкалову).

«В средних числах мая известный просветитель своего народа А. Е. Кулаковский, один из лучших вполне советских представителей интеллигенции, доставил мне полученные им из стана контрреволюции (кажется, от П. И. Оросина) протоколы»...[1]

Зачем это было сделано и почему именно Алексей Елисеевич Кулаковский принял на себя эту миссию, существуют различные версии. Некоторые исследователи утверждают даже,

[1] *Байкалов К. К.* Статьи. Воспоминания. Якутск, 1968. С. 20.

что Кулаковский работал, так сказать, красноармейским разведчиком и доставленные в штаб Карла Карловича Некунды (Байкалова) протоколы — первый результат этой разведки.

Предположение это не выдерживает серьезной критики.

Во-первых, и по характеру своему, и по положению Кулаковский на роль разведчика не подходил; во-вторых, не было в протоколах никакой секретной информации; ну и в-третьих, организаторы ВЯОНУ, как утверждал в дальнейшем А. С. Ефимов, сами были заинтересованы в распространении документов съезда, чтобы большевики знали, какие цели и задачи ставит перед собой ВЯОНУ.

Поэтому гораздо разумнее предположить, что П. И. Оросин сам попросил Кулаковского отвезти протоколы чрезвычайного съезда К. К. Байкалову, потому что более подходящего для этой миссии человека членам ВЯОНУ было не найти.

Наверное, расчет делался на то, что, обладая необходимым умом и опытом, А. Е. Кулаковский сможет выяснить, что же происходит на самом деле, чего следует ожидать и что надо делать далее...

Легко представить реакцию Карла Карловича Некунды, когда он прочитал, что организаторы ВЯОНУ собираются рассматривать большевиков как «государственных преступников, насильственно захвативших Верховную власть Российского государства».

Рассказывают, что, когда Кулаковский вернулся в Учай, собрался весь наслег. Многие мужчины уже записались добровольцами в ополчение ВЯОНУ и хотели посоветоваться с Ексекюляхом Алексеем.

Алексей Елисеевич попросил положить на стол одно зерно и сказал людям, чтобы внимательно смотрели на зерно.

Потом молча очень долго лежал...

В разделе «Гадания» «Материалов для изучения верований якутов» Алексей Елисеевич Кулаковский поместил рассказ о верчении жерновов.

«Какого-нибудь, наиболее способного к восприятию воздействия сверхъестественных сил, проще говоря, нервного человека уговаривают прикинуться умершим. Подговоренный начинает хворать за три ночи до времени, назначенного к гаданию: лежит на постели, стонет, охает и делает духовное завещание (словесно, конечно), затем, на третий день "умирает". Его укладывают на постель, расположенную под порогом входной

двери. Под изголовье кладут веник, у ног — сковороду, у изголовья — чашку с водой. Все металлическое (крест, нож, перстень) снимают с покойника. Затем покрывают саваном, куда втыкают иголку, которой приходилось шить одеяние для трех покойников. Еще до смерти "покойника" домашние плакали и причитали, а у входа тесали гробовые доски. Уложив покойника на постель (харалаах маас тэллэххэ) и снарядив по описанному, закрывают иконы, засыпают огонь пеплом. Становится темно. Все молчат. Далее каждый желающий узнать свое будущее подходит по очереди к жерновам, подходят, соблюдая возрастное старшинство. Подошедший начинает вертеть жернов, поставленный над мнимоумершим немного в сторону. Жернова не простые: на ось лежняка (нижний жернов), вокруг которой вертится верхний, нанизывают кожаные кружочки, чтобы вертеть было легче, так как тогда камни не плотно прилегают друг к другу; к деревянному поперечнику верхнего камня, насквозь которого проходит железная ось (шейка веретена) нижнего камня, прикрепляют стальную иголку. Каждый подошедший должен вертеть жернов левой рукой три, девять раз против солнца. Когда жернова будут склонны предсказывать, то они примыкают друг к другу, так что нижний вертится вместе с верхним. В этот момент вертящий умоляет словами: "говори по-человечески, сказывай по-якутски!" Тогда жернова начинают дрожать, скрипеть и скрежетать, затем вдруг верхний жернов становится легко крутимым... С этого-то момента начинается вещий рассказ жерновов. Они говорят про будущую судьбу крутящего. Речи жерновов слышны только для мнимоумершего, остальные ничего не слышат»[1].

Происходящее в юрте, где собрались встретить вернувшегося Кулаковского жители наслега, чем-то напоминало это гадание.

Дрожали, скрипели и скрежетали рядом с Кулаковским жернова истории, и ему нужно было пересказать вещий смысл этих жерновов о судьбе земляков.

— Алексей, — прервал, наконец, невеселые мысли Кулаковского голос бесшабашного и смелого Василия Аввакумова. — Что означает это зерно?

— Зерно — это Якутия, — вставая, ответил Кулаковский. — А весь стол — покрасневшая Россия. Вы еще думаете победить Россию? Ваша задача — остаться в живых и не дать угаснуть племени якутов.

---

[1] *Кулаковский А. Е.* Научные труды. С. 84—85.

Глава пятая

ВОЙНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Время от меня
Следа не оставит.
Имя мое
Потомки ославят.

В сказках опозорят,
В песнях высмеют,
Разнесут хулой на устах.

А. Е. Кулаковский.
Старинная якутская клятва

Николай Ефимович, директор музея в Черкёхе, рассказывал мне, что еще в детстве его удивляла надпись «Здесь похоронен Иван Елисеевич Кулаковский, павший от рук красных бандитов».

Когда он впервые прочитал это, шли 1960-е годы и ни о каких красных бандитах и речи быть не могло... Но надпись говорила о другом.

— И это было для меня первым уроком реальной истории... — рассказывал Николай Ефимович.

1

Чтобы понять, о чем думал Алексей Елисеевич, укрываясь в распадке Назара, надо вспомнить, что происходило тогда в Якутии...

Вот скупая хроника событий 1922 года, когда снова разгорелась в Якутии Гражданская война...

2 января 1922 года расквартированные в Якутии красноармейские боевые части получили секретное распоряжение А. Т. Козлова: «Приказываю отбросить всякое миндальничанье, способствующее лишь разложению нашего тыла, под которым подразумевается как разложение граждан, наше миролюбие принимающих за нашу слабость, так и разложение наших частей, а потому примите к неуклонному проведению в жизнь следующее:

Отбросить всякие сентиментальности как с бандитами, так и с мирными гражданами, и также с нашими частями. Банди-

тов, захваченных где бы то ни было, расстреливать без пощады, граждан, населяющих наш тыл, содействующих бандитам и чем бы это содействие ни выражалось: указанием ли бандитам нашего расположения или численности, предоставления им подвод для передвижения, фуража и продуктов или просто в том, что то или иное селение при посещении его бандитами предоставляло квартиру и об этом не сообщило нашему командованию, просто оставались пассивными, расстрелять каждого пятого в селении без всякой пощады...»

Через два дня приказом Якутского губревкома было введено военное положение в Якутском уезде и Якутске.

Ужесточение карательных мер тем не менее повстанческого движения не остановило. Наоборот, 10 января 1922 года белогвардейские отряды окружили селение Амгу, осадив здесь отряд красного командира К. М. Котруса, а 20 января пал Верхоянск.

У нас нет оснований утверждать, что активность белоповстанцев была преднамеренно спровоцирована ужесточением карательных мер, еще меньше оснований у нас утверждать, что разжигание нового витка Гражданской войны преследовало цель сделать Москву более уступчивой в определении статуса Якутии, но по датам получается, что именно так и обстояли дела.

Как известно, 6 января 1922 года коллегия Наркомнаца приняла решение об образовании Якутской автономной области, но Максим Кирович Аммосов, отстояв почти двое суток в приемной Сталина, сумел убедить того, что восстания в Якутской области вызваны во многом принижением национального статуса якутов. В результате уже 21 января 1922 года Ленин дал указание готовить проект решения Политбюро об образовании Якутской АССР.

22 января 1922 года на заседании пленума Якгуббюро заслушали информацию о решении Сталина, и в этот же день вышло обращение сторонников Учредительного собрания «К братьям якутам!». В нем говорилось, что «большевистская банда в Якутске» расстреляла «лучших представителей якутской и местной русской интеллигенции», а в губревкоме воссели «какие-то хамначчиты Аммосовы и Слепцовы», которые «каждое лето ездят в далекую Москву на поклон красному царю Ленину».

Это не помешало, разумеется, на I чрезвычайном совещании Советов Якутской губернии, проходившем 10—22 февраля 1922 года, одобрить проект «Декларации прав и обязанностей трудящихся ЯАССР» и Конституции ЯАССР.

Но это с одной стороны... А с другой, ни конституция, ни постановление Президиума ВЦИК об образовании Автономной Якутской Социалистической Советской Республики как

части РСФСР, принятое 16 февраля 1922 года, не смогли притушить повстанческий пожар.

Как явствует из оперативной сводки штаба 5-й армии и ВСВО, к середине февраля обстановка в Якутии была очень тяжелой: «Покровский район — бандиты (в сводке так именуются повстанцы. — *Н. К.*) сосредоточились в наслегах: Качикатском (занимают Ботомский железный рудник на реке Ботоме в 30 верстах от ее устья) — численность не выяснена, Жемконском (около 80 верст южнее Якутска) — около 100 человек, первом Тылыминском (около 50 верст южнее Якутска) — около 200 человек. Бандиты, укрепившись в наслегах, производят налеты в северном и западном направлениях на Хаптагайский наслег (около 30 верст юго-восточнее Якутска) и на прибрежную полосу реки Лены в районе расположения 1-го и 2-го Тылыминских наслегов (50—80 верст южнее Якутска)...

Нельканское направление:

а) Харанский район — бандиты занимают следующие пункты: ст. Харанская — 60 человек, второй Нахарский наслег в районе ст. Ыргалахская — 80 человек, наслег Алтанский[1] (севернее Амгинского тракта между станциями Джанхаринская и Кюнклюкинская, около 100 верст восточнее Якутска) — 200 человек и штаб Коробейникова...

б) Амгинский район — по данным от 2 февраля в Амгинском районе бандиты группируются следующим образом: вокруг Амги радиусом 3—5 верст кольцо бандитов — 150 человек, Осохтох (10 верст северо-восточнее Абаги) — 40 человек, Абага — 100 человек и штаб Юшманова (якутский купец), там же сосредоточено много добровольцев, ожидающих оружия, обещанного приезжавшим 25/1 в Амгинский район Толстоуховым. Против белых действуют отряды Котруса и прибывший партотряд Китаева общей численностью до 300 человек, сосредоточены целиком в Амге. Бандиты активности не проявляют, намереваясь взять отряд измором.

Охотское направление — бандиты группируются в наслегах Долдинском (около 70 верст северо-восточнее Якутска по Охотскому тракту), Мойрутском и Ботаринском (около 70 верст восточнее Якутска) — численность бандитов в указанных наслегах не выявлена, 2-й Мельжехсинский наслег (около 100 верст восточнее Якутска) — 80 человек. Бандиты активности не проявляют.

Против них в данном районе действует первая группа второго отряда (Каратаева). В связи с появлением бандитов севе-

---

[1] Ныне существует наслег с таким названием в соседнем Амгинском улусе.

ро-западнее расположения отряда ему приказано, заняв одной ротой 3-й Мельжехсинский наслег (около 25 верст севернее Якутска на правом берегу реки Лены), перейти во 2-й Холмугинский наслег, соединившись со второй группой.

Северное направление — бандиты занимают наслеги Мегюринский (около 60 верст севернее Якутска на правом берегу Лены) и 3-й Мельджахсинский — численность не выяснена. Бандиты ведут усиленную разведку, выходя на острова реки Лены и на Кильдемский наслег на левом берегу Лены против Мигюринского наслега.

Против бандитов в районе действуют: Мархинский партотряд Пшенникова — 17 человек, Маганский партотряд Клусика — 20 человек и каввзвод Хасанова — 18 человек.

Для охраны города Якутска из местных рабочих сформированы дружины общей численностью 185 человек»[1].

Положение красных усугубляло то, что в их стане не было единства.

Максим Кирович Аммосов по-прежнему находился в Москве, а в Якутске, когда среди партийных боссов пошли разговоры о дележе новых республиканских должностей и пайков, началось расслоение по национальному признаку.

На первых порах верх взял «триумвират» в составе Г. И. Лебедева, А. Г. Козлова и А. В. Агеева. Лебедев отмечал, что «национализм наблюдается не только у тов. Слепцова, а почти у всех якутов без исключения». Агеев заявлял, что Ойунский, «работая же в Губревкоме в качестве председателя, все решения будет проводить с уклоном к национализму».

К сожалению, эти опасения распространялись и на весь народ. Лебедев, например, всерьез утверждал, что «подавление бандитизма возможно только при почти поголовном истреблении местного населения».

На фоне этого нестроения успехи повстанцев выглядели еще эффектнее.

2

В начале марта в Чурапче состоялся Учредительный съезд представителей якутской интеллигенции. Съезд избрал Временное областное якутское народное управление (ВОЯНУ) и принял следующую программу:

«1. Верховная власть в области должна принадлежать всему народу.

---

[1] Сводка цитируется по кн.: Якутия. Хроника. Факты. События. 1917—1953. Ч. II / Сост. А. А. Калашников. Якутск: Бичик, 2004. С. 37.

2. Народная власть в Якутской области должна бороться с большевиками за восстановление Родины в контакте с другими антибольшевистскими областными правительствами.

3. По изгнанию большевиков из Якутской области Якутское областное народное управление должно в самом непродолжительном времени созвать народное собрание на основе всеобщего права, без участия коммунистов (большевиков) и их приспешников, для выработки Конституции областного самоуправления.

4. Население Якутской области, в целях скорейшего и вернейшего изгнания большевиков из Якутской области, должно сплотиться вокруг своей областной власти, стоящей на принципах беспартийности.

5. Большевиков (коммунистов) рассматривать как государственных преступников, насильственно захвативших Верховную власть Российского государства.

6. Не допускать насильственного захвата власти одной какой-либо политической партией, восстановить неприкосновенность личности, имущества и жилищ и обеспечить все гражданские свободы».

Сбежавшего из Якутска Георгия Семеновича Ефимова избрали председателем правительства. Корнета Михаила Яковлевича Коробейникова назначили главнокомандующим «народной армией».

Еще не закончился Учредительный съезд представителей якутской интеллигенции, как 6 марта 1922 года повстанцами была одержана едва ли не самая значимая победа. Между селами Техтюр и Табага в их засаду попал штаб командующего войсками Якутской области и Северного края Н. А. Каландарашвили.

«Товарищ Каландарашвили в 5 утра выехал из Техтюрской станции в Якутск. В 9 часов утра в Якутск прибыл нарочный из ст. Табагинская, что 30 верст южнее Якутска, который сообщил, что в 8 верстах от Табагинской на эшелон тов. Каландарашвили бандами произведено нападение, причем из эшелона прорвались в сторону Якутска 5 передних подвод, остальные 105 остались по ту сторону засады... Командир второй группы тов. Арчирьянов сообщил, что он выступил из Тектюрской вместе с т. Каландарашвили. Их эшелон составляли штаб т. Каландарашвили с его личной охраной, штаб тов. Асатиани, артиллерия и обоз — всего численностью до 100 человек. Приблизительно на полпути эшелон был обстрелян засадой бандитов, занявших оба берега в протоке Табагинской, по которой двигался эшелон...»

Гибель Дедушки (партизанская кличка Н. А. Каландарашвили) стала настоящим ударом для большевиков. На похоронах Г. И. Лебедев резко обвинил беспартийную интеллигенцию в саботировании советского строительства и заявил, что большевики припомнят им это предательство.

Слова эти стали роковыми для самого Лебедева. Через день в Якутске произошел военно-политический переворот.

Днем собранное П. А. Ойунским военно-политическое совещание обсудило обстановку, а в ночь на 11 марта 1922 года взвод солдат под командой П. Ф. Савлука произвел арест секретаря губбюро Г. И. Лебедева и члена президиума, председателя госполитуправления А. В. Агеева. Планировали арестовать и председателя губревтрибунала и начштаба комвоорсилами А. Г. Козлова, но ограничились лишь отстранением его от должности.

На следующий день на расширенном пленуме губбюро РКП(б) врид командующего вооруженными силами Якутской губернии П. Ф. Савлук сообщил, что арест членов президиума губбюро РКП(б) Лебедева и Агеева и отстранение Козлова от занимаемой должности «были естественным результатом, так как иного выхода для изменения политики губбюро, которая шла вразрез с указаниями центра и мешала ликвидации бандитизма, не было»...

На должность командующего войсками Якутской области и Северного края, которую занимал грузин Нестор Александрович Каландарашвили, был назначен латыш Карл Карлович Некунда (Байкалов).

Тем не менее положение красных продолжало ухудшаться, и на 25 марта восстанием были охвачены Якутский уезд по правому берегу Лены, южная часть Верхоянского уезда, Колымский уезд...

Только в Якутском районе насчитывалось свыше 1300 повстанцев, и число их непрерывно увеличивалось за счет инородческого населения, почти поголовно примыкающего к ним уже захваченных и вновь захватываемых повстанцами районов... Восстание перебросилось также в Вилюйский уезд.

Согласно оперативной сводке командующего 5-й армией, в Якутском районе на Покровском участке — по правому берегу реки Лены от Качикатского наслега на юге до Хаптагайского наслега на севере группировался отряд повстанцев общей численностью около 300 человек под командой якутов Николаева и Никифорова.

На Павловском участке — от Хаптагайского наслега на юге до станции Бор-Ыларская (включительно) на севере — 130 человек под командой предположительно бывшего офицера Яныгина.

На Ярмонском участке — от станции Бор-Ыларская (включительно) на юге до Усть-Сольская (включительно) на севере — 200 человек под командой корнета Коробейникова.

На Мархинском участке — от Тулагинского наслега на юге вниз по левому берегу реки Лены — 300 человек под командой местных жителей Канина и Чебанюка.

На Маганском участке — 40 верст северо-западнее Якутска отряд в 50 человек и 53 версты (Атамайский наслег Вилюйского уезда) — 75 человек.

На Амгинском участке вокруг Амги группировался отряд до 400 человек под командой бывшего купца Юшманова...

Положение начало меняться, когда в боевые операции вступил отряд красных наемников под командованием И. Я. Строда. Бывший прапорщик Иван Яковлевич Строд отличался безумной храбростью и еще на Первой мировой войне сумел заслужить четыре георгиевских креста[1].

В конце марта 1922 года И. Я. Строд провел наступательную операцию на укрепленный повстанцами Тулагинский наслег. Потери повстанцев только убитыми составили 200 человек. Части Красной армии потеряли 32 бойца убитыми, 35 были ранены.

3

21 мая 1922 года повстанцы потерпели поражение на подступах к Якутску в селе Кильдемцы.

В этот день в Якутске губбюро РКП(б) созвало особое совещание представителей якутской интеллигенции. Присутствовало около сорока пяти человек, часть из которых была выпущена из тюрьмы по амнистии. На совещании Карл Карлович Некунда, основываясь в том числе и на материалах, полученных от Кулаковского, сделал доклад о причинах возникновения повстанческого движения.

Доклад о мерах борьбы с повстанчеством сделал Платон Алексеевич Слепцов.

Роль якутской трудовой беспартийной интеллигенции в строительстве ЯАССР осветил в своем выступлении Исидор Никифорович Иванов (Барахов).

1 июня 1922 года был образован Совет народных комиссаров ЯАССР.

---

[1] На Гражданской войне он получит в 1922—1924 годах три ордена Красного Знамени.

Председателем Совнаркома ЯАССР стал П. А. Слепцов, наркомом внутренних дел — С. М. Аржаков, командующим вооруженными силами ЯАССР — К. К. Байкалов.

14 июня 1922 года, когда вместе с частями 5-й армии, имеющими боевой опыт Гражданской войны в Сибири, на пароходах «Диктатор», «Пропагандист», «Революционный», «Витим», «Работник» прибыл в Якутск М. К. Аммосов, исход восстания был решен.

В конце июня, после разгрома в бою под Никольском основных сил повстанцев (их потери убитыми и ранеными достигли четырехсот человек, почти столько было взято в плен), остатки «народной армии» корнета Михаила Яковлевича Коробейникова ушли в тайгу в направлении Нелькана, а многие руководители ВЯОНУ уехали в Оймякон.

На несколько дней Чурапча оказалась в руках полковника Дуганова, который возглавлял отряд, подчинявшийся по его словам непосредственно атаману Г. М. Семенову и имевший в Якутии «особое задание».

Дни эти получили название чурапчинской «колотушки».

Дугановцы вывели из тюрьмы заключенных советских активистов и перебили всех, проламывая им по очереди головы дубиной, вырезанной из молодой лиственницы.

Уходя из Чурапчи, дугановцы сожгли школу, больницу, библиотеку, склад с продовольствием...

Надо сказать, что подобно «дугановскому» отряду действовали и некоторые отряды красных, это и обусловило бегство мирных жителей в Оймякон.

«В начале июля, — пишет Л. Р. Кулаковская, — Кулаковский вместе с семьей уехал с театра боевых действий в Оймякон. Косвенным свидетельством его отъезда с интеллигентами являются воспоминания С. М. Кочкина: "...А. Е. Кулаковский в годы бандитского движения проезжал через Уолбу вместе с эвакуирующимися верхушками буржуазной интеллигенции и кулаками-феодалами в сторону Оймякона, Верхоянска, Момы — в свой 'богоспасаемый край', как они сами тогда называли, боясь Красной Армии и Советской власти. Говорили тогда, что Кулаковский А. Е. уехал под видом сбора якутского фольклора"...

Прибыв в Оймякон и устроив семью, Кулаковский выехал в Охотск, а затем в Аян».

4

В Аян Алексей Елисеевич Кулаковский приехал в качестве члена Комиссии по снабжению Якутской добровольческой армии. Здесь совместно с Т. С. Ивановым и И. Н. Волковым он

принимал со склада Д. Т. Борисова продукты и мануфактуру для голодающих жителей Оймякона.

Село Аян, расположенное на берегу Охотского моря, состояло тогда из четырнадцати частных изб, четырех амбаров, двух бань, двух казенных амбаров и обветшалой церкви.

Торговлю вели четыре лавчонки, одна из которых принадлежала американцу, другая — японцу, третья — англичанину, четвертая — русскому владельцу. Однако валюта, которая была в ходу, не измерялась ни долларами, ни иенами, ни фунтами, ни рублями. Торговали здесь в основном на пушнину.

Поэтому неслучайно пребывание особоуполномоченного ВЯОНУ А. Е. Кулаковского в Аяне датируется по его расписке, выданной заведующему военным складом порта Аян Д. Т. Борисову в том, что он получил 19 августа 1922 года в счет жалованья (44 рубля) 22 горностая.

Если даже исходить из сегодняшней стоимости горностаев, Алексей Елисеевич Кулаковский получил за свою не очень легкую работу сумму, эквивалентную всего 26 тысячам современных рублей.

Сумма весьма скромная, но эта коротенькая расписка: «Получил: Алексей Кулаковский» стала едва ли не самым важным документом для биографов основоположника якутской литературы, определив его судьбу на многие годы[1].

«Истинной радостью было работать над стихами Кулаковского, делая их удобочитаемыми (после подстрочника) на русском языке, — писал в книге «Продолжение времени» Владимир Алексеевич Солоухин. — Я жалел только, что две поэмы Кулаковского до меня уже были отданы другому переводчику, а именно — поэту Сергею Поделкову. Я не сомневался, что Сергей Александрович переведет их хорошо. Семен Петрович (Данилов. — *Н. К.*), можно сказать, был не прав, когда говорил, что перевести-то Кулаковского мы переведем, но с изданием однотомничка хлебнем горя. Можно сказать, что горя мы не хлебнули. Издательство было твердо намерено сборник издавать, рабочая рецензия профессора Пархоменко была положительной, если не восторженной, и содержала лишь некоторые замечания и пожелания...

И все же Семен Петрович Данилов оказался частично прав.

---

[1] Любопытное совпадение... Как раз 19 августа 1922 года, когда подписал А. Е. Кулаковский расписку, сыгравшую такую роковую роль в посмертной судьбе его произведений, в большевистской газете «Автономная Якутия» была опубликована статья «К культурным работникам Якутии», высоко оценившая научную работу А. Е. Кулаковского.

Пришло в высокие инстанции какое-то там письмо из Якутии, и Московской Академии общественных наук было поручено обсудить предстоящее издание Кулаковского (скорее, сам факт издания, а отнюдь не содержание книги, ибо в ней и с микроскопом нельзя было бы найти ничего вызывающего сомнения), и на это совещание прилетели два ученых деятеля из Якутска.

Но только они одни и оказались на своих странных позициях. Опять вытащили на свет горностаевые шкурки и заговорили на языке давно прошедших и отошедших в историю десятилетий.

Все остальные ораторы, а их было немало, удивлялись странной позиции двух ученых (может быть, их диссертации теряли смысл с признанием Кулаковского большим поэтом и главной культурной ценностью якутского народа?).

Высказался и я.

— Да, но шкурки все-таки он получил! — не сдержался и выкрикнул с места, перебивая меня, ученый.

Но тут уж в зале раздался хохот, который и закрепил победу большинства».

Однако окончательную «победу большинства», о которой пишет В. А. Солоухин, на заминированном поле биографии Алексея Елисеевича Кулаковского еще только предстоит одержать...

5

Начало аяно-оймяконской главы судьбы Алексея Елисеевича Кулаковского теряется в иркутской ночи 7 февраля 1920 года, когда, как писал Сергей Марков:

Помню стук голодных револьверов
И полночный торопливый суд.
Шпагами последних кондотьеров
Мы эпохе отдали салют.
Ведь прошли, весь мир испепеляя,
Дерзкие и сильные враги.
И напрасно бледный Пепеляев
Целовал чужие сапоги...
И теперь в груди четыре раны.
Помню я, при имени моем
Встрепенулись синие наганы
Остроклювым жадным вороньем.
И сомкнулось Время, словно бездна,
Над моей погасшею звездой.
А душа в глуби небес исчезла,
Словно в море кортик золотой...

Или — это уже в изображении Сергея Бонгарта — когда:

Его вели между вагонов,
Как черти в ад.
Разило водкой, самогоном —
От всех солдат.

Худой чекист, лицо нахмуря,
Отдал приказ...
А он курил, — как люди курят, —
В последний раз...

Шел снег. Медлительно и косо,
Синела мгла...
Уже кончалась папироса
И пальцы жгла...

И портсигар отдал солдату:
«Берите, что ж.
Не думайте, что мне когда-то
Еще пришлось»...

Ночная мгла уже редела,
Чернел перрон,
И как всегда перед расстрелом
Не счесть ворон...

Одним словом, начало этой главы в ночи, когда расстреляли в Иркутске Александра Васильевича Колчака и председателя Совета министров колчаковского правительства Виктора Николаевича Пепеляева...

Влюбленные в адмирала Колчака поэты, конечно, ошиблись...

Расстреливали адмирала и премьер-министра не на перроне, а на льду Ушаковки у еще незамерзшей Иордани под стенами монастыря. И не целовал чужие сапоги Виктор Николаевич Пепеляев...

Но боль была настоящей, горечь предательства, совершенного вчерашними союзниками, неизбывной.

К Байкалу, сквозь дебри, уходят колонны,
Мелькают вдали то изба, то погост.
И снег оседает на наших погонах
Цепочкой нежданных серебряных звезд. —

писал Андрей Валентинов.

И эти стихи, кажется, не только про Каппеля написаны, но и про младшего брата расстрелянного председателя Совета министров колчаковского правительства Пепеляева, героя Перми, «сибирского Суворова» генерала Анатолия Николаевича Пепеляева.

После расстрела брата Анатолий Николаевич уехал в Харбин, где поначалу работал чертежником, а затем, приобретя пару лошадей, занялся ломовым извозом.

Здесь извозчика Анатолия Пепеляева и разыскали С. П. Попов и П. А. Куликовский, назвавшиеся генералу-извозчику представителями якутской общественности.

Они рассказали, что всё население Якутской области охвачено восстанием против советской власти и для победы надо только укрепить командный состав повстанцев. После некоторых колебаний, поверив доводам и гарантиям представителей якутской общественности, ставший извозчиком генерал согласился.

Формирование отряда происходило во Владивостоке, где правил тогда генерал Дитерихс, знавший Анатолия Николаевича Пепеляева по войне в Сибири.

У добровольцев было мало оружия, отсутствовали станковые пулеметы, не было ни одного орудия, кавалерийский эскадрон не имел лошадей, но зато энтузиазма было хоть отбавляй.

«Мне пришлось ехать из Харбина во Владивосток с одной партией добровольцев, — вспоминал участник «пепеляевского» похода Г. Грачев. — Несмотря на конспирацию, на вокзале станции Харбин собралась масса народу. Здесь были слезы жен, детей, матерей и крики: "Ура, за матушку Россию!", "Дай вам Бог завоевать светлые денечки для России"»[1].

В конце августа 600 добровольцев погрузились во Владивостоке на пароходы.

Генерал Михаил Константинович Дитерихс пушек Пепеляеву не дал, но зато напутствовал указом № 41 правителя земского Приамурского края.

«Прибывшая из Якутской области делегация Временного Якутского Областного Народного Управления сообщила, что население Якутской области встало на путь борьбы с Советской властью и с осени прошлого года с оружием в руках борется с Красной Армией.

В целях более планомерной борьбы с террористической Советской властью повстанческое население Якутской области в составе уездов: Якутского, Вилюйского, Верхоянского и Колымского 12 марта с. г. избрала областную правовую власть — Временное Якутское Областное Народное Управление, под руководством которого население ведет сейчас самую отчаянную войну с коммунистами. Означенная правовая власть, признавая, что Якутская область является неделимой частью Российского государства, в то же время в силу админи-

[1] Илин. 2005. № 6.

стративного, территориального подразделения Российской империи объявляет Якутскую область самостоятельно управляющейся областной единицей Российской земли и сообщает, что якутская правовая власть — Временное Якутское Областное Народное Управление — передает всю полноту власти Якутскому Областному Земскому Собранию.

Ознакомившись с изложенным положением Якутской области и приветствуя Временное Якутское Областное Народное Управление, призываю управление и население Якутской области к солидарной работе на пути борьбы с гнетом коммунизма и воссоздания великой, единой, мощной и неделимой России.

С помощью Бога вперед! С доблестным вождем генералом Пепеляевым мы непобедимы!»

Десант генерала Пепеляева численностью 650 штыков высадился в порту Аян 6 сентября 1922 года. Здесь к нему присоединился корнет Михаил Яковлевич Коробейников, которому удалось оторваться со своей «армией» от преследовавших его красноармейских частей, угнав с собой из Нелькана всех лошадей и оленей.

Помощь, которую должен был оказать Пепеляев повстанцам, опоздала не менее чем на три месяца. Перед генералом Пепеляевым встал вопрос: создавать новое антибольшевистское движение или же вернуться во Владивосток и снова заняться извозом в Харбине?

7 сентября 1922 года генерал А. Н. Пепеляев созвал на борту парохода «Защитник» совещание комсостава с представителями якутов.

На этом совещании и корнет Коробейников, и П. А. Куликовский, и Д. Т. Борисов, и С. П. Попов сумели уверить Пепеляева, что ничего не потеряно и движение легко создать снова, потому что еще много партизанских отрядов находится в тайге, и достаточно двинуться дружине вперед, как она будет усиливаться новыми добровольцами.

Итогом совещания стало постановление:

«1. Сосредоточить всю полноту гражданской власти с подчинением ей военной в руках управляющего областью П. А. Куликовского и его помощника Д. Т. Борисова с образованием при них совета из видных общественных деятелей области, в который теперь же включить: С. П. Попова, Ю. А. Галибарова, А. А. Новгородова, А. Е. Кулаковского и И. Н. Волкова.

2. Подчинить все военные и партизанские отряды, начиная с армии корнета Коробейникова, начальнику Сибирской добровольческой дружины генерал-лейтенанту Пепеляеву.

3. Для связи гражданской власти с военной иметь постоянного представителя гражданской власти при штабе генерал-

лейтенанта Пепеляева, назначить таковым представителем Семена Петровича Попова.

Подлинный подписал: командующий Сибирской добровольческой дружиной генерал-лейтенант Пепеляев, начальник штаба генерального штаба полковник Леонов, командующий Якутской добровольческой народной армией корнет Коробейников, начальник штаба гвардии капитан Земфиров, управляющий областью П. Куликовский, помощник управляющего Якутской областью Д. Т. Борисов, уполномоченный Якутской области С. П. Попов, общественные деятели А. Новгородов, В. Борисов, П. Филиппов и Волков».

А. С. Ефимов и А. Е. Кулаковский были назначены, кроме членства в Совете, чрезвычайными уполномоченными по северным округам. 15 сентября 1922 года в компании генерал-майора Ракитина и помощника управляющего Якутской областью Д. Т. Борисова они отправились на канонерской лодке «Батарея» в Охотск. Из Охотска А. Е. Кулаковский направился в Оймякон, А. С. Ефимов — на север с заданием собирать теплую одежду и провизию для добровольцев.

О работе А. Е. Кулаковского у А. Н. Пепеляева практически ничего не известно, однако из послания А. С. Ефимова начальнику Колымского антисоветского военного района Шулепову от 21 ноября 1922 года явствует, что все ценности (пушнину, мамонтовую кость. — *Н. К.*) следовало «отсылать в Оймякон в адрес Чрезвычайного уполномоченного Кулаковского Алексея Елисеевича».

Занимался ли сам Алексей Елисеевич сбором пушнины, неясно, но очевидно, что жалованье он получал, поскольку нашел возможность 4 декабря 1922 года отправить с Р. Ф. Кулаковским детям, в Таатту, 66 аршин мануфактуры. Он написал тогда: «Пошлите чрез Романа масла. Ясон! Поезжай на Сыаагалаах к Петру Ивановичу Березкину, отвези ему из присылаемой мануфактуры и привези от него 15—20 пудов хлеба, которые он обещал дать из урожая минувшего лета. Летом коси сена»...

6

О самом походе генерала Пепеляева говорить трудно, потому что, собственно говоря, и не было никакого похода... Советские историки нашли более точное название, именуя это предприятие авантюрой. Действительно, трудно подобрать другое слово, когда военные части добровольно вступают в боевые

действия практически безоружными, не имея ни снабжения, ни финансирования.

Анатолий Николаевич Пепеляев, разумеется, знал, что ***так*** не воюют, а прибыв в Аян и увидев, что и восстание, вооруженными силами которого он ехал руководить, уже подавлено, понял, что надо возвращаться назад...

Но новые сподвижники горячо убеждали его не верить своим глазам, а возвращаться в Харбин к извозчицкой работе так не хотелось, что Пепеляев решился начать наступление.

Наступали на Нелькан.

Несмотря на осеннюю распутицу — добровольцы тонули в еще незамерзших реках, вязли в болотах, — Пепеляев с отрядом в 300 бойцов сумел обойти Нелькан.

Однако план: «врасплох захватить красный гарнизон Нелькана (человек 300), захватить у них две баржи, продовольствие и вооружение, и пока еще не замерзли реки, по течению спуститься на реку Алдан» — осуществить не удалось. Три перебежчика предупредили красных, и те успели уплыть на баржах.

Победа — так всегда бывает, когда для ведения дальнейших боевых действий рассчитываешь только на будущие трофеи! — превратилась в ловушку. Теперь надо было ждать зимы, чтобы начать движение к Якутску на оленях, но у добровольцев, которые рассчитывали на красноармейский провиант, не было даже продовольствия, чтобы зимовать, и в Нелькане начался голод.

Тем не менее — не зря его еще во время взятия Перми прозвали «народным генералом»! — Пепеляев и тут сумел найти выход, наладив подвоз провианта из Аяна.

«Партия, с которой отправился я, вышла из Аяна 1 ноября, — вспоминал Г. Грачев. — Путь был трудный: ветер, снег, мороз и непроторенная дорога. Олени с 10 пудами груза на пару страшно уставали. При подъеме на гору им нужно было помогать, а на льду — поддерживать, чтобы не падали. Ночевали в пути в полотняных палатках с железными печами. Чрезвычайно труден был переход через Становой хребет (Джугджур); страшные порывы ветра, метель — ни зги не видать. При морозе 40° и более многие сильно обморозились».

Благодаря этому воистину суворовскому героизму Пепеляеву удалось подготовить свой отряд к зимнему наступлению вглубь Якутии. Перед выступлением, 1 января 1923 года, он обратился к своим бойцам...

«Добровольцы Сибирской Дружины!

Приняв на себя тяжелый труд служения делу народному, наступающий Новый год встречаем мы в чрезвычайно трудных условиях. В холодном, глухом и суровом краю, вдали от родных, близких людей стоим перед неизвестностью будущего.

Страдания русского народа достигли пределов: по всей стране царствует злоба, зависть, вражда, кошмарный голод охватил целые области. Черные тучи ненависти и рабства нависли над прекрасной Родиной нашей.

Что сталось с могучим и сильным Русским народом? В погоне за личными выгодами, за легкой наживою, темные русские люди, забывшие Бога и христианскую Веру свою, пошли за кучкою сознательных предателей и авантюристов, бросивших лозунг "грабь награбленное!".

Сначала грабили богатых, а потом стали грабить и убивать друг друга. Из города вражда перекинулась в деревню, и скоро не стало уголка Русской земли, где бы не было убийства, насилий, грабежей.

Озверел народ, помутилась земля от края до края. Рекой полилась братская кровь и течет по настоящее время. Что создавалось веками — разрушено в четыре года. Россия обратилась в нищую страну, на родине люди голодают, вымирают тысячами, а кто и убежал за границу — живет там бесправным рабом. Иностранцы на русского беженца смотрят с насмешкой и презрением.

Где же выход, откуда ждать спасения? Неужели погиб и не встанет русский народ? Нет, не может погибнуть Русский народ! Бывали не легче времена в истории нашего народа. Бывали времена великих смут и потрясений, из которых, казалось, не могла выйти Россия. Но как только народным страданиям наступал предел, находились сильные духом Русские люди, которые, отрешившись от своих выгод, шли спасать свою Родину, создавались непобедимые Дружины народных ополчений, которые изгоняли врагов с Русской земли. Освобожденный народ общими усилиями создавал порядок и власть, и Россия, сильная и великая, возрождалась на радость сынов своих и на страх врагам.

Так и теперь. Красная власть коммунистов захватила всю Россию и на развалинах ее, раздавив народ, празднует свою кровавую победу.

Но вот в глухом, далеком, суровом краю, на берегах Великого океана, вы, малая числом, но великая любовью к Родине — горсточка Русских людей — Сибирская Дружина подняли знамя священной борьбы за свободу и счастье народа.

Наше бело-зеленое знамя — символ чистоты, надежды и новой жизни, знак снегов и лесов сибирских, вновь развевается в родной Сибири. Кругом нас красная власть. Но кругом нас и стонущие под игом этой власти русские люди, которые ждут нас. Мы еще далеко, а слух о движении нашей Дружины за сотни верст идет впереди нас. И вот при одних слухах о нашем

движении организуется население, присылает приветствие. Никому не известные, простые люди, крестьяне-солдаты собирают отряды. Пробуждается сознание народное — и в этом залог победы.

Не иностранные капиталы и армии, не союзные дипломаты спасут Россию. Россию спасет сам Русский народ. В страданиях и невзгодах очистится Родина наша и явится миру свободной и великой.

Братья! Нас малая горсточка, но горсточка эта может принести великую пользу. Не много дрожжей кладет хозяйка в тесто, а оно вздымается. Так и наша Дружина, придя к народу, слившись с ним, несет ему освобождение. Она обрастает народными отрядами и может обратиться в сильное, непобедимое народное ополчение.

Мы идем с чистым сердцем, протягиваем руку всем, любящим свой народ. Мы всех зовем в свои ряды.

Ни ненависти, ни мести, ни расстрелов не несем мы. Мы хотим утвердить народную власть, которая одна лишь может вывести Родину на путь возрождения.

Не раз говорил, повторяю и теперь: много бед и невзгод будет впереди, может, и гибель нас ждет. Но мы стоим на верном пути, и если мы погибнем, найдутся другие люди, сильные духом — они довершат наше дело.

В этот день Нового года, в дни наступающих праздников Рождества Христова, помолимся о спасении Родины нашей. Пусть и для нее родится Христос и принесет с собой в этом году освобождение всем угнетенным, измученным, страдающим. Дадим же братскую руку друг другу, сомкнем свои ряды и смело пойдем вперед на Родину.

Для закрепления сплоченности в рядах Сибирской Добровольческой Дружины, для большей спайки всех чинов ее, приказываю с 1 января 1923 года всем чинам Дружины звать друг друга брат, как вне службы, так и на службе и в строю. Например, “брат генерал”, “брат полковник”, “брат доброволец”.

С Новым годом, братья!»

Генерал-лейтенант Анатолий Николаевич Пепеляев сумел совершить невозможное. Его дружинники, вооруженные в основном берданками, взяли хорошо укрепленную Амгу. Среди трофеев они захватили 13 пулеметов, много патронов, гранат, продовольствие и 60 пленных красноармейцев.

«2 февраля в 5 часов утра штыковой атакой авангарда и партизанами взята Амга, — записал в своем дневнике А. Н. Пепеляев. — Это — стратегический ключ к Якутску. Жители в восторге от добровольцев. В прошлом году повстанцы три месяца не могли взять Амгу. Добровольцы взяли после часового боя,

идя спокойно без выстрела, по глубокому снегу, под огнем девяти пулеметов, точно на параде. Теперь я спокоен за свою Дружину и начальников, сомнения рассеялись. Открываются перспективы на дальнейшее. Омрачают потери: 20 убито, 32 ранено. Как хочется поменьше крови! Ведь мечта моя — помирить русских людей, и веду борьбу исключительно потому, что убежден, что при хозяйничанье коммунистов народу погибает больше, чем в организованной борьбе.

Моя мечта — выйти в Сибирь, создать сибирскую национальную народно-революционную армию, освободить Сибирь, собрать Всесибирское Учредительное народное собрание, передать всю власть представителям народа. И дальше как они решат. Мои убеждения: я народник, ненавижу реакцию с ее местью, кровью, возвращением к старому, и пока буду во главе вооруженных сил, никогда не допущу старорежимцев. Власть крестьянства, деревни — вот мой идеал. Воплощение старорусских вечевых начал православия, ополчения национального».

К сожалению, мечте Анатолия Николаевича — помирить русских людей — не суждено было сбыться. Уже в конце февраля к Амге с большими силами двинулся отряд Карла Карловича Некунды.

Силы были слишком неравными. Байкалов активно использовал артиллерию, а ответить было нечем. Пушек у Пепеляева так и не появилось.

Впрочем, не хватало и обычных патронов.

2 марта к началу штурма Амги в дружине Пепеляева оставалось по полтора десятка патронов на бойца.

Расстреляв их, дружинники вынуждены были отступать.

Часть отступила на Усть-Миль, часть попала в плен. В плену остался весь лазарет.

Погиб в Амге и видный деятель повстанческого движения, добрый знакомый Алексея Елисеевича Кулаковского Петр Александрович Куликовский. Когда красноармейцы ворвались в село, он бежал из Амги и спрятался в лесу под зародом сена, но 3 марта его нашел крестьянин и доставил в Амгу, где Куликовского поместили в лазарет. Здесь в лазарете Петр Александрович и закончил свою революционную жизнь, приняв яд.

7

Успеху красноармейских частей способствовало не только их подавляющее превосходство над противником и в численности, и в вооружении, но и то, что Якутску весьма удачно удалось разыграть национальную карту.

Офицеры в дружине Пепеляева преимущественно были русскими, а рядовые — якутами. Офицеры и прежде всего сам генерал мечтали об освобождении от большевиков России, рядовых дружинников эта идея занимала значительно меньше.

Кроме того, якутские большевики развернули активную пропаганду среди якутского населения, рассказывая об образовании республики и призывая сложить оружие и заняться совместной работой на ее благо, что нашло среди них живой отклик. Как заявляли члены общества «Саха омук», «существование якутов как нации вне и без рабоче-крестьянской власти немыслимо».

В Оймяконе уже в сентябре 1922 года появился дядя А. Е. Кулаковского Роман Кулаковский, который приезжал вести с членами ВЯОНУ переговоры о сдаче.

«Большую решающую роль сыграл приезд Романа Кулаковского, — вспоминал А. С. Ефимов. — Если бы он не был дядей Алексея Елисеевича, то отнеслись бы к его информации с предубеждением. Большую роль, я думаю, сыграла информация Романа Кулаковского о том, что будет объявлена широкая амнистия к национальной интеллигенции».

«Гуманная политика обеспечила всемерную поддержку якутской интеллигенцией советской власти в период вторжения белой дружины генерал-лейтенанта А. Н. Пепеляева, — пишет исследователь этого периода Гражданской войны Егор Антонов. — Г. Сивцев тогда обратился к братьям-якутам с призывом "встать с оружием на защиту автономной советской Якутии". Из числа 200 бывших повстанцев сформировался Якутский народно-революционный отряд (Якнарревдот), политотдел которого возглавил М. К. Аммосов. Сиббюро же, высказав недоверие к партийно-советскому руководству Якутской АССР, запретило организовывать подобные формирования. Набор в национальную часть пришлось ограничить до 100 человек. Но нарревдотовцы установили связи с якутскими подразделениями пепеляевцев и начали переговоры об условиях их сдачи».

После поражения в Амге судьба похода на Якутск была решена.

Отряды добровольцев получили приказ генерала Пепеляева отступать к Охотскому морю.

— Братья добровольцы, мы исполнили долг до конца! — обращаясь к своим солдатам, сказал генерал Пепеляев. — Измученная коммунистами наша родина требовала наших жизней. Мы их безропотно отдавали за благо ее. По призыву представителей якутского населения, чтобы помочь народу в борьбе с врагами, мы пошли и на этот далекий, холодный и дикий север. Многие из нас сложили свои кости в этой пустыне. Мы, остав-

шиеся в живых, обречены на худшие испытания. Мы идем навстречу жестокой неизвестности. Неизбежно испытаем голод, холод и тяжелые походы при слабой надежде на спасение. Удастся ли нам выбраться обратно на территорию Китая, трудно сказать, при отсутствии помощи... Тот, кто не находит в себе сил перенести названные мною тяжелые испытания и кто поколебался в правоте нашего дела, пусть остается. А кто готов идти со мной — пол-оборота направо, шагом марш!

Сам Пепеляев весной 1923 года оказался в Аяне, отряд генерала Ракитина — в Охотске.

> И обрушилась вдруг на стервятников кара,
> это Строд-командир налетел, словно шквал...

В этом стихотворении «Господин генерал», написанном председателем СНК Якутии Платоном Алексеевичем Слепцовым (Ойунским), содержатся две неточности.

Во-первых, генерала Анатолия Николаевича Пепеляева, который даже после взятия Амги предложил пленным красноармейцам или остаться у него в дружине, или, получив трехдневный паек, идти в Якутск к красным, очень трудно было назвать стервятником.

Ну а во-вторых, пленение генерала Пепеляева и ликвидация генерала Ракитина — это дело рук не Ивана Яковлевича Строда, а другого героя Гражданской войны Степана Сергеевича Вострецова.

Герой штурма Спасска, кавалер трех орденов боевого Красного Знамени Степан Сергеевич Вострецов возглавлял карательную операцию, в результате которой были ликвидированы остатки дружины генерала Пепеляева.

5 июня 1923 года окруженный отрядом Вострецова застрелился генерал Ракитин...

17 июня 1923 года генерал Пепеляев сдался отряду Вострецова и написал письмо пепеляевцам о добровольной сдаче. В итоге 103 офицера и 230 солдат сдались...

Анатолия Николаевича Пепеляева судили во Владивостоке и приговорили к расстрелу, но потом заменили приговор десятью годами тюрьмы и все-таки расстреляли только после отсидки...

Глава шестая

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЭМА

Говорят,
Что добрые,
Светлые небожители
Меня научили,
Чтобы я своим
Златогорлым пеньем
Весело отвлекал
Своих добрых друзей,
Когда они,
Попусту враждующие
Между собою,
Всеобщим посмешищем
Станут.

А. Е. Кулаковский[1]

«Я, как и все мои друзья, решил сдаться красным... — писал в августе 1923 года повстанец Петр Слепцов. — Красные победили наших везде, и нет ни одного уголка в Якутской области, где бы держались белые. Думали освободить наш народ от ига большевиков. Думали отомстить им за безвинно погибших братьев, но победить большевиков нам не удалось, отомстить тоже. Народ наш отошел от нас, и ничего не осталось у нас...

Не говорите, Евдокия Ивановна, что мы сдаемся по своей слабости, не попрекайте нас в непоследовательности и неустойчивости — сила силу ломит. Нам без ваших упреков тяжело и страшно больно сдаваться врагам своим, с которыми мы не дружить хотим, а бить и истязать...

Сдаемся мы еще с большим желанием мстить и когда-нибудь рассчитаемся с ними по-своему».

Письмо адресовано жене Кулаковского Евдокии Ивановне Кулаковской и интересно еще и тем, что характеризует Евдокию Ивановну как если и не активную, то во всяком случае принципиальную противницу большевистской власти.

Письмо Евдокия Ивановна получила перед отъездом из Охотска в Тааттинскую волость Якутской республики. Уезжала она с сыном.

Алексей Елисеевич, как только стало понятно, что вырвать-

[1] Перевод С. А. Поделкова.

ся из Охотска по морю не удастся, уехал в Сеймчан, что находится в верховьях Колымы.

Здесь много грунтовых ключей, которые выходят в русло реки, образуя зимой полыньи во льду. От них — по-эвенкийски «полынья» называется «хэймчэн» — и взяли свое название река и поселок, выросший на ней.

Чем-то схожей с ледяной полыньей была и сеймчанская жизнь Алексея Елисеевича Кулаковского.

1

Кулаковский устроился, как во времена своей молодости, работать писарем и поселился в юрте Василия Петровича Попова...

Чтобы прийти в себя после пережитых волнений, Алексей Елисеевич взялся за простую и спокойную работу по составлению словаря русских слов, вошедших в якутский язык...

«Дня три, как я задумал регистрировать все слова, перенятые якутами от русских, — записал он в дневнике 22 ноября 1923 года. — В три дня записано 990 слов. Думаю, что всего наберется до 2000 слов...»

Читая «Сеймчанский дневник» ученого, видишь, как день за днем продвигается работа над словарем, как день за днем погружается он в живую стихию родного языка, омывающую целебными и животворными водами его измученную душу, как постепенно, после всех трагических переживаний, возвращается к нему способность к творчеству...

«23 ноября 1923 года. То и дело схватываю тетрадку для записи слов... Сегодня записано 40 слов... Сделал ручку точилки... Между прочим, всю подставку для точилки сделал в октябре я... Затем сделал себе трубку из простой березы с резервуаром для скопа табачного никотина... Легенду написал до половины — как-то не пишется... Вечером не утерпел не сосчитать количество записанных слов... оказалось 1306 слов! Кажется, имею основание прихвастнуть, что в такой короткий срок (четыре дня) без всякого пособия написать столько слов может только знаток языка...

24 ноября 1923 года. Делал себе столик со складными ножками... Сделал Конону (Конон Прудецкий) дорожный подсвечник, сел продолжать легенду...

25 ноября 1923 года. Кончил наличник и обтесал четыре ножки... Записывая русские слова, переделанные якутами по правилам собственного языка, и затрудняясь в наиболее правильном произношении таких слов, я сегодня напал на мысль выработать общее правило для переделки иностранных слов

на якутский лад. Приступил к легенде "Дыгын"[1]. Но нелепость, гиперболичность и недостаточность сведений о Дыгыне отбивают всякую охоту писать о нем. Лишь слишком большая популярность его имени заставляет взяться за перо... Читаю и перечитываю Майкова, которого имею 1 том поэм...

29 ноября 1923 года. Точил три топора и два ножа... Осталось всего пять фунтов свеч, хватит лишь на 40 дней. Дальше обойдусь жирником, но пока сала нет. Сегодня мечтал как бы проспрягать один якутский глагол. Дело весьма трудное, так как даже лингвистика не знает таких форм и оборотов глагольных в якутском языке. Должно получиться около 700 слов одних положительных наклонений и столько же отрицательных. Вчера писал о Дыгыне, но не кончил... С 9 до 10-ти писал о Дыгыне. О нем кончил, осталось рассказать о "Таас Уллунгахе". Спать вовсе не позывает, но тем не менее принужден лечь, вследствие холода в избе. Это повторяется каждый вечер. Топить камин неловко перед хозяевами, так как дрова привозят издалека.

30 ноября 1923 года. Убил оленя... Читал немного Майкова.

1 декабря 1923 года. Жир внутренностей оленя я собрал и выгнал сало... весьма нужно для жирника... Вечером писал правила, по которым якут переделывает для своего языка иностранные слова.

3 декабря 1923 года. Вчера вечером и сегодня писал по алфавиту слова на "В"... Оленья шкура высохла, с сего дня поваляюсь на ней всласть. Хозяева съели куропаток и зайца; я ожидал, что поделятся по якутскому обычаю, но не тут-то было, и не думали делиться. Странно! Вероятно, здесь не в обычае делиться от мелкой дичины. Принужден был ужинать сухой головой оленя и одной костью баллыра.

4 декабря 1923 года. Сон у меня неравномерный... Регулировать никак не могу. Пробовал в Булуне спать раз в двое суток, выходило хорошо. Вообще мне следовало родиться на Марсе, где сутки равняются 36 земным часам. Здесь бессонница тем более ужасна, что нет освещения для ночного чтения и письма...

6 декабря 1923 года. Николин день... Надо бы тесать доски и строгать их, но подумают: "изувер — работает в праздник"... К обеду у меня кости стали трястись. Я испугался, предполагая, что это признак наступающей болезни — поветрия... Переписал по алфавиту словарь и сосчитал слова, оказалось 1972

---

[1] Легенды, о которых пишет А. Е. Кулаковский, включены в раздел «Якутские легенды-былины» книги: *Кулаковский А. Е.* Научные труды. Якутск: Книжное издательство, 1979.

слова! Вечером писал предисловие к словарю. Черняк почти закончил...

18 декабря 1923 года. Сделал себе стул... Вечером сосчитал слова: к моему разочарованию оказалось только 2005 слов, новых всего — 39.

20 декабря 1923 года. Среди тасканцев какое-то поветрие: кашляют почти все поголовно. Умер один ребенок. Конон Попов харкает кровью. Сегодня ничего не делал. Имел всего двух коней, которых убил, и мясом их питаюсь с осени. Нет у меня (да и у всех сеймчанцев) ни хлеба, ни масла, ни соли...

21 декабря 1923 года. Нашел около десятка слов. Не пишется: народу много и, вследствие теплой погоды, ужасно капает с потолка уже третий день — ни сидеть, ни лежать, ни тем более писать нельзя. Вечером говорил сказку "Бэрт Мэлис" по просьбе В. Попова.

23 декабря 1923 года. С 9 до 12 читал и писал. Сделал божницу и ручку для пилы.

24 декабря 1923 года. Многолюдие. Вечером писал слова на "В, И и К".

25 декабря 1923 года. Рождество. Праздник Божий... Никто ничем не праздновал Рождество, ели только обычную порцию мяса. Я ел лошадиную голову. Семен Колодезников обещал привезти инструменты и ½ пуда сухарей. За ним 40 р. За Кылыкасом — 10 р. Хонойору заказал на 30 р. привезти чаю и табаку.

31 декабря 1923 года. Делал крышку ящика, куда кладу разрубленное мясо... Князь сделал мне судурану.

1 января 1924 года. Ночевщики уехали все под вечер... Новый год ничем не знаменуют.

Вечером приехал Егор Ананиевич Винокуров, привез массу новостей. Весь север покраснел. Илья Заболоцкий, Ал. Собакин, Евграф Слепцов увезены морем. Георгий Ефимов во Владивостоке. В России — голод. Байкалов и Аммосов уехали в Россию. Пушнина Оймяконья увезена в Якутск Ксенофонтом Неустроевым — начальником милиции. В Оймяконе — Исполком. Начальник — Петр Калистратович Федотов. Иннокентий Гавриилович Сивцев убит.

2 января 1924 года. Егор Ананиевич Винокуров уехал в Сеймчан. Я весь день писал беловое предисловие словаря. С утра захватил ужасный насморк, который должен перейти в кашель. Кругом свирепствует поветрие: кашляют месяцами, харкают кровью, задыхаются и падают в обморок. Два ребенка умерло. Я все остерегался: старался не зябнуть, не уставать и ноги держать в сухом виде. Несмотря на это попался, вероятно, прохвораю два месяца.

3 января 1924 года. Пишу сегодня якутскую транскрипцию, параллель между разными транскрипциями. О произношении якутских звуков. Кончил на литере "А". Киприян законопатил мне стены и потолок сеном, чтобы не дуло... Была Анна, жена Дмитрия. Сестра, не видавшая ее восемь лет, не проявила никаких признаков радости. Вот бесчувственность!

4 января 1924 года. Состояние здоровья не ухудшилось, что удивляет меня. Начинаю на "В". Написал на "Д" и "З", всего около 700 слов.

5 января 1924 года. Продуктов осталось: две ляжки кобылы, две ноги, грудь и шея оленя, всего около семи пудов, то есть 280 фунтов. Если в день — по три фунта, хватит на 91 день, грудь — на семь дней, голова — на два дня, брюшина — на пять дней, = 105 дням, т. е. до Егорьева дня, а если по четыре фунта в день, то — на 82 дня, беда! Свечей — 4 1/2. Николай хотел поправить камин, но одна сторона развалилась. Дымит гуще.

6 января 1924 года. Крещение Иисуса Христа... Приехал кузнец и сообщил, что приехал знаменитый богач-тунгус Василий Ылаана и остановился в 50 верстах. Многие едут к нему. До 11 писал слова, всего переписано 1752 слова. Завтра кончу.

7 января 1924 года. Я еле-еле кончил словарик[1]. Вышло 2358 слов, каково?! Ай, да, якуты!

8 января 1924 года. Днем помер мальчик. Я ходил за реку звать людей... Вечером делал гробик...

11 января 1924 года. Я иду к Тиистииру отправлять письма. Мавра намерена убить тощую корову на мясо. Общий недостаток всех северян убивать на мясо тощую скотину зимою и весною, вместо того, чтобы побить их осенью, когда она жирна и не поела сена.

14 января 1924 года. Болел желудок вследствие того, что неосторожно глотал несколько кусочков нетщательно расчавканного мяса... Читал Л. Н. Толстого "Мысли мудрых людей" в третий раз... Я писал легенду об Уран Хосуне.

15 января 1924 года. Сделал на сковороде "судуран". Обедал остатком ужина. Судуран прогорел. Говорят, можно совсем без масла, попробую. Написал легенду о Булуҥньан Хосуне.

16 января 1924 года. Пишу о Хаас Ойууне и об Юнкэбил. Кончил обе.

23 января <1924> года. С третьего дня меня захватила эпидемия, скосившая всех: боль в груди, ссадина под кадыком у основания горла, кашель, хрипота. Вечером делал угут из золы,

---

[1] Словарь «Русские слова, принятые и усвоенные якутами» с предисловием. Составлен А. Кулаковским.

но неудачно. Люди хворают по два-три месяца, умерло пять детей. А я выживу ли, слабый?

25 января 1924 года. Пишу о Бахсы Тойоно... Была Ефросинья. Хозяйки предложили всего один вопрос "кэпсээ". Затем замолчали все на целый час... Писать не могу, болят пальцы. (Почерк стал неровным, буквы как бы дрожащие.)».

Так, в работе над словарем, над якутскими легендами и завершился такой трудный для Алексея Елисеевича Кулаковского и для всей Якутии 1923 год.

Живой водой, поднятой с глубин родного языка, омывалась душа, и вот уже в конце января 1924 года Алексей Елисеевич приступил к работе над своими стихами и поэмами. 31 января 1924 года он записывает в дневнике, что переводил «По полю, полю чистому» Николая Григорьевича Цыганова.

2

Стихотворение Цыганова было записано в тетради Алексея Кулаковского еще в Якутском реальном училище, и вот теперь, три десятилетия спустя, Кулаковскому показалось важным, чтобы оно зазвучало на якутском языке, вбирая в себя все его переживания последних лет...

По полю, полю чистому,
По бархатным лужкам
Течет струится реченька
К безвестным бережкам.
Взойдет гроза, пройдет гроза —
Всегда светла она!
От боли лишь поморщится,
Не зная, что волна...

Видимо, стихотворение «Речка» соответствовало мыслям и ощущениям, владевшими Алексеем Елисеевичем в юрте Василия Петровича Попова. В строках русского поэта узнавал Кулаковский свою жизнь и свою судьбу...

Не рощи, не дубравушки
По бережку растут —
Кусты цветов лазоревых,
Любуясь в ней, цветут!

А речка извивается,
По травушке скользит —
То в ямке потеряется,
То снова заблестит!

Ей убыли неведомы —
Всегда в одной красе;
За прибыль благодарствует
Небесной лишь росе!

Но долго ль, долго ль реченьке
Катиться по цветам?
Ждут бездны моря светлую
В дали туманной *там*.

О поле, поле чистое!
Осиротеешь ты...
И вы, и вы посохнете,
Лазоревы цветы!

И какая разница, что за мутноватым куском льда, вставленным в оконце, не лазоревые высыхали цветы, а лежал глубокий снег и хмурые, как повстанцы-дружинники, стояли высокие сосны...

Ах речка, речка светлая,
Изменчив ваш удел...
На резвый бег твой по полю
Сквозь слезы я глядел:

И я жил резво, весело,
Певал в былые дни
И радости сердечные
Лишь чувствовал один!

Но всё переменяется,
Проходит всё как сон, —
И я грустить-печалиться
До гроба осужден.

«"Речка" Цыганова... — записывает Кулаковский 1 февраля 1924 года. — Вышло довольно сносно для понимающих, но не для публики».

3

После перевода «Речки» Николая Цыганова Алексей Елисеевич Кулаковский взялся за свои стихи.

«Переписываю "Сон шамана", — записал он 4 февраля 1924 года. — Свечи выходят, поэтому остаток медвежьего сала решил употребить на "жирник"».

Картина впечатляющая...

В мутноватых сумерках юрты теплится огонек свечи, над бумагой склонился Ексекюлях и, записывая на бумагу свои

былые пророчества, понимает, что многое из того, о чем писал он полтора десятка лет как о будущем, стало уже прошлым...

«Помнится, в раннем детстве увязался я с отцом в Аччагар, который до войны был отдельным наслегом, в гости к бабушке, к теще его, — вспоминал якутский писатель Далан. — Вот там-то я и услышал, как два подростка читали вслух знаменитое "Сновидение шамана" Ексекюляха.

Навсегда в детскую душу мою впечатались эти повторяющиеся и какие-то таинственно жуткие слова "дом ини дом" и портрет усатого человека в суконном пальто. Не знаю почему, быть может, от слова "шаман", но и после, повзрослев, всегда с каким-то трепетом и страхом смотрел я на портрет Кулаковского. Мурашки бегали по телу»[1].

Наверное, мурашки бегали и по телу самого Кулаковского, когда перечитывал он свои пророчества, уже ставшие историей...

...Ружья стреляли в темь и свет,
Пули жадно искали жертв,
Пики с хрустом входили в грудь,
Плотно, ощерясь, встали штыки,
Омылись кровью клинки...

Он оглядывался и в черных тенях, метущихся по стенам юрты, узнавал не только образы прошлого, но и образы будущего...

Исполнившиеся пророчества продолжались...

Острая сталь колола, секла,
Отточенная, впивалась в тела,
Охотилась за людьми.
Множество опрокинуто крепостей,
Множество опустошено городов,
Множество обуглено областей,
От многих губерний остался прах...

«6 февраля 1924 года. Очистили крышу юрты от снега... Проверял запас мяса: около $3^1/_2$ пуда (5 кусков) конины, около 2 пудов (3 куска) оленины, — благодать!..»

Перечитывая свою поэму, Кулаковский понимал, что многое из предсказаний его героя уже сбылось. Делая поправки в поэме, снова вживаясь в образ ее героя, он заглядывает вперед.

---

[1] *Далан.* Жизнь и судьба моя: Роман-эссе. Якутск: Бичик, 2003.

Даже прозаические записи дневника несут в себе проникновение сквозь время...

«Писал "Сон Шамана"... — записывает Кулаковский 7 февраля 1924 года. — Желудок дурит, прослужит не более трех-четырех лет».

Можно говорить тут об умении Кулаковского наблюдать за собой, но точность диагностики такая, что правильнее, конечно, говорить о пророчестве...

«8 февраля 1924 года. Ветра постоянно дуют вниз по реке...

9 февраля 1924 года. Окончил переписку "Сна шамана"...

10 февраля 1924 года. Сделал себе мутовку из оленьего рога. Вывесил на дворе двое ровдужных штанов своих, коровы стали жевать их и одни испортили слегка, другие — совершенно»...

Еще десять дней февраля были заняты у А. Е. Кулаковского доработкой стихотворений и бытовыми заботами:

«15 февраля 1924 года. Со Сеймчаном всякие отношения прекращены, так как на Лыглыктахе снег в рост человека. Начинаю делать салазки...

16 февраля 1924 года. Ходил в лес доставать "ылах" для салазок... Свеч всего осталось три штуки, потому жгу кобылье сало»...

Ну а в записи за 19 февраля 1924 года мы читаем: «День прекрасный. Кончил салазки... Задался целью написать песню о лете».

4

«Наступление лета»— это последняя, может быть, самая значимая поэма Алексея Елисеевича Кулаковского.

У мощного быка зимы,
У которого всегда
Из голода-мора спина,
Из жадности ребра все,
Из ярости бедра все,
Как только солнца лучи
Кипуче и долго стали светить, —
С головы слетели рога,
Смягчился жестокий дых,
И начал бык отступать
И пятиться к берегам
Ледовитого моря — туда, туда,
Откуда пришел.

Как медный знак —
Пластинка на шаманском шнуре —
Прыгает и дрожит,
Так джергэлгэн[1]
Теплый и озорной
Перед глазами вновь
Замелькал,
Запрыгал,
Замельтешил,
Задрожал,
Зарябил[2].

Упоминание о «медном знаке — пластинке на шаманском шнуре» нужно в зачине поэмы не столько для образности, сколько для обозначения связи «Наступления лета» — поэмы, которую собирается писать Кулаковский со «Сновидением шамана» — поэмой, работу над которой он только что завершил.

«22 февраля 1924 года. Весь день возился с потрохами. Нашел: две почки, часть желудка, кишки около одной сажени. Весь жир собрал и растапливал, вышло около $3^1/_2$ фунта сала...

23 февраля 1924 года. Доставал лед для окна. Вставил одно окно. Пишу песню о лете. Плохо клеится.

25 февраля 1924 года. Сделал себе большой низкий жирник... Писал о лете. Сделали тесто для оладий».

Впрочем, рождающаяся поэма, в которой:

Вспучило лед большой,
Разломился огромный лед,
Раскрошился толстый лед,
Растаял великий лед.
Талая вода разлилась,
Заюлила вода полей,
Зажурчала вода долин,
Забормотала вода тайги... —

уже не умещалась в душной тесноте юрты. И постепенно Алексей Елисеевич начинает переносить работу над поэмой в лес, где он построил специально для этой работы шалаш...

Разведя здесь костер, принимался за работу...

Кулаковский считал, что Уот иччитэ (дух — хозяин огня) — это самый великий из всех ***иччи***, возводимый до степени божества и почитаемый больше богов.

«Если в огне послышится вдруг краткий, но звучный треск, то хозяева юрты или шалаша ("отуу") принимают решение,

---

[1] Теплая струя весеннего воздуха, мираж.

[2] Перевод С. А. Поделкова.

противоположное тому, которое было сделано только что перед этим, — писал он. — Например, если хозяин решил на завтра ехать в дальний путь или идти на промысел, или купить что-нибудь, то все раздумывает и не приводит в исполнение; наоборот, когда он перед треском сидел, не решаясь на какое-нибудь дело, то уже должен решиться».

Рождающаяся под треск лесного костра поэма «Наступление лета» как раз и становилась воплощением этой решимости.

Когда еще
Как соль
Был бел снег,
Белизной неподвижно сиял,
Перво-наперво,
С маленький кулачок,
С белесоватым пушком,
Славная пуночка к нам,
Словно сваха весны,
Синее небо преодолев,
Со стайкой своей прилетев,
Угрюмую думу мою
Угрела, рассеяла и мне
Улыбнулась песней своей...

Возникший в противостоянии «быку зимы», олицетворяющему холод, болезни, злые силы, «медный знак на шаманском шнуре» не исчерпывает, а только лишь открывает систему образов, обеспечивающих привязку «Наступления лета» к «Сновидению шамана».

На смену пуночке, рассеявшей «угрюмую думу» поэта, является орел, в которого превращался герой поэмы «Сновидение шамана»...

Хозяин клювообразных существ,
Из крылатых — грозный злодей
Первого царства царь —
С клекочущим крепким клювом,
С каменным нёбом звенящим,
С внутренним веком в глазах,
С округлыми — он — плечами,
С могучими — он — крылами,
С вилообразным хвостом,
Когти лап его — сталь,
Крапчатая громада,
Крылатый ужас,
Глазастая жуть,
Горбоносый орел —
За время перелета
Заклевывал и терзал
Зоревых снегирей —
Искренних спутников своих,
Ими насытясь, тоже прилетел
И на лиственницу сел.

Описание «хозяина клювообразных существ» преднамеренно, почти цитатно повторяет описание эрили из «Сновидения шамана» и — это еще важнее! — направляет потаенную сюжетную линию поэмы:

Когда я увидел
Крючковатую фигуру его,
Крепко сидящую на суку
Крупной лиственницы,
Которая высока,
С толстой корой ствола,
С короной, согбенной вверху,
С корнями, высунутыми из земли,
Мрачная
Мысль
Моя
Вдруг просветлела — знать, оттого,
Что, наверное, подумал я,
Скоро зиме конец,
Стронутся с земли вот-вот
Сугробистый снег и лед,
Споро потекут, исчезая вдали...

5

В поэме «Наступление лета» происходит то, что Алексей Елисеевич попытался описать в дневнике 20 января 1924 года.

«Видел интересные сны, — пишет он. — Как только я засыпаю, я всегда вижу сны, беспрерывно во все время сна. Так что я веду двойную жизнь: явную и ту, которую веду во сне. Но жить во сне для меня лучше, так как она интереснее и содержательнее, все в ней содержательно, занимательно и эксцентрично, тогда как жизнь наяву так сера, буднична, прозаична без чудес... Не все ли равно, что жить во сне и что жить наяву! Одна от другой не зависит, одна другой не мешает. Преимущество явной жизни заключается только в логической связи прошлого с настоящим. Но на что мне эта связь, когда она больше причиняет страдание, чем радости? Наоборот, во сне человек совершенно свободен от прошлого и будущего и живет только настоящим, которое интересно и чудесно! По всему этому, я вечерами всегда желаю поскорее уснуть и окунуться в интересную жизнь, а утрами почти всегда разбужаюсь с сожалением, что отрываюсь от интересной жизни и перехожу на будничную жизнь, полную всяких забот, дрязги и прочее».

И хотя в дневниковых записях почти не говорится о подробностях работы над поэмой, но эти записи крайне важны для понимания возникшего у Кулаковского замысла...

«1 марта 1924 года. День хороший. Иду на поле пить чай. Сделал в лесу лежанку. Ел шашлык. Подул под конец холодный ветер. Пробыл всего 3½ часа.

2 марта 1924 года. Был в лесу. Пил чай. Сделали сударааан.

3 марта 1924 года. День хороший. Бродил по снегу, ища удобное место для уединения, но не нашел. Переписываю набело песню о лете.

4 марта 1924 года. День хороший. Переписываю "Лето". Прибавил о четвероногих и рыбах.

6 марта 1924 года. Пишу "Лето". Ходил на поле, пил чай»...

Несмотря на краткость этих записей, они создают необходимый для творчества климат, как треск огня в костре давал нужный для написания поэмы настрой.

«Однажды я страдал слуховой галлюцинацией в течение трех дней, — писал сам Кулаковский. — В это время, к великому своему изумлению, я услыхал голос духа огня. Надо заметить, что за месяц до этого времени я читал книгу "В области таинственного" Битнера, и мысли мои были довольно долго заняты разными проблемами этой книги. Так вот я, с одной стороны, очень обрадовался самому побывать в области таинственного и впустился в продолжительную (трехдневную) беседу с духом огня. Что же вышло? Дух огня оказался моим благожелателем, давал добрые отеческие наставления, говорил покровительственным тоном и низким старческим голосом (октавой). На вопрос мой — когда и кем он создан? — ответил обидчиво, что ни Бог и никто его не создавали, что он никому не подчиняется и что он имеет самостоятельное бытие с самого начала существования мира. Однажды он сделал мне серьезное замечание, запрещая, если я желаю заслужить его снисхождение, называть его по-русски "дедушкой", советуя звать дедушкой на якутском языке, словом, он оказался чистейшим якутом и обрисовался мне во всех подробностях, каким его представляет якут. Таким образом, под влиянием галлюцинации и расстройства правильного мышления во мне проснулась давно минувшая область "подсознательного", казалось бы, безвозвратно погребенное цивилизацией, и таким образом я искусственно узнал, каким я представлял духа огня в детстве под влиянием воспитывающих меня дедушки и бабушки».

6

Вот и сейчас костер, горящий перед шалашом Алексея Елисеевича, становился не только источником тепла, но и участником поэмы, вернее, ее соавтором...

Окованный зимним холодом мир погружен во власть тем-

ных сил, и, просыпаясь, природа прежде всего старается стряхнуть с себя эти страшные путы. Само небо приходит на помощь, и вот уже:

Вымести нечисть решив,
Взвыл, раскатившись, гром.

Наверное, самое важное в поэме «Наступление лета» — это то поразительное слияние повествователя с природой, когда, совершая магические движения слов и образов, преображает он силу проснувшейся к жизни земли в полноту счастья и отдельных людей, и всего народа:

Стала обрисовываться судьба,
Счастливая судьба
С дородную женщину величиной.

В последней главе поэмы, как отражение героя «Сновидения шамана», появится «прославившийся вещун», «провидец судеб», мудрый старец из далеких улусов, чтобы совершить необходимое благословение, но главное действо уже произошло. Превратившись в эрили, герой поэмы «Сновидение шамана» обозревал мир во все концы пространства и времени и, произнося пророчество, как бы заколдовывал движение истории. В «Наступлении лета» происходит процесс освобождения от заданного пророчества, чтобы:

Пошла затеваться
Счастливая судьба —
С быка
С четырехлетнего величиной.

Пошла разрастаться вширь
Сытая долгая жизнь
С лиственницу
Среднюю величиной.

Пошло шуметь
Пышное пиршество
С развесистую березу величиной...

7 марта 1924 года поэма «Наступление лета» была завершена. Писал ее Алексей Елисеевич 17 дней и, как это принято говорить в таких случаях, всю свою жизнь...

7

16 мая 1924 года на собрании Русского географического общества в Якутске обсуждали рукопись «Словаря русских слов, перенятых и усвоенных якутами» А. Е. Кулаковского.

Его избрали членом-сотрудником общества и решили ходатайствовать перед Совнаркомом ЯАССР о выделении ему средств на переезд из Сеймчана, как «одному из лучших знатоков якутского языка, как автору ценного труда по этнографии якутов».

Правительство Якутии откликнулось на эту просьбу и выделило для переезда Кулаковского 200 рублей.

И письмо, и деньги Кулаковский получил в начале июня и, не задерживаясь, двинулся в путь, но по пути в Якутск остановился в Оймяконе.

Занимаясь биографией Кулаковского, всё время обращаешь внимание на его свойство исчезать из пространства и времени, в котором, согласно документам, ему следовало бы находиться.

Так было в годы предпринимательской деятельности, но тогда Кулаковский был частным лицом и появление его в самых неподходящих местах можно объяснить особенностями характера и интересов.

Приступы исчезновений, находившие на Кулаковского в годы учительской работы, превращаются в проблему для его сотрудников в годы работы Алексея Елисеевича комиссаром Временного правительства, становятся загадкой для исследователей в бытность его особоуполномоченным ВЯОНУ и чрезвычайным уполномоченным при генерале А. Н. Пепеляеве.

Ну а к концу жизни пространство и время реальной жизни настолько сильно переплетаются с пространством и временем, созданным им в своих книгах, что уже и не удивляешься, когда, возвращаясь из Сеймчана в Якутск, Кулаковский попадает в Оймяконе в заключительную главу своей последней, уже написанной поэмы...

Неизвестно, то ли он сам организовал этот первый в истории Оймякона праздник наступления лета — ысыах, проходивший 21 июля 1924 года, то ли только принял участие в нем, но все как в его поэме «Наступление лета» и было.

В полукруге молоденьких березок с белоснежной корой и журчащей листвой поставлены были три сэргэ, которые изготовил сам Алексей Елисеевич Кулаковский.

Посредине между этими коновязями укрепили на столбах перекладину, на которой висели сосуды из бычьих кож с хмельным кумысом...

Изо всех наслегов сюда
Славные съехались удальцы...

Потом —
Прославившийся вещун
Из далеких краев,

Известный провидец судеб
В улусах пяти,

Знаменитейший, как мудрец,
В улусах семи...

И не заставил себя упрашивать старец из дальних улусов. Встав на левое колено, он обратил лицо «к восточному небу»...

И поставил
На правое колено
Большой чорон с кумысом.

Потом
По-урянхайски запел,
По-якутски заговорил,
Подобно шаману добрых божеств
Протяжно стал заклинать:

...Мы — твои дети,
Которых ты поселил
На твердом срединном мире,
Где убывает вода,
Деревья падают и гниют,
Где под высоким солнцем
Мы родились,
По твоему повелению
Стали людьми,
Не увядая, плодились мы,

Согласно установлению твоему
Стали якутами мы...

«Участвовали в ысыахе около 100 человек, исключительно средняки и бедняки края, — писала 7 сентября 1924 года газета «Автономная Якутия». — Ысыах прошел весьма весело и оживленно благодаря искусному и талантливому руководителю А. Е. Кулаковскому».

Глава седьмая

ПОСЛЕДНЯЯ ДОРОГА

Что самое быстрое?
Падающая звезда.
Что самое тихое?
Исполнение шаманского заклинания...

Какая мука мучительнее всех?
Неразделенная любовь в пору зрелости.
Какая беда горше всех?
Ославленное имя.

А. Е. Кулаковский

Никогда еще не встречали Алексея Кулаковского в Якутске так, как летом 1924 года.

Шла так называемая «якутизация», и основоположник якутской литературы с его трудами был крайне необходим для этой работы. Порой ему казалось, что всё совершается как в волшебной сказке, исполнялось всё, о чем он мечтал всю свою жизнь...

Съездив в Таатту, Кулаковский перевез в Якутск жену Евдокию Ивановну, восемнадцатилетнего сына Ясона, двенадцатилетнего Алексея, десятилетнего Реаса, двадцатидвухлетнюю дочь Ларису, семилетнюю Раису...

Снова после нескольких лет разлуки и скитаний Гражданской войны собрались Кулаковские вместе.

1

8 сентября 1924 года Кулаковского приняли на работу членом литературно-переводческой комиссии, установив ему жалованье из средств Наркомпросздрава, отпущенных на якутизацию. Тут же он был избран в коллегию по рецензированию поступающих пьес и включен в список работников по краеведению Якутского отделения Русского географического общества. Заодно получил место преподавателя якутского языка в педтехникуме.

Однако самое главное событие произошло 11 ноября 1924 года, когда на заседании литературно-переводческой комиссии заслушали предложение Кулаковского об издании его стихов и песен и постановили «ввиду большого спроса на песни

Кулаковского немедленно приступить к их изданию силами местной типографии».

Он тотчас же приступил к работе. Сам печатал свои стихотворения на машинке, а члены литературно-переводческой комиссии читали и обсуждали их.

Протоколы обсуждений сохранились...

11 ноября 1924 года комиссия приняла стихотворение «Красавица», переименовав его на «Кырасыабай кыыс» («Красивая девушка») и исключив из стихотворения строку «во имя Господа моего».

18 ноября 1924 года обсуждали «Дары реки» и вынесли решение принять с изменением строк «До наступления суда второго пришествия Господня», «До наступления неспокойных, бурных веков», а примечание: «В погоне за наживой Бога забыли, Закон запамятовали» отредактировать так: «В погоне за наживой достоинство забыли, суды запамятовали».

18 ноября 1924 года приняли стихотворение «Вилюйский танец», изменив только название на «Танец по-вилюйски», а стихотворение «Большая огнедышащая лодка» приняли без изменений.

20 ноября 1924 года приняли стихотворения «Хомус» и «Старинное благословение» без изменений и дополнений...

Примерно так же обсуждались и принимались и остальные стихи и поэмы Кулаковского.

Комиссия настаивала только на изъятии строк, шокирующих излишне-откровенным описанием физиологии, а также — тут чувствовалась школа Емельяна Ярославского! — любых упоминаний о Боге.

Работа продвигалась достаточно быстро, и 23 января 1925 года, как раз к III Всеякутскому съезду Советов, стихи и поэмы основоположника якутской литературы были выпущены.

Забота, которой окружили Кулаковского зимой 1924/25 года руководители республики, воистину трогательна. Когда у него, мешая работать, разболелись пальцы правой руки, Платон Алексеевич Слепцов отправил в Москву телеграмму И. Н. Винокурову, чтобы тот быстро нашел и послал в Якутск пишущую машинку.

Большая нагрузка, связанная с издательской деятельностью и преподавательской работой, тем не менее не мешала научным занятиям Кулаковского.

Уже в январе 1925 года начинают появляться одна за другой его основополагающие работы по грамматике якутского языка, вопросам транскрипции и проблемам якутского литератур-

ного языка. Ученым тогда же написаны статьи «О произношении якутских гласных и двугласных букв», «Правила якутского стихосложения», работы о грамматических формах якутского языка.

Работа «О произношении якутских гласных и двугласных букв» показалась председателю методического бюро М. И. Ковинину настолько важной, что тот начертал резолюцию: «Сдать, спеша, в печать, разослать по школам напечатанные экземпляры и пустить в продажу».

В феврале Кулаковский завершил статью «Якутский язык», задуманную им еще в 1912 году.

«В этих напечатанных в 1925 году трудах, — пишет Л. Р. Кулаковская, — А. Е. Кулаковский, как тонкий знаток и исследователь родного языка, страстно доказывая красоту, богатство, изобразительную силу, огромные творческие ресурсы ("один глагольный корень дает до 1500 производных слов") якутского языка, ставит и по-своему решает ряд проблемных вопросов общего языкознания. "...Возможность развивать своих детей при посредстве материнского языка — это великое, неоценимое счастье народов" его окрыляет...

В последние годы жизни Кулаковский упорно работал над созданием якутской грамматики. Именно на основе научных идей, взглядов и разработанных им закономерностей развития якутского языка в последующие годы были решены многие вопросы якутской письменности, языкового строительства и терминологии. Прошло почти столетие, но языковедческие труды Алексея Елисеевича Кулаковского не только не утратили своего значения, но все больше привлекают внимание лингвистов, его научные идеи продолжают претворяться в жизнь».

В отчете о деятельности литературно-переводческой комиссии с 31 января 1924 года по 1 марта 1925 года отражена и научно-творческая деятельность Кулаковского. За время своей работы в комиссии Кулаковский:

1) перевел статью В. В. Никифорова «О якутской автономии»;

2) просмотрел и исправил пьесу Ст. Ефремова «Оспа»;

3) написал для детской хрестоматии два рассказа и три песни;

4) разработал правила произношения якутских специфических звуков;

5) написал правила якутского стихосложения;

6) написал статьи о якутском языке;

7) открыл новые правила о склонении изменяемых частей речи якутского языка;

8) переработал сырой материал 1080 якутских пословиц, систематизировал их в алфавитном порядке и перевел на русский язык, переписывал по новгородовской транскрипции и написал к ним предисловие;

9) по заданию литературно-переводческой комиссии создал проект литературного государственного языка якутов.

В этом списке большие и малые работы, важные и малосущественные перемешаны между собой, но перечень их поражает своим объемом...

Признанием заслуг А. Е. Кулаковского должно было стать празднование 25-летия его литературной и исследовательской работы, которую решили исчислять от времени создания «Заклинания Байаная».

2

Жизнь Алексея Елисеевича Кулаковского всегда была яркой и насыщенной.

Многокилометровые дороги преодолел он на своем земном пути, написал замечательные книги, прекрасные поэмы и стихи...

Что далеко?
Луна.
Что близко?
Беда.
Что высоко?
Солнце.
Что низко?
Деревце в тундре.

В его жизни хватало всего: побед и поражений, успехов и разочарований, обретений и потерь, радостей и горестей. Ему приходилось блуждать по заполярной тундре и сплавляться по бурным рекам. Он убегал от кредиторов и прятался от бандитов, его любили женщины и у него было много детей...

Только вот стабильных и спокойных периодов в его жизни почти не было.

В начале 1925 года, оставив пятерых детей сиротами, умирает сорокалетняя Евдокия Ивановна Лыскова-Кулаковская. Она совершила, может быть, самый большой подвиг, который может совершить жена... Не попрекая мужа за неумение устроиться на одном месте и стать надежной опорой семье, она почти два десятка лет несла свой нелегкий крест, была рядом с Алексеем Елисеевичем, даже когда он пропадал вдалеке от нее, в глухих чащобах и заполярной тундре.

Смертью Евдокии Ивановны, кажется, и завершается счастливая и надежная, насыщенная творческими свершениями жизнь в Якутске. Устроив Алексея, Реаса и Раису (присматривать за ними должны были старшая дочь Лариса и племянники Трифон и Василий Кулаковские) на учебу в Тааттинскую школу, Алексей Елисеевич определил старшего сына Ясона в педтехникум, где работал сам.

После похорон жены и устройства детей Кулаковский планировал приступить к работе над составлением якутско-русского словаря и грамматики якутского языка, но как раз в этот момент пришли известия из Оймякона, где в местности «Сохсолоох» попал в засаду экспедиционный отряд, шедший в Охотск через Колыму и Верхоянск, чтобы подавить тунгусское восстание[1].

Венгр Э. Г. Светец, командовавший экспедиционным отрядом, отличался необыкновенной жестокостью, и оймяконцам мало бы не показалось, если бы 12 марта его не перехватила повстанческая засада.

Надо сказать, что отнюдь не все партийные и советские руководители Якутии и Сибири были единодушны в оценке амнистии, объявленной для участников похода генерала Пепеляева. Многие руководители ГПУ склонны были считать, что именно вследствие проявленной мягкости и стало возможным тунгусское восстание. Последствия, которые должна была вызвать гибель экспедиционного отряда венгра Эрнеста Светеца, угадать было нетрудно.

Кулаковский, услышав страшную новость, совершает самый настоящий подвиг. Опережая решение о посылке в Оймякон карательных чекистских частей, он начинает хлопотать, чтобы для установления мира в Оймяконском районе послали не чекистов, а его. Это предложение было встречено без особого восторга — очередная мягкотелость в отношении к повстанцам могла быть неправильно расценена наверху, а спасение пары сотен мятежников ценой собственной карьеры было неприемлемым и для якутских руководителей. По-видимому,

---

[1] Тунгусское повстанческое движение в 1924—1925 годах охватило Охотское побережье и восточные районы ЯАССР. 10 мая 1924 года восставшие под руководством М. К. Артемьева заняли населенный пункт Нелькан. Созданное в Нелькане Временное центральное тунгусское национальное управление решило отделиться от советской России и образовать самостоятельное государство. М. К. Артемьев был выбран начальником штаба вооруженных отрядов, а начальником всех отрядов назначен тунгус П. Карамзин. Был учрежден даже трехцветный флаг Тунгусской республики, на котором белый цвет символизировал сибирский снег, зеленый — тайгу, черный — землю.

Кулаковского отговаривали от этой затеи, говорили о важности работы, которую он ведет, ссылались на необходимость присутствия его в Якутске.

Об этом свидетельствует то, что решение совета общества «Саха Кэскилэ» о назначении Василия Никоноровича Леонтьева руководителем секции языковедения вместо уезжающего в Оймяконский край А. Е. Кулаковского было принято 3 мая 1925 года, за десять дней до того, как последний был уполномочен ЯЦИКом возглавить делегацию.

Кстати, на этом заседании совета общества «Саха Кэскилэ» присутствовал и председатель ЯЦИКа Платон Алексеевич Слепцов (Ойумский).

Однако Алексея Елисеевича Кулаковского не остановила потеря весьма важного для его научной работы места. Он продолжает хлопоты и 14 мая подает официальное заявление на имя председателя ЯЦИКа, в котором предлагает создать комиссию по мирной ликвидации оймяконских отрядов. В состав комиссии он просит ввести самого себя, аргументируя это тем, что он «в Оймякон ездил шесть раз, зимовал и летовал там, знает жителей и местные условия и не был в плохом счету». Кроме того, Кулаковский предложил включить в комиссию уроженца Сасыльского наслега Баягантайского улуса Ивана Александровича Степанова, часто бывавшего в Оймяконе.

18 мая 1925 года на заседании президиума ЯЦИК принял решение: для ведения переговоров о мирной ликвидации оймяконских бандитских отрядов создать комиссию в составе А. Е. Кулаковского и И. А. Степанова...

27 мая в национальном театре впервые в Якутии состоялся вечер общественности и власти, посвященный чествованию Кулаковского. Отмечали 25-летие его творческой деятельности. Вступительное слово произнес А. Ф. Бояров, доклад о жизни и литературной деятельности сделал А. И. Софронов, о научной и исследовательской работе рассказал Г. А. Попов.

Был большой концерт. От имени ЯЦИКа и научного общества «Саха Кэскилэ» первого якута-юбиляра поздравил Платон Ойунский и вручил в подарок письменный прибор из мамонтовой кости.

Через два дня полномочный представитель ЯЦИКа по переговорам о мирной самоликвидации повстанческих отрядов, Кулаковский, получив по квитанции пять ведер спирта на сумму 614 рублей, двинулся с И. А. Степановым в нелегкий и опасный путь.

3

Попутчиком Кулаковского стал молодой Николай Михайлович Заболоцкий, который возвращался тогда к себе на родину, в Оймякон, на летние каникулы из центра Баягантайского улуса села Уолба.

Он стал писателем и оставил рассказ об этой, может быть, самой главной в его жизни дороге...

«Обычно этот путь караваны преодолевали за месяц. Но мы не делали длительных остановок. Спешили.

И с первого же дня начались наши испытания. По берегу Алдана тянулись сплошные топкие болота, изрезанные семью речками-близнецами, Сэттэ-Тэкэ. Лето выдалось слякотное, дождливое. Мы сразу окунулись в страшную трясину, поросшую редким лесом.

Строй нашего маленького каравана поломался, как только мы вошли в эти гиблые места. Едущих впереди я не вижу, лишь слышу чавканье жидкой грязи и плеск воды, да изредка доносится сердитый голос седока. Конь тонет и, выбрасывая вперед ноги, рвется из топи. Порой трудно удержаться в седле. Но вот мой конь безнадежно увяз, не достав ногами дна. Я соскочил с него. Умное животное, почувствовав облегчение, сразу собралось с силами, резкий рывок вперед, еще и еще!.. Вздыбилась, пошла лошадка плясать и скакать. Я тоже пляшу рядом, балансирую на макушках кочек. Так мы выбираемся на сухое место. Я даю передохнуть коню. На беднягу смотреть жалко. Тяжело дышит, весь в бурой, рыжей грязи, задние ноги дрожат. Я вновь усаживаюсь на коня, нельзя вести его в поводу. Он, выдираясь из трясины, может зашибить, а то и вовсе подмять под себя...

Лишь к вечеру, когда солнце уже склонилось к горизонту, мы выбрались из железных тисков Сэттэ-Тэкэ, и как приятно было слышать дробный стук копыт. И мы и лошади наши за день соскучились по сухой дороге...

Сквозь дремучую тайгу, простиравшуюся на сотни километров, тоненькой ниточкой тянулась тропа, пробитая конскими копытами. Она связывала огромный северный край с центром области — Якутском. Здешние места наш проводник знал как свои пять пальцев. Сокращая путь, он вскоре сошел с караванной тропы и углубился в таежные дебри. За день мы достигли устья реки Хандыга и остановились в сумрачной чащобе, сквозь которую доносился недобрый, глухой шум реки...

С каждым днем мы приближались к теряющемуся в облаках Верхоянскому хребту. Он начинается с невысоких лесистых отрогов, называемых Аан-Хайалар — горы-ворота. С равнины

они видны издалека, за сто — двести километров. Сплошной массой, словно застывшие сизые тучи, закрывают они весь горизонт. Едешь и не отрываешь от них глаз. Издалека они кажутся огромными, простершими свои длани к самому небу — приюту покровителей материнства и домашнего скота иэйихситов и айысытов, добрых небожителей, разодетых в нарядные узорные меха, милостивых и благородных характером, готовых всегда прийти на помощь людям. Но когда подъезжаешь к горам-воротам вплотную, они как-то теряют свое величие и превращаются в сравнительно небольшие сопки, в обычные буорхайалар — земляные горы, покрытые лесом. Объясняется это просто: караван, продвигаясь вверх по течению, незаметно для себя поднимается к хребтам.

Лишь через день или другой увидишь настоящие горы. Мир мертвых, застывших в своем первозданном хаотичном нагромождении скал поражает воображение человека. Здесь нет ни зверей, ни птиц. Лишь ниже, в отрогах хребта, легко перепрыгивая с камня на камень, проносится снежный баран да коченеет зимой в своей норе маленький, юркий тарбаган, из его красивого густого меха оймяконцы шьют себе шапки.

...Круто вздымаются отвесные стены с выпирающими из них огромными глыбами. Над нами скалы и ломаная полоса ослепительно синего неба. Все глубже, все извилистей сумрачные теснины, по которым текут горячие ручьи и реки, — сколько их здесь, этих гранитных улиц, перекрестков и тупиков. Горе заблудившемуся путнику. Лишь опытный проводник может вывести караван из этого лабиринта. Уметь надо читать эти камни!

Над тобой скалы — свинцово-серые, фиолетовые, ярко-красные. Высоко задираешь голову, любуясь сменяющимися картинами; коченеет и болит шея от долгого напряжения. Целый день продвигаешься вперед медленно, тишайшим шагом. И ни разу не почувствуешь скуку в этой каменной стране...

У Кулаковского были большие карманные часы, — тогда их называли "чугунными". По ним он мерил пройденное расстояние. Якутский кес равен приблизительно десяти верстам. Если едешь два часа, значит, позади один кес, и надо дать лошадям отдых. Следя по часам, он проверял, правильно ли определено расстояние между привалами. Алексей Елисеевич находил, что рассчитано верно, и вечером все это записывал. Таким образом, кес здесь определяется не столько пройденным расстоянием, сколько временем, затраченным в пути. Все относительно!.. Об этом уже знали наши деды. Поэтому в этих труднодоступных местах кес такой короткий. Проедешь иногда черепашьим шагом два часа — кес; оглянешься назад —

скала, откуда выехал, торчит так близко, что протяни руки и достанешь ее.

Часто мы спешиваемся, ведем своих коней в поводу. Устаешь, натираешь ноги; якутские торбаса из дубленой кожи — слабая защита от камней. Жаль, конечно, коня, но невольно тянешься к седлу. Каждый шаг вызывает острую боль. Кажется, пятки горят под тобой. Тогда мы начинали соревнование: кто больше всех отшагает по жалящим камням. Алексей Елисеевич был в годах, мы — молоды. Но во многих случаях в этом "соревновании" мы ему уступали. Он привык к трудным переходам. Он был настоящий айанит...

Алексей Елисеевич привык писать в дороге. И теперь, направляясь в Оймякон, продолжал работать над грамматикой якутского языка.

Мы ехали лесом.

— Скажи, как изменяется по падежам слово "юрэех" — река? — спросил он меня.

Ничего путного я ему ответить не мог. В ту пору мы учили грамматику русского языка — и то, конечно, не ахти как. Я даже и не подозревал, что в якутском языке существуют падежи. Алексей Елисеевич молча отвернулся от меня и больше ни разу со мной "не консультировался".

Наш караван медленно продвигался вперед: еще несколько переходов — и достигнем вершины хребта. Однажды мы оказались у маленькой горной речки, сплошь забитой толщенным льдом — тарыном. Речка едва дышала под тяжестью навалившейся на нее громадины и косилась белесыми от злости и отчаяния глазами на божий мир, на сияние жаркого летнего дня...

Перейдя речку, забитую наледью, мы добрались наконец до бассейна реки Куранах, устроили там привал под широколиственными тополями. Уже сварился неизменный наш саламат, вскипел чай, и мы было уселись за ужин, как вдруг вдали показался одинокий всадник, едущий берегом реки со стороны Оймякона. Это насторожило нас. Что за человек? Когда он подъехал ближе и мы узнали в нем хорошего нашего знакомого, родственника старика Степанова, от сердца отлегло. Этот человек возвращался из Оймякона к себе в Сасыльцы.

Оказывается, у самого спуска с хребта он встретил бандитов, поджидающих красный отряд из Якутска. Почти все они — эвены, молодые, выносливые люди, способные на своих быстроногих оленях молниеносно появляться и исчезать. Главари банды остались в Оймяконе в своем штабе, а их выставили в горах, у этого спуска, в тесном каменном ущелье. Местные охотники-оленеводы, они знают здесь каждую лощину, речку, ручей. Ни ускользнуть, ни спрятаться от их бдительного

ока!.. Да они и с завязанными глазами найдут нас, путников с десятком утомленных коней.

Старики наши не рассчитывали на такую встречу в пути.

Посоветовавшись между собой, они решили свернуть с тропы, обойти засаду и по бездорожью, окольными путями пробиться в Оймякон. Иного выхода у нас не было.

На другое утро мы чуть свет снялись с привала, двинулись вверх по течению реки. Куранах — река удивительная: на всем своем протяжении она выложена широкими и тонкими каменными плитами...

Путнику-новичку Куранах преподносит и другой сюрприз: река вдруг исчезает. Проедешь этак версту, другую и не слышишь веселого журчания, лишь стертые камнями конские копыта звонко стучат по старице, сухому дну исчезнувшей реки. Нахлынувшее чувство тоски, увы, не рассеют ни дробный стук копыт, ни даже цветущие островки, выстроившиеся вдоль каменистого ложа, и новичок беспокойным взглядом обшаривает пустынные берега, словно потерял что-то. Да вот он — этот живой поток!.. Из-за стоящего впереди нарядного островка весело засверкали свежие струи. И все вдруг ожило. И запело в душе. Отражая небо и густую прибрежную зелень, бежит Куранах, радуя взор, отсвечивая волшебными красками.

Не без сожаления мы наконец простились с рекой, и вот уже перед нами вздымается каменная громада — гора Дыбы с крутыми, как будто обрубленными, склонами. Здесь сходятся две неприступные скалы, и каравану не остается другого выхода, как подниматься наискосок по почти отвесной стене, преодолевая так десятикилометровый путь. Это и есть "Прижим горы Дыбы".

Путники спешиваются и ведут коней в поводу. Узенькую тропинку порой пересекают русла пересохших ручьев, весной низвергающихся бешеным потоком. С краю тропа окаймлена деревьями и кустарниками. Без них было бы совсем худо. Стоит только поскользнуться тяжело навьюченной лошади, как все слетит, покатится в пропасть. Молча, с опаской поднимаешь голову — вершины не видно; глянешь вниз — кружится голова: отвесная стена падает в бездну, а ты висишь между небом и землей. Страшно и то, что тропинку загораживают округлые, скользкие камни. Обходить их приходится по самой кромке тропы. Кажется, вот-вот сорвешься в пропасть. Здесь каждый предоставлен самому себе. Не услышишь ни слов, ни возгласов, ни понукания коней — настолько обострено внимание, напряжены нервы.

Караванная тропа поднимается примерно до середины горы, а дальше — медленный спуск по крутизне. Он не легче

подъема. Оказавшись у подножия горы, путники устраивают привал, варят чай и, отдохнув, переправляются через реку Дыбы, следуют вверх по ее течению, и вскоре перед ними возникает гора Остуолболоох — с острой, прямой, как стрела, вознесшейся в небо вершиной. По словам знающих людей, пик Остуолболоох наиболее высокий на нашем пути.

Прежде чем мы перевалим хребет, предстоит еще одна ночевка в богатой кормами, удивительно красивой местности Мэнкэджой. Вот он, этот уголок земли, как бы специально созданный природой для отдыха уставших путников и коней. Все здесь дышит покоем и прохладой. Густые кроны вековых широколистных тополей взметнулись ввысь, образуя серебристо-зеленый узор на темном фоне нависшей над ними скалы.

Местность эту полукругом опоясывает река Дыбы, и днем и ночью сердито ворочающая камни. После дождя на стрежне вода вздыблена, словно холка неукрощенной кобылицы. Не так-то просто переправиться на другой берег. Кажется, неглубоко, вода едва достигает стремени, но волны наваливаются на коня, бушуют у седла, захлестывают гриву. Оглушительный шум и рев. Все вокруг клокочет. В глазах рябит. Создается впечатление, будто конь плавно и в то же время стремительно несется вверх по течению, а когда достигаешь противоположного берега, видишь, что тебя отнесло далеко вниз. Меня всегда поражало это ложное чувство, овладевавшее мною посреди потока. Всаднику не полагается бездействовать. Когда поток с громадной силой обрушивается на коня, надо развернуть его против течения и, вытянув ногу, нажимая на стремя, удерживать в таком положении. Это помогает коню сохранить равновесие, он не поскользнется и не упадет.

Люди рассказывают, как однажды здесь утонул путник, знавший эти места. Там, где раньше была переправа, течение размыло дно, но он не заметил этого и смело направил коня в кипящий поток. Конь сразу скрылся под водой, а седока подхватили волны и через десяток саженей выбросили на берег уже мертвого — с такой силой ударило его головой о торчащие из воды черные валуны.

Ну вот, опасная переправа позади... Увы, от Дыбы так легко не отделаться. Она несется по тесному ущелью, бросаясь из стороны в сторону. Переправился с трудом и риском в одном месте, не успеешь даже отдышаться, как Дыбы уже опять подстерегла тебя, прижимается к каменной стене и гонит на другой берег. И все повторяется сызнова.

Впереди на плоскогорье нас ждет маленькое, окаймленное болотцами озеро. Оно замечательно тем, что здесь начинают свой путь две славные наши реки. Из этого озера в противопо-

ложные стороны бегут два ручейка: один из них становится Алданом, притоком Лены, а другой — Индигиркой. Где-то там, за этим озером, засада бандитов.

Как только мы вышли на хребет, повеяло свежестью. Все видимое пространство покрыто серовато-белым ягелем, из-под него выпирают почерневшие от времени валуны; кажется, что перед тобой расстелено огромное продырявленное заячье одеяло. Изрезанные белыми морщинами утесы выстроились по обе стороны этого плоскогорья, сторожа покой окружающего мира...

К вечеру мы достигли берега Индигирки и вышли на тракт, не на наш основной, с которого мы своротили, а другой.

Напряжение последних суток, вызванное переходом через хребет, спало. Теперь мы были уже вне опасности и могли, не тревожась, расположиться на ночлег.

Сквозь зеленую стену прибрежных ив доносится слитный рокот волн. Кажется, что это не река шумит, а где-то в отдалении сильный ветер раскачивает деревья, треплет густые кроны.

Иван Александрович, как обычно, хлопочет у костра. Вид у него такой, будто ничего с нами не могло произойти. Словно и нет никакой его заслуги в том, что мы обошли засаду. Так и кажется, что он давно забыл обо всем.

После сытного ужина мы уселись у костра, и Алексей Елисеевич впервые за все время нашего пути достал из переметной сумы томик своих поэм и стихов, выпущенный к двадцатипятилетию его литературной деятельности. Была подготовлена и скоро должна была выйти и вторая книга Кулаковского.

До этого поэмы и стихи Ексекюляха — Сына Орла — "издавались" другим путем: они переписывались в ученические тетрадки такими же, как я, грамотеями. Так что этот томик был первой книгой в его жизни.

Алексей Елисеевич бережно погладил книжку пальцами, упомянул, сколько он получил за нее.

— Чего там было долго возиться, ну и пустил эти рубли в расход, поел, погулял, можно сказать, с друзьями, — улыбался он, перелистывая книгу. — Тут у меня одна вещь самая любимая — "Дары Лены".

Поэму эту мы, конечно, знали и тоже любили. И теперь сразу притихли, приготовившись слушать ее из уст самого Ексекюляха.

И он начал своим густым, звучным голосом...

Великая река Лена, в своем движении создавшая многочисленные острова, чтобы жили на них и благоденствовали люди, разлилась вокруг, разорвала ледяной панцирь, сковавший ее.

И вот, торжествуя, понесла она громаду воды и вздыбленного льда, как дань, собранную со всей Восточной Сибири, в подарок своей грозной матушке Ледовитой Бездне...

На другое утро мы рано отправились в путь. Вот и река Кирынастнах, где весной этого года был почти полностью истреблен красный отряд Эрнеста Светеца. Сейчас здесь тихо, чуть слышно журчит обмелевшая река, по льду которой двигался ничего не подозревавший отряд. Бандиты прятались тут же на берегу и стреляли в упор. Красноармейцы, так неожиданно нарвавшиеся на засаду, бились до последнего.

Справа от нас, за Индигиркой, потянулись горы с безлесными крутыми склонами. Значит, мы уже подъезжаем к Оймякону, котловине, со всех сторон окруженной высокими хребтами,— полюсу холода.

Мы заночевали на берегу реки Кенте. В ее долине уже можно встретить человеческое жилье. Здесь разбросаны юрты скотоводов и охотников. Кенте глубока и, как все ее здешние братья и сестры, бурна и своенравна. Нам пришлось переправиться через нее на утлой лодке, выдолбленной из ствола тополя. Коней мы пустили вплавь. На другом берегу дорога стала "людной". Мы останавливались, разговаривали то с одним, то с другим путником. И те, простившись с нами, торопили коней: сегодня же все оймяконцы узнают о приезде посланца красных — всеми почитаемого Ексекюляха. Под вечер мы встретились с моим родным дядей. В детстве, когда я тяжело болел, он помог матери выходить меня, таскал меня на своих широких плечах. От него наши старики узнали, что штаб белобандитов находится примерно в шестидесяти километрах от нас. Дядя присоединился к нашему каравану. Он ехал рядом с Алексеем Елисеевичем, о чем-то с ним разговаривал. Вскоре мы расположились на ночлег. Утром мне предстояло распрощаться со своими спутниками и с дядей отправиться к себе домой в Ючюгей, а им — в штаб белобандитов...»[1]

4

Кулаковский и Степанов прибыли в Оймякон 30 июня 1925 года, а уже на следующий день был созван Чрезвычайный улусный съезд, на котором А. Е. Кулаковский доходчиво, убедительно говорил о том, что советская власть начала относиться к человеку уважительно, что при условии отказа от сопротивления и мирной сдаче оружия повстанцы получат полную амнистию.

---

[1] *Чисхан Н.* На земле Ючюгея: Повести и рассказы / Пер. с як. С. Виленского. М.: Современник, 1987.

Съезд работал четыре дня. Говорили о строительстве школы, об организации потребобщества, о решении проблем кумаланов[1].

В результате было принято решение о добровольной сдаче. Оставшихся от отряда Светеца восьмерых красноармейцев отправили в Охотск.

В воспоминаниях Николая Михайловича Заболоцкого можно прочитать, как умел говорить Кулаковский с местными жителями.

«Прямо на нашем пути показалась одинокая ураса — летний эвенский чум, покрытый оленьими шкурами. Над ним поднимались сизые струйки дыма. Вот и нас заметили. Залаяли собаки, и высыпали наружу хозяева — все от мала до велика — и молча, с любопытством смотрели на наш караван...

Пока мы разгружали лошадей и привязывали их, хозяева юркнули в урасу. Вход в их легкое жилище очень уж низок. Нам пришлось пробираться туда чуть ли не на четвереньках...

Разговор начался с того, кто мы и откуда. Оказалось, что старый эвен знает не только нашего проводника Ивана Александровича, но и Кулаковского. По выражению его лица было видно, что он очень рад принять в своем чуме дорогих гостей. Кулаковского нисколько не удивила такая осведомленность хозяина: таежные жители — люди любознательные — обо всем расспрашивают, запоминают. А ведь где он только не побывал, где не знают его, хотя бы понаслышке. Беседа наша не выходила сначала за рамки обычного, повседневного, Алексей Елисеевич поинтересовался, как живут хозяева, вся ли семья дома, не болеют ли олени.

Между тем вскипел чайник, забурлило в котелке. Хозяйка накрыла стол, то есть положила перед нами четырехугольную, гладко выструганную дощечку. Вынула из котелка сваренное свежее оленье мясо и, разрезав его на мелкие куски, поставила в тарелке перед нами. Ничего приготовленного из муки и сахара она нам не предложила — попросту у нее этого добра в запасе не было.

Когда был накрыт стол, старик Степанов молча вышел, вернее сказать, выполз из чума, — довольно проворно, несмотря на свой рост и тучность. Вскоре он вернулся тем же способом. Уселся на свое место и поставил на стол бутылку с "огненной влагой". Хозяин не ожидал этого и просто обомлел от удивления...

---

[1] Бедноты.

Бедняга быстро захмелел. Что касается наших стариков, то они легко справились со своей долей. И завязалась оживленная беседа.

Прежде всего мы узнали, что отряд бандитов действительно заблокировал дорогу на Якутск, занял удобную позицию в местечке Сюрах Хайа, у самого спуска с хребта. Мы поняли, что все эти "беглецы, дезертиры, рецидивисты и прочий сброд", о которых говорилось в письме Алексея Елисеевича на имя правительства и от которых он решил избавить жителей обширного края, основательно поработали в этих глухих местах и сумели несусветной ложью привлечь на свою сторону темных, отсталых людей. Нам скоро стало ясно, что в отряде, заблокировавшем дорогу, находился и сын хозяина чума.

Постепенно хмель, сначала обуявший нашего хозяина, стал рассеиваться, лицо его оживилось. Ведь он услышал неслыханное, увидел не виданное им прежде.

Слова уважаемого, почитаемого всеми человека были для пожилого эвена настоящим откровением. Он, конечно, и раньше слышал о Советской власти и ничего плохого от нее не видел. Житейский опыт подсказывал ему, что эвенам от "братьев", так себя называли бандиты, не дождаться добра, наоборот, с тех пор, как они появились, люди стали жить в страхе, бояться друг друга. Дорога перекрыта, из Якутска не идут караваны, нет продуктов, одежды.

— Не верьте этим "братьям". Советская власть — справедливая власть, надежная. Она не карает отсталых, заблудившихся людей. Готова простить их, если они сложат оружие, вернутся домой к мирной жизни. — С этими словами Алексей Елисеевич вынул из кармана два серебряных рубля и протянул их хозяину чума. — То, что слова мои верны, тебе могут подтвердить эти серебряные монеты. Они советской чеканки.

Эвен бережно положил монеты на ладонь и молча впился в них своими черными раскосыми глазами. Да, они не царские, новые, созданные новой властью. Для вящей убедительности он пощупал их кончиками пальцев, затем осторожно поднял монеты двумя пальцами, поиграл ими, бросая одну на другую. Серебряный звон!

— Да, они настоящие, — зачарованно произнес он. — Все это от Бога.

При этих словах я взглянул на маленький образок, висевший в углу на аккуратно расшитой сумочке из ровдуги...

— Ты скажи своему сыну, что нечего делать в отряде, пусть возвращается домой и помогает по хозяйству. Ведь ходить на охоту кому-то надо?

— Я завтра же заберу его из отряда! — с жаром воскликнул отец.

Он охотно согласился рассказать о нас и обо всем, что он услышал и увидел. Так мы обрели помощника. Надо было видеть восторг, отразившийся на лице эвена, когда Алексей Елисеевич подарил ему эти монеты. Сначала он даже растерялся.

— Бери, это мой подарок тебе. Возьмешь с собой и покажешь сыну. Они в хозяйстве могут пригодиться. Цены теперь снижены; как только здесь установится Советская власть, подбросят много всякого добра, продуктов... Поверь моему слову.

— Нет, монеты эти я буду хранить! — прошептал эвен. На прощание мы поделились с радушными хозяевами остатками своих скудных запасов. Жене эвена, скромной женщине, которая во время нашего довольно затянувшегося обеда молча занималась своим несложным хозяйством, особо понравилась мука и топленое масло. Тут я впервые заметил улыбку, мгновенно озарившую ее смуглое лицо...»

Весь июль Алексей Елисеевич Кулаковский занимался переговорами с повстанцами. Он послал уполномоченного в Охотск. В Абый и Верхоянск отправились председатель Оймяконского исполнительного комитета Михаил Винокуров и бывший начальник повстанческого отряда Александр Румянцев.

Убедившись, что восстание действительно прекратилось, Кулаковский тронулся в обратный путь.

8 сентября 1925 года он послал из Таатты на имя П. А. Ойунского телеграмму: «Восстание Оймяконе ликвидировано. Начальник Охотского отряда Жегусов, приехавший сюда, сложил оружие. Охотск отправлен нарочный»...

20 сентября 1925 года председатель комиссии по ликвидации повстанчества в Оймяконе А. Е. Кулаковский доложил ЯЦИКу о выполнении им задания и представил на амнистию список из двадцати девяти повстанцев.

28 сентября Президиум ЯЦИКа заслушал доклад А. Е. Кулаковского и по представленному списку амнистировал 29 человек.

Любопытно, что на этом же заседании было принято постановление «О командировании представителей от ЯАССР на тюркологическое совещание в гор. Баку»:

«Командировать на тюркологическое совещание представителями от ЯАССР следующих тт.: Кулаковского Алексея Елисеевича, Софронова Анемподиста Ивановича и т. Барахо-

ва Исидора Никифоровича с отозванием ранее командированного на указанное совещание т. Донского Семена Николаевича 2-ого.

Председатель ЯЦИК Ойунский, Секретарь Егоров».

5 октября 1925 года на последнем пароходе Кулаковский выехал из Якутска.

Выехал он, между прочим, без средств на командировочные расходы. Правда, перед отъездом Кулаковскому пообещали выслать деньги в Иркутск.

5

Дорога для Кулаковского всегда была больше чем дорога. Кажется, что для него совсем не обязательно достигнуть точки назначения, важнее встретить в пути то, что предназначено встретить, дождаться, пока случится то, чему необходимо случиться...

Рассказывают, что Алексей Елисеевич в последний год жизни столкнулся с женщиной-дэриэтинньик[1].

«История эта случилась глубокой осенью: писатель верхом на лошади ехал вдоль берега одной речки, места были малонаселенные, можно сказать, совсем безлюдные. От места, где он заночевал, предстояло ехать три версты. Но то ли оттого, что поздновато тронулся в путь, то ли оттого, что сошел с конной тропы и малость заплутал, но огонек заветной юрты все не показывался. А между тем начало смеркаться. Осенний день короток... Вдруг вдали что-то забелело: навстречу торопливым шагом шла молодая женщина в белом платке.

— Тукаам[2], куда так спешишь? Откуда сама будешь? — спросил ее Кулаковский.

— Да вот за тем бугром есть небольшое озерцо, вот там я и живу. Иду искать коров, запропастились куда-то, окаянные!

— Я еду к Сыгынах-баю, не подскажешь, далеко мне?

— Вы сошли с дороги, это отсюда подальше будет. Вон, видите, дорога! На ночь глядя куда ехать, лучше переночуйте у нас, а утром не спеша доедете.

Алексей Елисеевич, поехав к указанному месту, увидел маленькую юрту и струйку дыма, вьющуюся из трубы... Привязав коня к сэргэ, зашел в балаган, оглянулся. Шкаф, стол, несколько тальниковых стульев, хозяйственная утварь, справа — свернутая постель, больше ничего...

---

[1] Дэриэтинньик — злой дух — демон, вселившийся в душу непогребенного человека. По верованию якутов, — это вовремя не погребенный самоубийца, душой которого завладел демон.

[2] Ласковое обращение к младшему по возрасту.

Вскоре стемнело, а хозяйки все не было. Очаг догорал, стало холодно, и гость решил подкинуть дров, а когда вспыхнул огонь, начал вполголоса читать алгыс...

Кулаковский читал алгыс мастерски, образно, как и подобает великому писателю и знатоку языка. Вдруг огонь взметнулся вверх, и оттуда, из очага, вывалился сам дух огня — Бырдьа Бытык Хатан Тэмиэрийэ, почтенный старец с длинной седой бородой»[1].

Дух огня объяснил Кулаковскому, что он попал к дэриэтинньику, и научил, как ему спастись.

Кулаковский спасся. Вскоре он добрался до своих знакомых и, не вдаваясь в подробности, порасспросил о заброшенной юрте и ее хозяйке.

Оказалось, что когда-то там жил один охотник с молодой женой, детей у них не было. Однажды мужчина ушел на охоту и не вернулся — то ли на медведя голодного напоролся, то ли еще что с ним приключилось, неизвестно. Жена его день ждет, два, а его все нет, и она, поняв, что осталась без кормильца и опоры, взяла и повесилась за камельком. А так как жили они на отшибе, никто об этом не узнал, так и осталась она непогребенной...

Это, разумеется, только легенда, но как странно сходятся такие легенды с тем, как рассказывал о своих дорогах сам Кулаковский.

6

Свою последнюю дорогу, в которой с ним также происходят чрезвычайно странные метаморфозы и приключения, Кулаковский достаточно подробно описал в письме председателю ЯЦИКа Платону Слепцову (Ойунскому):

«Добрейший Платон Алексеевич!

Вот Вам моя исповедь. Из Якутска пароход вышел 5 октября, и на третий день плавания пошла шуга. Все были в полной уверенности, что пароход дойдет до Витима или Киренска.

В это унылое время в голове двух олекминцев (горбатого, богатого, бывалого Федорова и П. А. Харитонова) созрел гениальный план: высадиться нам с Харитоновым под Олекминском, проехать на конях и оленях до Могочи на Чаре (1000 верст) и выйти на железную дорогу. Говорили, что езда будет скорая, коней и оленей везде много, плата будет дешевле, чем по тракту. В 3-м году Барахов и Бахсыров проехали очень быс-

[1] Иннокентий Сосин. Женщина-дэриэтинньик.

тро. Попутно Харитонов желал собирать сведения о местонахождениях полезных металлов, я — полечиться в теплых водах Кюкэндээйи, о которых ходят удивительные слухи...

Теперь скажите, Платон Алексеевич, по совести, виновен ли я в том, что я изменил первоначальный маршрут?

Теперь посмотрим на действительную, изнанковую сторону дела, доведшую меня до бедственного состояния.

Шуга, о которой я говорил выше, растаяла через два-три часа. Настала удивительно теплая и небывало долгая осень, последствием чего явилось то, что Лена стала лишь 14 ноября.

Покупка лошадей, сум, веревок, седел, потников, провизии, зимней одежды, палатки, печки и тому подобных задержала на Лене до 20-х чисел октября. Наконец, выехали на трех конях и с одним проводником. Проводник не знал дороги (знающих вовсе не было), потому в пути до Чары мы проплутали лишних четыре дня. Земля, покрытая слоем снега, была талая, потому лошади проваливались на каждом шагу, и мы испытали все муки Тантала. До черских жителей еле-еле можаху добрались на 12-е сутки — измученные, голодные, оборванные. Но нас здесь ожидало худшее:

1) Все мужчины и подростки до единого ушли "белковать" в тайгу на 1—1,5 месяца.

2) Оленных тунгусов поблизости вовсе нет, да и вообще тунгусов весьма мало, а сами они крайне бедны.

3) У якутов оленей нет; у одного было шесть оленей, но он уехал на них белковать.

4) Некто Ромка Багаев уверял, что брат его, живущий на Чаре, "подымет" нас до Могочи за 700 р. на оленях, но этот брат отсутствовал и своих оленей не имел, а между тем Ромка взял у нас задаток.

5) Выше устья Жуй Чара течет по глубоким ущельям, потому проезд по ней на конях невозможен до декабря.

6) Езде через горы мешают глубокие снега, выпавшие там с начала сентября.

7) В нынешнем году появились по Чаре стаи волков, весьма опасных для ездовых животных.

Оказывается, что Бахсыров и Барахов проезжали во вторую половину зимы, когда реки покрыты льдом, дороги установились, промысел на пушнину прекращен. Кроме того, вперед отправляли нарочного заготовлять оленей.

Итак, мне ничего не оставалось, как только поворотить оглобли назад. Теперь судите меня и секите башку. А неудачи преследуют меня весь мой век.

Я не смею просить о возмещении всех тех расходов, которые были сопряжены с неудачной поездкой через Чару.

Прошу только об одном: рассчитать мои прогоны по зимнему пути, а не по летнему. Везут по 12 копеек с версты...

Посоветуйте, как мне быть. Надеюсь, что и в том, и в другом случае жалованье будет сохранено за мной. Затем, неужели квартирные и столовые расходы включаются в мое мизерное жалованье, из которого я должен еще обмундироваться.

Ходатайствуйте перед Якутским представительством о выдаче мне пишущей машины с якутским шрифтом, которая заменит мне недостающую мою руку...

Ждал перевода до 19-го и уехал, заняв денег в долг. Конечно, не мог быть доволен Вами. Как же так бросить на полдороге старика без призора?

18 ноября, Ексекюлях».

Превращение председателя комиссии по ликвидации повстанчества в «брошенного на полдороге старика» — типично кулаковское приключение.

А вот жалоба... Это на Кулаковского не похоже.

Он редко жаловался. Да и сейчас... Он ли это жалуется? Может быть, это его болезнь решила пожаловаться человеку, который считал себя когда-то учеником Кулаковского?

Второе письмо Слепцову содержит прямо-таки важное открытие: « Я случайно встретился с одним субъектом, который открыл дорогу из Аяна в Нелькан, минуя пресловутый хребет "Джугджур". По его словам, расстояние до Нелькана всего 270 верст, а подъем, т. е. перевал, едва заметен. Стоит только (говорит) проложить просеку. Он был командирован в 1918 году иностранной фирмой, желавшей торговать в Якутии, искать обход "Джугджура" и напал на проход, благодаря указаниям местных тунгусов. Ни за что не хочет открыть своего секрета перед Якутией, требует огромного гонорара. Но мне выболтал свой секрет, т. е. открыл его. Потому я мог бы живо слетать туда летом и "прорубить" это окно. Якутия понимает всю огромную важность этого открытия.

Довожу до Вашего сведения это дело, чтобы Вы имели его в виду.

Ваш А. Кулаковский».

Но хотя Кулаковский и рассказал Ойунскому, что владеет сокровенной для Якутии тайной, денег на дорогу он так и не дождался.

Без средств к существованию почти три месяца добирался он до Москвы. От голода и лишений обострилась болезнь желудка.

«27 декабря Кулаковский приехал в Москву совершенно больной, — записал в своем дневнике А. И. Софронов. — Ходил сильно согнувшись, с большим трудом. Я принял в свою комнату. Начали спрашивать, давно ли заболел, не нужно ли к доктору идти. "Пока подождем, у меня старая желудочная болезнь обострилась. Я уже пять лет страдаю этой болезнью. Девятый день болею. Ничего не ем, плохо сплю. И раньше временами сильно, бывало, болел, но проходило через пять-шесть дней, а в этот раз почему-то долго продолжается, вероятно, повинна дорога", — сказал он мне совершенно спокойно».

7

Считается, что правительство Якутии было обеспокоено болезнью Кулаковского. Как раз перед Новым годом президиум ЯЦИКа принял постановление о выдаче Кулаковскому единовременного пособия на двухмесячное лечение.

Между тем к середине января Алексей Елисеевич почувствовал облегчение. Как мы помним, в дневниковой записи, сделанной во время доработки «Сноведения шамана» 7 февраля 1924 года, Кулаковский определил, что его желудок должен прослужить до начала 1927-го или даже 1928 года и по этому расчету сейчас у него оставалось около полутора лет жизни.

14 января 1926 года Кулаковский присутствовал на совещании по вопросам книгоиздательства в Якутской секции Центрального издательства народов Союза при ЦИКе СССР, а 15 января принял участие в заседании якутской делегации Всесоюзного тюркологического съезда, где вновь обсуждалась позиция якутской делегации по поводу транскрипции якутского языка.

О чем шла речь на этом заседании, мы не знаем. Однако, судя по телеграмме председателя ЯЦИКа П. А. Ойунского в Якутпредставительство И. Н. Винокурову, в которой говорилось, что «Кулаковскому перед выездом дан устный наказ защищать Новгородовскую транскрипцию, который согласился. Поэтому Кулаковскому поручается выполнить свою миссию», можно предположить, что Алексей Елисеевич, немного оправившись от приступа болезни, снова взялся за старое и пустился на заседании якутской делегации в рассуждения об ущербности алфавита, созданного покойным Новгородовым[1].

[1] Семен Андреевич Новгородов скончался 28 февраля 1924 года в Ленинграде.

Телеграмма Ойунского послана 25 января 1926 года, когда несговорчивый Кулаковский уже лежал в клинике.

«Кулаковский 18 января лежит в госклинике, — телеграфировал постоянный представитель Якутии в Москве И. Н. Винокуров. — Болезнь серьезная. Видимо в Баку не поедет».

У нас, разумеется, нет никаких оснований говорить о каком-либо заговоре против Кулаковского, но так странно переплетается история его болезни с телеграммами, касающимися состава якутской делегации, что становится как-то не по себе.

19 января 1926 года Кулаковского осмотрел профессор П. А. Кабанов. Он диагностировал у него «язву двенадцатиперстной кишки» и порекомендовал лечь в больницу. Рентгеновское обследование, проведенное 21 января, подтвердило поставленный профессором Кабановым диагноз...

Как известно, лечение язвы требует прежде всего дробного питания и установления диеты. Надо полагать, что Кулаковский был осведомлен об этом и его удивляло, почему ему не назначают соответствующую диету. Он даже обратился к лечащему врачу с просьбой уточнить поставленный диагноз.

«Прошу Вашего совета, более радикальных мер к лечению и более подробной диеты, — писал он. — Прошу сказать мне название болезни и указать о том — избыток или недостаток кислот у меня в желудке...»

Как бы в ответ на это письмо, учитывая, что Алексей Елисеевич все время говорил персоналу клиники о желании оперироваться, 9 февраля 1926 года его переводят в хирургическую клинику.

11 февраля 1926 года, накануне операции, Семен Николаевич Донской[1] посылает из Москвы телеграмму Ойунскому о выставлении ввиду болезни Кулаковского делегатом на тюркологический съезд Алексея Андреевича Иванова-Кюндэ .

В Якутпредставительство телеграмма о замене Кулаковского А. А. Ивановым пришла, когда Алексея Елисеевича уже оперировали.

---

[1] В конце 1923 года С. Н. Донской, работавший до этого народным комиссаром просвещения Якутской АССР, был назначен заместителем постоянного представителя Якутской АССР при ВЦИКе и переехал в Москву. Здесь С. Н. Донской обучался в Академии коммунистического воспитания, участвовал в работе XI и XII съездов Советов РСФСР, II и III съездов Советов СССР, стал членом Совета национальностей ЦИКа СССР. В Якутию Семен Николаевич вернулся в конце 1926 года.

Из истории болезни А. Е. Кулаковского.

13 февраля, *14 февраля*, *15 февраля* — промывание желудка, вода окрашивается сильно желчью. *15 февраля* — два раза рвота желчью, *16 февраля* — три раза рвоты...

25 февраля. Сняты швы, заживление полное, рвота не прекращается. Больной исхудал сильно...

В этот день постоянный представитель Якутии в Москве И. Н. Винокуров отправил в Якутск письмо-телеграмму:

«Москвы 15418, 169, 21, 17, 20. Якутск. Исполнительный комитет 25 февраля. <В> Баку назначен Всесоюзный тюркологический съезд. Ввиду отсутствия директив Якутского правительства, просим категорического наказа нашим делегатам в вопросе якутской транскрипции, ибо среди делегатов существуют разные взгляды. Барахов, Кулаковский желают положить русский алфавит в основу якутской транскрипции. Мотивы: первое: отсутствие научного преимущества между русским <и> латинским алфавитами; второе: легкость изучения общего алфавита; третье: общность Якутии с русскими в географическом экономическом культурном отношениях; четвертое: будущая культура через посредство русского письма; пятое: уменьшение расходов новой словолитне. Конкретно предлагают принять <за> основу двадцать начертаний А И У Е Ы Е Ё В Г Д К Л Н П Р С Т Х Ч, два латинского, два Бетлинга, два Новгородова, два аннулированные фиту, ижицу, четыре дифтонга оставить... Среди работников якутян, находящихся в Москве, получилось разногласие, большинство, исходя из серьезности предполагаемой ломки, а также ввиду перехода всех тюрко-монгольских народностей Союза к латинизированному алфавиту, предлагает оставить Новгородовскую транскрипцию, внеся соответствующие изменения. Ответ ожидается срочно, также <о> времени высылки подробных материалов почтой телеграфьте. Винокуров».

Тут не очень понятно, что произошло...

То ли Винокуров не знал о телеграмме, которую Ойунский прислал в ответ на требование Донского заменить Кулаковского А. А. Ивановым-Кюндэ, то ли самочувствие Кулаковского было настолько хорошо, что он снова начал говорить о своей поездке на съезд.

Это была его последняя дорога, и Кулаковский всё еще продолжал двигаться по ней, словно позабыв о том, что сам и писал об Аартык иччитэ...

«"Аартык иччитэ" — хозяин спуска, подъема, и вообще, горного перевала — водораздела. Он очень почитаем путниками, в особенности на севере, где езда сопряжена с риском для жиз-

ни. В пути на перевалах и ночевках якуты каждый раз, когда едят и пьют, непременно льют в огонь масло или водку, предназначая возлияние Артык иччитэ.

Артык иччитэ в старину звался Мосол тойон и жена его Буомча хотун. "Мосол" по-русски — неприятное приключение, задерживающее путь, а "буом" (откуда Буомча) — узкий, неудобный проход или даже преграда в проходе. Тупик. Иччи эти были злы и ставили путнику всевозможные препоны, которые устраняли только тогда, когда получали подарки»[1].

Подарков для встретившихся на его последнем пути иччи у А. Е. Кулаковского не нашлось, и уже 26 февраля 1926 года было принято решение оперировать его еще раз.

Эта операция состоялась 3 марта.

Из истории болезни А. Е. Кулаковского.

4 марта 1926 года. Рвота прошла, больной чувствует хорошо и до 11 марта состояние было удовлетворительное...

12 марта 1926 года. Появилась тошнота, неприятные ощущения во рту, в подложечной области...

14 марта 1926 года. Промывание желудка, выделено много желчной жидкости...

22 марта 1926 года. Рвота. Сильно похудел, чувствует большую слабость...

25 марта 1926 года. Исхудание прогрессирует, рвота не проходит...

30 марта 1926 года в спор о будущем якутском алфавите вмешался составитель Словаря якутского языка Эдуард Карлович Пекарский. В свойственной ему манере, сделав реверанс в сторону «народного учителя, природного якута А. Кулаковского», давшего «много дельных замечаний по вопросу о транскрипции вообще и новгородовской в частности», он заявил, что «несмотря на некоторую противоречивость отзывов Кулаковского и Представительства, спорить против пользования латинским алфавитом не приходится...».

Из истории болезни А. Е. Кулаковского.

3 апреля 1926 года. Появилась боль в области печени. Печень увеличена. Вечером температура тела поднялась до 39°...

---

[1] *Кулаковский А. Е.* Научные труды. С. 32.

6 апреля 1926 года. Перестал подходить к окну, желтуха увеличилась. Анализ крови показал сильное малокровие.

7 апреля 1926 года. Под местной анестезией сделана операция на желчном пузыре...

8 апреля 1926 года. Рвоты нет, желтуха проходит, самочувствие хорошее...

9 апреля 1926 года. Желтуха прошла, но сам еще слаб...

10 апреля 1926 года. Самочувствие удовлетворительное...

22 апреля 1926 года. Сняты швы, заживление без гноя...

1 мая 1926 года. Чувствует слабость, жалуется на боль между лопатками. Больной за последнее время все время жаловался на боли в области шеи (в виде судорог) и требовал консилиума...

14 мая 1926 года после консилиума Алексея Елисеевича Кулаковского решили перевести в терапевтическую клинику ввиду безнадежности его состояния.

Через две недели, 6 июня 1926 года, в три часа дня Алексей Елисеевич скончался.

Похоронили его 10 июня 1926 года на Даниловском кладбище Москвы.

Мальчишки, под травой лепечущие,
Девчушки, под дерном щебечущие,
Внуки ваши, под листьями шепчущие,
Все, ешьте, угощайтесь вовсю.
Сидящий на дороге зверей и зверят
В облезлой шапке
Длинноволосый Старший Брат!
У самострела поджидающая до поздней поры
С лицом, огромным, как лоб горы,
Тетушка моя Белая Пищуха!
На пути моем не вставайте,
Не вертитесь и не мешайте,
Мне дороги не преграждайте,
Не нужны мне помехи-преграды,
Я вас через священный огонь угощаю,
Через синий огонь насыщаю,
Кушайте вовсю, будьте рады!
Это станет моей счастливой белой ворожбой,
Пусть дорожные ухабы не мешают мне,
Пусть всякие препоны не глумятся надо мной,
Счастья и удачи мне![1]

Якутск — Чурапча — Таатта — Учай — Черкёх — Оймякон — Жиганск — Санкт-Петербург

---

[1] Перевод А. Ольхона (Пестюхина).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Алексей Кулаковский

ЯКУТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Часть первая

ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ О СУДЬБАХ МНОГОЧИСЛЕННЫХ И МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ

1

Борьба за существование. Переселенческая политика царизма

Вы, г. г., м. б., подумаете, что я одержим какой-нибудь манией или мнительностью, высказывая мысль о возможности и даже неизбежности вымирания якутов. Можете думать и так, но я глубоко убежден в критичности положения якутов в данное время.

Неужели не заметны те роковые тучи, которые так зловеще собрались над нашим мутным небосклоном!..

Всякому известна аксиома, что дикий народ, приходя в соприкосновение с более культурным, вымирает в течение более или менее продолжительного периода времени. Какая масса к тому исторических примеров!

Даже такие великие нации, как индейцы, негры и др., вымирали и вымирают. Причина явления простая: культурный человек, вооруженный знаниями, почерпнутыми из наук, легче извлекает все полезное из окружающей природы, тогда как дикарь этого не в состоянии делать: он может пользоваться готовыми, видимыми благами природы, которые с размножением людей иссякают, и дикарь погибает, говоря короче, последний момент не может выдержать «борьбы за существование». В силу этой аксиомы мы, якуты, должны вымирать и вымираем.

В частности, обращаясь к современным Сибир. инорм, с ужасом замечаем подтверждающее сказанный вывод — явное и быстрое вымирание их (наши сродственники: алтайцы, карагасы, койбальцы, джагатайцы, уйгуры, османли, кондомы, телеуты, камасинцы) — теперь считаются только сотнями, некоторые только тысячами. Также вымирают: сибирские татары, уранхаи, орочоны (680 душ), вогулы (7000), бухарцы (400), остяки, зыряне, качинцы, тунгусы, ламуты (500), манегры, гольды (430) юкагиры (675), чуванцы (72), коряки, камчадалы

(5000), айны (1130), гиляки (2500), латыши, эсты и прочие. Совершенно вымерли: аринцы, омуки, байкальские якуты («кучуна омук»).

В численном отношении не убавляются только: киргизы, буряты, якуты и чукчи. Но в этом кажущемся благополучии мало утешительного. Туруханские якуты за последние три-четыре года совершенно обнищали вследствие лишения рыбных промыслов, а обнищание есть верный залог вымирания. Витимские (Нюйя), Колымские и Верхоянские якуты очень бедны и некультурны. Что касается нас, остальных якутов, то, хотя численно не убавляемся, но поразительно быстро мельчаем, становимся хилее и т. п., что известно всякому из нас и что также служит верным признаком будущего вымирания.

Звероподобные чукчи потому и не вымирали до сих пор, что до них пока не касалось ядовитое «дыхание» (тыын) культурных народов. Но теперь их стали уже сильно спаивать спиртом американцы и русские, потому дни их сочтены.

Жалка мне участь киргизов. Это наши «родственники», имеющие с нами один корень языка. Они самый многочисленный из всех инородцев (около 1 000 000 душ), простодушный и поэтичный народ. Под защитой Магометанской религии, запрещающей спиртные напитки, обладая большими стадами скота и располагая необъятными степями, бедняжки-киргизы кочевали себе весело по степям круглый год и жили беспечно по заветам отцов и старины. Но вот в начале XX негаданно хлынула из-за Урала бешеная волна голодных переселенцев. Десятками и сотнями тысяч засели они на киргизские земли, не внимая мольбам, ни угрозам и оставив туземцам лишь 15 десятин земли на душу... (До 1911 года было у них отобрано земли 11 587 128 десятин.) Не умея заниматься земледелием и не имея достаточных земель для своих стад, они должны были поневоле перебивать свой скот и сбывать его по дешевке. И вот, теперь они влачат жалкое существование, вспоминая прежние блаженные времена...

История с киргизами должна была устрашать нас, ибо служит прообразом предстоящей нам перспективы; но мы на все это не обращаем внимания, слушаем, как сказку, как видимое и слышимое во сне...

Переселенческая волна не удовлетворилась одним степным краем и пошла неудержимым потоком дальше вдоль Сибири. Она и не может остановиться, ибо русский мужик к следующему году способен сфабриковать в еще большем количестве новых индивидов рода человеческого; в этом отношении, как доказывает статистика, русский побил всемирный рекорд: ежегодно фабрикуется маленьких «нучей» в количестве, пре-

вышающем число всех якутов в 68 раз! А в 10—20—100 лет сколько будет!..

Ныне громаднейшие губернии Запад. Сибири все переполнены: Енисейская, Иркутская губернии, Забайкальская область, пресловутый Амур, словом, все возможные места заполнены переселенцами, шедшими со времени постройки Вел. Сиб. ж. д. ежегодно сотнями тысяч (за последнее время в год выходило по 800 000—900 000 человек). Так как, с одной стороны, в Евр. России дела не улучшаются, земли с ежегодным пользованием истощаются и от частной собственности не освобождаются, культура замерла на низкой «мертвой» точке, голодовки периодически обессиливают хозяйства, а с другой стороны, население растет не по дням и часам, а по минутам и секундам и переселенцам совать носы некуда, — то понятно, что Прав-во обратило внимание и на далекую Якутскую область, про которую оно имеет совершенно превратное представление и про величину которой ходят баснословные слухи. Положим, иметь ему правильное представление довольно трудно, потому что оно и посылало специально Маркграфа, сделавшего доклад, что наша область может вместить 2 000 000 переселенцев.

Прав-во... радостно ухватилось за доклад Маркграфа, и теперь идут спешные приготовления о заселении Як[утской] области. Правительство, заселяя Сибирь, и в частности нашу область, мнит убить с одного выстрела сразу трех зайцев: 1) избавиться от того избытка населения, которого ему девать некуда (что весьма важно при том жгучем, обостренном положении земельного вопроса, какое там ныне господствует); 2) заселяет и культивирует дикий пустынный край с целью извлечения пользы для государства эксплуатацией его природных богатств и 3) колонизировать свои окраины в видах охраны их от алчных и страшных соседей, — вроде Амер., Яп., Китая. Если бы не такое нудное положение вещей, то правительство не поддалось бы так легко приятной иллюзии самообмана и отнеслось бы недоверчиво к докладу Маркграфа, так приятно в тон ответившему его видам.

2

Проект переселения якутов на Крайний Север

Мы, в свою очередь, так детски-наивно обманываем самих себя мыслью, что пепелища и «отохи», где жили и умирали наши прадеды, принадлежат нам и что мы их никому не дадим. Но наши пресловутые «дьыала» и «куолу»,наши «суут», «соку-

он», «бырысыанньыйа» против переселения ничего не сделают и ничему не помогут... Так сильно взбудораживающие наши мелочные интересы «сенсационные дела» вроде спора 3-х хатылынцев с телейцами из-за 80 куруо, Якутского союза, инструкции Скрипицына, солдатчины из якутов, переложения податей на скот, — расплывутся, как дым, перед грозным призраком переселения... Теперь-то настает время узнать нам настоящую цену «олуу-алдьархай», «сор-мунг».

Поставить бы истого якута-патриота в Питер среди правящих сфер, разбирающих по косточкам улусные и наслежные земли, сделав по волшебству его понимающим все слышанное! Что бы он стал чувствовать и что стал говорить?! Теперь ему хотя говорят и долбят, что земли, на которых жили до сих пор якуты, принадлежат казне, — но он не в состоянии верить, ни воображать, ни переваривать в мозгу это...

Да, там ходят про нас разные толки, теории и проекты. Напр., один субъект, слывущий знатоком Якут. области, ее аборигенов и языка последних и кичащийся этим, высказал в качестве авторитета мысль, сумасбродную для нас, но целесообразную для слушателей его, — мысль, что якутский народ следует переселить на север к морю б, а их родину заполнить переселенцами из России. Может быть, Вам проект этого господина покажется странным, но он г. г. нучаларам показался тогда идеальным. Что же, они правы со своей точки зрения: земля переселенцам необходима; поселить их около моря — они не выдержат климата; а если переселить туда якутов, то последние, как акклиматизировавшиеся, не станут явно вымирать; тогда за чем же дело стало — гнать якутишек на север, да и все тут!..

Может б., интересуетесь личностью того оратора, который так хорошо знает всю нашу подноготную и который сказал упомянутое слово в Томске, на съезде ученых («Сиб. Вопр. »).

Как назло, позабыл я его фамилию, но когда опишу, узнаете живо.

Гостил он у нас долго: приехал молоденьким, вертлявеньким, поджареньким, а уехал стареньким, ехидненьким. Сотрапезничал он с нами десятки лет, похваливая наши «тар», «ёуорэ», и «бутугас». Хвалил он и любил и нашу девицу-красавицу (ныне покойницу), с которой он коротал долгие, зимние вечера под музыкой северной вьюги... Будучи молод и полон жизненных потребностей, он увлекался дикаркой и сильно обескураживался, когда она понимала его мыслей и... желаний, а он — ея. Во 1-х, поэтому, во 2-х, от нечего делать, он стал записывать лепет своей подруги и учить ее своему языку. Но, так как сам всецело подпал под ее обаятельную власть, то не смог ее на-

учить своему языку, наоборот, — сам научился от нея разговорному и любовному языку якутов, поехал в Питер, а теперь едет вверх — по пути славы и великих почестей...

Вот, сей-то господин попал случайно раз
В среду мужей ученых,
Не испытавших севера ни игр суровых,
Ни моря льдистого проказ.

Чтоб показать умишка глубину,
Чтоб доказать патриотизма вышину,
Сказал герой такое слово,
Слыхать не приходилось мне какого:

«Якут-пигмей привычен к холоду морей,
Ему приятен край, где царствует Борей.
Зачем их нам не гнать в страну,
Какая им по сердцу и нутру!

А прежни пашни их и избы,
То, чем лежать им, гнить без пользы,
Да достаются детям нашим, как надел,
Чтоб уходя народ вздыхать об их не смел...»

И труженик смешон мне кропотливый сей:
Плоды[1] трудов своих кровавых,
Над чем кряхтел от юности своей,
Продать решил за миг един похвал неправых!

Частенько хоть, тайком порой ночной
Скорбеть он будет думой и душой,
Но труд его погибнет так бесславно,
Ничей не радуя и взор;
А Эсперанто, Воляпюк, Липтэй вздохнут злорадно;
Заслужит же он лишь обиженных укор...

Не думайте же, однако, друзья мои, что я настроен хорошо, потому и пою, — нет, это — смех сквозь слезы, это — «пир во время чумы».

Но свет не без добрых людей: говорят, далеко за морями, за долами, во граде царственном есть домовина, в котором долго, упорно и много думают хорошие люди о хороших вещах. В той домовине нашлись-таки люди, желающие нам добра (Сиб. Депутат.); они, говорят, доказывали другим хорошим людям, что не следует давать вымереть сибирским «иначе-рожденным-людям», ибо последние, по их мнению, платили ясак и впредь способны платить, во-вторых, они в течение веков сумели акклиматизироваться в суровой Сибири и будут потому очень нужны при эксплуатации природы и недр их богатой родины. Затем, эти хорошие люди, исходя из сказанного своего мнения, советовали не посылать в Сибирь своих подонков и не

отнимать тех земель, без которых им «быть живыми» невозможно.

В то время, как говорящие хорошие люди с искренним жаром доказывали, подобно крыловскому повару, правильность своего предложения, слушающие хорошие люди собрались в кучу и, подобно крыловской кошке, слушая нотацию евшей пирог, — стали шептаться: «Этот оратор — кум тунгуса, тот — сват якута, а вот этот — племянник бурята, потому они так и толкуют; не слушайтесь их, — поговорят и отстанут».

Так-то, нам кругом не везет...

Обыкновенно, на официальных бумагах говорится, что переселенцам будут отводиться лишние, свободные земли. Шиш! — это враки! Я знаю нашу область, потому что ездил по ней и так, и этак: она — сплошная скала, разборожденная горными реками и потоками, вплоть до Иркутской границы и морей; лишь реки — Лена, Вилюй и Амга тянутся узкой лентой с плодородной почвой, захватывающей незначительные части их протяжений. Пространство, занятое Якутским округом, едущему в отдаленных ущельях Яблоневого хребта воображается каким-то маленьким пятном или островом на океане гордых и угрюмых скал...

Селиться переселенцам некуда, кроме незначительных ленских островов, Ноторы, Алдана, Оймякона и т. п., где может уместиться каких-нибудь 20—30 тысяч человек. Потому казна поневоле отберет у нас уже занятые земли под благовидным предлогом назначения земельной нормы в 15 десятин. Все земли (покосы, пашни, выгоны, усадьбы, леса и водные пространства) будут делиться между русскими и якутами по одинаковой пропорции и так, чтобы всего на душу досталось по 15 десятин.

Следов. у нас отберут и культивированные, насиженные земли, взамен которых укажут Байбалу, Басылаю, что им отведено столько-то лесу с «Халынг-Кыра», такая-то часть такого-то озера... Якут заявит начальству, что ему невозможно существовать отведенным количеством земли. Начальство ответит: «земли у нас нет; живите, как живут переселенцы, и больше никаких!»... Но переселенцы нам не чета: они умеют обращаться с землей и извлекать пользу даже из плохой земли. Затем, они получают, как новоселы, от казны всевозможные ссуды и пособия.

Нужно принять во внимание, что начальство давало и будет давать всевозможные подачки переселенцам при наших препирательствах с ними из-за земель, ибо обратное возвращение их в такую даль обойдется правительству очень туго, а,

следовательно и нежелательно, без того на них прав.-о ежегодно тратит до 25 000 000 рублей. Будут повторяться те де истории, которые имели место при отбирании земель у прочих инородцев, которых гнали прочь целыми деревнями и наслегами... Тогда-то мы запоем свою «лебединую песню»!

Вторая грозная, более ужасная туча нашего небосклона воображается мне в образе индусов, китайцев, японцев и т. п. Человек появился на земном шаре сравнительно в позднейший период его существования. Но, несмотря на позднее свое появление, он успел победить всех других видов животного царства, благодаря исключительно своей способности обмениваться мыслями посредством звуков (т. е. речи). Речь же послужила краеугольным камнем для создания письменности и наук, ставших для человека могущественным орудием в борьбе его не только с животным миром, но и со стихиями и злыми силами природы.

3

Угроза надвигавшейся первой мировой войны

Человек в данное время своего существования справедливо считает себя царем природы. Да, он может и должен кичиться собой: животные побеждены. Пространство не существует: мысль человеческая по телеграфу может в несколько часов обойти кругом весь земной шар. В воде человек передвигается и действует, как рыба; по воздуху летает, как птица. Злые духи, некогда густо населявшие землю, «перебиты» до единого науками, уничтожившими также страшных «абасыларов», каковы эпидемии (дьаснары). Прежних своих врагов — ветер, воду, молнию (электр.) он превратил в послушных рабов, работающих в его пользу. Пытливым своим умом человек вник во все сокровенные тайны природы и разоблачил их, превратил в нетайны. Он знает не только свой мир — землю, но знает другие миры — звезды, солнце, планеты; знает состав, строение, образование, размеры последних. Словом, нет на земле соперника человеку, и он один гордо властвует землей, никого и ничего не страшась на ней...

Но нашелся-таки и для человека страшный и достойный — его враг! Враг этот — ему подобный, т. е. человек же...

На утро своей жизни жил с трудом, рос медленно, размножался постепенно. Но когда он вырос и окончательно окреп, когда он уничтожил всех супостатов, то жизнь его пошла ускоренным темпом, забила горячим ключом, а размножение его индивидов пошло неудержимым потоком.

И вот, теперь человечеству грозит опасность взаимного истребления друг друга его индивидов из-за недостатка пищи на земле, оказавшейся тесной для него... Временем не ограничиваю сказанное.

Человек размножался сначала в странах с умеренным и жарким климатом, а потом уж потек в холодные полярные страны.

Первая ужасная лава человеческой эмиграции потекла в Африку, Австралию, острова... Вторые волны хлынули, по изобретении компаса, и в Америку, и эту колоссальную страну, составляющую чуть — на $^1/_3$ всей земли, она заполнила только в 4 века, составляющих незначительный момент в жизни человечества. Наконец, переселение пошло и в нашу Сибирь...

Все те старшие народы, которые слишком размножились на своих первоначальных родинах, находили выход из критического положения только <в> эмиграции. Пока была наличность земель для переселения, — дело ладилось. Но теперь, когда не стало нигде этих земель, то вопрос существования человечества становится ребром: или прекрати свое размножение, или найди дешевый (химический) способ питания, или умирай с голоду...

Но человечество, будучи недостаточно просвещено, чтобы освободиться от традиционных понятий, тысячелетиями державших в железных обручах его мозг, — не может решиться (за исключением французов) на единственное рациональное средство — сокращение своего приплода. А так как существовать надо, то оно принуждено прибегать к ужасным варварским средствам: истреблению оружием более слабых сильными (войны).

И так, все старшие народы находили и находят исход в эмиграции и войнах.

Лишь одна Небесная империя (Китай) заперлась в течение тысячелетий в свой каменный волшебный полукруг — Великую стену... Но теперь и эта стена стала трещать под напором четырехсотмиллионной силы, требующей простора и хлеба... Мнится мне: вот, вот, через день, через два рухнет стена и рассыплется под страшным напором голодных, косоглазых существ, а затем ужасная, смертоносная человеческая волна перекатится по всему великому материку Азии до Восточного и Северного морей, знаменуя свое движение людской кровью...

Мнится мне. Что горсть якутской народности будет смята и уничтожена подобным ураганом...

Вот уже 9-ый год, как Небесная империя пробудилась от многотысячного монастырского сна, оглянулась во все страны света, увидела, что отстала от других двуногих, почувствовала

голод в желудке и мощь в членах, и зловеще зарокотали в ней грозные силы...

Бросьте беглый, мысленный взор Ваш на прошлое Китая и на события последних лет и дней. Какой ускоренный пульс жизни в нем забил могучим ключом и какие гигантские шаги делает он по пути политического и социального прогрессов! Что будет, если Китай вздумает завладеть если не всей, то хоть Восточной Сибирью, лежащей с ним бок о бок? Я думаю, что из 400 миллионов людей в президенты попал мозговатый парень, который, думаю, не будет сидеть сложа <руки> в ожидании, пока наука изобретет дешевый способ химического питания или пока его народ не перемрет с голоду. Ему, я думаю, кроме политической, социальной, просветительной реформ, нужно заботиться об экономическом благосостоянии республики. А такое благосостояние может быть достигнуто не иначе, как эмиграцией, говоря иными словами, приобретением новых земель. По-моему, «реберный вопрос» существования для китайца поставлен в более острое положение: ему остается одно из двух — или добывать себе хлеб огнем и мечом у других народов, или умереть голодной смертью среди 200 себе подобных на одной квадр. версте. Что стоит Китайскому Прав-у обречь хотя бы на верную гибель 40—50 миллионов человеческой жизни (войска) — при той заманчивой перспективе, что оно этим приобретет громаднейшие страны.

В случае войны наша бедная Россия, конечно, серьезного сопротивления не может оказать, ибо соседство Китая с театром военных действий даст громадное преимущество последнему, — такое же преимущество, какое было и у япошек. 300 000 нашего сибирского войска слишком мало для войны с Китаем, могущим двинуть войска сразу миллионами, а перевозка больших масс войск нашими по одной узкой ленте Сибир. жел. дор., из-за 5—6000 верст обуславливается, как было при Р. -Японской войне, большими расходами и тратой времени.

Что касается культурных преимуществ России перед Китаем в отношении регулярности войск, в отношении крепостей, морских и воздушных флотов, вообще милитаризма, то все это — только вопросы времени: дайте только время Китаю устроить свои внутренние дела, и мы будем опять удивлены быстроте его прогресса, как удивились японцам после того, как они нас поколотили. Хотя, в сущности, понятна быстрота цивилизации нынешних народов: ведь прогресс передовых государств потому и совершался медленно — веками и тысячелетиями, что тогда человечество, не имея спелых плодов науки и опытов, шло на ощупь, наугад, с оглядками и застоями... А современным «варварам» стоит только проснуться от вековечной

летаргии и сознательно отнестись к своему положению в мире, и им совершенно легко идти, хоть вскачь, по готовому уже колейному руслу цивилизации.

Лишь русские и мы — якуты — не можем проснуться от вековечного сна. Скрип заржавевшего механизма жизни Российских народов слышен где-то далеко, — позади течений жизни других народов... % грамотных в России, — этот вернейший знаменатель культурности данного государства, — равен 8—9, тогда он у прочих благоустроенных государств доходит до цифры 90—95. А у нас, якутов, грамотных гораздо меньше слепых и кривых.

Я (единичный «я») делю Россию в социальном отношении на две части; на одном ряду стоят — духовенство, чиновничество и вся интеллигенция; этот ряд составляет 8—9% всего населения; ко второй части принадлежат крестьяне, фабричные и войска. Короче говоря, я делю на грамотных и неграмотных. Первая часть, призванная быть насадительницей культуры, сознательно бездействует. Таким образом, государство остается в невежестве и его могущество умаляется.

Из 8—9% грамотных я не выделяю «прогрессистов», потому что не считаю их за таковых: какие же они прогрессисты, когда большие кричат, ссорятся и делятся на множество партий из-за мелочей, и тем самым обессиливают себя, тогда как более существенного дела не делают, оставляя его на «мертвой точке». И так, друзья мои, будущее якутов рисуется мне в самых мрачных красках.

Что же мы должны делать: сидеть на судне жизни, не имея ни руля, ни ветрил, и нестись по волнам житейского моря туда, куда нас выбросит и разобьет волна слепого случая, или же что-нибудь предпринять, бороться?..

Неужели мы, вольные и здоровые, будем ждать житейскую бурю спокойно лишь, чтобы быть стертыми с лица земли первым ее порывом?

Нет и нет!!! Слишком горько, слишком обидно отказаться от права жить в эпоху человеческого существования, когда человек выступает полновластным хозяином природы и когда он начинает жить осмысленной, духовной и полной наслаждениями жизнью под сенью лучезарной поэзии, прекрасной эстетики и под защитой всесильной науки и логики!.. Даже утопающий — и тот уж хватается за соломинку.

Но что же нам делать, что предпринять? Предаться Америке, Японии, Китаю? Нет, — эти №№ не проходят: те нас быстро задавят в борьбе за существование, и белоглазый, и большеносый нуча, не говоря уже о даровании православной веры, гораздо ближе нам, милее и родственнее их, он такой же отсталый

полудикарь, как и мы, наивный добряк, неспособный обижать нас, — (якут мог бы водить его за нос при одинаковом культурном уровне, как ему вздумается). Я говорю, конечно, о главной массе нучей, не принимая в расчет ничтожные исключения.

Перейти, что ли, согласно проекту Пекарского, на север? Нет, — и этот № плох: на севере нет земель, на которых мы могли бы существовать, — мы там погибнем очень скоро и перейдем туда не по своей воле.

Единственным рациональным средством является наша культивизация и слияние с русскими, — благо, что помесь с последними дает хорошие плоды. Культивизация была бы необходима и помимо указанных грозных признаков.

Часть вторая

СООБРАЖЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО КУЛЬТИВИЗАЦИИ ЯКУТИИ

При сем прилагаю некоторые свои соображения относительно тех мер, которые следовало бы нам принять для поднятия своей культуры. Эти соображения мои представляют из себя только ряд вопросов, а не что-нибудь разработанное, могущее быть приложенным прямо к делу. Причина к тому простая: как знают меня мои товарищи, я не обладаю никакими знаниями. Проводя слишком беспечную и веселую юность, живя в свободной, просторной стране, зная краткость человеческого века и не предвидя по легкомыслию никакой борьбы за существование свое и ближних, — я сознательно пренебрегал специальными знаниями и игнорировал самообразованием и, вообще, знаниями. В простоте энной души я думал, что модно будет и «так» прожить свой короткий век без особенных усилий, лишь собирая разбросанные розы жизни, но... как видите, я не был прав. Раскаяние, как бывает обыкнов., опоздало. Кроме того, разработка предлагаемых вопросов едва ли посильна единичным лицам, — потому что она всецело предоставляется соединенной силе интеллигентов, патриотов и народных масс.

1

Землепользование

И без переселенцев мы чувствуем недостаток земли. Но, конечно, в том неумелое наше отношение к земле более виновато, чем действительный недостаток земли: можно было бы

припеваючи жить и на владеемых землях, если только хоть немножко культивировать те из них, которые требуют этого.

1) Значение большого ущерба для якутского хозяйства имеет система отгораживания покосов от летников-выгонов. При постановке изгородей (чэрдиэ, быһыт, сэлии) преследуются, кроме главной, еще другие цели: а) стремление к наименьшему протяжению их («быһыта сюуурдэр»), для достижения чего много покосов, удаленных один от другого, охватываются одною общею изгородью; б) стремление к наименьшей удаленности изгороди от леса, чтобы облегчить доставку материала. Такая система отгораживания страшно уменьшает площадь выгонов, так как вместе с покосами включается в общую изгородь масса промежуточных земель, могущих быть прекрасными выгонами. Площадь запертых так земель часто в несколько раз больше собственно покосов. Поэтому следует непременно изменить прежнюю систему, разрушив старые общие изгороди, выстроив на место их много мелких, захватывающих только лишь узкий круг собственно покосов.

2) Этим способом достигается, кроме указанного прямого расчета, еще другой и очень важный, — возможность обзавестись каждому хозяйству своим «отором», пользуясь вновь образовавшимися «бутэйэми».

3) Так как много хороших, годных для выгонов земель, как я сказал, запираются в общие «чэрдиэ», то выгонных мест бывает недостаточно, потому поневоле мы отводили под выгоны такие долины и алаасы, которые могли бы остаться в качестве прекрасных покосов. Следов., выходит так, что общие изгороди уменьшают пользуемую площадь не одних выгонов, но и покосов. Поэтому, после огорожения каждого обособленного покоса особой же изгородью, следует нынешние лучшие выгоны превратить в покосы. Такими путями площади как покосов, так и выгонов можно увеличить приблизительно в среднем на одну четверть против прежнего, а ведь это — огромная величина.

4) От частого и продолжительного утаптывания ограниченных выгонов скотом почва последних портится: разрыхляется, лишается способности произрастания травой и, если она была сухой, превращается в голяк («добун-хону, хара-буор, куоргэл»), а если была влажной, — делается мелко-кочковатой («ньалыар»); следов., такие выгоны остаются совершенно без пользы. Поэтому необходимо разгородить выгонные места на части и пользоваться ими в течение лета попеременно. Тогда почва будет «отдыхать» и приобретет вновь способность произрастать травой.

5) Нужно обязать владельцев кочковатых покосов, чтобы они расчищали кочки, если они редкие и неровны. При этом

нужно предоставить им (влад.) некоторые привилегии, напр., удлинить срок пользования расчищенной землей.

6) Следует восстановить разрушенные Скрипицыным харчахи, тиэрбэси, бохсуу (кроме укэс куруо), но предоставить пользование ими обществам и одновыгонным хозяйствам. Они крайне необходимы для работы животных. Правительство не воспротивится этому, ибо «инструкция» Скрипицына была вызвана слишком большими, но единичными злоупотреблениями частных лиц, из коих некоторые владели 20-ю—30-ю остожиями.

7) Следует отводить земли под телятники (кусочки хороших покосов), куда можно пускать телят без томторуков в междуудойное время.

8) Для образования регулярного запаса сена нужно отводить покосы: запас будет увеличиваться ежегодно, сено сохранится лучше и не будет тех больших хлопот и передряг, которые имеют место при взыскании недоимок сена.

9) Надо спешить выпуском всех тех озер, которых только можно выпустить, и расчистками лесных площадей. Спешить нужно ввиду предстоящего прихода переселенцев, которые не имеют права отбирать культивированные земли: в журнале Совета Главн. Управ. Восточ. Сиб. от 1-го мая 1868 г., за № 10 говорится, что при отмежевании земель инородцев, по возможности, должно оказавшиеся в натуре расчистки под хлебопашество и сенокошение оставлять за теми же обществами, отдельные члены коих положили на это дело свой труд. В этом отношении опорой может служить также известная Вам инструкция Крафта, разрешающая каждому расчищать леса (в 1908 г.). Так как ленивая народная масса не понимает пользу расчисток, то нужно ее заменить правами, предоставляя лицу, расчищавшему лес, пользования землей в течение 20—30 лет.

10) Надо уничтожить пагубный обычай дележа покосов по урожаю данного года («кылаан уллэсhик», «эмтиэркэ»), так как он убивает массу дорогого времени, а в результате выходит, что «овчинка выделки не стоит»: надеясь получить в «эмтиэркэ» два-три воза сена, бедняк прошляется без дела до половины сенокосной страды, последствия чего понятны. «Эмтиэркэ» нужно заменить пособиями из запасов.

11) Ввести керосиновую расчистку пней. Керосин в Охотс. $2^1/_2$ р.

12) Нужно насадить камыш в озерах: он легко прививается и очень полезен, в особенности в сухие годы.

13) Весенние разливы речек становятся из года в год все меньше и меньше, так как, с одной стороны, благодаря истреблению лесов, снег и подпочвенный лед ныне легче испаряют-

ся и дают мало воды, с другой стороны, русла речек из года в год все углубляются; это обуславливается тем, что почва вдоль русел речушек портится скотом и неосторожными и неумелыми постановками мостов, «таласа» изгородей. По этим причинам весенние разливы редко заливают луга и покосы, что, конечно, имеет громадное влияние на благосостояние владетелей покосов — скотоводов. Поэтому является настоятельная необходимость в устройстве системы плотин и шлюзов по таким рекам, как Танда, Баяга, Таатта, Сола и их многочисленным притокам. Может быть, подумают, что для плотин потребуются большие капиталы, но — ничуть не бывало: нужно только заручиться руководящим техником, а черные работы исполнят сами досужие общества, тогда расходы будут в сотни раз меньше тех выгод, которые приобретаются устройством плотин и шлюзов. Да, заманчиво иметь покосы, ежегодно заливаемые водой! Нужно принять к сведению, что наклон указанных рек и их притоков весьма незначительный, а это сильно облегчает работы.

Обратите, г. г., большое внимание на указанный вопрос 13-го пункта, — он слишком важный, слишком настойчивый... Говорят, передовые якуты — дюпсинцы Афанасьевы начали принимать меры к устройству плотин.

14) Надо стать во всеоружии против палов (орт.). Надо объяснить, убедить массы, что лесными и полевыми пожарами мы наносим себе и потомству огромный вред, сами не зная о том. Если бы высчитать математически точно тот расход, который происходит от этих пожаров, уничтожающих черноземный слой, образовавшийся веками от растительного перегноя, если бы высчитать это, — то получилась бы такая цифра, величину которой трудно было бы вообразить.

2

Земледелие

15) Когда будем жить бок о бок с переселенцами, то единственным и надежным источником существования для якутов трех округов будет хлеб и, вообще, земледелие, поэтому нужно сознательно и настойчиво стремиться к насаждению земледельческой культуры, а не быть подгоняемым только голодом, как это наблюдалось до сих пор.

В восточных улусах практикуется примитивное хлебопашество: а) обсеваются только целины («санга си рдэр»); б) сеется преимущественно ячмень; в) расчисток, корчевок и удобрений не производится; г) орудия употребляются первобытные.

Народная масса не знает и не понимает, что бывают лучшие способы и средства, что можно достигать лучших результатов, что можно экономить прилагаемый труд и производительную энергию земли. Если бы она знала и увидела воочию это, то она, может быть, подталкиваемая черной нуждой, сумела бы привить себе культуру земледелия.

Необходимые поэтому следующие меры:

Удобрение земли навозом, который теперь, в виде «балбахов» и даже целых курганов, перегнивает около каждой юрты и «отоха». Без удобрения никакое земледелие, ведомое на одной и той же земле, немыслимо, что доказано наукой и многовековым опытом передового человечества. Причина к тому та, что вещества, нужные для роста злаков и овощей, иссякают от частого обсеивания и могут восстановиться через громадный промежуток времени. Ныне все приленские наслеги и улусы удобряют землю (пашню) скотским пометом и даже нарочно селятся зимой около своих пашен, несмотря на дальность от заготовленных запасов сена и водопоя (иногда за 1—2 версты от последнего), лишь бы иметь возможность кормить скот на пашнях для удобрения их пометом и «жижей». По-моему, «титики» летние нужно было бы строить прямо среди пашен, — грязь — не беда. О других способах удобрения нам пока мечтать — нос не дорос, — благодарение судьбе, если мы додумаемся до эксплуатации ненужных навозов, ныне так безрассудно сжигаемых нами. В других культурных странах для удобрения земли употребляют даже человеческие экскременты, — видно, человеку голод не свой брат.

Нужно ввести посевы пшеницы, ярицы и озимых хлебов. Ученые и практиканты заметили то отрадное явление, что якутские хлеба постепенно приспособились и приспособляются к холодному климату и теперь гораздо реже страдают от утренников (хаһыҥ). Вегетативный период (время, потребное для созревания) якутского хлеба сократился более, чем значительно: посеянный в Иркутской губернии якутский хлеб поспевал за 10—17 дней ранее местных (тамошних) хлебов. Поэтому-то теперь у нас гораздо реже случаются несчастия от утренников, чем в старину, несмотря на то, что сами утренники, вследствие уменьшения лесов, случаются чаще прежнего и в более раннюю пору лета. Нужно культивировать ячмень в качестве озимого хлеба, в особенности в сухие осени. Единичные опыты в этом отношении давали блестящие результаты (вероятно, Вам приходилось видеть хлеб, растущий на

прошлогодней пашне). Нужны, конечно, и другие озимые хлеба.

3) Пора уже вводить плодосменные системы полеводства (горох, лен, злаки), так как удобрений только навозом не хватит на гарантию от истощения земель.

4) Необходимы более усовершенствованные сельскохозяйственные орудия, как-то: 1) плуги (усовершенствованные сохи); плуг берет пласт борозды одинаковой толщины и в 1,5—2 раза шире, чем соха, следовательно, скорее и лучше работает. Особый нож, находящийся спереди лемеха, режет коренья, деревья порядочной толщины; лемех меняется, потому плуги долговечные, стоят 150—200 рублей; 2) сеялки сеют на одинаковой глубине и глубине, желательной сеющему; степень частоты зерен хлеба зависит от воли человека; следовательно, сеянием сеялкой экономится много хлеба. При сеялке бывает каток, которым работают одновременно с сеянием, следовательно, экономится время и труд. Стоит 150 рублей; 3) молотилки; 4) веялки отделяют во время сеяния сор и тарицу и сортируют зерна до трех сортов; в день веют до 200—250 пудов хлеба; стоимость от 50—100 рублей; 5) жатвенные машины имеют особенно важное значение для скотоводов, ибо жатва хлебов отнимает у последних слишком много дорогого времени из сенокосной страды. Ввиду последнего обстоятельства следовало запретить употребление серпов, заменив их косами; якут из мелочной скаредности не сыпать зерен косьбой теряет больше времени, пожиная серпом; 6) мельницы и прочие.

5) Огородничество. Из овощей видную роль должен играть картофель, которого теперь следует заставить садить принудительным способом, как это делалось при введении хлебосеяния. Картофель важен не только как пищевой продукт: во-первых, так как приготовление из него не требует траты времени и труда (ороо, ут да сиэ), то он очень выгоден для употребления в пищу в страдное время (с 20-х чисел июля его можно употреблять), тогда как для приготовления лепешки из хлеба нужно и жать хлеб, и сушить его, и отделить колосья поштучно от соломы (т. е. стебля), и молотить в ступе, и веять встряхиванием турсука, и молоть ручным жерновом, и просеивать сквозь сито, и прочее, что требует массу времени и труда у якута, который, как известно, не умеет запасаться хлебом на год, да еще плюс на страдное время; во-вторых, будучи корнеплодным растением, картофель не так боится ранних морозов, как злаки, потому сможет служить страховым от утренников продуктом. Вкус и питательность его известны всякому: занимает он для посадки очень мало места, сравнительно со злаками.

Нужны, конечно, и другие овощи, но якут пока не так культурен, чтобы понять их полезность, поэтому другие овощи сажать придется только в огородах обществ и огородах при школах.

3

О рыбе

1) Все озера и пруды, не промерзающие зимой, следует «заселить» (если можно так выразиться) рыбой.

2) Нужно запретить лов рыбы во время метания икры.

3) Нужно запретить лов саками (куйуур): множество выдалбливаемых для куйуура прорубей служат причиной промерзания всего озера, следовательно, и рыбы.

4) Улов рыбы неводами в озерах со слишком мелкой рыбой нужно производить, когда подрастет рыба.

4

Скотоводство

1) Надо обратить весьма серьезное внимание на тот факт, что якутский скот сильно измельчал и вырождается: он стал малорослым, хилым и малопродуктивным, а также констатирован факт большой смертности телят и факт заболеваемости скота легко излечимыми болезнями. Надо во что бы то ни стало бороться с этим безотрадным явлением — с измельчением скота. Для этой борьбы необходимо организовать общины, которые стали бы заведовать обществ. скотовод. фермами, выписывали бы производителей (порозов) и коров лучших пород. Выбор подходящих к местным условиям должен быть осторожный. Теперь, когда голодовка уничтожила около 60% скота, наступило время, очень удобное для улучшения породы. В старину Петр Великий вывез из Голландии двух коров и одного пороза. Этот скот расплодился до миллионов голов и теперь считается лучшей породой во всей России (Холмогорский). Корова этой породы дает в день до 25 бутылок молока, а бык весит до 50 пудов. (Английский бык весит живьем до 80-ти п.) Вот что значит «улучшение породы» (а наша корова весит 10—13 п.).

2) Надо на выгонных местах устраивать обширные кjкjры в тенистых местах, чтобы в них мог укрываться скот от жалящих и кусающих насекомых, причиняющих вред ожирению скота.

3) Загоны («даллар»), где кормится рогатый скот зимою, надо защищать от ветров, так как организм животного борется с холодом запасом жира.

4) Хлева — хотоны надо страивать просторные, с тягой сырого воздуха. Скотина с потной, влажной шерстью очень скоро дрогнет на дворе в ущерб своему жиру; озябшее животное не допивает из холодного водопоя, что, конечно, отражается на общем питании.

5) Нужно ввести в употребление подстилки для скота из соломы, сентябрьской, блеклой травы, камыша и «ходула». Это будет не так расходно, как кажется, тем более что подстилка, впитавшая жижу, служит прекрасным удобрением пашен.

6) Нужно улучшить вообще питание скота. В частности, ввести в пищу соль, которая способствует пищеварению и обмену веществ в организме, вызывает жажду и ожирение, увеличивает продуктивность скота и делает его устойчивее против заболеваемости. Соление протухлого, гнилого сена убивает личинок насекомых и паразитов и делает его годным к употреблению в пищу. Так, в пресловутый «уу сут дьыл», когда пропало в Якутском округе множество скота от сгнившего сена, — вилюйцы избавили свой скот приправой пищи солью: слабый раствор соли лили через сито прямо на заваленное в «кыбыы» сено.

7) Необходимо разработать вопросы о маслоделии, мыловарении, сыроварении, творога и пенки (юрюмэ). Каждый из этих вопросов имеет громадное значение и каждый из этих видов сельского хозяйства в состоянии поднять экономическое благосостояние скотоводов. Я скажу лишь то, что снятое молоко, превращаясь в «тар», лишается некоторых питательных веществ, как о том уже давно доказала наука.

Что касается маслоделия, то хотя бы более простыми способами получают гораздо больше % % масла из молока, чем при обыкновенной сбивке мутовкой. Но маслоделие — дело обоюдоострое: если оно будет в ведении частных лиц, то последние очень скоро могут совершенно закабалить темный народ, скупая передним числом все молоко, так необходимое в домашнем обиходе, как это часто случалось в России и Запад. Сибири. Поэтому нужно, чтобы указанные виды хозяйства, в частности маслоделие, велись на общественных началах.

---

8) Разведение конного скота следует поддерживать и не давать ему совершенно упасть, ибо конный весьма необходим в жизни якута. Конный наш скот, кроме прямого своего назна-

чения, может принести нам пользу в отношении сбыта его Правительству. Общее присутс. Як. Обл. Упр. от 2/4 мая 1901 г., за № 228, признало, что привлечение якутов Як., Олек. и Вил. Округов к отнесению воинской повинности весьма желательно в видах обрусения их (як.) и сближения их с русскими. Это свое мнение оно представило через Ирк. Воен. Генер. Губ-а Штабу Сибир. Воен. округа, в ответ на его запрос от 5 мая 1900 г. за № 2661 на имя Як. губер.-а о способах конской переписи с целью введения в Як. обл. военно-конской повин. Это дело далеко не празднословное при том политическом положении Вост. Сибири и при том лестном отзыве нашей администрации о лошадях якутской породы, высказанном в упомянутом мнении.

9) Нужно приучить к вьюку и упряжи также кобыл, чтобы эксплуатировать их рабочую силу, до сих пор ни к чему не прилагавшуюся. Для этого богачам следует раздавать беднякам молодых нежеребых кобылиц на определенное время безвозмездно, как это делают с молодыми конями и быками.

10) Нужно нам возвратиться к кумысу. Как ученые, так и сами якуты констатировали давно оба факта, что кумыс здоровое питие, а чай — вредное. За последнее время фальсификация чая дошла до больших размеров; так: в фирмах ежегодно приготавливают материалов кирпичного чая до 50 000 п., а выпускают чаю до 500 000 п. В японском чае содержится всего 25% чайного материала: стебля чайного куста, старых сгнивающих листьев и пыли; смесь фальсификации состоит из: ивовой коры, древесных опилков, столярного клея, бычьей крови и сажи, — смесь далеко не безвредная. Если к этому присоединить дороговизну чая, то получается картина не из приятных: (якуты ежегодно тратят на чай до 600 000 р., а в 10 лет 6 миллионов). Так как, с другой стороны, теперь — после голодовки коровьего молока вовсе недостаточно для населения, то я думаю, что богачи-патриоты не оставят в голоде бедняков-братьев и позволят им пользоваться кобыльим молоком. Для удойного конного скота надо отводить «харчахи» на общих выгонах с плохой отавой.

11) Что касается разведения выписанных «южных» пород, то я лично совершенно против этого: они не могут быстро акклиматизироваться, дают незначительный в количественном отношении приплод, подверженный большой заболеваемости, требуют хорошего ухода, сопряженного с большими расходами. Хотя они рослы, резвы, сильны и красивы, но слишком прихотливы и невыносливы. Богачи, разводящие южных пород, не понимают расходности их разведения, потому что не ведут правильных счетов. Якутская порода сама по себе заме-

чательная во многих отношениях, и не найти породы, лучшей ее для нашего климата.

12) Нужно разведение свиней, не в больших размерах, — так, чтобы можно было использовать для них отбросы больших хозяйств. Со временем, когда привьется земледелие в должной степени, можно будет увеличить и число свиней. В этом (1912 г.) пуд свинины стоил в Якутске $7^1/_2$—8 р., а на приисках — 11 р. 50 к. (доставка одного пуда свинины на прииски зимою 2 р. 80 к., летом 2 р.); одна свинья наживает в год до 20 поросят, а двухнедельный поросенок стоит в Якутске 3 р.

13) Нужно разводить и баранов, для которых требуется ничтожный прокорм и уход (2 воза сена на зиму), а доход значительный (шкура дорогая, мясо вкусное).

14) Из домашних птиц куры, конечно, нужны. В России и Германии кур, уток и гусей имеют обыкновение пускать на пашни, где они жиреют с июля до осени.

15) Нужен для скотоводов ветеринар. Тот факт, что якуты профанируют ветеринаров, создался не вследствие бесполезности ветеринарии по существу, а вследствие незначительных побочных причин. Надо ходатайствовать об учреждении в улусах ветеринарных пунктов, — благо, что уже назначено пять ветеринаров, содержавшихся на счет казны, для Якутского округа. Без ветеринаров невозможна столь желательная прививка скоту «вакцины» сибирской язвы, изобретенной Пастером. Вакцину же эту для Якутской области высылает лаборатория Мин. Вн. дел бесплатно. В 1897 г. вакцину успешно прививали скоту в Намцах и Дюпсинцах после падежа от сибир. язвы 4000 голов.

16) Нужно обратить внимание на запасы сена и хлеба. Я бы желал при этом разделить запасы на две категории — казенные, т. е. ведомые администрацией и частные. Первые надо делать по старому порядку, т. е. «из-под палки», ибо никакой пользы не приносят: портятся и выдаются казной по миновении критического момента. Частные запасы надо группировать в руках богачей, чтобы казна не совалась со своей назойливой и излишней контрольной опекой. Богачи в обществ. Организации, заведующие запасами, расходовали бы их в зависимости от действительной потребности. Бедняки должны приобретать права на запасы работами у богачей и организаций, не внося натурою.

17) Надо строить большие «сараи» для общест. и всяких запасов сена, крытые сверху тесом, корой или жердями с насыпкой землею. Их надо делать закрытыми еще с западной и южной сторон тыном или решетом. Сараи эти, защищая сено от солнца, погоды и времени, очень полезны и выгодны: сарай,

вмещающий 300 возов, может стоить, в зависимости от качества, от 15 до 50 р.; такой сарай может сохранить от порчи 80—90% сена, тогда как из 300 возов сена, стоящего под открытым небом, можно получить только 50—66%, т. е. 150—200 возов. Экономия громадная.

5

Школа и общественная жизнь

1) О школах вопрос весьма широкий и открытый, потому предоставляю его Вам и обществам, ибо единичный голос в нем имеет слишком малую компетенцию. От себя я скажу только (хоть это не ново), что существующих школ слишком мало, что программы их слишком чужды нам, слишком неприложимы к нашей жизни. Скажу еще больше (хотя это Вам покажется крайностью), — начальные и церковно-приходские школы вредят нам: учась в них, дети знаний не приобретают, а от физических работ отвыкают. Нужно общее развитие детей на понятном для них языке, а не пичкание их ненужным барахлом из славянской, жидовской и греческой старины. Нужны хоть по одной школе в каждом улусе с программой, соответствующей действительным потребностям нашей жизни. А так как школы не с «казенной» программой, <правительство> не будет открывать их на свой счет, по-моему, желательны школы вроде сельскохозяйств. низшего типа, в которых можно получить знания, хотя бы главнейшие элемент., по сель. хозяйству.

2) В существующих школах нужно ввести якутскую письменность, введение коей в году займет максимум 1 месяц врем.

3) Интеллигенция ныне должна выписывать журналы и книги по сельскому хозяйству и распространять по мере сил и возможности почерпнутые в них сведения.

Интеллигенция же должна взять на себя миссию создания якутской литературы, без которой распространение грамотности среди якутов, а, следовательно, и просвещение не возможны. Первым и существенным шагом к созданию якутской литературы должны быть переводы с русского на як[утский] яз[ык].

4) Необходимы общественные библиотеки, для которых, между прочим, надо выписывать периодические и специальные журналы, чтобы иметь понятие о текущей жизни внешнего мира.

5) Очень желательны ремесленные школы, так как для ремесленников у нас открылось бы широкое поле действия ввиду отсутствия кустарей и наличности сырого материала (см. отд. VI, п. 7).

6) Нужно принять меры борьбы с пьянством, картежной игрой и курением табаку, так как сам некультурный народ, как бывает всегда, не может бороться своими силами с этими видами «культурной услады» и даже вовсе не понимает их вреда.

7) Об открытии кредита бедному люду, об уничтожении классной системы землепользования и о борьбе с кулачеством принимать меры, по-моему, не следует. По моему мнению, могущему казаться Вам весьма странным, — это такие явления в жизни якутов, с которыми в данное время бороться нет ни расчету, ни возможности. Если, например, будет теперь введен пайковый дележ покосов, то бедняки, которым достанется много паев, сдадут их в аренду богачам на десятки лет (зарясь на арендную плату) и тем ухудшат свое положение, а паи сделаются верными залогами будущей закабаленности владетелей.

Если же открыть кредит для бедного класса якутов, то они залезут без рассуждения в неоплатные долги, а полученными суммами не сумеют воспользоваться, как нужно бы было. Якута нельзя испугать даже 50-ю%, об этом знает каждый, поэтому распространяться не буду. Примерами, подтверждающими тот факт, что якут не может пользоваться случайно наживаемым добром, могут служить следующие обстоятельства:

а) хорошие кузнецы, столяры, плотники зарабатывают громадные по местным условиям деньги, но, однако же, случаев их обогащения нет, за редкими исключениями (сложилась даже поговорка-поверие — «улуу уус байбат»). Чем объяснить это (и последующие) явление, как некультурностью самих зарабатывающих; б) то же явление повторяется и в отношении хороших звериных и пушнинных промыслов, также не обогащающих промышленников-охотников; в) довольно частые случаи находок мамонтовых костей тоже не обогащали; г) получения из ссудной кассы якутов Якутской области часто достигали обратной цели, — они разоряли должников, поэтому опять сложилось поверие, что «касса харчытын тыына ыарахан»; д) на телеграфных работах Охот. тр. около 200 человек заработали каждый от 80 до 270 р. В одно лето; однако и такие огромные суммы не пошли в прок: были проиграны, пропиты и т. д.

Дело в том, что, согласно законам психологии, некультурный человек не умеет и не может ценить как значение самой культуры, так и материального благосостояния в будущем — в частности: он не запасается про черный день, говоря, что «ыт хаһааммат, суор куостэммэт». Раздайте, например, всем якутам по 1000 р. Каждому, — вы увидите, что через более или менее продолжительное время 0,8 или 0,9 якутов эти деньги про-

живут, оставив у себя лишь большую разнузданность нравов, склонность к вину, картам и лености.

Долго живя в наслегах Ботурусс. ул., я заметил одно странное явление, подтверждающее сказанное, именно: пьянство и картежная игра распространены больше в тех наслегах, кои владеют хорошими землями, следовательно, кои были материально обеспеченнее.

Богачи — кулаки, высасывая у голытьбы все возможное и тем самым держа их в «черном теле», — делали бессознательно доброе дело ей: они отнимали у ней те средства, которые давали последней возможности предаваться азарту, страсти и праздности; они доводили бедняков до необходимости бороться за свое существование путем усиленных трудов, чем воспитывали в них энергию и трудоспособность. Конечно, этим я не хочу сказать, что эксплуатация бедных богатыми, особенно развитая в восточных улусах, не имеет дурных сторон. Эксплуатируя бедняков, богачи копили капитал страны внутри ее и тем преграждали ток его в другие центры, а это в общем смысле благосостояния всей Якутской народности — дело важное.

Нет, г. г., для поднятия благосостояния якутов необходимо поднять степень их культурности и сделать их способными к пониманию жизни и явлений ее. Некоторые рассуждают с иной точки зрения: говорят, что поднять культуру якутов можно тогда только, когда он будет материально обеспечен; но с этим мнением лично я, как видите, не солидарен.

Посему я думаю, что наших «тойонов» надо оставить в покое. Кулачество разрушится (и притом скоро) само собой под напором страшного врага своего — конкуренции. В данное время надежда только на тойонов и интеллигенцию: первые — все патриоты, потому могут оказать большие услуги советами, добрыми примерами и материальной поддержкой; роль вторых — быть инициаторами, агитаторами и руководителями...

Потребительские лавки.

6

Экономическое положение и предприятия

Для поднятия благосостояния населения недостаточны одни лишь упомянутые выше меры, — нужен хоть ничтожный приток капитала с извне («без бога ни до порога, без капитала ни единого шага»), нужны отхожие промыслы и возможные предприятия, к числу которых я отношу следующие:

1) Нужны (и даже необходимы) скотоводческие фермы, которые послужат основой улучшения породы скота, — этого

важного источника существования большинства якутов. Расходы оправдываются с лихвой доходностью самого дела.

2) Нужны обществ. огороды самостоятельно или при школах со складом для картофеля, оставляемого на посев (якуты сами не умеют хранить картофель на обсеменение).

3) Так как в подгородних улусах и в городе средняя стоимость сена бывает 3 р. воз., а в дальних улусах — 1 р., то эту разницу нужно регулировать ради обоюдной выгоды прикармливанием дальними улусами больших количеств скота, принадлежащего городу и подгородним улусам, передвижение скота взад и вперед будет стоить пустяки.

4) Нужно организовать общественные ломбарды, куда можно принимать в числе другого имущества и тощий скот.

5) Нужно развить ремесла и кустарные изделия. Ведь надо же использовать тот сырой материал, который находится в нашем распоряжении, чтобы по возможности вытеснить дорогие привозные изделия, часть которых выделывается из якутского же материала (одних кож ежегодно вывозится из области на 150 000 р.).

Примеры:

а) Изучать способ изготовления непромокаемой колымской или верхоянской обуви (саары) из конской кожи и ввести этот способ повсеместно.

б) Нужна выделка сафьяна.

в) Так как у нас имеется прекрасная белая глина (тугой), то нужно выдвинуть гончарное дело (керамику).

г) Надо усовершенствование способа выплавки железа, имеющегося в Як. окр. в изобилии и замечательного по своим хорошим качествам.

д) Нужно развить железно-прокатное и кузнечное дело.

е) Нужно развить деревянные, кожаные и берестяные изделия (шорные, токарные, слесарные, столярные, красильные ремесла; сбруи, экипажи, посуда из кожи и дерева, мебель, обувь и т. п.).

ж) Так как, с одной стороны, передняя часть конской шкуры (кос5ус тириитэ) у нас совершенно бесценна и, с другой стороны, шахматные половики-циновки ценятся высоко вне области (от 20 до 75 р. штука), — то нужно заняться выделкой их в больших размерах.

з) Нужно использовать конскую и коровью шерсть, бросаемую скотоводами на произвол; циновки-половики (сунг-соруо) очень ценны.

и) Нужно изготовлять сальные свечи самим — маканием. Они бы заменили дорогие стеариновые свечи и экономили бы дрова, требующие для приготовления так много траты време-

ни, труда и леса, нужного для площадей заселенных пространств.

к) Нужно выделывать водку домашним способом из муки и березового сока (бутылка обойдется не дороже 15—18 к.).

---

6) Надо составить (спешно) списки стариков, бездомных и сирот, получавших ссуду во время голодовки, и предоставить их с приговорами начальству, ходатайствуя о сложении хлебных недоимок на основ. 92 ст. прод. уст.

7) Отказ платить подати за бездомных, сирот, безвестно отсутствующих, и проч. дело опасное, так сказать, обоюдоострое: теперь мы платим, по милости какой-то доброй силы, по раскладке на душу 10-й народ. переписи 1857 г., когда нас было меньше, а не на душу первой всеобщей переписи 1897 года. Правительство, взыскивая подати по переписи 1857 г., м. б., делает сознательный прием, чтобы не подать нам повода отказаться от уплаты податей за бедняков, стариков и сирот. Надо вычислить — что выгодно: платить по-старому за всех, занесенных в перепись 57 г., или по числу наличных, но только платежеспособных душ. Я думаю, что Прав.-о по переписи 57 г. взыскивает со всех вымирающих инородцев ясак, потому оставляет в покое нас, немного увеличивающихся в числе.

8) На Лене имеется много обширных островов, расположенных ниже устья Вилюя. Острова эти пока никем не заняты и имеют богатую наносную почву, почему травы там растут роскошные. Прав.-о дает их желающим на пожизненное даровое пользование, а также дает единовременное пособие в размере 200 р. на каждое семейство с тем, однако, условием, чтобы получивший пособие культивировал занятый остров в течение 5 лет, по миновении которого он может и совсем бросить его. Я думаю, что в малоземельных наслегах нашлись бы энергичные и предприимчивые люди, согласные селиться на Ленских островах до прихода переселенцев; если частные лица не решатся на этот шаг, то их могли бы поддержать общества.

9) Нужно организовать улусные и наслежные комиссии и подкомиссии, которые заведовали бы улусными предприятиями, работами и новыми мерами, не входящими в круг деятельности прежних властей. Членам комиссии необходимо оплачивать их труды.

10) Нужно комиссиям и организациям закупать в улусах скот и его продукты, предназначаемые для продажи в городе, — на улусные и окружные средства. Покупной тощий скот надо пускать до осени жиреть в «бутэйах», заготовленных спе-

циально для этой цели. Транспорты мяса, масла, товара передвигать гуртами зимним путем, чтобы провоз обходился дешевле.

11) Войти в сношение с крупными фирмами Москвы, чтобы пользоваться дешевым товаром и в кредит. В этом приеме кроется громадная выгода: избегаются все посреднические руки, т. е. купцы г. Якутска и базарные «торговщики», а также улусные «эргиэнщики». Каждая пара передаточных рук на этом наживает до 10% чистой прибыли; расход по торговым оборотам достигает больших размеров, именно — «... »%, которые в виде жалований могли бы достаться распорядителям улусным же. А ведь посреднических рук, г.г., не одна и не две... Если к этому прибавить те бесчисленные невидимые расходы городчиков, производимые тратой времени, гонкой лошадей, дорожными нуждами, пьянством и картежной игрой, то получилась бы разительная цифра разницы между стоимостью выписного товара и товара, достающегося потребителю обычным путем. К сожалению, эта цифра не может быть вычислена, так как она зависит от непостоянных условий и колеблющихся величин. Если вычислить, считая, напр., в Ботур. ул. 20 000 душ об. п. и кладя на душу товару с табаком и сахаром, кроме чая, по 15 р. в год, то получается 300 000 р., а для Якутского округа, в котором 143 567 душ, — 2 153 505 р. (по 15 же р.). Посредством прямого сношения с крупными фирмами можно выгадать минимум 10%, т. е. 215 350$^{1}/_{2}$ р. в год. (Кангаласские рабочие расходуются на одеяние, обувь, табак, сахар каждый по 45 р. в год.)

12) Если выписать товар, то, конечно, необходимо иметь обществ. лавки в улусах. Нужно устроить так, чтобы лавки эти имели возможность, вместо денег, принимать все продукты сельского хозяйства (масло, хлеб, сено) и даже изделия. Ломбарды приноровить к лавкам. В лавки принимать и тощий скот, а для этого отвести покосы, или заручиться долгосрочной арендованной землей.

13) Войти в переговоры с прииисковыми компаниями для поставки туда мяса и продуктов скота: тогда останутся у якутов суммы, зарабатываемые всеми посредниками-передатчиками. Или же войти в соглашение или компанию с некоторыми из более опытных и крупных подрядчиков по поставке и доставке на прииски мяса и скота.

Перепродающие в Якутск скот и продукты его богачи улусные зарабатывают на них 10% прибыли; городские торговцы скотом — 5%; отправители на прииски — 15%; всего набавляется на наш скот 40% к первоначальной стоимости его. Из Якут. об. на прииски ежегодно вывозится скота и мяса на

700 000 р.; в Якутске поедается мяса на 100 000 р., а из Якут. округа на 500 000 р. А 40% этой цифры составляют внушительный капитал в 200 000 р. А так как к стачке нельзя привлечь все население и так как наше неумелое отношение к новому предприятию будет уменьшать выработанную норму доходности, то выкинем из этой суммы 75% ее, и то останется доход в 50 000 р. ежегодно. Сверх этой ощутительной прибыли, должен иметь значение и другой невидимый доход, получаемый от доставки транспортов мяса в Олекминск своими людьми и лошадьми, которых еще можно использовать на обратном пути.

Еще большую выгоду можно было бы получить, устроив мясную и скотскую монополию. Но этого мы своими силенками не можем устроить, — нам нужна в этом деле помощь опытных людей — коммерсантов и подрядчиков. Вообще я склонен думать, что и в деле простой поставки мяса и скота не обойтись без опытного руководителя-компаньона. При описанном предприятии труден и малодоходен будет только первый год.

14) Нужно взять подряды рубки дров по Лене для пароходов и сплава их для Якутска. Город покупает до... саж. дров по 3 р. в среднем, а 30 пароходов, рейсирующих по Лене, вытапливают в лето до 30 000 саж., ценою от 2-х р. на месте, т. е. у берега. Очень целесообразно было бы, если бы рабочие, возвращающиеся после доставки в Олекминск мяса, занялись бы заготовкой дров между Олекм[инско]м и Якут[ско]м.

15) Нужно условиться с приисковыми компаниями или подрядчиками для сдачи им на работы людей, чтобы эти люди впоследствии отвлекали своими примерами на отхожие промыслы себе последователей и тем привили бы дух предприимчивости.

Те ужасы, относительно таежной жизни, о которых ходят всевозможные слухи в восточн[ых] улусах, ушли в область преданий, ибо с господством монополизирующего капитала и увеличением золотого промысла — все условия работ и жизни на приисках приняли культурный и социальный характер. Бунты русских рабочих сего года прямого отношения к нашему делу иметь не могут, даже забастовка 10 800 человек ничего не могла сделать, следов., безопасность личности там обеспечена. Теперь и деморализация рабочих незаметна; карты и водка развиты в такой только степени, как у нас в улусах; убийства случаются как редкость. Каждую зиму на приисках одного Ленского т-ва бывают до 8—9000 якутов Олекм. и Вилюйс. округов, а также двух Кангаласс. улусов нашего округа. Там якуты на 200 000 р. продают рыбу и мясо и на 1 500 000 р. доставляют дрова.

Каждую зиму кангаласец-чернорабочий, непьющий и неиграющий, зарабатывает, сверх одеяния, содержания и прогонов, 60—80 р.; при этом сенокосная страда целиком остается в распоряжении рабочего, которую он проводит на родине.

16) Нужно выписывать при посредстве Владивостокских фирм (хотя бы Чурина) из Ханькоу или Шанхая чай через Аян и Охотск.

Один ящик чая в 80 досок в Ханькоу и Шанхае стоит 23 р.; фрахт до Аяна и Охотска — 7 р.; страховка — один р.; перевоз от Аяна до Нелькана 9 р.; оттуда до Алдана 2 р.; итого ящик обходится от 41—44 р., т. е. кирпич — 55 к.

Можно иметь на Охотском и Аянском тракте своего надежного постоянного подрядчика, вроде В. Х. Слепцова. Таким образом пользовались бы почти все улусы; при этом, восточным улусам чай обходился бы рубля на 2 дешевле, чем другим.

Из ввозимых ежегодно через оба порта чаев на сумму 800 000 р. на долю восточных улусов остается не менее, чем на 300 000 р., а на весь Як. окр. — на 400 000 р.

На чае коммерсанты г. Якутска наживают до 25% с рубля, вложенного в предприятие. Якуты же нажили бы ни в коем случае менее этого, т. е. на 400 000 р. нажили бы в год 100 000 р. доходу.

Сверх этого, провозной заработок оставался у самих якутов, а не у тунгусов, русских и татарских (Галибаров) подрядчиков; не было бы также лишних поездок за чаем в город, что случается даже после Петрова д[ня].

17) Ввиду же голодовки надо ходатайствовать пред Правит-м об разрешении нам ввоза чая через Кяхту и Сибирь, мотивируя необходимостью поднятия благосостояния края: чай обойдется тогда еще дешевле, тем более, что до верховьев Лены (Усть-Кута) ныне строится жел. дорога, могущая удешевить провозную плату пуда груза на 1—70 коп.

18) Организовать обществ. работы. Организация работ, при том безденежье подавляющего большинства населения и при наличности 9-ти месяцев досужего времени в году, которые господствуют в жизни якутов, — должна иметь огромное значение. Ею, т. е. организацией работ убивается сразу несколько зайцев: все обществ. предприятия облегчаются в материальном отношении и много проектируемых работ, которые на первый взгляд требуют громадных денежных затрат, должны быть выполнены очень просто. За тем для бедного класса явится возможность избавиться от страшных податей и повинностей только работами и то в свободное от сенокосной страды время («куһун-саас»).

19) Мы живем в стране, богатой рыбой. Кроме устий рек, имеются по побережью Охотского моря около 100 рыбных уча-

стков, принадлежащих государству и Кабинету его Имп. Велич. Ежегодно эти участки сдаются с торгов желающим за известную незначительную плату. Более крупные из них достаются иностранцам (преимущественно японцам), действующим через подставных лиц (русских); а более мелкие — мелким аферистам, авантюристам, полудиким аборигенам; некоторые же остаются совсем без эксплуатации.

Под благовидным предлогом необходимости оправиться от ущербов, причиненных минув. голодовкой, надо нам, якутам, ходатайствовать через посредство Сибир.-х деп.-в Гос. Думы перед Главным Управ. Гос. Имуществ. или, вообще, по начальству, о даровании нам права рыбачить беспошлинно на одном или нескольких участках (желательно было бы на устьях Лены, Лантара, Охоты, Куктуя и Ураха).

Если добиться этого права нам не удастся, то можно добыть обществами рыболовные участки прямо с торгов, производящихся во Владивостоке, где нашим агентом может служить любая торговая фирма, с которой мы можем иметь коммерческие связи. С охотой бы взялся за это дело колымчанин (полуякут) Ник. Мих. Бережнов, имеющий в Иркутске свой каменный дом и большие коммерческие обороты и связи. Он летом 1911 г. предлагал охотчанам дать ему доверенность на право исходатайствования из казны или от частных лиц необходимой суммы для приобретения бочек, соли и неводов. Он за хлопоты требовал только 1% чистого дохода; он же и брался продавать рыбу. Но охотчане, будучи не в состоянии понять всей пользы его предложения, доверенности не дали, не нашелся даже инициатор, который бы составил сход для обсуждения предложения Бережнова.

Все передовые люди России уже давно заметили тот факт, что громадное рыбное богатство восточных и северных морей не эксплуатируется Правительством, как бы то следовало. Богатство это очень велико: ежегодно ловится рыба: на Амуре 500 000 п., Оби 500 000 п., Енисее 300 000 п., Лене 60 000 п., Ангаре 75 000 п., Ольхоне 30 000 п., на Камчатке 3 700 000 п. Много участков, могущих дать ежегодно сотнями пудов, остаются без промышленников, каковы, напр., — Лантар, Альдома, Урах и проч. До 1911 г. в Охоте ловилось только до 20—30 000 п. рыбы. Только в 1911 г. 40 японцев четырьмя неводами там выловили до 130 000 п. рыбы, и то в море, где рыбы меньше и улов труднее, а не у устий рек, где можно ловить миллионами пудов.

Сделаем маленький расчет примерного промысла в Охотске рыбой только на 100 человек. 40 японцев насолили 130 000 п., т. е. каждый японец ловил по 3250 п. рыбы. Мы же, чтобы

не завраться, и из осторожности, возьмем минимальную цифру по 500 п. на человека, т. е. в 6,5 раза меньше, чем японцы, хотя охотчане ловили в лето каждый по 1000 и более пуд., будем считать, таким образом, что 100 человек наловят 50 000 пудов рыбы.

РАСХОД

1) Жалованье 100 рабочих с 1-го апр. по 1 окт. по 100 р. = 10 000 р.

2) Их содержание (хлеб—морем 2 р. 30 к., масло из Якутска, мяса не нужно, рыба — даровая) по 10 р. в месяц, за 6 месяцев 60 р. = 6 000 р.

3) Прогоны до Охотска по 10 р., обратно по 5 р. = 15 р. = 1500 р.

4) 10 неводов, которые могут пригодиться до трех лет, по 80 р. каждый = 800 р.

5) 5000 п. соли по 40 к. пуд. (германн.) соль — кулек в 3 п. — 1 р. 20 к. = 2 000 р.

6) 3000 бочек вместимостью каждая в 10—12 п. по 3 р. = 9000 р.

7) Провоз до Владивостока по 35 к. пуд, а за 50 000 п. = 17 500 р.

8) Провоз до Читы, Иркутска или других больших гор. — 70 коп. = 35 000 р.

9) Разные мелкие и непредвиденные расходы, жалованья распорядителей и т. п. 8200 р.

Итого — 90 000 р.

Не пугайтесь, однако, г. г., что для выполнения этого предприятия нужны все приведенные 90 000 р., которых нам, конечно, взять неоткуда. Нет: а) рабочих снабжаем маслом, оленями, немного хлебом и гоним с распорядителями в Охотск, обещав давать их семьям коров, сена, хлеба и проч.; все это мы можем найти у себя; б) нужно всего 5000 бочек, из них недостающие 2000 бочек сделают сами рабочие. Бондарь делает в день $1^1/_2$ бочки, предположим, что наши неумехи делают в день по полбочке; 100 неумех в день сделают 50 бочек, а 2000 бочек сделают в 40 дней (с 1-го мая по 10 июня); в) указанные в статье расходов 3000 бочек можно выписать в кредит, или просто напрокат, из бондарного завода графа Кейзерлинга во Владивостоке; г) провозные платы до Владивостока (17 500 р.) и далее (35 000 р.) платим после продажи рыбы; доверие владель-

цев парохода и паровозов приобретаем посредством заложения рыбы же (не целиком). Таким образом, на первых порах нам нужно только иметь на покупку соли 2000 р., неводов — 800 р. и на непредвиденные мелкие расходы 2—3000 р., и дело можно оборудовать вовсю.

Во время самого улова рыбы в Охотске можно выручать порядочные деньги продажей икры японцам (до 2000 руб.).

ДОХОД

Положенные 500 пудов улова на человека пусть не покажутся Вам преувеличением: важен не улов, а перетаскивание с невода на берег, соление и проч. Охотчане часто вытаскивают, только раз закинув невод, 2—4000 п. рыбы (до 20 000 штук зараз); а так как это вытаскивает 8 человек, то, следов., на одного человека приходится от 250 до 500 пудов. Неужели несчастный якут целое лето не накопит столько рыбы, сколько казак вытащит в один день, т. е. зараз! Я сам часто видывал в Охоте столько рыбы, что трудно пробраться на лодке сквозь нее. При благоприятных условиях наши парни должны наловить гораздо больше, чем положено.

В Чите, Иркутске и других центральных городах континента пуд морской рыбы стоит от 3-х до 4 р. 50 к., а на приисках — до 10 р. Мы, конечно, возьмем меньшую величину (3 р.), и тогда 50 000 пудов дадут 150 000 р., т. е. 60 000 чистого доходу. (Если принять во внимание только 6000 р., первоначально пущенные в ход, то выходит даже смешно, — они, т. е. эти 6000 р., дали 600%!!!)

Если рыбу будем промышлять на Аянском районе или Лантаре, то ее можно везти на прииски по Мае, Алдану, Лене и Витиму; рыба с доставкой обойдется в 5 р. 50 к. пуд, а продаваться будет по 8—10 р.

Еще раз повторяю, что я о рыбе не преувеличивал; наоборот, я старался брать минимальные цифры доходов и максимальные расходов. Вам, конечно, покажется странным — почему при такой доходности сами охотчане не принимаются за это дело. Да — это факт странный, из ряда вон выдающийся, но служащий прекрасным примером косного, дремотного состояния вымирающего разряда людей. Охотчане давно уже летят вниз по наклонной плоскости вымирания.

Когда существовала (1781—1867 г.) Росс.-Амер. компания, когда пять улусов Як. Окр. (кроме Баяг.) ежегодно таскали против воли между Ох-м и Як-м до 60 000 п. грузу этой К° — сначала по 1 р., потом по 1 р. 33 к. за пуд, когда в Охотске бы-

ли кораблестроительная верфь, солеварный и угольный заводы, в которых работали каторжане из Як. обл. и Аляски, — тогда порт Охотск был очень видным и важным пунктом. И население было тогда порядочное. Правит-во поселило насильно в нем 250 казачьих семейств и 130 инородческих семейств; в шестидесятых годах XIX века остались там жить 100 мужчин-якутов, вошедших туда на постройку телеграфной линии, которая началась, но не состоялась; каторжан и других пришлых элементов было порядочно. Из всего этого населения ныне осталось только около 30—40 жалких избушек, в которых обитает по одному или два жалких пьяниц — казаки с семействами. Казаки эти по прошествии рыбного сезона, в 1909 г. не хотели работать на телеграфных работах по 3 р. в день; не <заготовили> они одну сажень дров за 1 р., несмотря на то, что у них в году 10 месяцев совершенно нечего делать. До 1911 г., когда японцы покупали пуд рыбы по 40 к. и каждый казак мог заработать рыбой в день от 10—25 р., — они большую половину рыбного сезона пьянствовали... Что же, разве можно ожидать от таких существ, чтобы они пустились хоть на какое-нибудь предприятие, которое никогда не бывает без доли риска?..

Предприимчивый ботурусец И. Сивцев, живущий в Охотске, до 1909 г. был слишком беден, чтобы заняться предприятиями. В 1910 и 1911 гг. был занят телеграфными работами, а в 1911 г. отправил рыбу в Японию на 8000 р. и во Владивосток на 20 000 р.; но, хотя первая рыба была конфискована, вторая оправдала расходы конфискации. Сивцев рыбу добывает в Охотске сколько угодно без разрешения начальства, хищническим путем.

Если в Ханькоу или Владивостоке купить чай на деньги, вырученные рыбой, то одним капиталом в одно и то же время два оборота, чему в коммерческом мире справедливо придают столь огромное значение.

7

Источники дохода

Для того чтобы организовать общества, артели, комиссии и делать предприятия, необходимы, конечно, денежные средства и, вообще, статьи дохода, — в особенности для начала. Денежные фонды, кроме прямого назначения, нужны еще для укрепления самоуверенности и как притягательная сила к активному участию в делах народных масс.

Нужно изыскать первым долгом эти средства; это вопрос крайне трудный, но не невозможный. Хотя заявления единич-

ных лиц в таком важном деле имеют мало значения, но я все-таки решаюсь высказать некоторые свои мнения по вопросу, но утверждать абсолютную их достижимость не могу.

1) Взносы членов разных якутских культурных обществ.

2) Частные займы.

3) Займы, субсидии, пожертвования, выдаваемые казной, обществами и разными учреждениями, как-то:

а) Казной.

б) Русско-Азиат. Банком (Як. отд.) — под залоги.

в) Як. город. Банком имени Н. Д. Эверстова — под залоги.

г) Вост. Сиб. отд. И. Р. Геогр. Общ.

д) Обществом изучения Сибири.

е) Обществом Красного креста, знаменитым своей отзывчивостью, располагающим 37 000 000 р. И потратившим в 1912 году колоссальные суммы в помощь голодающим 20-губер. России. Это общество можно разжалобить всякими предлогами, так как «цель» его слишком широка.

ж) Як. благотвор. Об-м, имеющим до 30 000 р. капиталу и выдававшим безвозвратно в 1896 г. намцам и дюпсинцам 1000 р. в помощь после эпизоотии сибир. язвы.

з) Из сбора «на исправление дорог и мостов» (11 269 р.), лежащего без употребления в депозитах Якут. губернии.

и) Из запасного капитала области, в которую мы, якуты, ежегодно платим по 10 525 р. Предлог — голод.

й) Благотворительным капиталом г. Якутска, состоящим из 65 000 р. Предлог — голод и поднятие культуры.

к) Из капитала, назначенного на борьбу с кобылкой, в который мы ежегодно платим по 1425 р. Предлог — кобылка и улучшение сельского хозяйства.

л) Ссудной кассой якутов Як. обл., которая, на основ. 96 § уст. Своего, должна давать обществам не в очередь, а ранее одиночек.

4) Обществ. лотереи-аллегри, разрешение коих коллег добиться под разными предлогами по культивизации.

5) Эксплуатация людских пороков, напр., пьянства, картежной игры и курения табаку. Я проектирую так: а) штрафовать всякого, кто купит где бы то ни было бутылку водки, на 50 к. (с торгующими водкой, конечно, по закону); чтобы контролировать покупку водки в городе, нужно установить пункты на главных трактах, в которых можно было бы проверить количество купленной водки. б) У выигравшего в карты отбирать определенную часть выигрыша. в) Родителей, у которых дети привыкли курить, штрафовать. Таким способом мы достигаем двойной выгоды: противодействуем развитию пороков и приобретаем средства на культурные цели. Если суметь

выработать целесообразный и правильный способ контроля игр и оргий, то эти две статьи дохода дали бы колоссальные суммы. (Один Якут. окр. в год пьет более 60 000 ведер водки, или 1 200 000 бутылок.) Думаю, что люди, желающие добра начинающемуся делу, не стали бы таиться от пятидесятикопеечного штрафа; также не думаю, чтобы прав.-во тормозило дело борьбы с пороками, — нужно только обставить дело умело.

6) Частные пожертвования. Этой статье я придаю очень большое значение; оно зависит всецело от настроений среди и масс народа, а настроения, в свою очередь, зависят от убежденности, патриотического воодушевления и сознательного отношения к делу инициаторов, руководителей и агитаторов.

7) Общественные работы, о которых говорилось выше и которые должны служить постоянными и значительными источниками дохода.

8) Доходы от разных общественных предприятий.

9) Налоги подрядов, промыслов, торговых и иных предприятий, жалований, арендных плат дворов, вообще, все доходы, поступающие в пользу якутов тем или иным путем. Эта статья дала бы крупные, чистые, а главное, постоянные суммы. В самом деле: 1) Благодаря судьбе и у нас, якутов, нет недостатка в лицах, занимающихся крупными торговыми операциями (хотя их мало), и есть много мелких торговцев. 2) В Якутске имеется около 40 дворовладельцев, которым в год в среднем поступает доходу до 14—16 000 р. от аренды домов. 3) Имеется много лиц, занимающихся крупными и мелкими подрядами, каковы, напр., приисковые поставщики и доставщики лесного материала, пищевых продуктов (А. Н. Жирков, С. П. Барашков, П. Д. Тихонов и многие другие); доставщики казенных грузов в отдаленные северные округа, перевозчики чаев из Аяна и Охотска, строители казенных зданий и пр. 4) Имеется порядочный контингент лиц, занимающихся торговлей пушниной (белки, лисицы, песца, соболя) и мамонтовой кости (А. И. Жирков, В. Никифоров, Н. О. Кривошапкин, И. П. Антипин, Г. В. Никифоров, И. Т. Павлов и пр.). 5) Есть у нас и получающие жалованья (доктора, фельдшера, священники, доверенные и приказчики купцов, писаря, учителя). 6) Имеются у нас такие лица, как Н. Д. Эверстов, Н. А. Аверенский, Ин. В. Мигалкин, П. П. Молотков, которые, хотя не носят звания якутов, но безусловно принимают близко к сердцу судьбу якутов и поддержали бы общее дело. Общее благосостояние перечисленных лиц улучшается, — они составляют поэтому будущее здоровое ядро якутской народности; между ними встречаются, как я хорошо убедился в этом, люди с благородным порывом замечательного патриотизма, ожидающие толь-

ко всеобщего воззвания к культуре и просвещению и готовые попуститься тысячами из своих доходов ради блага родины. Имена их мне хорошо известны, и сами они известны всему якутскому племени; называть их в этом письме неудобно, так как тема разговора нашего в этом пункте довольно щекотливая; скажу только, что они ведут коммерческие дела сотнями тысяч.

Этим кратким конспектом нужд я заканчиваю свое посланьице, которым я задаю Вам темы для обсуждений и призываю на деятельность. Предупреждаю об одном: какого бы ни было личного мнения каждого из Вас относительно переселения в область русских, вымирания якутов и «желтой опасности», — Вы не должны предаваться обманчивым розовым надеждам, также не должны питать и в других эту надежду; если не солидарны со мной, то, по крайней мере, не доказывайте противного, т. е. желанного лучшего. Действуйте и агитируйте единственно в пользу и ради культуры, насаждение которой стало в нашем веке злободневной необходимостью, хотя (сказать, выбирая лучшую сторону) и помимо ужасных призраков переселения и вымирания... Что касается лично до меня, то много лет я думал на темы о переселении и вымирании и пришел к непоколебимому убеждению, что переселенцы должны быть и что мы должны вымирать, если только не примем рациональных мер к борьбе; я убежден, что из-за пяди земли человечество еще два-три века будет проливать человеческую кровь в ужасных и глупых войнах, пока цивилизация и наука окончательно не восторжествуют и не уничтожат традицию и варварство...

Как доказала наука, мозг человека привыкает мыслить по одному колейному направлению, и даже логика бессильна против этой привычки его. Приведу исторический пример: когда ученые (Коперник, Галилей, Бруно) впервые высказали в 16-м веке мысль, что земля имеет форму шара, — им не поверили и даже одного казнили за эту мысль. Причина недоверия та, что мозг тогдашних людей слишком привык представлять землю в виде плоскости. Вот и мы привыкли веками думать, что все в мире течет по раз заведенному порядку, что мы (якуты) рождались, жили и умирали в своей родине, что так ведется испокон веков и что впредь все будет продолжаться так... Говорящим о переменах не поверят, — и им при агитациях придется серьезно считаться с фактом недоверия и традиционных понятий, ибо, как я говорю, мы — якуты одержимы роковой иллюзией самообмана «Елен баран корон еолеору билбэппит...».

Индивиды человечества на «юге» действительно расплодились до невозможности и мрут от тесноты (иначе — от голода),

как мухи, напр., в 1897 г. в Индии умерло с голоду 4 100 000 человек, т. е. такое количество, которое превосходит число якутов в 16,4 раза...

Что же нам делать? К чему приступить и с чего начать? — вот вопросы, которые в данный момент напрашиваются сами. По-моему, первее всего нужны только съезды интеллигенции и переписка между отдельными членами ее. Далее нужны, конечно, наслежные, улусные и окружные съезды, беседы с тойонами, агитация в народе, выписка книг, журналов и разных руководств, учреждение обществ и кружков, приобретение органа печати и т. д. Трудно только начало, а раз будет брошено семя, то оно даст скорые всходы; нужно только всем взяться за дело дружно — всем улусам Якут. округа!..

Ексекюлях Елексей

1912 г. Май.
Качикат [2]

[1] Словарь якутско-русский.

[2] Рукопись хранится в Центральном государственном архиве Республики Саха (Якутия). Ф. 3. Оп. 20. Д. 130 а. Л. 1—21 об.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. Е. КУЛАКОВСКОГО[1]

1877, 4(16) марта — в местности Учай с. Жохсогон Тааттинского улуса в семье Елисея Васильевича и Анастасии Николаевны Кулаковских родился сын Алексей.

1886, 15 сентября — Алексей поступил в Чурапчинскую школу.

1890 — окончил Чурапчинскую начальную школу.

8 августа — поступил в Якутское духовное училище.

1891, 5 августа — Кулаковскому выдано свидетельство № 203 воспитанника первого класса духовного училища, в котором отмечено, что тот при отличном поведении показал успехи: история, русский с церковнославянским и якутский языки отличные, арифметика, чистописание очень хорошие, церковное пение хорошие; уволился из Якутского духовного училища и поступил в Якутское реальное училище.

1897, 31 мая — окончил Якутское реальное училище и получил аттестат. Начало трудовой деятельности в должности помощника письмоводителя Ботурусской управы.

1898, 19 апреля — венчание с Анастасией Егоровной Оросиной.

1899, 17 ноября — умер отец Елисей Васильевич Кулаковский, 65 лет от роду.

1900, начало года — с должности улусного писаря перешел на должность наслежного; жил у тестя Е. В. Оросина в I Игидейском наслеге, служил писарем 7-го участка Ботурусского улуса. В 7-й участок входили I и II Игидейские, I Хаяхсытский и Жулейский наслеги.

21 июля — избран депутатом от IV Жохсогонского наслега по коренному переделу земельных угодий. Как писарь участвовал в коренном переделе земельных угодий I Хаяхсытского, I и II Игидейских наслегов.

Ноябрь—декабрь — написал «Заклинание Байаная», первое произведение якутской письменной литературы.

17 ноября — родилась дочь Раиса.

1902 — Кулаковский работает писарем в I Игидейском наслеге.

19 марта — родилась дочь Лариса.

1903, 12 мая — у Алексея Елисеевича и Анастасии Егоровны Кулаковских родилась дочь Сусанна.

19 сентября — на общем собрании родоначальников и доверенных наслегов Ботурусского улуса Кулаковский выбран на должность письмоводителя БИУ на 1904 год.

1904 — написаны «Саха дьахталларын мэтириэттэрэ» («Портреты якутских женщин»).

11 августа — участвовал в общем собрании улусных голов, посвященном рождению государя наследника.

Избран членом строительной комиссии по постройке двухклассной школы в Ботурусском улусе.

1905, январь — в клубе Общества приказчиков г. Якутска поставлен спектакль по тексту олонхо. Исполнитель главной роли — А. Е. Кулаковский.

---

[1] Хронология составлена на основе хронологии А. Е. Кулаковского, сделанной Л. Р. Кулаковской.

17 мая — родился сын Ясон.

Август — поездка в Вилюйск. Написано стихотворение «Вилюйский танец».

19 октября — принимал участие в работе первого инородческого съезда.

1906, 24 марта — заключил договор с торговым домом «Коковин и Басов» о доставке в Оймякон десяти мест кирпичного чая за 220 рублей.

Осень — на сцене инородческого клуба поставлена драма «Манчары», главную роль в которой исполнял А. Е. Кулаковский. Для спектакля им была написана песня Манчары.

19 ноября — от скоротечной чахотки умерла жена Анастасия Егоровна Кулаковская.

Написано стихотворение «Песня столетней старухи».

1907, 17 января — женитьба на Евдокии Ивановне Лысковой.

Кулаковским написано стихотворение «Скупой богач».

16 марта — участвует в торгах на строительство Якутской гражданской больницы, как доверенный от инородца Прокопия Охотина.

12 апреля — заключение контракта на доставку казенных грузов по Ольско-Колымскому пути под залог своего имущества на случай убытка.

17 мая — получил подряд на постройку больничных зданий за 20 040 рублей.

2 декабря — прошение А. Е. Кулаковского на имя губернатора издавать на средства статистического комитета ежемесячно брошюру на якутском языке. Программа: 1) заметка по истории, географии и этнографии; 2) по сельскому хозяйству; 3) по якутской народной словесности.

1908, 24 апреля — напечатан «Абааһы андагара» (Вольный перевод «Клятвы Демона» М. Ю. Лермонтова).

1909, 3 марта — подписал контракт с начальником Иркутского почтово-телеграфного округа Р. Ю. Зонненбургом на развоз телеграфного груза от г. Охотска до ст. Юдомо-Крестовской по Охотско-Якутскому телеграфному пути.

12 июня — комиссия, осмотрев здание для сифилитических больных и находя, что оно к контрольному сроку не окончено, постановила: все неоконченные работы произвести за счет неисправного подрядчика А. Е. Кулаковского.

Написана поэма «Дары реки».

1910, 21 января — принимает на себя ведение судебных процессов, возникающих с казной по доставке телеграфного груза по контрактам от 6 и 8 марта 1909 года.

Начал учительствовать в Качикатском наслеге Западно-Кангаласского улуса. Работал домашним учителем у С. П. Барашкова, связанного с Ленскими приисками.

Написаны стихотворения «Красивая девушка», «Пароход», поэма «Сон шамана».

1911, 28 февраля — являлся подрядчиком по доставке грузов из с. Ольска в г. Средне-Колымск.

13 марта — выбыл с прииска Бодайбо к месту приписки в Ботурусскую управу.

14 марта — получил подряд на постройку зданий Якутско-Охотской телеграфной линии.

16 сентября — выехал на Охотский тракт для поправки просеки Якутско-Охотской телеграфной линии.

1912, 18 января — написан устав кружка любителей якутского языка.

15 февраля — у Алексея Елисеевича и Евдокии Ивановны Кулаковских родился сын Алексей.

Создан первый вариант письма к якутской интеллигенции.

30 июля — прошение инспектору народных училищ Якутской области о назначении учителем в Вилюйское городское четырехклассное училище.

24 августа — приказ инспектора народных училищ 2-го района Якутской области о назначении А. Кулаковского и. о. учителя Вилюйского городского трехклассного училища.

25 августа — избран секретарем съезда «инородческих представителей для обсуждения вопроса об ознаменовании особым образом 300-летнего юбилея царствующего дома Романовых», открывшегося в Якутске.

Сентябрь — переезжает с семьей в Вилюйск.

30 октября — назначен библиотекарем училища и преподавателем естественной истории во всех отделениях и классах, физики во 2-м отделении 3-го класса, рисования во 2-м отделении 2-го класса, геометрии, русского языка и арифметики во всех отделениях 2-го класса.

18 ноября — пишет письмо Э. К. Пекарскому.

Написаны стихотворения «Спор разума с сердцем», «Благословение среднего поколения», «Чабыргах».

1913 — написано стихотворение «Обездоленный еще до рождения».

1914, 8 апреля — родился сын Реас.

Лето — поездка Кулаковского на пароходе из Вилюйска в Хочо. Пребывание в Хаданском наслеге Сунтарского улуса (бывший Хочинский улус), где гостил у олонхосута Михаила Веселого.

В Иркутске вышла книга Н. Толоконского «Якутские пословицы, загадки, святочные гадания, обряды, поверия, легенды», составленная в основном из материалов, собранных А. Е. Кулаковским.

1915, 6 февраля — прошение и. о. учителя Вилюйского высшего начального училища А. Е. Кулаковского об утверждении его в правах учителя высшего начального училища.

Написана статья «На якутов не угодишь».

1 июля — ездил в Петербург, чтобы встретиться с Э. К. Пекарским, но встреча не состоялась.

1 августа — уволен от исправления обязанностей учителя Вилюйского высшего начального училища.

Август — уезжает в Бодайбо, чтобы стать учителем Бодайбинской приисковой школы.

1916, лето — написано стихотворение «Оборотень».

Осень — назначен учителем в высшую начальную школу Верхоянского округа.

Написаны стихотворения «Благословение по-старинному», «Плач по умершему мужу».

1917, поздняя весна и лето — поездка из Булуна через Тюмятский наслег на низовье Оленька для изучения быта и языка местных якутов. Обошел низовье Лены и по берегу Ледовитого океана возвратился в Булун.

8 августа — назначен исполняющим должность окружного комиссара Временного правительства в с. Булун.

28 августа — составляет список лиц, пострадавших от прилива Ледовитого океана.

1919, 11 марта — приказ № 45 областного комиссара В. Н. Соловьева о снятии Кулаковского с должности комиссара Временного правительства в с. Булун за бездействие.

1920, 14 апреля — фамилия А. Е. Кулаковского опубликована в списке амнистированных Якутской губернской комиссией за 1920 год.

14 августа — назначен заведующим художественно-литературной секцией подотдела исследований Якутской губернии.

2 сентября — назначен учителем в Качикатскую школу Восточно-Кангаласской волости.

1921, начало января — в «Красном севере» опубликована статья «Новая транскрипция якутского языка».

5 февраля — расстрелян друг, сподвижник и благодетель А. Е. Кулаковского Семен Петрович Барашков.

Кулаковским написано стихотворение «Городские девушки».

Лето — занимается в Оймяконе сбором материалов.

Октябрь—декабрь — написано стихотворение «Старинная якутская клятва».

Зарублен в ГПУ брат — Иван Елисеевич Кулаковский.

1922, 2 января — умерла мать, 84-летняя Анастасия Николаевна Кулаковская.

1923, 22 ноября — Кулаковский приезжает в Сеймчан.

1924, начало года — сделан вольный перевод элегии Н. Г. Цыганова «Речка».

7 марта — завершена поэма «Наступление лета».

16 мая — после обсуждения рукописи «Словаря русских слов, перенятых и усвоенных якутами» на собрании Русского географического общества в Якутске Кулаковский избран членом-сотрудником общества.

21 июля — проводит в Оймяконе праздник наступления лета — ысыах.

8 сентября — принят на работу членом литературно-переводческой комиссии.

1924—1925 — вышли два тома произведений А. Е. Кулаковского под названием «Песни-стихи».

1925, начало — публикация статей «О произношении якутских гласных и двугласных букв», «Правила якутского стихосложения», «Якутский язык».

18 мая — решением президиума ЯЦИКа включен в комиссию для ведения переговоров о мирной ликвидации оймяконских бандитских отрядов.

27 мая — в национальном театре впервые в Якутии состоялся вечер общественности и власти, посвященный чествованию А. Е. Кулаковского.

20 сентября — председатель комиссии по ликвидации повстанчества в Оймяконе А. Е. Кулаковский доложил ЯЦИКу о выполнении им задания и представил на амнистию список из двадцати девяти повстанцев.

5 октября — на последнем пароходе выехал из Якутска на тюркологическое совещание в Баку.

Написаны стихотворения «Рассказ старика», «Армия снежно-ледяной страны», «Самолет».

1926, 14 января — присутствовал в Москве на совещании по вопросам книгоиздательства в Якутской секции Центрального издательства народов Союза при ЦИКе СССР.
15 января — принял участие в заседании якутской делегации Всесоюзного тюркологического съезда.
19 января — А. Е. Кулаковский госпитализирован.
9 февраля — переведен в хирургическую клинику.
6 июня — А. Е. Кулаковский скончался.
10 июня — А. Е. Кулаковского похоронили на Даниловском кладбище в Москве.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Книги А. Е. Кулаковского

Наступление лета: Стихи и проза: Избранные сочинения / Пер. В. Солоухина, С. Поделкова; вступ. ст. В. И. Кочеткова; сост. Г. П. Башарин, С. Д. Шевков. М.: Современник, 1986.

Песня Якута: Стихи и поэмы / Пер. В. Солоухина, С. Поделкова; вступ. ст. М. Пархоменко, Г. Сыромятникова; сост. Сем. Данилов. М.: Советская Россия, 1977.

Сновидение шамана: Стихотворения. Поэмы /Сост., вступ. ст. и прим. В. Дементьева. М.: Художественная литература, 1990.

Сновидение шамана: Поэма / Вступ. ст. В. Окороковой; пер. А. Шапошниковой. Якутск: Кудук, 1999.

Научные труды / Подг. к печати Н. В. Емельянов, П. А. Слепцов. Якутск: Книжное издательство, 1979.

Материалы для изучения верований якутов. Якутск: Книжное издательство, 1923.

Якутские пословицы и поговорки / Предисл. и пер. авт. Якутск, 1925.

Якутские пословицы и поговорки, собранные А. Е. Кулаковским. Якутск: Книжное издательство, 1945.

Письма А. Е. Кулаковского / Подг. к печати Л. Р. Кулаковская, И. Е. Федосеев; предисл. П. А. Слепцова // Полярная звезда. 1989. № 2.

Якутской интеллигенции. М.: Арт-Флекс, 2002.

Полное собрание сочинений. В 9 т.: Т. 1. Поэтические произведения / Сост. Л. Р. Кулаковская. Новосибирск: Наука, 2009.

Литература о А. Е. Кулаковском

Алексеев Е., Канаев Н., Тобуроков Н. К некоторым вопросам биографии и творчества А. Е. Кулаковского // Полярная звезда. 1975. № 3.

Башарин Г. П. Три якутских реалиста-просветителя: Из истории общественной мысли дореволюционной Якутии. Якутск: Госиздат ЯАССР, 1944.

За правильное освещение истории якутской литературы: Якутск: Книжное издательство, 1954.

Кулаковская Л. Р. Научная биография А. Е. Кулаковского: личность поэта и его время. Новосибирск: Наука, 2008.

Кулаковский А. Е. и время: Сборник научных статей/ АН РС(Я). Под ред. В. Н. Иванова. М.: Институт гуманитарных исследований, 2003.

Кулаковский: Сборник докладов к 85-летию со дня рождения А. Е. Кулаковского / Ред. Г. П. Башарин; предисл. И. М. Романова. Якутск: Книжное издательство, 1964.

Новгородов С. Во имя просвещения родного народа. Якутск: Книжное издательство, 1991.

Саввинов Д. Д. Еще раз возвращаясь к Кулаковскому. Якутск: Бичик, 2007.

Саввинов Д. Д. А. Е. Кулаковский и судьба этноса. Якутск: Сайдам, 2008.

Сидоров О. Г. От Алексея Кулаковского до Николая Лугинова: штрихи к истории якутской культуры. Якутск: Бичик, 2009.

Солоухин В. Продолжение времени // Наш современник. 1982. № 1.

Чисхан Н. На земле Ючюгея: Повести и рассказы / Пер. с як. С. Виленского и др. М.:Современник, 1987.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Е. Николаев. «Быть там, где тяготит более...» Поэт, мыслитель, пророк народа саха 6

К. К. Ильковский. Память должна быть деятельной 8

Пролог 11

Часть первая

ЕКСЕКЮЛЯХ — СЫН ОРЛА

Глава первая. Под челюстями олонхосута 14
Глава вторая. На пороге переменчивого века 30
Глава третья. Алгыс — это благословение 42
Глава четвертая. Союзы и клубы якутов 67
Глава пятая. Первый псевдоним 84
Глава шестая. Сновидения на ленских берегах 104
Глава седьмая. Непереводимые слова судьбы 125

Часть вторая

ЕКСЕКЮЛЯХ — УЧИТЕЛЬ НАРОДА

Глава первая. Крест Кулаковского 152
Глава вторая. Якутское бездорожье революции 172
Глава третья. Учитель на Гражданской войне 192
Глава четвертая. Экзамен для учителя 212
Глава пятая. Война после войны 232
Глава шестая. Последняя поэма 252
Глава седьмая. Последняя дорога 268

Приложение. Алексей Кулаковский. Якутской интеллигенции 293
Основные даты жизни и деятельности А. Е. Кулаковского 329
Краткая библиография 334

Коняев Н. М.

К 64 Алексей Кулаковский/ Николай Коняев; науч. ред. А. И. Чомчоев. — М.: Молодая гвардия, 2011. — 335[1] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1341).

ISBN 978-5-235-03465-5

Выдающийся поэт, ученый, просветитель, историк, собиратель якутского фольклора и языка, человек, наделенный даром провидения, Алексей Елисеевич Кулаковский прожил короткую, но очень насыщенную жизнь. Ему приходилось блуждать по заполярной тундре, сплавляться по бурным рекам, прятаться от бандитов, пребывать с различными рисковыми поручениями новой власти в самой гуще Гражданской войны на Севере, терять родных и преданных друзей, учительствовать и воспитывать детей, которых у Алексея Елисеевича было много. И при этом самому вырасти в великого Поэта народа саха, дать миру нетленное пророческое Слово. Перед читателем — первая подробная биография Ексекюляха (сына Орла), написанная талантливым писателем Николаем Коняевым с глубоким знанием дела и проникновением в особенности национальной культуры и обычаев.

УДК 812.512.157.0(092)
ББК 83.3(2Рос=Як)6-8

Коняев Николай Михайлович
АЛЕКСЕЙ КУЛАКОВСКИЙ

Редактор **Л. А. Барыкина**
Художественный редактор **И. И. Суслов**
Технический редактор **В. В. Пилкова**
Корректоры **Е. В. Марченко, Г. В. Платова**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 26.04.2011. Подписано в печать 18.07.2011. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 17,64+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 11288

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: http://gvardiya.ru. E-mail:dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127055, Москва, Сущевская ул., 21

ISBN 978-5-235-03465-5